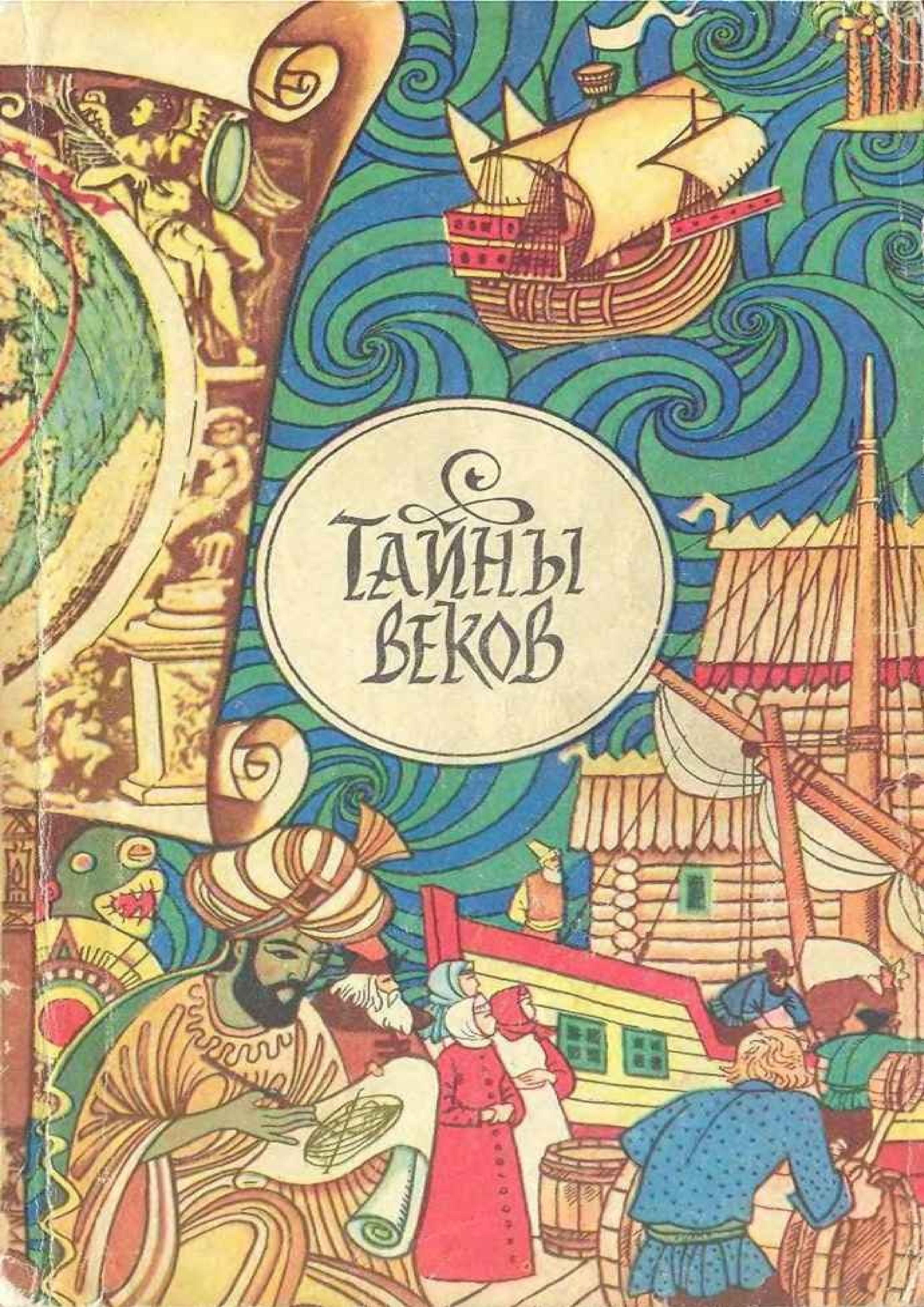
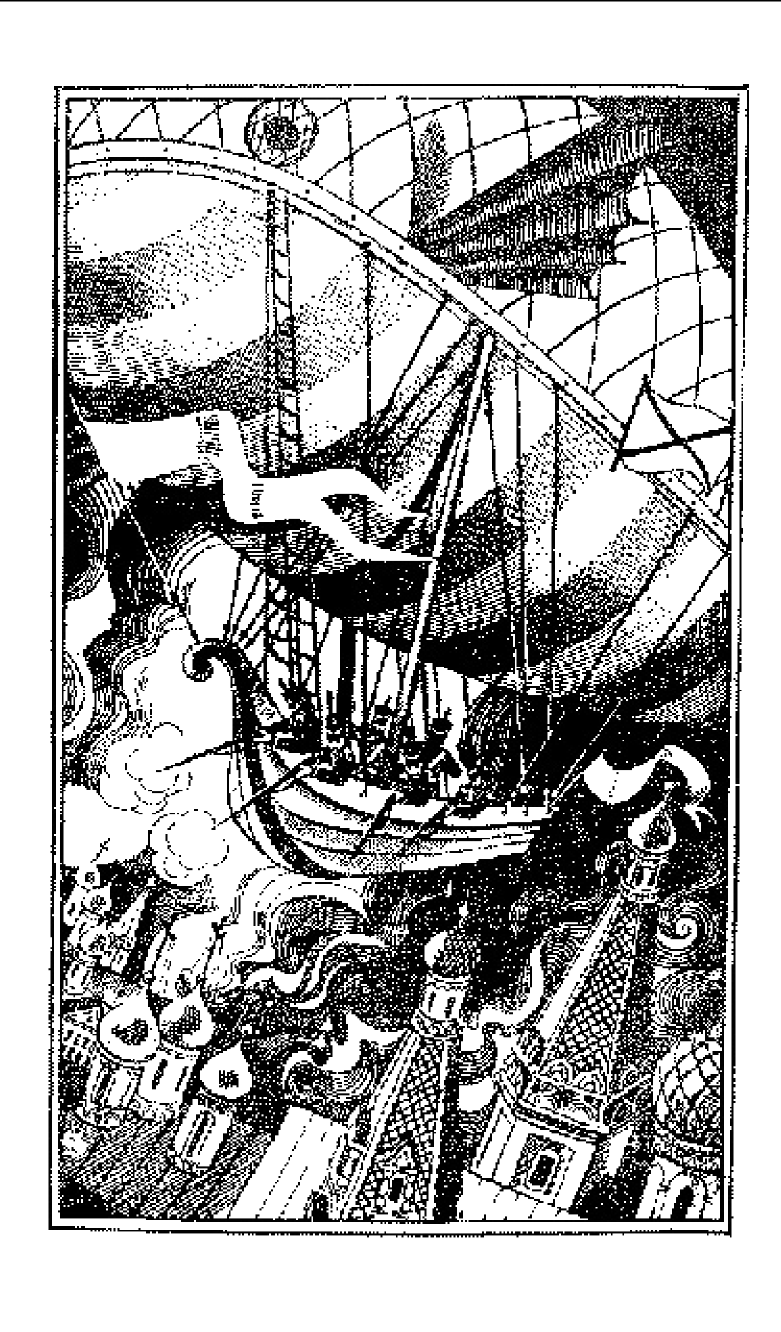

Тайны веков

Annotation

Загадочные исчезновения кораблей и необычайные, забытые ныне изобретения, тайны древних усыпальниц и попытки расшифровать сигналы из космоса — много странного, волнующего воображение сохранила история. Журнал «Техника — молодежи» из номера в номер публикует материалы об этом под рубрикой «Антология таинственных случаев». Наиболее интересные из них включены в сборник. Художник Р. Авотин



ТАЙНЫ
ВЕКОВ

РЕАЛЬНОСТЬ НЕВЕРОЯТНОГО

13-го числа каждого месяца я с особым волнением выхожу из дома и спускаюсь в метро. Для всех это обычный день. Для меня — день особенный. В этот день выходит очередной номер журнала «Техника — молодежи», который я редактирую вот уже 30 лет.

В этот день сотни пассажиров, сунув под мышку номер, еще не раскрытый дома, торопятся на работу. У них в запасе десяток минут пути, когда они могут открыть страницы журнала, любопытствуя, что нового принес он им сегодня.

Именно этот момент и волнует меня больше всего. С чего откроют читатели журнал, который они видят впервые и страницы которого известны мне во всех деталях — ведь для меня этот номер, над которым напряженно, несколько месяцев работала редакция, — явление прошедшее.

И вот здесь начинается маленькое коллективное чудо.

Торопливо листая журнальные страницы, читатели всех поколений — пионеры и пенсионеры, комсомольцы и зрелые ученые — распахивают журнал на разделе, который традиционно называется «Антология таинственных случаев».

Раздел существует на страницах журнала давно. Не первый год… И неотвратимо знакомство с очередным номером миллионы и миллионы наших читателей начинают с этой «стартовой площадки».

Знакомство со вторым разделом журнала также почти обязательно для каждого читателя. Этот раздел называется «Вокруг земного шара» и повествует сдержанно в сверхкоротких заметках обо всех новостях, происходящих в мире в области науки и техники.

Затаив дыхание, я ловлю глазами мелькающие страницы в руках нашего читателя, неотвратимо останавливающегося в первую очередь на этих двух разделах, чтобы потом уже спокойно и неторопливо прочитывать и рассматривать все, чем заполнены 64 полосы нашего издания.

Так повторяется каждый месяц, вот уже много лет, и неизвестно, долго ли еще продлится привычная заинтересованность жителей планеты Земля второй половины XX века.

Видимо, две силы руководят интересами людей. Одна — это голая, четкая, всеобъемлющая информация как источник конкретных знаний. И другая — романтика восприятия нашего удивительного и чудесного времени, так отличающегося от всего, что было когда-то на Земле.

Два величайших события характеризуют XX век. Это две революции, охватившие своим влиянием все страны и народы. Великая Октябрьская революция, происшедшая в начале века и принесшая колоссальные изменения в общественной и социальной жизни человечества. И вторая революция — научно-техническая, вызвавшая не меньшее изменение в материальной жизни людей. Сочетание этих начал, воздействие двух революций уже сказалось и еще долгое время будет

определять пути развития человечества, его культуры, цивилизации.

Иные скажут: Великая Октябрьская революция, разгром фашизма, ведшего человечество к вырождению, освобождение народов от колониального ига — это все ясно, это все видимо, это действительно великое достижение на пути к будущему. Но ведь научно-техническая революция касается всех слоев общества. Есть ли вообще таковая? Может быть, это естественно ускорившаяся эволюция развития культуры?

Один небольшой пример убедительно докажет, что это не так.

Вся история человеческой цивилизации, зримо охваченная глазами науки, распространяется приблизительно на 800 поколений, условно считая продолжительность одного поколения 60 лет. На этом бесконечно меняющемся потоке приходящих к жизни и уходящих в небытие людей происходили все величайшие открытия и изобретения, определившие развитие человеческой культуры.

600 поколений людей жили в пещерах, пользовались каменными орудиями и грелись у трепетного огня. Пусть это покажется почти невероятным, но менее 100 поколений из 800 пользуются письменностью.

Всего лишь 3—4 поколения применяют движущую силу пара, который создал новую эпоху в развитии человеческой цивилизации.

Два поколения людей освоили электричество как основу света, тепла и энергии, шагнув от первых опытов Гальвани с лягушиными лапками до строительства крупнейших гидроэлектростанций мощностью до 5 миллионов киловатт.

Лишь одно поколение людей (одно из 800) пожинает плоды радио и телевидения, авиации и автомобилизации планеты. Именно эти начала преобразовали характер нашей жизни, сделав планету крохотной, дав возможность людям стремительно перемещаться по ее поверхности почти вне зависимости от пространства и времени.

Наконец, всего лишь одна половина поколения человечества активно участвует в покорении космоса и в использовании атомной энергии для мирных нужд. К этой же группе может быть отнесен период бурного развития счетно-решающих машин, лазеров, генетики — отраслей науки и техники, активно вторгшихся в раскрепощение человеческого сознания, когда на смену машинам, облегчавшим физический труд, пришли помощники человеческого разума.

Как видите, все крупнейшие достижения, изменившие облик земли, изменившие труд человеческий и пути поиска его разума. легли на последние поколения из бесчисленной смены, охватившей весь зримый период нашей цивилизации. Влияние этих сил чрезвычайно велико. Последствия великой социальной революции будут еще многие годы влиять на преобразование жизни народов, развитие человеческой мысли в ее стремлении к прекрасному будущему.

А влияние научно-технических достижений на человеческую жизнь, ее материальную сферу продолжает распространяться на изменение характера, образа мышления сегодняшних поколений. Об этом процессе прекрасно высказалась

старейшая наша писательница, лауреат Ленинской премии Мариэтта Сергеевна Шагинян.

«Пришло время, когда силы, выходящие за пределы человеческого восприятия, ультразвук, который нельзя услышать, ультраскорость, которую нельзя себе представить, пришли на службу человеку. Новые научные открытия надвигаются на нас, на нашу психику, на систему наших чувств и мышление с огромной силой воздействия, и они, эти открытия, влияют не только на материальный мир, они перевоспитывают самого человека, меняют его характер, образ мышления, привычку, способ жизни».

Таким образом, первое, с чем сталкивается сегодня человек, получающий неиссякаемый поток информации из современного, беспредельно усложнившегося мира, — это необходимость коренной ломки того психологического барьера, который естественно возникает в силу старых традиций и представлений перед стремительным наступлением нового.

Социальная и материальная революции как бы включили человека в неугасимый поток непрерывно возрастающей информации, которую он воспринимает из окружающего мира. Через все каналы, развившиеся в годы научно-технической революции: радио, телевидение, возможность путешествий, кино, научно-техническая и популярная литература и т. п.

Ученые подсчитали, что великий Леонардо да Винчи за всю свою жизнь мог получить информации в 3 раза меньше, чем рядовой студент университета получает сегодня. И что интересно, основной поток этой информации вливается в человеческое сознание в раннем детском возрасте. До десятилетнего возраста ребенок приобретает 75 процентов всей информации, которую он получит за всю свою жизнь, включая учебу, работу и естественное стремление к познаниям.

Невольно встает вопрос: не будет ли человек раздавлен глыбами информации, которую он может получить по любым каналам? Всякая ли информация нужна? Может быть, должны наметиться какие-то пути восприятия самого главного и необходимого?

Все эти вопросы волнуют сегодня не только ученых, занятых анализом человеческих возможностей, но и писателей, являющихся «инженерами человеческих душ», которые следует подготовить к восприятию всей грандиозности происходящих в мире событий.

И вот здесь, на этом пути, возникает большое количество своих особенностей, значение которых, может быть, еще недостаточно оценено и понимается далеко не всеми. Целый ряд факторов, ранее, казалось бы, незаметных, выходит вперед и становится значительным в своем влиянии на душу человека. Человека нашего времени следует подготовить к восприятию реальности, казалось бы, самого невероятного. Нулшо подготовить человека к тому, чтобы он преодолел психологический барьер, веками сдерживавший сознание.

Приведу лишь один пример. Некоторые ученые обвиняют нас, писателей, пропагандирующих науку, в том, что мы, нарушая научные принципы, пишем о событиях невероятных, которые не могут быть.

Мой старый друг профессор А. И. Китайгородский не устает восклицать:

— Что вы там пишете? Этого не может быть потому, что этого вообще быть не может…

Что бы вы там ни говорили, а Иисус Христос не мог ходить по воде — потому что этого вообще быть не может!..

Опубликовав высказывание ученого на страницах журнала, мы получили в редакцию множество писем, в которых читатели высказывают свое мнение до поднятому вопросу.

Один молодой студент из Днепропетровска остроумно замечает:

— Глубокоуважаемый профессор ошибается. Если Христа поставить на водные лыжи и придать ему скорость 25 км/ч, господь бог будет запросто держаться на поверхности воды.

А если скорость увеличить до 60 км/ч, лыжи ему не понадобятся и Иисус будет скользить, не проваливаясь, на голых пятках. Сам пробовал… — заключает студент. — Видимо, профессор не учитывает достижений научно-технической революции.

Пусть эпизод смешной, но он очень убедительно говорит об утверждении реальности невероятного.

И второй значительный фактор — своеобразный активизатор восприятия информации — это романтика.

Романтика нерешенной проблемы… Извечная таинственность на пороге нового… Беспрестанный поиск в зоне, окрыленной романтикой неизвестного. Вот что встает сегодня почти обязательным началом в могучем потоке информации, проходящем через человеческое сознание. Потому-то и пользуется успехом журнальный раздел «Антология таинственных случаев». Она нужна, эта антология, потому что она зажигает человеческие сердца и в наш сухой, казалось бы, математизированный век заставляет эти сердца замирать перед неизведанностью прекрасного будущего. Романтику восприятия надо всячески поощрять, а не подавлять.

Однажды мне рассказали коротенькую историю, разыгравшуюся в школе. Рационально настроенная учительница воспитывала детей в духе сугубого реализма.

Волк не смог бы проглотить бабушку и Красную Шапочку — вещала учительница детям. Конек-Горбунок не мог летать по воздуху. И так далее и все в том же духе.

И когда на уроке биологии учительница пыталась рассказать об акулах, на задней парте вскочил мальчик и закричал:

— Акулов не бывает!

Так в ребенке убили романтику необычного, таинственного.

А ведь за этим примером скрывается очень многое.

Встает вопрос: какого типа информация при ее бесконечном изобилии должна поступать к ребенку, входящему в жизнь? Вероятно, в первую очередь необходима не голая констатация информации, а умение разобраться в общем потоке и выбрать то, что действительно необходимо. Сегодня, воспитывая молодежь, надо привить ей склонность к дискуссии, к личному участию в воспринимаемых событиях, которые передаются через информацию. И здесь главным активизатором восприятия должна быть романтика, обеспечивающая реальность восприятия положений, казалось бы, невероятных. Романтика дает своеобразный «эффект присутствия», что сегодня чрезвычайно важно. Этот эффект отсутствует при голой констатации факта, и он возникает тогда, когда восприятие сопровождается романтикой личного участия. И здесь таинственное, неразгаданное, удивительное является самым энергичным стимулятором восприятия.

Приведу несколько примеров. Сразу же после войны известный советский писатель-фантаст Александр Казанцев поведал миру одну из самых таинственных загадок — «Тунгусское диво».

— Это был не метеорит, упавший на землю в 1908 году в сибирской тайге, — говорил писатель. — Нет, это было неудачное приземление космического корабля инопланетников, решивших посетить нашу планету.

В те годы еще мало кто думал о реальности космических путешествий, Но таинственная история, рассказанная писателем, превратилась в подлинную школу мужества и героизма. На место падения Тунгусского метеорита отправились десятки самодеятельных молодежных экспедиций, пытавшихся раскрыть заветную тайну. Да что там самодеятельные группы!..

Главный конструктор космических кораблей Сергей Королев, как стало известно сегодня, был одним из организаторов вертолетной экспедиции в район Подкаменной Тунгуски. А вдруг найдется кусочек космического корабля инопланетников? Как бы он пригодился при конструировании советских ракет…

Тайна, романтика становится источником действий.

Однажды в «Литературной газете» я прочитал статью члена-корреспондента Академии наук СССР Юрия Денисюка, Ученый писал об истоках зарождения в его сознании весьма перспективного изобретения — голографии, за которое он был удостоен Ленинской премии.

«С дерзостью, свойственной молодости, — пишет ученый, — я решил придумать себе интересную тематику, взявшись за какую-то большую, стоящую на грани возможности оптики задачу. И тут в памяти всплыл полузабытый научно-фантастический рассказ Ивана Ефремова: производя раскопки, палеонтологи находят старинную плиту, над которой парит в воздухе огромный портрет пришельца из чужого мира, погибшего миллионы лет назад…

…Я не только не отрицаю своеобразное участие писателя-фантаста в моей работе, но подтверждаю его с удовольствием. Меня всегда поражала какая-то сверхъестественная способность художников слова предвидеть будущее столь образно».

Подобных примеров можно привести бесчисленное множество. Таинственные, еще не нашедшие своего объяснения случаи подымают человеческое сознание, особенно в среде молодежи, на штурм завоевания истины. Этот штурм требует мужества, порой героизма. Но для нас важно, что молодежь, вооруженная знаниями и окрыленная романтикой таинственности, может сама совершать чудеса, из которых впоследствии вырастает великая правда будущего.

Я знаю сегодня молодых энтузиастов, отдающих все свое свободное время поискам снежного человека. Несколько экспедиций, возглавляемых энтузиастами, избороздили удаленные от населенных пунктов долины Кабардино-Балкарии, где, по свидетельству многих стариков, живет Алмастын — дикий человек.

Я сам, затаив дыхание, ходил по берегам шотландского озера Лох-Несс с убежденностью, что, может быть, именно мне выпадет счастье увидеть знаменитое чудовище Несси, вот уже столетие задающее загадки человечеству. Миниатюрные подводные лодки, эхолоты, автоматические кино- и телекамеры, десятки экспедиций заняты в последние годы поисками чудовища. И с каждым годом все ближе и ближе подходят ученые к раскрытию одной из тайн природы, волнующей умы романтиков. Уже получены не очень внятные фотографии. Сонар записал форму крупных животных, передвигавшихся на значительной глубине. Кто знает, может быть, самые романтические предположения найдут здесь свое оправдание.

И наконец, загадка XX века — НЛО, неопознанный летающий объект. Можно сразу отказаться от его существования. Формула: этого не может быть, потому что этого вообще быть не может, применима здесь. Как говорится, отрубили возможность существования и перестали интересоваться…

Но мне кажется, такое отношение, к таинственным явлениям отмеченным многими наблюдателями, было бы небесспорным, а может быть, даже и ошибочным.

Хочется напомнить чудесные слова знаменитого английского фантаста Артура Кларка. Он говорит:

«Человечество вечно будет притягивать неизвестность вселенной. Пространство между мирами бросает нам вызов. И если мы не примем этого вызова, если перестанем думать о высотах, которых мы еще не достигли, человечество отступит на миллионы лет назад, к первоначальной дикости.

Исследования космоса — следующий шаг в земной эволюции. Шаг столь же важный, как и полмиллиарда лет назад, когда дикий человек впервые осознал, что он гомо сапиенс — человек разумный».

Вот почему космос стал для романтиков тем заповедным пространством, где они жаждут встречи не только с братьями по разуму, но и с разгадкой бесчисленного количества таинственных задач, которые ставит перед нами природа.

Предлагаемая вниманию читателей книга является в подлинном смысле антологией таинственных случаев. На протяжении многих лет на страницах нашего журнала печатаются, казалось бы, невероятные истории, свидетелями которых были люди, но еще до сих пор никто не мог дать бесспорное объяснение всем этим

таинственным случаям. И это, естественно, причудница природа не быстро раскрывает свои секреты, затейливая история погребла в своих глубинах неразрешенные загадки, и, наконец, мы сами, люди, — все ли мы знаем о себе и о своих скрытых возможностях.

Антология вобрала в себя наиболее интересное из различных областей жизни — из прошлого и настоящего, из сегодняшнего и будущего.

Мы излагаем факты, пытаемся их ассоциировать и в конце концов обращаемся к ученым и историкам с просьбой высказать свое мнение об изложенных событиях. И пусть дорогие читатели не удивятся, что в некоторых случаях объяснения взаимопротивоположны, а иногда даже взаимоисключающи. Это естественно… Если бы все было ясно, какая же здесь таинственность, где полет фантазии, где романтика поиска? Многое остается для работы фантазии самого читателя. А как же иначе? Ведь эта творческая работа и есть самое интересное, а может быть, и самое полезное для нашей молодежи.

Тайна греческого огня и судьба первого самолета Нестерова (о которых рассказывает один из пионеров «антологии», А. И. Иволгин — инженер столь же блестящий, как и писатель), связь космических катастроф с древними мифами и следы отважных русских мореходов, разбросанные чуть ли не по всему миру, — разве все это не заставляет молодежь рыться в архивах, отправляться в дальние экспедиции, задумываться о путях развития науки и техники!

Рассказ о неграх, проживающих на горных склонах Абхазии, не только заставит молодежь изучать историю, но позовет ее в горы, чтобы лично попытаться найти отзет на удивительную загадку.

И так без конца. Новые тайны порождают новые стремления. А новые стремления выводят молодежь па новые пути, соответствующие нашему времени и нашим задачам.

Что может быть прекраснее таких дорог! На них мы и приглашаем читателей этой книги.

ВАСИЛИЙ ЗАХАРЧЕНКО, главный редактор журнала «Техника — молодежи»

Л. ВЛАСОВ,
действительный член ВАГО, г. Рига

ОГНЕННАЯ СТЕЗЯ ФАЭТОНА

Мифы, лишенные хронологии

…Опрометчиво поклялся бог Солнца Гелиос своему сыну Фаэтону исполнить любую просьбу. Юноша пожелал одного — самому прокатить колесницу Солнца по небу! Оторопел отец: такое даже Зевсу не под силу. Стал отговаривать неразумного отрока: кони строптивы, небо полно ужасов — рога Тельца, лук Кентавра, Лев, Скорпион — каких только чудищ не встретишь на дороге! Но куда там!

Не справился самонадеянный Фаэтон с четверкой крылатых коней, и ужас объял его. Понеслась колесница, не разбирая дороги. От низко опустившегося Солнца пламя охватило Землю, гибнут города и целые племена, горят леса, кипят реки, пересыхают моря. В густом дыму Фаэтону и вовсе не разглядеть пути.

Взмолилась перед Зевсом великая богиня Гея — Земля. Смотри — Атлас едва удерживает тяжесть неба, дворцы богов могут рухнуть, погибнет все живое, и наступит первобытный Хаос.

Разбил Зевс своей могучей молнией шальную колесницу. Фаэтон с горящими кудрями пронесся подобно падающей звезде и рухнул в волны реки Эридана. В глубокой скорби Гелиос целый день не появлялся на небе, и лишь пожары освещали Землю. Плачущих сестер-гелиад боги обратили в тополя. Падают их слезы-смола в студеную воду Эридана и превращаются в прозрачный янтарь…

Прекрасен и поэтичен древнегреческий миф о трагедии, разыгравшейся на небесах. С ним перекликаются события скандинавского мифа о Рагнароке, или гибели богов.

…Война стихий охватила мир. Злой волк Фенрир пожрал Солнце, Луну затемнило другое чудовище, звезды падали и исчезали с неба, а Земля тряслась так, что можно было видеть волнующиеся горы. Дочь бога зла, помогая отцу, выпустила подземные воды, затопившие города. Боги и их противники погибли, но бог подземного огня Сутр успел ввергнуть Землю в море пламени, потушенного лишь водами потопа. Немного осталось в живых богов и людей. От них и произошло современное человечество…

Интересное толкование преданию о Фаэтоне дал две с половиной тысячи лет назад египетский жрец, сообщивший прародителю Платона — Солону о легендарной Атлантиде:

«Это рассказывается, конечно, в виде мифа, но под ним скрывается та истина, что светила, движущиеся в небе и кругом Земли, уклоняются с пути, и через долгие промежутки времени истребляется все находящееся на Земле посредством сильного огня».

Что подразумевали под «уклонением светил» египетские мудрецы? Должно быть, не только катастрофические падения колоссальных метеоритов, но и регулярное появление комет, а возможно, и вспышки сверхновых звезд.

Еще один миф.

С горечью понял искуснейший механик, скульптор и зодчий Афин Дедал, что его далеко превзойдет ученик и племянник Тал. Дедал вероломно убил гениального юношу и бежал к царю острова Крит Миносу. Здесь он выстроил для царя знаменитый замок Лабиринт. Спрятал туда Минос свое уродливое чадо Минотавра, у которого были тело человека и голова быка. Кормили Минотавра преступниками (не выбраться несчастным из Лабиринта). Раз в девять лет афиняне вынуждены были отправлять могущественному Миносу ужасную дань: семь юношей и семь девушек — все для того же монстра. Впоследствии убил Минотавра богатый Тесей и вышел из Лабиринта с помощью нити Ариадны.

Задумал Дедал сбежать от Миноса, да флот у того превосходный. Тут-то и смастерил он для себя и сына Икара крылья: «В небе не догонят!» Известно, непослушанием Икар уподобился Фаэтону и тоже низринулся в море. (Не ведали древние греки ни о космической стуже, ни о действительном расстоянии до Солнца…)

Великой хитростью вызнал Минос, что укрылся Дедал в Сицилии, и отправился за ним с целым войском. А что за радость сицилийскому царю лишиться великого искусника? Гостеприимно встретили Миноса во дворце, но, когда критский владыка блаженствовал в ванне после изнурительного похода, царевны вылили ему на голову котел кипящей воды.

Прекрасны мифы! Одна беда — хронологии нет, а боги жили «вечно», поди-ка разберись, какими действительными событиями порождены мифические сказания.

В самом начале XIX века началось открытие (не завершившееся по сей день) пояса астероидов между орбитами Марса и Юпитера. По расчетам астрономов, там полагалось быть одной землеподобной планете, а в действительности оказалась масса малых тел. В 1802 году Фридрих Ольберс высказал гипотезу, что планета (названная Фаэтоном!) на полагавшейся ей орбите действительно была, но какая-то сила разнесла ее на мелкие куски. По мнению одних советских исследователей, гипотеза Ольберса и сейчас выглядит весьма правдоподобной, хотя не в состоянии все досконально объяснить — уж очень «капризны» орбиты некоторых членов астероидного семейства. Другие специалисты считают, что гипотеза не подтвердилась.

Загадки острова Сааремаа

В 1827 году впервые было описано загадочное озеро Каали эстонского острова Сааремаа, ничуть не похожее на все остальные тамошние озера. О географической

загадке спорили ровно сто лет — решение в руки не давалось. В 1922 году И. Калкун в учебнике геологии впервые предположил, что озеро Каали — метеоритный кратер.

Через пять лет на озеро прибыл по служебному заданию (искать залежи соли) горный инженер Иван Александрович Рейнвальд. Сын таллинского мещанина и смоленской крестьянки, он родился в Петербурге, в 1907 году окончил Горный институт, откуда его четыре раза исключали за участие в студенческих «беспорядках». В 1921 году он принял эстонское гражданство и уехал в Таллин.

Соли на Каали инженер не нашел, зато разгадка вековой тайны озера стала увлечением всей его жизни. Он пришел к выводу, что озеро могло возникнуть только в результате взрыва метеорита. Десять долгих лет Рейнвальд искал и таки нашел вещественные доказательства: крохотные осколки небесного железа. Исследования эстонца заинтересовали всех метеоритоведов планеты. Рейнвальд показывал Каали знаменитому Альфреду Вегенеру, который в отличие от Рейнвальда посчитал метеорит не железным, а каменным; директору Нью-Йоркского планетария Фишеру; переписывался с известными учеными: американцем Найниджером, англичанином Спенсером. Зато правители буржуазной Эстонии окружили изыскания Ивана Александровича глухой стеной равнодушия. Летом 1940 года Эстония стала советской, и стена рухнула: Академия наук СССР сразу поддержала талантливого исследователя.

Кратеры Сааремаа, по-видимому, единственные в Европе, чье метеоритное происхождение бесспорно доказано. Все 8 кратеров (диаметром от 10 до 110 м) ничем не отличаются от некоторых аналогичных собратьев на других материках — в Америке (Аризона), в Австралии (Хенбэрн).

В малых кратерах собрано около одного килограмма метеоритного вещества: небольшие кусочки железа и метеоритная пыль. Каков же был небесный гость, оставивший на земле Прибалтики эти следы? Его масса оценивается в тысячу тонн, скорость (до входа в атмосферу) — 25 км/с, угол падения — 40°, направление падения — с востока на запад или с юго-юго-востока на северо-северо-запад. На высоте примерно 20 км началось дробление, скорость осколков снизилась до 15 км/с.

В 1938 году на юге Эстонии (заметьте: опять в Эстонии!) обнаружили два весьма своеобразных углубления. Их осматривал коллега Рейнвальда — доктор геологических наук А. Луха и предположил: здесь тоже упал метеорит. В 1957 году местный лесник нашел поблизости третью кратерообразную ложбину. Исследователи предполагают, что Илуметсаские кратеры порождены взрывом метеорита, падавшего с северо-запада.

Царь Минос и кратеры Каали

Английский географ Эджертон Сайке издает небольшой журнал «Новый мир старины». В 1966 году ученый рассказал своим читателям о связи кратеров Каали с мифом о Фаэтоне и рискнул предположить, что дата падения метеорита где-то

между 2000 и 1100 годами до н. э. По его мнению, эстонский метеорит мог быть относительно небольшим осколком громаднейшего метеорита, упавшего в Балтийское море и образовавшего Вислянскую и Куршскую косы изогнутой формы — они расположены между Гданьском и Клайпедой.

Э. Сайке ошибся в цифрах: эстонские ученые, прибегнув к радиоуглеродному методу, установили точную дату падения метеорита: 2600 лет назад. Узнав об этом, Э. Сайке в прошлом году откликнулся в своем журнале новой статьей с интригующим названием: «Метеоритные кратеры Каали устанавливают дату царя Миноса». Сообщаемые им факты настолько любопытны, что стоит их коротко пересказать.

В истории Древней Греции уточнение хронологии затруднительно, ибо нет стабильного эталона отсчета времени. Мифы недостаточно последовательны в изложении хода событий и вовсе не указывают, когда именно они произошли.

Теперь благодаря работам эстонского ученого А. Аалоэ точно установлено: возраст кратеров Сааремаа 2600 лет до н. э. плюс-минус 200 лет. Более ранняя дата (то есть 2800 лет до н. э.) предпочтительнее, поскольку она совпадает с другими событиями.

Дело в том, что около 2600 года до н. э. два египетских писца отметили значительное космическое явление. Это время — эпоха египетского монарха Пепи Второго, царствовавшего дольше кого-либо в истории. Он взошел на трон 6-летним мальчиком, а умер в возрасте 101 года. Последние 30 лет жизни пребывал в состоянии старческого маразма, но, не имея престолонаследника, не мог сложить с себя бремя правления. Страна оказалась административно неуправляемой, и 2600 год до н. э. отмечен как начало двухсотлетнего хаоса. В страну вторгаются враги с северо-востока (вероятно, древние арийцы) и с юга (негритянские племена). В довершение всего случилась крупная катастрофа. Вот как описывает ее Ипувер: «Бедствие по всей стране… Повсюду кровь… Почва вращается как гончарный круг… как будто Земля собирается исчезнуть от грохота и неистовства, и тогда буйство прекратится».

Аналогично свидетельство Неферохо: «Земля совершенно иссохла, и ничего не осталось… Солнце закрыто пеленой и не светит людям… Страна перевернулась вверх дном,., Солнце не отбрасывает тени… никто не знает, когда наступит полдень…»

К эстонскому метеориту могут иметь отношение два дальневосточных предания о какой-то крупной катастрофе. Около 2800 лет до н. э. китайская императрица Ну Куа Ша была вовлечена в реорганизацию страны после великого стихийного бедствия. Примерно в эти же годы японская жрица Солнца Ама Терасу записала, что в период ее полномочий солнце было долго скрыто от наблюдений.

Миф о Фаэтоне повествует, что неразумный сын Гелиоса превратил Ливию в сухую, выжженную страну. В ней известно сейчас три метеоритных кратера: Ауллоил (источник ливийских стеклянных тектитоз), Эль-Рихат и еще один, пока безымянный, открытый нефтепоисковиками три года назад. Возможно, они образовались приблизительно в одно и то же время. А что, если выяснится, что

здешний метеорит, подобно эстонскому, летел с востока на запад? Тогда можно пойти в предположениях еще дальше: а не был ли это один и тот же небесный колосс? Дробясь на куски, он несколько раз мог обогнуть земной шар и рухнуть в Балтийское море. И хотя на нынешних морских картах нигде в тех местах не обозначен гигантский кратер, отнюдь не исключено, что он будет открыт.

Итак, вполне возможно, что кратеры Сааремаа образовались во времена расцвета Минойской культуры — 2600 лет до н. э. Стало быть, следует внести поправки в историческую хронологию.

Вот одна из поправок: очевидно, культура Миноса и Парсифая, Дедала и Икара была современницей культуры Колхиды. Ведь, судя по мифам, именно здесь, в районе нынешнего Батуми, сестра Парсифая царица Медея помогла аргонавтам овладеть золотым руном. Это резко противоречит взглядам тех археологов, которые отрицают какую-либо возможность проникновения на Запад культуры с Ближнего Востока и проповедуют «мгновенную культуру», якобы расцветшую в негородских центрах Запада приблизительно на 700 лет раньше, чем в Средиземноморье.

«Ничего греческого, ничего римского…»

К статье Э. Сайкса можно кое-что добавить. В Грузии выявлены памятники жизни наших предков каменного века: раннего и позднего палеолита, неолита. В 5—4 тысячелетиях до н. э. здесь и е других районах Ближнего Востока распространяется высокоразвитая цивилизация. Как видно, археологи, о которых пишет Э. Сайке, в самом деле ошибаются, сомневаясь в возможности проникновения на Запад культуры Закавказья и Ближнего Востока через Древнюю Грецию.

Культура Крита, названная по имени мифического царя Миноса Минойской, была весьма высокой и во многом остается загадочной, как и история самого острова. Она существовала полторы тысячи лет, вплоть до 1150 года до н. э.

В 1900 году английская археологическая экспедиция под руководством Артура Эванса начала изыскания на Крите. Находки оказались изумительными. Такой культуры мир еще не знал. «Ничего греческого, ничего римского…» — писал руководитель экспедиции. Поражало совершенство изделий.

По словам Гомера, Гесиода, Геродота, Фукидида, остров Крит был прекрасной и богатой страной, а Минос — первым создателем флота, властителем морей, повелителем Кикладских островов, «наиболее царственным из всех смертных царей».

На Крит шло олово с далеких Пиренейских гор, из северных областей Европы — янтарь (вместе с информацией об этой окраине ойкумены).

В 1425 году до н. э. Кносс был разрушен, и начался почти трехсотлетний период упадка могущества Крита и гибели его культуры.

Вторая ошибка Сайкса

Читатель, должно быть, обратил внимание, что в своих интереснейших рассуждениях английский ученый дважды упомянул дату 2600 лет до н. э. На самом деле кратеры Каали образовались 2600 лет тому назад! Разница солидная — около двух тысячелетий. Не будем гадать, что ввело в заблуждение английского географа. Ясно одно: миф о Фаэтоне не имеет отношения к метеориту Каали, поскольку уже в VI веке до н. э. легенда считалась древним преданием. Угол падения метеорита оценен в 40°, так что если он и пролетел над Грецией, то на столь большой высоте, что земные наблюдатели видеть его там не могли. Однако вовсе не исключено, что прибавление о «янтарных слезах» гелиад могло быть сделано к одному из позднейших вариантов мифа и явилось отголоском падения какого-то крупного метеорита на севере Европы. Об этом событии греки могли узнать при поступлении очередной партии янтаря. Река Эридан Северной Европы пока точно не определена, ею могли быть Западная Двина (по-латышски Даугава), Неман, Висла и т. д.

Хотя Э. Сайке и ошибся в хронологии, его рассуждения могут оказаться справедливыми для другого космического явления — мы уже говорили, что Илуметсаские кратеры на юге Эстонии вдвое старше Каалинских — им 4500—8000 лет.

Кратеры-великаны

Вернемся к идее Сайкса о возможности метеоритного происхождения Вислянской и Куршской кос, к которым можно добавить вершину Рижского залива, его северо-западный мыс Колка, а возможно, и весь залив.

До сих пор Аризонский метеоритный кратер с диаметром 1200 м считался крупнейшим на Земле. В последнее время обнаружены намного большие кратеры — размером в сотни километров! Один из таких гигантов находится в Южной Африке. Расчеты показывают, что его должен был образовать сферический астероид массой 30 000 000 000 т! А вот еще три гиганта: на антарктической земле Уилкса, на дне заливов Св. Лаврентия и Гудзонова, с диаметрами соответственно 240, 290 и 440 км. В свете подобных масштабов стоит ли отвергать предположения, что Вислянская и Куршская косы могли быть порождены вторжением метеорита. Длина первой — 60 км, второй — 98 км. В них сконцентрированы колоссальные массы песка (2 млрд. $м^3$ в Куршской).

Десять лет назад был издан фундаментальный труд В. Зенковича «Основы учения о развитии морских берегов». Приведем оттуда лишь одну цитату:

«…Очевидно, что огромные массы песков современных дюн были выброшены со дна не при современном уровне, а постепенно подступали к берегу перед линией прибоя». Ученые отмечают, что имеются неопровержимые доказательства того, что примерно 4500— 5000 лет назад мыса Колка не существовало.

Столетие спорили о происхождении кратеров Сааремаа, сорок пять лет их изучают как метеоритные, а сколько еще загадок далекого прошлого связано с ними

и с их ближайшим соседом — Рижским заливом!

А. ГРЕЧИХИН,кандидат исторических наук
СЛЕЗЫ КАМЕННЫХ ВЕЛИКАНОВ

Мумиё: легенды и действительность

Из глубокой древности дошли до нас легенды о «живительном бальзаме», «эликсире жизни». Много названий у этого бальзама, но наиболее распространенное — *мумие*. В эпоху великого Авиценны (Ибн-Сина) — на рубеже I и II тысячелетий нашей эры — мумие широко применялось во врачебной практике как универсальное средство. В своем знаменитом «Каноне врачебной науки» Авиценна писал: «Мумие — горный воск. У горного воска та же сила и то же естество, что у зифта и твердых и жидких битумов, смешанных вместе, но только он приносит большую пользу. Обладает разрежающим и рассасывающим свойствами и действием. Горный воск в виде питья и втирания — прекрасное средство от болезней при вывихе и переломе, от падения и удара, при общем параличе лицевого нерва». Мумие, считает Авиценна, обостряет чувство, укрепляет желудок, облегчает дыхание и является наиболее универсальным средством.

Об эффективности мумие с поразительным единодушием свидетельствуют многие ученые и врачи древности, средневековья. Из народных легенд, научных трактатов слава о нем перекочевала в поэзию: мумие стало одним из «вечных» поэтических образов, мотивов, причем не только в восточной поэзии, но и в западноевропейской.

Человек, пока не попадет в беду,
Не узнает ценности своего друга,
Но сломанная кость руки человека
Всегда будет знать ценность мумие, —

писал один из арабских поэтов. В произведениях великого Шекспира мумие упоминается не раз. В «Виндзорских проказницах» на эту тему иронизирует Фальстаф: «Вода проглатывает человека, а что мне принимать, если меня проглотили? Мне надо принять гору мумие».

Со временем целебное вещество исчезает с медицинского горизонта. И вот в наши дни об эффективности мумие заговорила наука. Что это — сенсация, которая порою плод преувеличения? Бум скоро проходит как свидетельство раз и навсегда развеянного мифа. Но в случае с мумие мифы воскресают, ученый мир словно собирается с новыми мыслями и фактами…

Возрождение сенсации

В древние времена жил в Иране царь Фиридун, который стал первым

обладателем мумие. Легенда рассказывает, как один из военачальников царя однажды на охоте выследил джейрана и пустил в него стрелу, насквозь пронзив хребет. Вторая стрела попала в ногу животного. Но джейран не упал и стал убегать. Он достиг пещеры в скалистой горе и исчез в ней.

Каково же было удивление стрелков, вернувшихся через неделю на место неудачной охоты: джейран с торчащей в спине стрелой спокойно щипал траву возле пещеры, будто ничего с ним не случилось. Устроив облаву, охотники поймали животное. Снаружи и внутри раны они увидели какое-то черное воскообразное вещество. Его обнаружили и в пещере, собрали и преподнесли царю Фиридуну. Тот приказал мудрецам выяснить, какими свойствами вещество обладает.

И мудрецы доложили: черное жидковатое вещество просачивается из трещин скал. Его лижут животные и клюют птицы, и вот исцеляются их болезни, заживают пораненные места и переломленные кости. Царь тут же распорядился поставить у пещеры часового, а вход заложить большим камнем. Пещеру открывали один раз в год, чтобы снимать накопившееся мумие и после обработки отправлять в царскую сокровищницу.

Местность эта находится на севере Ирана и называется Дороб, отсюда иранское мумие—«мумие доробий». И сейчас в горах Дороба ежегодно добывается 600—1200 г этого целебного вещества.

В наши дни, когда мумие как лечебное средство, казалось, было предано забвению, установили, что это вещество распространено чуть ли не повсюду — даже в Антарктиде, откуда его привез советский геолог Г. Коновалов. Благодаря усилиям ташкентских врачей, и прежде всего доктора медицинских наук А. Шакирова, практика лечения людей с использованием мумие перешагнула стадию эксперимента. В нашей стране только в горах Средней Азии обнаружено более 60 месторождений мумие.

Итак, сенсации возрождаются. Но загадка происхождения мумие до сих пор окутана ореолом таинственности.

«Сохраняющее тело»

В VII веке арабы захватили Египет. При грабеже древних гробниц были найдены бальзамированные тела умерших. В веществе, «вечно сохраняющем тело» человека, узнали мумие.

Египетские мумии стали предметом большого бизнеса. Сначала мумие просто соскабливали с бальзамированных трупов и вывозили в другие страны, продавая по баснословным ценам под названием «мумия могильная». В XII веке арабский путешественник Абу аль-Латиф писал, что «мумию — смесь смолы и мирры» можно дешево купить только в Египте. Затем стали продавать и сами бальзамированные тела, Когда не хватало «настоящих» египетских мумий, прибегали к искусственному изготовлению их.

Врач короля Наварры — Гий де ля Фонтен — для наведения справок о мумие

совершил в 1564 году путешествие в Египет. В Александрии один из торговцев предложил ему 40 разновидностей мумие, приготовленных главным образом из тел мертвых рабов. Трупы обрабатывали битумом и высушивали на солнце, в результате тела становились похожими на египетские мумии. И здесь опять можно прибегнуть к свидетельству Шекспира. Вспомните: носовой платок Отелло, переданный им в качестве талисмана Дездемоне, был пропитан «влагой из сердец мумий». И уж совсем документально звучат строки из произведения «Птица в клетке» другого знаменитого английского поэта — Шелли: «Сделай мумие из моего тела и продай меня аптекарю».

Искусственное мумие готовили также из трупов животных, например, известно описание его приготовления из собаки. Естественно, такое шарлатанство сильно подрывало веру в эффективность подлинного мумие. Составитель авторитетной в свое время фармакопеи восточной медицины «Подарок правоверным» Мухаммед Мумин писал: «В древние времена было принято мумифицировать трупы, чтобы сохранить их от гниения на долгое время. Тело обрабатывалось мумие, медом, смолой, дегтем и другими веществами. После затвердевания тело хранили несколько веков. Невежественные люди принимали эти трупы за настоящее, мумие».

Знаменитый французский врач Амбруаз Парэ (1509—1580) запрещал употребление мумие в больших дозах на том основании, что никто толком не знает, что это такое. Во всяком случае, аналогия мумие с мумиями постепенно была изжита, и теперь этим термином называют лишь лекарственное средство.

Ученые — на перепутье

Как в известной народной сказке, в случае с мумие ученые остановились у «камня преткновения»: куда идти? Как объяснить происхождение мумие? По современным представлениям, существует мумие минеральное, животное, растительное, нефтяное. Каждое из них обладает специфическими свойствами, но всех их отличает эффективное врачующее действие.

Доктор медицинских наук А. Шакиров, прежде чем широко использовать мумие в своей врачебной деятельности, тщательно изучил многочисленные труды ученых Востока, провел немало лабораторных исследований и экспериментов. Он обследовал десятки месторождений мумие в горах Средней Азии. По мнению Шакирова, мумие — минерал горных пород. Его издавна добывали в глубоких пещерах, гротах на высоте до 3000 м, недоступных для проникновения животных и птиц, неблагоприятных для растительности, даже для лишайников, которые многие специалисты считают источником мумие. Шакиров описывает мумие как твердое образование с разнообразной окраской — от желто-коричневой до черной, с блестящей, словно отполированной, поверхностью. Вкус горький. При нагревании и понижении температуры воздуха размягчается. Растворяется в воде, бензоле, ацетоне, хлороформе, метиловом и этиловом спиртах.

Вот как выглядит одно из месторождений мумие в горной пещере, куда Шакиров с трудом проник вместе с охотником Хаитовым. При свете свечи были

видны темно-коричневые натеки на сводах и боковых стенах, густое вещество сочилось прямо из камней и застывало на них. В другом месторождении, в пещере на вершине горы Кичкина Камульсай, в Киргизии, мумие стекало и капало с известняковых сводов, подобно стеарину со свечи. Весь потолок был усеян конусообразными сосульками темного цвета длиною около 2 см. Чувствовался специфический запах мумие. Сочившееся вещество светло-коричневого цвета по мере застывания темнело до черного. Собственно, процесс образования мумие многолетний, многовековой: окаменевшее мумие черного цвета считается самым лучшим.

О том, что в образовании мумие принимают участие экскременты различных животных, поедавших растения, или это продукт выделения дикой медоносной пчелы, писали исследователи Древнего Востока. Так, в «Минералогии» Виру ни отмечается: «…пчелы запечатывают свой мед и детву воском и покрывают запечатанное место чем-то очень черным, с острым запахом, похожим на воск, и это одно из сильнейших лекарств от ушибов и ран; оно дорогое и редкое и называется по-персидски мумийа». В самом деле, по наблюдениям пчеловодов, пчелы весной и ранним летом приносят цветочный мед, летом — с запахом конфетных эссенций, осенью — с запахом навоза. По-видимому, черная пленка, отмеченная Бируни, представляет собой экстракт навозной жижи.

Тот же Бируни указывает на мумие, образующееся как результат брожения на солнце и переработки бактериями помета диких и домашних животных, — получается экстракт, богатый естественными биостимуляторами (мочевиной, мочевой кислотой, солями). В течение длительного времени он густеет и засыхает на стенках.

В одном из комментариев к лечебнику древних индийских и тибетских медиков «Джуд-Ши» нашли сообщение о том, что в горах, изобилующих редкими металлами, водится особого рода мышь, из помета которой образуется мумие. В труднодоступных скалах отыскали теперь так называемое забайкальское мумие — бракшун. Последний представляет собой бесформенный нарост, часто с потеками, темно-бурой смолистой массы. Находят куски от 50 г до 15 кг. С помощью радиево-карбонового метода установили, что средний возраст бракшуна 50—75 лет. Считается, что забайкальское мумие — это результат воздействия бактерий на экскременты белок-летяг: там, где находили бракшун, были либо остатки гнезда белок, либо белки.

А недавно норвежскому ученому Т. Виснесу удалось доказать, что антарктическое мумие обязано своим происхождением снежным буревестникам. Он наблюдал за гнездовьем этих крупных птиц на Земле Королевы Мод. Потревоженная им птица в целях самозащиты отрыгнула какой-то липкий комок розового цвета с довольно специфическим запахом. Ученый нашел на скалах близ гнезд значительные количества таких полуокаменевших выделений слюнных желез буревестников. За десятилетия в результате каких-то сложных внутренних реакций эти выделения постепенно превращаются в антарктическое мумие.

Поистине, сколько людей, столько и мнений. По данным геолога С. Попенко, мумие — кристаллы сока тутовника или арчи. В результате наблюдений за

несколькими деревьями установлено, что каждое из них выделяет не менее литра природного сока в сутки.

И что только не делали ученые с мумие, пытаясь вывести его на «чистую воду». Плавили — частично плавится при температуре 200°, неплавящаяся часть не изменяется и при нагревании до 300°. Разлагали с помощью кислот — получался какой-то нефтеподобный продукт. Но нефть и сама загадка. Многие современные ученые прямо считают нефть первопричиной мумие и его врачующего действия. Но и собственно нефть, и продукты ее естественного разложения тоже издавна считаются лечебным средством.

Во всех нефтяных и природных асфальтах в различных соотношениях и количествах, как и у мумие, насчитывается до 25—27 различных элементов. Авиценна отмечал, что у мумие — горного воска — то же естество, что у зифта, кафра и кира, то есть у твердых и жидких битумов, асфальтов. В своем «Каноне» наряду с мумие он упоминает и «битум иудейский» (кафраль йахуду — асфальт, добываемый из Мертво-го моря), смолу зифт — разновидность природного асфальта кира. Вплоть до XVIII века всякий природный асфальт считали лекарством. В 1721 году французский врач Эйрини д’Эйринис даже опубликовал в Парилсе диссертацию о «чудотворном бальзаме» — асфальте, добываемом в Швейцарии. А первый русский экономист Иван Посошков с гордостью сообщал в своей знаменитой «Книге о скудности и богатстве», вышедшей в свет в 1724 году, о сысканной им на берегах Волги «лекарственной материи, нарицаемой гум сфалтум» (то есть смола асфальтовая).

Во времена раннего средневековья слово «мумие» было одним из названий природного асфальта и других твердых битуминозных ископаемых. Этим же словом назвали бальзамированные останки человека — «мумия», что в переводе с арабского означает «асфальт». От арабов через византийских писателей это слово вошло во всеобщее употребление.

Итак, мумие — это настоящий клад микроэлементов. Но для происхождения, для эффективности его «жизненной силы» важно другое: мумие — это своеобразный природный сплав из минеральных, животных и растительных веществ. Может быть, здесь кроется причина столь разноречивой трактовки загадки мумие вот уже на протяжении тысячелетий?!

На службе здоровья

Вооруженные современной техникой, в десятках лабораторий ученые колдуют над различными образцами мумие. Перед ними проходит целая цепочка — афганское, тибетское, индийское, бирманское, непальское, монгольское, арабское мумие и наши среднеазиатские — зеравшанское, чаткальское, ошское и другие. Оказалось, все разновидности мумие имеют сходный качественный химический состав, а отличаются лишь количественными соотношениями отдельных составных частей.

А, Шакиров считает, что присутствие окиси кальция, фосфора, калия, а также

стронция и бериллия объясняет причину усиленной регенерации при лечении костных переломов. «Строительный материал» для восстановления костей имеется в самом мумие.

Другой советский исследователь, Д. Шакиров (однофамилец А. Шакирова}, установил, что мумие губительно для микробов, на которых не действует даже пенициллин. В этом случае сроки заживления гнойных инфицированных ран у животных сокращаются в 1,5 раза. Правда, противомикробная активность различна у разных образцов мумие.

Естественно, возникает вопрос: где добыть мумие и как удостовериться в его подлинности? И пока ученые спорят, может быть, опять стоит обратиться к практике древних. Практически это выглядело так. Берут горячую печень только что зарезанного ягненка, режут ее лучиной бамбука или камыша и это место смазывают мумие. Если мумие настоящее, разрезанные части печени тотчас же слипнутся.

Как видим, для лечения требуются незначительные количества мумие. По мнению А. Шакирова, понадобится всего 2 т мумие в год, чтобы обеспечить потребности в нем всех медицинских учреждений нашей страны. А месторождений у нас достаточно — Средняя Азия, Сибирь, Алтай и т. д.

Загадка мумие требует поиска во всех направлениях. И поиск продолжается…

В. ГЛАДИЛИН

биолог

ГИПОТЕЗА НАХОДИТ ПОДДЕРЖКУ

Я хочу поделиться впечатлениями о находках мумие в горах и рассказать о предварительных результатах, полученных нашей группой горных туристов Ждановского районного клуба Москвы.

Со встреч с энтузиастами поиска мумие — Н. Воробьевым и его дочерью Ануш, автором одной из гипотез биологического происхождения мумие, с их увлекательных рассказов и началось наше путешествие в удивительный и таинственный мир.

На высоте около трех тысяч метров, в горных расщелинах и гротах, встречаются то капли густой темно-коричневой массы, то похожие на гриб образования, то потеки какого-то вещества с острым характерным запахом. Это к есть мумие. Обычно его находили как близ старых, заброшенных, так и обитаемых колоний пищух. Отсюда и гипотеза о биологическом происхождении мумие как экскрементах некоторого вида пищух. В рацион питания пищух входят растения, издавна считающиеся целебными (арча, можжевельник и т. п.). Видимо, под действием бактерий на экскременты пищухи при брожении на солнце и получается экстракт, содержащий большое количество микроэлементов (до 20) и богатый

естественными биостимулянтами.

С большими трудностями Я. Воробьев и Ануш нашли образцы мумие разного возраста. Мы попытались сопоставить их свойства.

Итак, в нашем распоряжении образцы, найденные в следующих местах Памира: Фанских горах (Памиро-Алай), Гисеарском хребте, Байсунтау, районе Айни (верховье Зеравшана), а также в Туркмении и Афганистане. Все они, за исключением последнего, — случайные находки. По внешнему виду почти одинаковы. В основном это вещество - темно-коричневого цвета различных оттенков, твердое на ощупь. Все образцы, кроме фанских, имелись в малых количествах (1 г), и невозможно было произвести их тщательную очистку.

Образцы содержат небольшое количество собственно мумие (черно-коричневое смолообразное вещество). Но основная масса — остатки различных растений и выделений грызунов. Возможно, в естественных условиях иногда происходит растворение смолообразного вещества в воде, а затем, при испарении, остается очищенное мумие.

Образцы — сухие и погруженные в воду — исследовали под микроскопом. Отчетливо наблюдались растительные волокна, мелкие, не растворимые в воде неорганические примеси. В щелочи и кислотах мумие почти не растворялось, а только в тяжелой воде и трифторуксусной кислоте.

С помощью метода протонного магнитного резонанса (ПМР) В. Андронов провел анализ различных образцов, растворимых в тяжелой воде. Спектры фанских, гиссарских и афганских образцов довольно сходны. Сходство ПМР-спектров может быть использовано для идентификации неизвестных образцов, анализа влияния различных обработок (например, в процессе очистки) на свойства мумие.

Продолжительный нагрев при температуре 80° несколько изменяет спектры, что вызвано, по-видимому, гидролизом исходных продуктов. Это следует учитывать при выборе способа очистки мумие. Кипячение может изменить биологическую активность лекарства.

Присутствие гиппуровой кислоты или ее солей (гиппуровая кислота — продукт биологического происхождения, выделяется вместе с мочой животных) — важное свидетельство в пользу биологического происхождения мумие.

Имеет смысл проверка полученных предварительных результатов с целью окончательного решения вопроса о биологическом происхождении мумие высокогорных районов Таджикистана. Если действительно мумие является продуктом жизнедеятельности пищух или других грызунов, то возможно поиск сделать более активным, а также ставить вопрос об организации получения мумие в контролируемых условиях.

Необходимо комплексное исследование проблемы, изучение жизнедеятельности пищух, анализ изменения свойств продуктов выделения в естественных условиях высокогорных районов. А определение биологической активности различных химических соединений, составляющих природные образцы мумие, позволило бы выделить наиболее активные компоненты и сделать более

эффективными препараты, лекарства.

В. *ХРУСТАЛЕВ, этнограф*

НА ПУТИ К РАЗГАДКЕ

Высоко в горах плачут каменные великаны. Их слезы, затвердевая, образуют бальзам — лекарство от всех болезней и недугов человеческих. Редко кто находит эти слезы, но нашедший их становится самым здоровым и сильным человеком.

Подобные рассказы, кочующие из века в век, известны многим народам. Что же это за таинственное вещество? В Бирме его называют «чао-туи» — кровь горы, в Монголии и Тибете — «барагшун» — сок скалы, а у нас в Сибири — «каменное масло».

И вот мы на пути к одному из месторождений каменного масла. Пришлось преодолеть перевал в 3000 м, прежде чем мы вошли в ущелье с отвесными скалами, на них четко вырисовывались щели с желто-зелеными натеками. Это и было каменное масло.

Вблизи натеки очень разнообразны по своим цветовым оттенкам: от темно-зеленого до белого. В основном очень тонкие — их буквально приходится соскабливать ножом. Пробуем натеки на вкус. После такой многочасовой «дегустации» весь рот, казалось, обожжен. Зато в последующие два дня мы испытывали зверский аппетит и невероятную бодрость.

Интересно, что дикие животные лижут это вещество. Его лекарственные свойства известны давно. О популярности средства в народе свидетельствует российский академик Иоганн Гмелин. В своей книге «Путешествие через Сибирь в 1733—1743 годах» он отмечал: «Простой люд вывозит каменное масло на далекое расстояние, так как простонародье очень верит в него и не хочет пользоваться никаким другим лекарством». Тибетские ламы заготовляли его и использовали для лечения желудочных заболеваний.

О каменном масле — «бальсаме» — знал М. Ломоносов и многие другие ученые. Правда, они не обнаруживали единодушия в вопросе о природе этого вещества: одни считали, что оно — «квасцовая руда», другие указывали на его гумусовый характер, третьи относили к продуктам жизнедеятельности насекомых и даже пресмыкающихся.

Заинтересовавшись сибирским каменным маслом, советские ученые С. Миронов, М. Соколова, Л. Никитина в 1956—1957 годах организовали экспедиции, побывали в Минусинской котловине и на берегах Енисея. По их мнению, сибирское каменное масло представляет собой озокеритоподобные битумы и генетически связано с парафинистыми нефтями. В далекие геологические эпохи, считают ученые, глубинная нефть вошла в соприкосновение с воздухом и постепенно в результате окисления и выветривания превратилась в парафинистые битумы, а затем

— в озокеритоподобные битумы. Это и есть каменное масло.

Но ведь и Авиценна говорит о мумие как о «горном воске». По старинной терминологии, озокерит — одна из разновидностей горного воска. Еще иные из ученых Древнего Востока считали, что мумие — результат испарений, поднимающихся из недр земли по трещинам в горных скалах.

И все же до сих пор нет единодушного мнения, какой из продуктов поверхностного разложения нефти породил мумие. А этих продуктов ни много ни мало 20—30 соединений: асфальтенов, альгоритов и других. Ленинградский геолог Н. Бескровный относит каменное масло к альгоритам. По . его наблюдениям, в обрывистых обнажениях юрских известняков Туркмении можно встретить еще одну разновидность мумие — мумногах. По характеру образования и цвету мумногах аналогичен каменному маслу Забайкалья. Но в таких же тектонических трещинах встречаются корочки блестящего и матового цвета. Кроме того, в Туркмении найдено смолообразное красно-коричневое вещество. По народным преданиям, это кровь легендарного батыра, которая все еще сочится по скалам. Вещество считается одной из разновидностей мумие и называется кимиё.

Казалось бы, ниточка найдена: и мумие, и каменное масло в конечном итоге — продукты нефти. Может быть, остается только потянуть за эту нить?

Ф. ЗИГЕЛЬ, доцент МАИ
БЫЛ ЛИ МАНЕВР НАД ТУНГУСКОЙ?

Летом 1959 года в районе эпицентра Тунгусской катастрофы появились первые молодежные самодеятельные экспедиции. Тогда возможность ядерного взрыва над сибирской тайгой казалась почти исключенной. И все-таки стремление проверить ядерную гипотезу было для молодых исследователей одним из главных мотивов. Постепенно оформились две поисковые группы. Одна, руководимая А. Золотовым, из Научно-исследовательского института геофизических методов разведки (филиал в городе Октябрьском). В другой объединились сибиряки, жители Томска и Новосибирска (руководители Г. Плеханов и Н. Васильев). Со временем из второй группы выросла общественная проблемная лаборатория по изучению космического вещества на территории Сибири и Дальнего Востока.

Теперь уместно подвести итоги десятилетней работы. Твердо *установлено*, что причиной Тунгусской катастрофы было *космическое тело, взорвавшееся в воздухе на высоте около 10 км*,подобно 10-мегатонной водородной бомбе. *Какой тип ядерного превращения был причиной взрыва*и что представляло собой Тунгусское тело? О выводах, к которым пришли исследователи, и рассказывает публикуемая подборка материалов.

Спор о двух траекториях

По всем материалам, известным до 1964 года, Тунгусское тело двигалось по весьма наклонной траектории почти точно с юга на север (южный вариант). Но изучение зоны поваленных деревьев привело А. Золотова, а за ним и других исследователей к иному выводу: проекция траектории на земную поверхность совпадает с осью симметрии вывала леса и направлена, грубо говоря, с востока на запад (восточный вариант).

Самые убедительные обоснования южного варианта привел профессор И. Астапович. Он опирался на визуальные наблюдения летящего тела, свидетельства очевидцев о звуках и электрических явлениях, сопровождавших полет, а также на данные о гиперсейсмах (сотрясениях почвы). Из каждого класса явлений выводилась траектория, причем ее конечным пунктом считался эпицентр катастрофы. Все независимые расчеты хорошо согласовались между собой. По совокупности сведений выходило, что азимут южного варианта траектории вряд ли превышал 10° к западу от меридиана. Этот результат отлично согласуется с ранними заключениями А. Вознесенского и Л. Кулика, полученными по «свежим следам» катастрофы 1908 года.

Для уяснения физических процессов, вызвавших взрыв Тунгусского тела, очень важно знать угол наклона траектории к плоскости горизонта. Сделать это можно разными способами.

Свечение тела наблюдали в Малышевке, примерно в 800 км от эпицентра. На

высоте более 100—150 км светиться оно не могло. Поэтому, считая высоту взрыва равной 10 км, И. А. Астапович получил для угла наклона траектории к горизонту величину 7—10° (будем обозначать этот угол буквой i). В группе селений по Ангаре были отмечены первые баллистические волны, которые обычно возникают, когда метеорит снижается до 50—80 км. Принимая верхний предел, получаем i ~ 7°.

В Илимске (460 км от эпицентра) Н. Полюжинский слышал звуки, порожденные Тунгусским телом. Оки могут дойти с высоты не более 80 км. Отсюда находим i ~ 9°. В Канске (620 км от эпицентра) наблюдения были и акустическими и визуальными. Первые дают для i величину 7°, вторые — 9°. По самым разным выводам угол наклона южной траектории к горизонту невелик и вряд ли превышал 10°.

Пока общее представление о том, как был повален лес, еще не вполне прояснилось, южную траекторию считали наиболее вероятной. Но за последние годы тщательно изучили и описали каждый гектар местности, где произошла катастрофа. Расположение стволов на земле связано с действием взрывной и баллистической волн. Анализ зоны для направления оси ее симметрии: ось совпадает с азимутом траектории полета. Но теперь это уже не 10” к западу от меридиана, а 115° к востоку от него. К тому же неожиданно узнали, что Тунгусское тело наблюдали далеко к востоку от эпицентра. Обработка этих новых свидетельских показаний дает тот *же*азимут траектории — 115°. Удалось оценить и угол наклона восточной траектории к плоскости горизонта. Тело пронеслось над Преображенской (350 км к востоку от эпицентра), отсюда получаем 1 ~ 16°. Если учесть, что люди видели свечение днем, то эта величина даже завышена.

Восточнее эпицентра многие слышали шум пролетавшего тела. Например, в селе Непа (410 км от эпицентра) С. Зарукин «сперва услышал звук, а потом увидел огненный сноп, который опускался совсем прямо и скрылся за горизонтом». Отсюда 1 ~ 10°. В Преображенке И. Воложин видел, как по небу «прошла полоса дыма, в которой проблескивал огонь». Считая, что этот пылевой след образовался на высоте 60 км, находим 1 ~ 8°.

Для других восточных пунктов результаты получаются аналогичные, и общий вывод ясен: наклон восточной траектории, как и южной, не превышал 10°.

Можно ли принять один вариант и отказаться от другого? Допустим, была только восточная траектория. Тогда придется отвергнуть многие, самые ранние и надежные, свидетельства южных наблюдателей. Принимая только южную траекторию, мы ликвидируй ем не только показания новых свидетелей, но и достоверные данные об азимуте, полученные в результате изучения поваленных стволов.

И. Зоткин и М. Цикулин провели недавно серию опытов, моделирующих полет и взрыв Тунгусского тела. Эти опыты вряд ли доказательны, и вот почему. Некоторое сходство в контурах поврежденной лесной зоны получается при угле наклона, близком к 30°. Между тем и для южной и для восточной траекторий этот угол, как мы видели, не превышал 10°. Если взрывному шнуру, который служил моделью Тунгусского тела, придать наклон именно 10°, сходства с

действительностью не получается. Но даже для наклона 30° эксперимент дает похожий контур, но не такую, как на самом деле, ориентацию деревьев.

И все-таки обе эти надежно определенные траектории, южная и восточная, не исключают одна другую. По-видимому, Тунгусское тело двигалось по обеим траекториям и где-то сманеврировало. Мы снова опираемся на показания свидетелей. До Кежмы тело перемещалось по южной траектории, а затем, перелетев в район Преображенки, перешло на восточную. Ни в Вановаре, ни в других местах между эпицентром и Кежмой полета никто не заметил — видели только заключительный взрыв.

Некоторые факты наводят на мысль, что Тунгусское тело маневрировало не только по азимуту, но и по высоте, двигаясь не с монотонно убывающей, а со сложно меняющейся скоростью. Такой маневр естественный объект проделать, разумеется, не может. Поэтому, если гипотеза о переходе с одной траектории на другую подтверждается, она станет решающим аргументом в пользу искусственной природы Тунгусского феномена.

Наблюдения, размышления, выводы

«Версия о якобы имевшем место ядерном взрыве, а следовательно, о каком-то прилетевшем космическом корабле или комете, состоящей из антиматерии, по-прежнему находит себе место на страницах научно-популярных изданий и вызывает положительные отклики за рубежом со стороны некоторых исследователей.

Предположение о том, что Тунгусское тело состоит из антиматерии, было высказано сначала Ла-Пазом (1941 г.), а затем Бонди (1958 г.) на заседании Британского астрономического общества и в самое последнее время Либби и другими, В отношении Тунгусского падения эти высказывания указывают просто на недостаточную осведомленность авторов.

Однако Б. П. Константинов, А. М. Бредов, А. И. Беляевский и И. А. Соколов, предположив на основании некоторых соображений возможность антивещественной природы микрометеоритов, высказали также идею о том, что кометы вообще и связанные с ними метеоритные потоки представляют собою антивещество. Изучение Тунгусского явления, которое по всем данным представляло встречу кометы с Землей, совершенно опровергает это довольно одностороннее заключение».

Академик В. Г. ФЕСЕНКОВ, «Метеоритика», вып. 28. М., изд-во «Наука», 1968

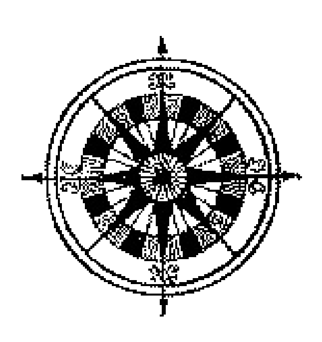
«В лаборатории радиоактивных методов Вол го-Уральского филиала ВНИИ геофизики в течение 1959—1965 годов проведено послойное исследование более 100 срезов тунгусских деревьев, по 7, 10 и 15 слоев из каждого среза дерева — всего более 1000 образцов зоны. Результаты этих измерений показывают, что большинство образцов тунгусских деревьев, переживших катастрофу, имеет повышенное

значение радиоактивности слоев древесины непосредственно после 1908 года. В наружных 10—15 слоях древесины наблюдается второй скачок радиоактивности, который объясняется радиоактивными осадками последних лет. Показано, что увеличение радиоактивности в слоях древесины после 1908 года обусловлено содержанием искусственных радиоактивных изотопов элементов.

Проводилось также исследование спектра гамма-излучения золы образцов тунгусских деревьев на многоканальном спектрометре. В слоях после 1908 года обнаруживается радиоактивный изотоп цезий-137.

Таким образом, радиоактивная аномалия образцов тунгусских деревьев — повышенная радиоактивность слоев древесины после 1908 года — существует; эффект мал, но существует».

А. В. 30ЛОТОВ, из статьи в сборнике «Проблема Тунгусского метеорита вып. 2. Томск, 1907



ЗЛАТКА СТАМАТОВА, (Болгария)
ВЕСТЬ ИЗ СОЗВЕЗДИЯ ЛЬВА

…Однажды в редакцию «Орбиты» пришло письмо, где было сказано буквально следующее:

«Наша цивилизация находится в планетной системе звезды Дзета (созвездие Льва). Наша звезда двойная. Вокруг одной вращаются три планеты, вокруг другой — две.

Звездолет, посланный нами, находится на орбите возле вашего естественного спутника — на расстоянии 85 тысяч километров от него.

Прилагаем его изображение и координаты».

Письмо было подписано астрономом-любителем *Илией Илиевым*,руководителем коллектива, якобы расшифровавшего послание инопланетян.

Понимая, что все могло оказаться заурядной мистификацией, редакция сочла нужным послать своего корреспондента по адресу, указанному в письме. И не прогадала. При всей спорности гипотезы, которая будет изложена ниже, возможно, в ней есть зерно истины. Итак…

В октябре 1928 года был проведен интересный эксперимент для изучения распространения радиоволн. Голландец Ван дер Поль, сотрудник фирмы «Филипс», находясь в городе Эндховене, посылал каждые 20 с импульсы с длиной волны 31,4 м, которые К. Штермер должен был принять в Осло. Но отраженные серии сигналов возвращались не через 20 с, а через совершенно произвольные промежутки времени. Несколько месяцев спустя Ван дер Поль опубликовал эти новые серии в английском журнале «Нейчур». Вот они:

Первая: 15, 9, 4, 13, 8, 12, 10, 9, 5, 8, 7, 6.

Вторая: 8, 11, 15, 8, 13, 8, 8, 8, 12, 15, 13, 8, 8.

Третья: 12, 14, 14, 12, 8.

Четвертая: 12, 5, 8.

Пятая: 12, 8, 14, 14, 15, 12, 7, 5, 5, 13, 8, 8, 8, 13, 9, 10, 7, 14, 6, 9, 5, 9.

Скачала предполагалось, что сигналы отражаются от какого-то неизвестного космического тела. Однако вычисления показали, что скорость этого загадочного объекта должна быть фантастической.

Всемирно известный ученый Никола Тесла первым предположил, что своеобразное запаздывание сигналов вызвано деятельностью инопланетной цивилизации. Естественно, этому талантливому, но весьма эксцентричному физику - никто не поверил. В 1960 году к гипотезе Теслы вернулся профессор Р. Брейсуэлл из Стэнфордского университета (США). Он предположил, что когда-то (вероятно, тысячи лет назад) некая инопланетная цивилизация отправила кибернетические

радиозонды ко всем звездным системам, где можно было бы обнаружить жизнь. Эти автоматические звездные странники должны были, уловив чуждые радиосигналы, посылать информацию на свою планету. Одновременно они изменяют промежутки между импульсами, возвращаемыми на Землю, и эти изменения таковы, что содержат кодированное сообщение для нас. Но как и почему? Загадка оставалась загадкой.

В 1972 году шотландец Дункан Леннан предложил способ для прочтения сигналов. Не вдаваясь в подробности, скажем, что его решение «задачи инопланетян» очень оригинально и целиком относится к геометрии. По его мнению, наши разумные собраты живут на шестой планете звезды Эпсилон в созвездии Волопаса, в 104 световых годах от нас; солнце у них двойное, а радиозонд обращается по орбите вокруг Луны. Последнее предположение совпало с выводами и аргументами профессора Рональда Брейсуэлла.

Почти в то же время болгарский архитектор Станислав Стойков предложил еще одно — графическое решение. Он получил изображение космического радиозонда и космонавта в скафандре. Но всякий, кто детально ознакомится с выкладками Стойкова, поймет, что инопланетные жители или их разумные роботы вряд ли послали бы нам задачу столь сложную и запутанную. Как нам кажется, для первых попыток космической связи всего важнее простота, наглядность и логичность.

Решение загадки (конечно, если это действительно сигналы, несущие информацию) нужно строить на каких-то прочных логических принципах. Чем более развита цивилизация, тем больше она стремится к простоте и наглядности при общении с братьями по разуму. Не исключено, что они посылают нам зрительные образы; возможно и то, что сообщения носят чисто геометрический характер, позволяющий передать нам все необходимые сведения: координаты, эталоны измерения, интервалы.

Решение, найденное коллективом энтузиастов под руководством Илии Илиева, еще нельзя назвать решением. Это скорее попытка найти новый подход к задаче, наметить путь, по которому наша мысль должна идти к разгадке тайны Штермеровых сигналов.

Итак, имея перед собой задачу, напишем слово «решение» и установим два принципа. Первый — рассматривать каждую серию цифр отдельно. Второй — последовательно разбивать их на пары и считать эти пары координатами точек в прямоугольной системе координат Декарта.

Первая строка

Мы сразу получаем созвездие Льва (см. рис.), но без звезды Дзета, для которой дана только абсцисса. Либо Штермер не смог принять последнего интервала, либо это просто знак «внимание». Созвездие изображено не совсем точно, но не надо забывать, что запаздывание измерялось **тольрсо**в целых секундах, отсюда и погрешности.

Естественное возражение скептика: «Откуда они, инопланетяне, знают, как выглядит созвездие Льва с Земли?» Представим себе, что зонд-автомат прилетел и вращается вокруг Луны. Он обращен к своей «родине», «видит» ее и записывает виденное в памяти. Возможно ли такое? Вполне.

Если из числа 20 (действительные промежутки между сигналами) вычитать числа первой строки, то получатся новые 7 точек. Нанесенные на систему координат, они дают изображение, напоминающее своими аэродинамическими формами летательный аппарат (см. рис.). А может быть, это попросту наш новый знакомец — радиозонд?

Вторая строка

Итак, Дзета Льва (из координат «радиозонда» можно обратным путем получить и ординату этой звезды). Логично предположить, что вторая строка должна рассказывать о «семействе» Дзеты. Разбив числа на пары, замечаем, что четвертая и

седьмая точки имеют одинаковые координаты (8, 8). Не есть ли это указание на двойную звезду? (К такому же выводу пришел и Леннан.)

Третья строка

Точки определяют угол АОВ. Можно предположить, что в этой строке зашифровано графическое сообщение о положении радиозонда. Если точка 0 — это Земля, а точка 8 — Луна, то не является ли точка А их летящим посланцем? Можно даже определить расстояние ВА, приблизительно равное 80 тыс. км (см. рис.). Не там ли обращается вестник чужого разума?

Четвертая строка

Отрезок ОС указывает нам направление. Куда? Что оно означает, почему эта линия касательна к «орбите» предполагаемого тела, почему С и А лежат на одной абсциссе?

Пятая строка

Самая длинная и самая загадочная. А что, если это тоже какой-то графический образ? Тогда поступим так же, как и с первой строкой. И тогда опять-таки получим контуры летательного снаряда — на сей раз трапецеидальной формы. Может ли это быть изображением корабля-матки, вращающегося вокруг Луны и посылающего свои зонды с исследовательскими целями?

Илия Илиев и его коллектив — всего лишь астрономы-любители. Их скромные знания и возможности исчерпаны, теперь слово за специалистами: радиоастрономами, математиками, физиками. Не будем поднимать пустой шум, попусту бить в колокола. Достаточно, чтобы читатель уяснил главное: нужно смело вступать на территорию любых идей, кажущихся даже «безумными», хотя бы для того, чтобы найти в них зерно истины.

Мы должны быть готовы к возможному контакту с инопланетными цивилизациями. И должны оказаться с ними на равных.

Перевод с болгарского

Ф. ЗИГЕЛЬ.НЕ ТАК ВСЕ ПРОСТО

Молодые болгарские любители астрономии предложили свою интерпретацию загадочного радиоэха, получившего восемь лет назад наименование «парадокса

Штермера». Известный шведский геофизик К. Штер-мер в 1927—1929 годах действительно наблюдал странные отражения радиосигналов, посылаемых мощной (по тому времени) коротковолновой станцией в Эндховене (Голландия). Промежутки времени между посылкой радиосигнала и получением эха оказались различными — от 4 до 30 с. Если истолковывать радиоэхо как результат отражения радиоволн от каких-то естественных внеземных объектов, то получается, что эти объекты находятся от Земли на расстояниях, измеряемых сотнями тысяч и миллионами километров. Характерно, что интервалы времени между посылкой сигналов и получением эха были разными на протяжении даже одной серии опытов. Предположение о единственном отражателе отпадает — легко видеть, что в этом случае скорость его перемещения превосходит световую. Гипотеза о многих разноудаленных отражателях также вряд ли соответствует действительности — нам неизвестны естественные космические тела, принадлежащие к солнечной системе, которые бы могли играть роль таких отражателей. Сам Штермер, открыв загадочные факты, не нашел им правдоподобных объяснений. В связи с этим гипотеза Р. Брейсуэлла об искусственном зонде или зондах, засланных в нашу солнечную систему разумными обитателями других планетных, систем, безусловно, заслуживает серьезного обсуждения.

Прежде всего надо заметить, что интерпретация «парадокса Штермера» с позиций гипотезы Брейсуэлла неоднозначна. Существует множество вариантов объяснения загадочного радиоэха, предположение, легшее в основу статьи «Весть из созвездия Льва», — лишь одно из многих. К сожалению, нет критерия, позволяющего выбрать из предложенных решений лучшее. Все они базируются на совершенно произвольных гипотезах, которые сами нуждаются в доказательствах. Так, например, И. Илиев полагает, что интервалы между приемом радиоэха надо сочетать попарно и рассматривать эти пары как Декартовы координаты точки на плоскости. Но ведь Штермер принимал эхо только во время своих наблюдений, беспорядочно разбросанных по времени. Если бы можно было учесть эхо, не фиксированное Штермером (скажем, в то время, когда он спал), то на чертеже получилось бы нечто совсем не похожее ни на одно созвездие.

Да и сходство с созвездием Льва грубо приближенное. На изображении нет звезды Дзета Льва. Стало быть, зонд прибыл с планетной системы именно этой звезды? Ничуть. Ведь на изображении нет и многих. других, достаточно ярких звезд того же Льва — почему бы не предположить, что и оттуда к Земле посланы зонды? Вся эта методика сильно напоминает известный анекдот об открытии неандертальцами беспроволочного телеграфа (на основании того, что в их жилищах археологами не было найдено проволоки).

Болгарские любители астрономии совершают ошибку, ставя вопрос: «Откуда они знают, как выглядит их созвездие от нас?» Общеизвестно, что созвездие — видимая на земном небе и условно выделенная совокупность звезд, вовсе не образующих физическую систему тел. Как же можно говорить о «их» созвездии?

Столь же произвольны предположения, что вторая строка рассказывает о «семействе» звезды, откуда послан зонд, а третья о положении этого зонда. А почему не наоборот? Все рассуждения ведутся по методу «а что, если», и тем не

менее фантазии авторов все-таки не хватило на то, чтобы как-то истолковать четвертую и. пятую строки.

Очень хорошо, что Илия Илиев и его коллеги не хотят сенсации и предлагают смело вступить на территорию «безумных» идей хотя бы для того, чтобы найти в них зерно истины. Но, увы, беда как раз в том, что решения, предложенные энтузиастами звездных контактов, недостаточно «безумны», чтобы быть верными. На них лежит печать антропоморфизма — этой главной слабости в любых рассуждениях об инопланетном разуме. Похож ли этот разум на наш, имеют ли его обладатели внешнее сходство с нами? К сожалению, современная наука не в состоянии дать определенный ответ ни на этот вопрос, ни на другие, связанные с внеземными цивилизациями.

Возможно, что в некоторых планетных системах эволюция планетных биосфер пошла по земному образцу. Если там, как и у нас, действовал принцип конвергенции, то разумные существа получились внешне похожими на людей. Но, учитывая ничем не ограниченную творческую изобретательность природы, можно думать, что земной образ органической эволюции далеко не универсален. Скорее в подавляющем большинстве случаев инопланетяне мало похожи на нас и внутренне и внешне. К этому выводу, пожалуй, приводит нас и то обстоятельство, что до сих пор попытки «заговорить» с животными, заведомо обладающими зачатками разума, не увенчались успехом. А ведь мы — обитатели одной планеты, ветви одного древа органической эволюции!

Лет десять назад в Советском Союзе доктором физико-математических наук Н. С. Кардашевым и другими были разработаны предварительные критерии искусственности космических радиосигналов. Позже выяснилось, что под эти критерии подходит радиоизлучение множества загадочных объектов — квазаров, пульсаров, так называемых «источников мистериума». Означает ли это, что открыты внеземные цивилизации, что космос густо населен, или просто предложенные критерии искусственности оказались слишком слабыми и под них попали объекты вполне естественной природы? Большинство астрономов склоняется к последнему объяснению.

Ныне в проблеме внеземных цивилизаций принят при изучении космических радиосигналов принцип «презумпции естественности». Смысл его в том, что поначалу всякий вновь открытый загадочный источник космического радиоизлучения считается естественным (каким бы удивительным он ни был!), и лишь затем ищут (если «естественные» объяснения не годятся) доказательства искусственности.

С другой стороны, гипотеза об инопланетных зондах, засланных в солнечную систему, вовсе не должна отвергаться с порога. Мы не знаем ни количества внеземных цивилизаций, ни тем более уровня их технического развития. При такой неопределенной ситуации все возможно, и космос может таить в себе величайшие для нас неожиданности. В качестве примера упомянем гипотезу Н. С. Кардашева об «особых точках» в нашей вселенной, которые открывают проход в иные пространственно-временные миры. Роль таких «проходов» могли бы выполнять, например, знаменитые «черные дыры». Может быть, в «тех» мирах есть разумные

обитатели, проникающие и в нашу вселенную, а некоторые из них интересуются и нами?

Не спешите сказать ни да, ни нет. Проблема внеземного разума несравнимо сложнее, чем это казалось десяток лет назад. И если сейчас мы воздерживаемся от категорических выводов, то это означает, что мы, земляне, просто повзрослели, отошли от примитивного антропоморфизма и начинаем наконец по-настоящему понимать, как сложна та проблема, решить которую предстоит земному разуму.

В. ЩЕРБАКОВ,*кандидат технических наук*

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПАРАДОКС

«Парадокс Штермера» привлекал и привлекает внимание специалистов: делаются все новые попытки объяснить его вмешательством «маленьких зеленых человечков» — обитателей иной звездной системы. Вот почему особое внимание должно быть обращено на более естественное объяснение явления. А если это не удастся, тогда можно привлечь и гипотезу о «зеленых человечках».

Когда в самом начале века удалось впервые передать радиограмму через Атлантику, нашлись скептики, утверждавшие, что это простая случайность, что регулярная передача радиоволн вдоль поверхности Земли невозможна. Что ж, для этого были основания: ведь многие физики того времени считали, что свет и радиоволны должны обладать абсолютно идентичными свойствами. Истина стала раскрываться позднее. Всего через шесть месяцев после успешного сеанса радиосвязи через Атлантический океан Оливер Хэвисайд высказал свою точку зрения на строение атмосферы: «Возможно существование хорошо проводящего слоя в верхней атмосфере. Если это так, то радиоволны будут задерживаться им в большей или меньшей степени. Тогда будет происходить отражение с одной стороны — от моря, с другой — от верхних слоев атмосферы».

Таким образом, получалось, что длинные волны могли огибать поверхность земного шара из-за дифракции, а более короткие — из-за отражения от слоя Хэвисайда. Существование такого слоя было доказано прямыми экспериментами Эплтона и Барнета в 1925 году. Отражение происходило примерно на высоте 100 километров. Исследователи наблюдали интерференционные максимумы и минимумы (биения) прямой и отраженной волн. Помимо слоя Хэвисайда, были открыты и другие «горизонты» ионосферы: оказалось, что она похожа на слоеный пирог, причем степень ионизации зависела от солнечной активности, Интенсивность солнечного света постоянна, однако в ультрафиолетовой области спектра Солнца является звездной переменной. Именно ультрафиолетовые лучи «ответственны» за состояние ионосферных слоев.

Подобные факты могут служить основой для объяснения результатов К. Штермера. Во всяком случае, пренебречь ими не представляется возможным.

Короткие волны, которые как раз и использовались в опытах К. Штермера,

имеют наибольшее значение для связи на огромных расстояниях, сравнимых с размерами земного шара. Они сравнительно слабо поглощаются ионосферными слоями, зато отражаются достаточно хорошо, одним, а иногда и двумя слоями. (Нелишним будет упомянуть и о замираниях коротковолновых сигналов, которые раньше объясняли неисправностями приемника. Американский физик Деллинджер сопоставил позднее их с солнечными вспышками — именно в них-то и была скрыта причина. Замирания возникают только днем, в пределах освещенного полушария, в иной день их можно насчитать до пяти-десяти. При продолжительности в несколько минут и даже в несколько десятков минут они довольно часто «делают погоду» на линиях радиосвязи,)

Теперь пора, пожалуй, рассказать подробнее об опытах Карла Фредерика Штермера, члена Норвежской академии наук и литературы в Осло, иностранного члена Парижской академии наук и Лондонского королевского общества, почетного члена Академии наук СССР (с 1934 года). Исследования К. Штермера снискали заслуженное уважение своей глубиной и оригинальностью. Этот замечательный норвежский ученый разработал стройную теорию полярных сияний, предложил методы расчета траекторий заряженных частиц в магнитном поле Земли, которые обогатили не только науку о Земле, но и физику и математику.

Однажды (это случилось в декабре 1927 года) сосед К. Штермера, инженер и радиолюбитель Иорген Халльс рассказал ученому о мощном эхе, свидетелем которого ему довелось быть. По его словам, через несколько секунд после сигналов коротковолновой станции в Эндховене (Голландия) слышались сильные отголоски. «Как только я узнал об этом замечательном явлении, — писал позднее К. Штермер, — мне пришла мысль, что волны беспроволочного телеграфа могли быть отражены теми токами и поверхностями электронов, на которые мысль моя была направлена в годы с 1904-го по 1907-й при теоретическом исследовании северных сияний».

В декабре 1927 года К. Штермер договорился с Эндховеном о сеансах радиопередачи. Первые опыты начались в январе. Прием вели две станции: в Форнебо и Бигде. Обе станции располагались близ Осло. Станция в Бигде — это станция уже знакомого нам инженера Халльса. Радиопередатчик в Эндховене посылал сигналы через каждые пять секунд. Оки регистрировались с помощью осциллографа. Очень ясно фиксировались импульсы Эндховена. Тогда же было обнаружено и несколько других сигналов, «которые могли вызываться атмосферными пертурбациями или же эхом». Во время опытов Иорген Халльс часто звонил по телефону К. Штермеру, чтобы сообщить о своих наблюдениях. Он слышал гораздо больше запаздывающих сигналов, чем отмечала станция в Форнебо. Это, по всей видимости, объясняется тем, что у него был очень чувствительный радиоприемник (Халльс вел прием сигналов на громкоговоритель).

Летом того же года состоялась встреча К. Штермера с Ван дер Полем, работавшим в Эндховене. Они договорились посылать стандартные телеграфные посылки (три импульса, три тире). Период повторения таких тройных посылок составлял 20 секунд. От осциллографа решено было отказаться (немаловажную роль в этом решении сыграл успешный опыт Халльса).

11 октября в 15 часов 30 минут К. Штермер услышал отчетливое эхо. Через

несколько минут позвонил Халльс, и Штермер немедленно направился к нему. Громкоговоритель Халльса отчетливо воспроизводил эхо»

«Как правило, каждый сигнал давал один отголосок, а иногда даже несколько, — писал К. Штермер в своей книге «Проблема полярных сияний». — Обычно отголосок, подобно сигналу, также имел три тире, иногда, однако, они сливались, случалось также, что отголосок затягивался в более длительный звук, чем сигнал. Высота звука была та же, что и сигнала».

Именно здесь, в квартире Халльса в Бигде, ученый записал промежутки времени между сигналами и отголосками: это и были те самые серии К. Штермера, которые впоследствии неоднократно публиковались в самых разных газетах и журналах. А вот свидетельство ученого: «Отмеченные мной периоды времени не имеют притязания на точность, поскольку я не был достаточно подготовлен, но они дают, по крайней мере, качественное представление о данном явлении. По словам Халльса, он до моего прихода наблюдал несколько отголосков через 3 секунды».

В этих свидетельствах норвежского ученого особенно важными представляются упоминания о «размывании» сигналов (следствие их долгого путешествия в ионизированной среде) и о приеме Халльсом других отголосков, не зарегистрированных К. Штермером (знаменитые серии К. Штермера, оказывается, неполны).

Еще одно важное обстоятельство, неоднократно отмеченное К. Штермером, — разная сила отголосков. Некоторые едва просматривались на осциллографической ленте и были заметно слабее при воспроизведении громкоговорителем.

Вывод, который нельзя не сделать, обдумывая результаты опытов К. Штермера, состоит вот в чем: разной задержке сигналов соответствовала разная их сила и разная степень «размытия». Этого не было бы, если бы сигналы посылались из одной точки пространства, например, с борта гипотетического летательного аппарата или зонда (хотя последний случай и требует некоторых оговорок относительно скорости и направления его предполагаемого движения).

25 октября К. Штермер зарегистрировал несколько сигналов с очень большой задержкой (до 25 секунд). Затем эхо исчезло. Но уже в феврале 1929 года оно снова наблюдалось. В мае французские исследователи Галле и Талон зарегистрировали около 2000 отголосков, причем задержка достигала 30 секунд. Они также слышали слабые и сильные сигналы. Результаты их наблюдений опубликованы: это довольно сложная таблица, в которой нельзя уловить какую-либо закономерность в распределении сильных и слабых импульсов.

К. Штермер объяснил результаты опытов, исходя из своей теории движения заряженных корпускул в магнитном поле Земли. Это, вообще говоря, не то же самое, что объяснять эхо отражением от ионосферы.

В 1947 году были впервые зарегистрированы отражения радиоволн от полярных сияний. Но появление сполохов как раз и связано с потоками солнечных корпускул. И это позволяет оценить всю глубину взглядов, высказанных норвежским ученым в самом начале 30-х годов. Уже в конце 1928 года, опираясь на разработанную им теорию движения заряженных частиц, он предсказал, что эхо, по

всей вероятности, будет отсутствовать до середины февраля. Так оно и получилось. Прогноз блестяще оправдался.

В заметке, опубликованной в журнале «Нейчур» 5 января 1929 года, К. Штермер приводит расчеты, относящиеся к интенсивности корпускулярных потоков от Солнца, и показывает, что «с конца октября и до середины февраля высота светила над горизонтом не-достаточна для образования ливней частиц. Эхо возникает лишь при наличии некоторых благоприятных условий». Какие же это условия?

«Математическая теория показывает, что эти благоприятные условия наступают в том случае, когда корпускулы исходят от Солнца, стоящего вблизи магнитной экваториальной плоскости». В своих работах ученый показал, что, попадая в магнитное поле Земли, частицы могут попасть в такую зону пространства, которую им покинуть уже не удастся. Они концентрируются в большом торе, охватывающем земной шар. Стенки тора служат своеобразным зеркалом для радиоволн, и не просто зеркалом, а концентратором, собирающим их и посылающим в немногих направлениях. Именно поэтому радиоволны могут путешествовать по естественному волноводу долгое время, и после многократных отражений К. Штермеру удавалось принять их на Земле.

Интересно вспомнить первые шаги науки о движении солнечных корпускул и вызываемых этим движением полярных сияниях (и, как видим, некоторых других эффектах и явлениях).

В 1716 году Галлей публикует в «Философских трудах Королевского общества» гипотезу, объясняющую «небесные видения» движением вдоль магнитных силовых линий Земли некоторой субстанции, которую он именует «магнетическими парами». До него считали, что сияния сродни свечению паров серы, исходящих из земных недр. Насколько объяснение Галлея обогнало свое время (особенно если заменить «магнетические пары» современным термином «электрические разряды»), видно хотя бы из заглавия одной любопытной брошюры, опубликованной одновременно с докладом Галлея. Эта брошюра, принадлежащая перу некоего Морфью, называлась так: «Очерк, касающийся последнего видения в небесах шестого марта. Доказательство математическими, логическими и моральными аргументами, что оно не могло быть вызвано просто обычным ходом явлений природы, а с необходимостью должно быть чудом. Смиренно предлагается на рассмотрение Королевского общества».

Много позже наука смогла объяснить зависимость частоты и силы полярных сияний от солнечной активности. Подсчет полярных сияний за последние 200 лет позволил открыть солнечные циклы разной продолжительности, включая одиннадцатилетний. Поток солнечных корпускул, связанный со вспышками и пятнами, также цикличен. 1928 год был как раз годом повышенной солнечной активности, точнее — годом максимума активности нашего светила. Достаточно сказать, что солнечных пятен было зарегистрировано в 13 раз больше, чем в 1923 году.

К. Штермер открыл, что самые высокие «детали» сияний — это освещенные

солнцем (из-за большой высоты) лучи. Они простираются вверх за пределы земной тени, до тысячекилометрового рубежа.

Потоки частиц от Солнца воздействуют на ионосферу. В качестве примера, иллюстрирующего это воздействие, можно упомянуть о снижении «электронного зеркала» одного из слоев ионосферы на 10—15 километров, которое было обнаружено Р. Брейсуэллом.

Общая картина происходящего во время солнечных вспышек и несколько позже (корпускулы достигают Земли с опозданием) может быть очень сложной. Однако заниматься ее подробным анализом имело бы смысл в том случае, если не нашлось бы более простого и естественного объяснения, данного самим Штермером.

Итак, появление «загадочного эха» не всегда может вызвать удивление у радиоспециалистов, знакомых с причудами распространения радиоволн. Трудно усмотреть в этом явлении, обследованном К. Штермером, парадокс. Совсем наоборот, если принять в качестве рабочей гипотезы допущение о космическом зонде, о «зеленых человечках», то придется изрядно поломать голову над объяснением «размытия», искажения и изменения силы сигналов.

Конечно, сказанное вовсе не означает, что автор этих строк отрицает всякую возможность межзвездного контакта с помощью зондов, посылаемых в отдаленные миры разумными существами.

В. РОДИКОВ,кандидат технических наук
РАДИОЛОКАЦИОННЫЕ ПРИЗРАКИ — МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Их заметили уже давно. Они ставили в тупик конструкторов радаров, беспокоили и заставляли ошибаться дежурных операторов. Ошибки происходили из-за появляющихся на экранах радаров отметок от неизвестных, неопознанных целей. Порой эти отметки были похожи на сигналы, отраженные от самолетов, а иногда засвечивали экран в виде ярких колец.

Иногда призраки вызывали настоящую панику. В июле 1952 года заголовки американских газет сообщали, что над Вашингтоном появилась армада «летающих тарелок», зафиксированных радарами. Вашингтонское небо с ревом прочесывали реактивные истребители. Однако они ничего не обнаружили. Несколько летчиков сообщили, что видели быстро удаляющиеся световые точки.

Радиостанция города Индианаполиса обратилась к «тарелкам» со специальной радиопередачей, в которой заверяла их обитателей в своем полном дружеском расположении, гарантировала им полную свободу и пригласила их приземлиться на одном из аэродромов штата.

…Шла вторая мировая война. Однажды на экране радиолокатора одного из крейсеров в Средиземном море показалась цель, находящаяся в пределах досягаемости его орудий. На запрос о принадлежности ответ получен не был. Капрган крейсера приказал открыть огонь по неопознанному кораблю. Артиллеристы были уверены, что цель поражена. Но она продолжала присутствовать на экране. На крейсере ожидали ответного удара, но его не последовало. Цель по-прежнему оставалась неподвижной, а запас снарядов на крейсере был исчерпан. Любопытство пересилило осторожность, и крейсер пошел на сближение. Перед наблюдателями простирался бескрайний морской простор. И в тот момент, когда крейсер оказался точно на том месте, где должен был быть таинственный «летучий голландец», отметка на экране радара вдруг исчезла.

В 1844 году американские подводные лодки вели боевые операции в японских водах. При выборе цели для атаки подлодка обычно всплывала к самой поверхности воды и, выпустив антенну, проводила радиолокационную разведку. Очень часто на экране индикатора появлялись яркие точки, движущиеся наперерез лодке, как бы с намерением протаранить. И обычно подлодка не могла уйти от преследующего ее вражеского корабля. Когда столкновение казалось неминуемым, когда ожидали увидеть преследователя в перископ, отметка на экране исчезала словно призрак. Это явление прозвали «скачущим призраком Нансай-Шото».

Радиолокационные приборы, работающие по принципу Доплера и выделяющие подвижные цели, оказались бессильными против «призраков». Они пропускали их на экран индикатора, словно это были эхо-сигналы от движущихся целей. Исследование различных «призраков» и причин, их вызывающих, началось в годы второй мировой войны. Но в то время все, что касалось радиолокационных станций,

тщательно засекречивалось, в особенности сведения о непонятных явлениях, которыми противник мог бы воспользоваться, чтобы затруднить обнаружение.

Специалистам было ясно, что некоторые из них связаны с активностью атмосферы.

Американцы построили даже полигон для исследования «призраков» на пустынном засушливом юго-западе США. Выбор места не был случаен. Климатические условия полигона были близки к условиям североафриканских пустынь, а именно в Северной Африке «призраки» довольно часто обманывали операторов и вводили в заблуждение командование союзников в 1943—1944 годах.

Невидимые с земли вихри аэрологи называют «турбулентностью ясного неба». Они опасны для самолетов. 12 февраля 1963 года реактивный самолет «Боинг-720», летевший из Флориды в Чикаго, не справился с вертикальным турбулентным потоком и потерпел катастрофу. Оператор радара на земле видел на экране, как самолет сближался с «ангелом» в виде белого пятна, а летчик радировал, что небо ясно.

В 50-х годах «призраки» способствовали развитию радиолокационной орнитологии; в настоящее время радар помогает уже энтомологам.

Насекомые также отличные трассеры для изучения циркуляций в атмосфере с помощью радара. Висящие в безветренную погоду в воздухе, не видимые глазу рои насекомых могут быть приняты за сигнал от неопознанного объекта. Но многие «призраки» — подлинная загадка, в том числе и вашингтонские «летающие тарелки» 1952 года. У специалистов нет на этот счет единого мнения. Не решен и целый ряд вопросов о взаимодействии турбулентной атмосферы и радиоволн, которые помогли бы найти истину…

Радар во много раз расширил возможности объективного исследования, документальной регистрации редких явлений и объектов. Именно свойство радара наряду с различными электромагнитными и турбулентными явлениями обнаруживать объекты реальной физической природы делает его ценнейшим инструментом для исследования эффекта НЛО. Во многом благодаря радару и возникла сама проблема, хотя отдельные сообщения о странных летающих предметах, главным образом от летчиков, поступали и раньше. Высота полета этих объектов — чаще всего десятки километров, диапазон скоростей — от нуля до нескольких десятков километров в секунду.

Правомерно предположение, что подобного рода объекты движутся в слое искусственно созданной плазмы. Если такие аппараты, окруженные плазменной оболочкой, существуют, то, конечно, сами они остаются недоступными для визуальных наблюдений. Однако плазма — идеальный отражатель радиоволн. Еще в 1959 году был получен отраженный радиолокационный сигнал от солнечной короны. Радар — надежный обнаружитель плазменных объектов, по своей чувствительности он может соперничать с радиотелескопом.

Быть может, следует рассматривать некоторые НЛО как искусственные объекты, например космические зонды?

Радиотелескопы принимают сигналы, которые испускают галактики, удаленные от нас на миллиарды световых лет. В 1965 году на одной из научных выставок посетителю предлагали взять один из лежащих на столе небольших белых листков бумаги. Перевернув его, посетитель знакомился с таким текстом: «Взяв со стола этот листок бумаги, вы затратили больше энергии, чем та энергия, которую за всю историю радиоастрономии приняли все существующие в мире радиотелескопы». Но не все задачи по изучению дальнего космоса могут быть разрешены с помощью радиотелескопов. Не имеет ли отношения проблема призраков к допущению об инопланетных зондах?

В. ЩЕРБАКОВ

РАДИОЛОКАЦИОННЫЙ ПОИСК: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Минуло пять лет со времени проведения в Бюракане I Международной конференции по проблеме связи с внеземными цивилизациями, когда видные ученые обсуждали вопросы, до недавних пор находившиеся в ведении писателей-фантастов. Порой раздаются голоса: поскольку мы не приняли сигналов от внеземных цивилизаций, то, может быть, развитие всякой цивилизации кончается самоубийством? Этой неправильной, ни на чем не основанной точке зрения должен быть противопоставлен правильный материалистический взгляд на космическую реальность. Наш век открыл перед человеком дорогу к звездным островам. Все большую роль играет в нашей жизни процесс познания, со временем, быть может, человечество вообще должно перейти от познания ради жизни к жизни ради познания, и это отчетливо прозвучало на конференции в Бюракане. Фронт работ по изучению космоса расширяется: широко применяются и методы радионаблюдений, в том числе радиолокация.

Изобретение радиолокатора как нельзя более отвечает задачам современных космических исследований. Радиолокационная станция, эта незаменимая машина XX века, во много крат расширяет наблюдаемый горизонт и является инструментом объективного познания космоса.

Благодаря дальнозоркости она стала незаменимым прибором и в астрономии. В 60—70-х годах получены радиолокационные карты Луны, Венеры, Марса, Меркурия. Плотный облачный покров, скрывающий поверхность Венеры от оптических наблюдений, а также от наблюдений в невидимых ультрафиолетовом и инфракрасном диапазонах, оказался прозрачным для электромагнитных волн. Радиолокационные наблюдения Меркурия в 1964 году развеяли заблуждение трех поколений астрономов относительно длительности его суток. Локация Венеры принесла поразительные открытия: Венера в отличие от собратьев по солнечной системе вращается «наоборот», а длительность венерианских суток длиннее, чем ее год. В 1973 году приняты радиолокационные сигналы, отраженные от колец Сатурна. Такое огромное расстояние радиоволна пробегает за 2,5 часа.

Радиолокатор, изучающий непрерывный синусоидальный сигнал, не может

измерять дальность, но хорошо определяет скорость (по эффекту Доплера, регистрируемому частотными фильтрами). А радиолокатор с импульсным излучением почти всегда дает ответ на вопрос о дальности, о координатах, но измерение скорости — задача для него гораздо более трудная.

Строгая формулировка принципа неопределенности в физике гласит: произведение неопределенности в значении координаты на неопределенность в значении соответствующей компоненты импульса частицы не может быть меньше величины порядка постоянной Планка. Изменяя форму сигнала радиолокатора, нельзя получить одинаково высокие точности измерения скорости и координат — гласит правило, известное радиоспециалистам.

Время наблюдения при неподвижных объектах довольно значительное: именно оно при прочих равных условиях влияет на характеристики обнаружения. При малом времени наблюдения точность и вероятность обнаружения низкие, при очень малом — объект вообще пропадает с экрана. У радиолокаторов для обнаружения самолетов и ракет время наблюдения обычно невелико.

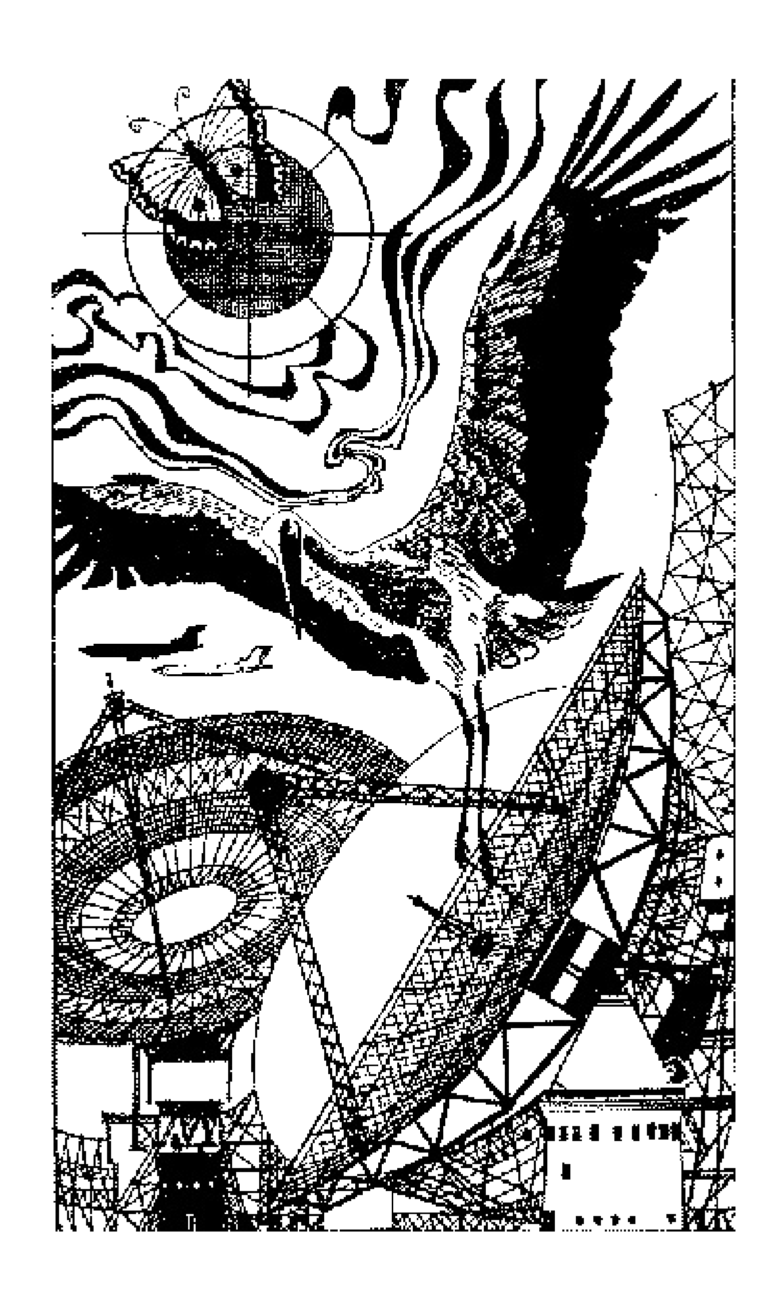
Мешают наблюдениям вихри (в том числе реактивные струи), птицы и даже насекомые. Достаточно, например, трех птиц на квадратный километр зоны обзора, чтобы «забить» локатор. Стая журавлей или стая гусей маскирует большой реактивный самолет. Хотя радиоэхо от птиц наблюдали давно, вывод о том, что большинство точечных «призраков» имеют прямое отношение к пернатым, сделан только в конце 60-х годов. Очень чувствительный радар «видит» москита на расстоянии более двух километров. Все это говорит о трудности не только измерений скорости и координат одиночных объектов, но и самого их обнаружения. Взаимная маскировка сигналов приводит к «пробелам» в регистрации случайных объектов, тем более неопознанных..

Радиолокационные миражи — причина различных курьезов. Именно миражи сыграли свою роль в случаях, подобных истории с крейсером в Средиземном море или «скачущим призраком». Впрочем, «скачущий призрак Нансай-Шото» объясняют еще и атмосферным волноводом: волны переотражались от подводной лодки и кораблей,, мало ослабляясь.

Незадолго до конца второй мировой войны американцы готовились захватить остров Киска в Тихом океане. Остров был занят японцами. Американский флот находился в 600 милях. Неожиданно операторы радаров обнаружили таинственную эскадру. Она находилась на расстоянии всего 50—40 миль. По сигналу боевой тревоги экипажи кораблей приготовились к обороне. Вскоре эскадра исчезла. Через несколько дней американский флот подошел к острову Киска. Противника там не было. Таинственная эскадра, как оказалось, эвакуировала японский гарнизон. Из-за радиомиража операторы ошиблись на 550 миль. Если бы они знали причуды распространения радиоволн, американский флот, вероятно, мог бы провести успешную операцию.

Почему небо голубое? Ответ общеизвестен. Свет рассеивается на неоднородностях атмосферы. Неоднородности — это не только взвешенные в атмосфере частицы пыли, но и сгущения и разрежения воздуха (флуктуации

плотности), которые приводят к изменениям коэффициента преломления. Такое же физическое явление часто служит причиной «призраков».



Радиоволны также рассеиваются на неоднородностях атмосферы, а часть из них улавливается антенной радара. Только размеры неоднородностей плотности атмосферы должны быть во много раз больше, чем при рассеянии света, потому что и длина радиоволн гораздо больше. В отличие от микронеоднородностей, на которых рассеивается свет, не видимые глазом макронеоднородности, на которых рассеиваются радиоволны, не существуют постоянно, но возникают довольно часто и могут иметь самую причудливую конфигурацию. «Призраки» на экранах радаров — копии этих затейливых рисунков. Это могут быть и многокилометровые по высоте столбы, и горизонтальные полосы, и синусоидальные кривые, и профили морских волн с опрокидывающимися гребнями, и ряд концентрических окружностей, и любая другая фантазия природы, воплощенная в изменениях плотности атмосферы. Вертикальные столбы — это отражения радиоволн от восходящих и нисходящих потоков воздуха. Внутри столба образуются завихрения (турбулентность), а скорость потока воздуха может достигать нескольких сотен

километров в час.

И все же радар — эффективное средство обнаружения и наблюдения. Причина отражений радиоволн всегда реальна, локатор не реагирует на световые пятна и блики в отрыве от материального субстрата. Совпадение данных радиолокационных и визуальных наблюдений может поэтому свидетельствовать о положительном результате.

Показания так называемых очевидцев не служат доказательством реальности НЛО. Они всегда носят субъективный характер.

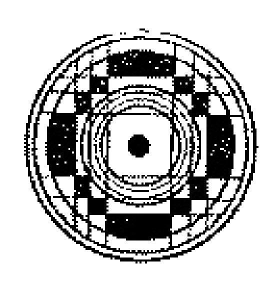
Фотографии чаще всего также недоказательны. Фотографирование экрана радара с помощью автоматических камер или магнитная регистрация — совсем иное дело.

Гипотеза о космических зондах, о плазменных капсулах сама по себе не содержит ничего противоречащего научным знаниям, ничего сверхъестественного. Однако она может быть использована, как и все непривычное, противоречащее здравому смыслу, апологетами мистики, суеверия, идеализма во всех его формах. Именно поэтому необходимо давать правильное материалистическое толкование тем фактам и наблюдениям, которые, возможно, ждут операторов радиолокационных установок в будущем.

Вопрос о том, существуют такие капсулы или нет, неразрешим, очевидно, путем абстрактных рассуждений. Только научные наблюдения дадут на него ответ. Утверждать обратное — значит недооценивать роль опыта, исследований. Еще в 1894 году Фридрих Энгельс гениально заметил: «Бытие есть вообще открытый вопрос начиная с той границы, где прекращается наше поле зрения».

Пожалуй, было бы нелишним попытаться сформулировать основные принципы организации возможных наблюдений за НЛО.

Прежде всего достоверность повышается при объединении средств различного класса и назначения радиолокаторов. Следует использовать информацию о трассе, о движении объекта. Собственные волны, принятые от НЛО, их инфракрасное излучение оказали бы неоценимую услугу. Но и при использовании всех каналов наблюдения трудно рассчитывать на скорый однозначный ответ: задача может оказаться весьма сложной. Возможных причин появления НЛО много, и наблюдения должны проводиться самым тщательным образом.



В. ДМИТРИЕВ,, журналист
НЕССИ ОТМЕЧАЕТ СВОЕ СТОЛЕТИЕ

Озеро распахнулось перед нашими глазами неожиданно. Зеленые холмы, замыкающие его кольцом, разбежались в стороны, и асфальтовая дорога плавно скользнула по усыпанному камнями песчаному побережью. Вывороченное с корнем дерево, омываемое набегающей волной, растопырив веером кривые пальцы корневищ, сообщало пейзажу почти мистический облик.

Воды озера отсвечивали густо-черным цветом, словно расплавленный битум, и только белые гребешки волн, набегающих от слившегося с небом горизонта, свидетельствовали о том, что стихия озера — действительно вода.

Лох-Несс… Сколько писалось и говорилось об этом шотландском озере за последние десятилетия. Озеру посвящены книги и брошюры, телевизионные передачи и радиопрограммы.

Ребята, стайкой вылетевшие нам навстречу из небольшого домика на берегу, тоже показались мне эпизодом той шумной славы, что замешена на озерных ветрах Лох-Несса. На груди у мальчишек, на их белых майках, красовалась знаменитая Несси — таинственная обитательница прославленного озера.

Змееподобное чудовище извивалось на груди мальчишек, радостно подбежавших к нам. Облик неизведанного чудовища Лох-Несси словно преследовал нас во время путешествия по Англии.

То это матерчатая игрушка, ярко расшитая, наподобие матрешки, которую у нас сажают на чайник, чтобы не остывал. То это бокал с изображением хвостатого чудовища. Встретилась наконец и целая манифестация, дефилировавшая по дорогам Великобритании с Несси во главе. Огромное чудовище, состряпанное из резины и надутое, подобно аэростату, не умещалось на автотрайлере, так что на гуттаперчевый хвост Несси пришлось водрузить автомобильный стоп-сигнал.

— Это наша национальная гордость, — с улыбкой говорили мне шотландцы.

— Это тайна, которую еще предстоит открыть науке, чтобы как следует потрясти собственные устои и традиции, — то ли шутя, то ли всерьез отозвался молодой ученый.

— Да нет, это просто очередной рекламный трюк, цель которого — привлечь как можно больше туристов в эти прекрасные края.

Кому верить? Как отличить правду от вымысла? Как разобраться, где подлинный научный поиск, а где беззастенчивый бизнес?

Все эти вопросы невольно вставали перед нами, впервые попавшими на берега Лох-Несса, поскольку никто не рассчитывал персонально лицезреть легендарное чудище, вот уже сто лет проживающее на страницах газет и журналов.

Я открыл справочник. Озеро Лох-Несс расположено в районе Грэт Глен. Свыше трехсот миллионов лет тому назад сложились эти пологие горные хребты и улеглась

водяная гладь, стиснутая вздыбленной сушей. Длина озера 38 километров, ширина — 2 километра. Изогнутое, как стальной клинок, брошенный на измятый зеленый ковер, озеро углубляется местами до 200 метров, а самая глубокая отметка его уходит за 300 метров. В тихую погоду гладкое, как стекло, озеро кажется совершенно неподвижным. И не случайно на полированной поверхности его была предпринята попытка установить мировой рекорд скорости на воде. Эксперимент закончился трагически. На берегу озера установили камень-памятник Джону Коббу, погибшему в 1952 году при попытке побить на Лох-Нессе рекорд на скутере с реактивным двигателем. Взрыв двигателя унес жизнь знаменитого гонщика.

Но сегодня озеро беспокойно, и волны, бегущие по нему, набирают трехметровую высоту. Они рушатся на пологие берега и стучатся в небольшой деревянный причал, приютивший рыбацкие лодки.

Семь рек впадают в озеро, питая его водой, и только одна река Несси выпускает избыток воды из никогда не замерзающего горного водохранилища.

Противоположный берег залит солнечным светом. На нем прекрасно просматриваются руины Урквадского замка, построенного в XIII веке. По английской традиции в этих развалинах должны бы водиться привидения, но здесь дело обстоит иначе: в этом месте, как сообщают очевидцы, чаще всего можно видеть Несси.

Когда разговор о лох-несском чудовище выплыл на страницы прессы, досужие журналисты обратились к историческим документам, чтобы узнать, когда же впервые в водах озера было обнаружено чудовище.

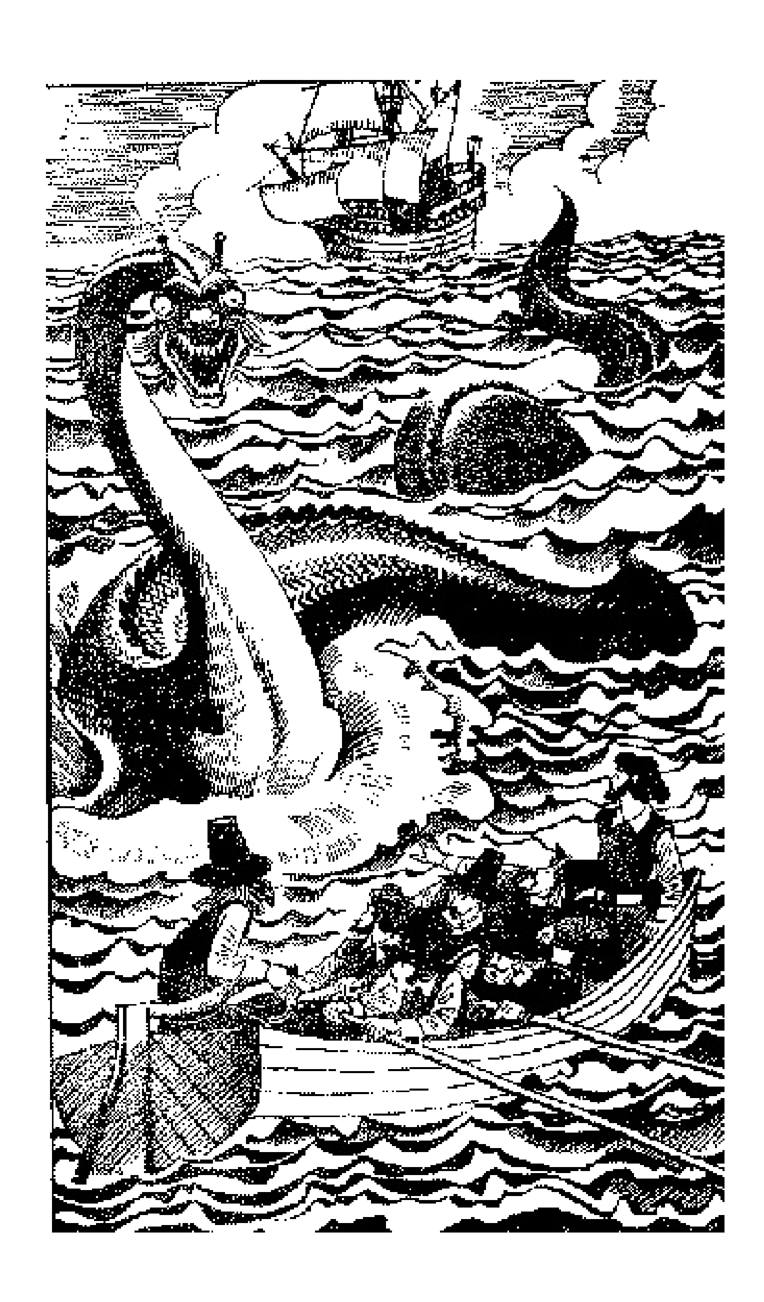
В «Житии Святого Колумба» нашлось упоминание об интересном эпизоде, относящемся к 565 году нашей эры. Святой хотел перейти вброд реку Несси, в самом ее истоке из озера. Но вовремя остановился, как рассказывает летопись. Он увидел местных жителей, которые хоронили человека, искусанного чудовищем, якобы обитавшим в реке. Что это было за чудовище — неизвестно. Однако уже одно название реки заставило журналистов объединять этот древний эпизод с прославленной Несси.

История историей, только люди нашего времени впервые увидели лох-несское чудо в 70-х годах прошлого века. Именно эту реальную встречу и можно считать началом подлинной истории Несси. Истории, которой исполнялось сегодня ни много ни мало, а целых 100 лет.

А 43 года тому назад родилась и журналистская легенда. Управляющий фортом Аугустус, некий Алекс Кемпбелл, корреспондировавший в местных газетах, дал первое сообщение, ставшее сенсационным. «Курьер Инвернесса» поместил заметку управляющего под заглавием «Странное явление на озере Лох-Несс. Что это может быть?». В заметке рассказывалось о том, как Джон Маккей и его жена, находившиеся на берегу, увидели в озере странное животное, которое они почему-то окрестили чудовищем.

Читатели были взбудоражены, Алекс Кемпбелл начал вести систематическое наблюдение за озером. 18 раз видел он чудовище, и отчетливее всего — в 1934 году, когда голова, шея и горб Несси появились в 200 метрах от наблюдателя.

Когда к форту проложили автомобильную дорогу, число сообщений о встречах с Несси резко увеличилось. Новую вспышку интереса к чудовищу вызвала фотография, сделанная хирургом Р. К. Вильсоном в апреле 1934 года. Снимок поразил всех: над беспокойной ширью воды на тонкой шее поднимается небольшая змееподобная голова. Заметен и один из плавников чудовища. Этот снимок обошел страницы газет и журналов всего мира.



А сообщения продолжали и продолжали поступать.

22 июля 1933 года.

Мистер Списер и его супруга ранним утром проезжали на машине по дороге между деревнями Дорес и Фойерс. К их удивлению, поперек дороги передвигалось странное существо в направлении к воде: голова на тонкой длинной шее, тяжелое бесформенное тело. Существо вразвалку довольно быстро приближалось к озеру…

Значит, Несси живет не только в воде, но появляется и на суше?

Да, это так. Зарегистрировано семь случаев, во время которых наблюдатели видели животное на суше.

Май 1943 года.

Мистер Б. С. Фарел наблюдал за чудовищем в бинокль с расстояния 250 ярдов. Над водой показалась небольшая голова на грациозной шее, хорошо различались очень крупные глаза. Животное, видимо, охотилось, рыская головой в стороны. Затем голова скрылась под водой.

20 августа 1952 года.

Мисс Грета Финели и ее сын сидели недалеко от прицепного вагончика автомобиля в районе Тор Пойят, и вдруг совсем рядом в воде появилось чудовище.

— Я даже могла добросить до него камешек, — рассказывает Грета. — Несси имела исключительно красивый вид. Длинная гибкая шея, заканчивавшаяся изящной головкой с двумя маленькими рожками. Они были причудливы — на концах шарообразное расширение. И опять Несси скрылась под водой.

2 ноября 1954 года.

Небольшое судно пересекало Лох-Несс. Неожиданно эхолот на глубине 480 футов уловил большой объект, который на протяжении полумили следовал за судном. Оператор эхолота утверждает, что это не мог быть косяк рыбы — он бы сразу отличил его.

8 февраля 1974 года.

Мистеры А. Колл и Х. Вильсон ехали на своем пятитонном грузовике из Фойерса в Инвернесс. На воде в 300 ярдах от дороги они увидели широкий предмет. Он напоминал корму перевернутой лодки, но над ним змеилась голова, чем-то напоминающая лошадиную. Это существо двигалось со скоростью приблизительно 33 мили в час параллельно дороге. По спидометру в машине шофера засекли, что объект проплыл около 3 миль, при этом трижды погружался в воду. Водители полагают, что длина их удивительного провожатого была от 40 до 60 футов, а движение осуществлялось змееобразными широкими зигзагами.

Анализируя сто разнообразных свидетельств встречи с Несси, автор книги «Чудовище Лох-Несса» Тим Динсдаль пытается дать обобщенные размеры Несси.

Шея — 3 метра, она поднимается над водой на высоту 2 метров. Основное тело — 6,5 метра. Хвост — 3 метра. Когда Несси плывет, шея ее располагается под наклоном 30 градусов, и приблизительно на 0,5 метра поднимается над водой голова, Мнения о количестве горбов животного расходятся. 45 процентов свидетелей отмечают 3 горба, среди которых средний, самый большой, имеет метровую высоту, 25 процентов свидетелей утверждают, что спина у животного гладкая, как перевернутая лодка. Цвет кожи животного в представлении разных наблюдателей меняется от светло-серого, как у слона, до коричневого.

Несси поднимается на поверхность воды чаще всего ранним утром в спокойную погоду. 95 процентов своей жизни чудовище проводит под водой.

В пяти случаях наблюдатели видели двух, а то и нескольких существ, что дает основание предполагать существование небольшой колонии животных.

Но пока что все это лишь одни наблюдения. Что же говорит наука?

В разное время ученые-исследователи, всерьез заинтересовавшиеся необычным природным явлением, бороздили гладь лох-несского озера. Были использованы эхолоты, радар, сонар. Тихое озеро вздыбливалось от взрывов, которые, по мысли исследователей, должны были вспугнуть чудовище и выгнать его на поверхность.

Дошло до того, что в озеро спустили крохотную подлодку. Впрочем, работа ее была крайне осложнена низкой световой проницаемостью темных вод озера.

Азарт исследователей подогревался и материальными стимулами. Известный владелец цирка Бертран Миллс обещал за поимку Несси 20 тысяч фунтов стерлингов — сумма немалая.

Что говорить — изыскателям нельзя было отказать в усердии. Демобилизованный солдат Фрэнк Серль, приехав в отпуск на берег озера, по-настоящему «заболел» Несси. Он изучил все материалы, связанные с феноменом. На протяжении целого лета он по 20 часов в сутки непрерывно наблюдал за озером то с необитаемого берега, то с надувной лодки, снабженной фотоаппаратом с телеобъективом. Поиск Несси длился непрерывно — лишь раз в неделю стойкий солдат покидал свой пост, чтобы сбегать в деревенскую лавочку. Озеро по-своему вознаградило его за усердие.

21 октября 1972 года на расстоянии 250 ярдов от лодки показалась прекрасная Несси. Она подняла голову на своей гибкой шее, обнажила царственные горбы и 20 секунд с интересом рассматривала резиновую лодку Серля. Затем Несси погрузилась в воду, проплыла под лодкой и вновь всплыла на поверхность по другую ее сторону. Еще 30 секунд наблюдатель имел возможность фотографировать животное.

— Видимо, это была молодая особь, — говорит Фрэнк Серль. — Ее длина не превышала 16—18 футов. А ведь некоторым посчастливилось видеть Несси в полный размер, длиной в 35 футов.

Научный штурм озера разочаровал любителей сенсаций. Подводные взрывы не заставили Несси выйти из привычной для нее среды. Эхолоты показали перемещение крупных объектов на разной глубине озера. Но результатов, ожидаемых от научно-технических методов, не было…

Тайна лох-несского чудовища, справляя свой столетний юбилей, продолжает оставаться столь же молодой и привлекательной.

Само собой встает вопрос: кто же это все-таки, если отвергнуть вариант, что мы имеем дело с откровенной мистификацией, что, к сожалению, не исключено?

Была попытка дать ответ на поставленный вопрос, исходя из существующих видов животных.

— Гигантский угорь, — говорили одни.

— Необычно огромный тюлень с длинной шеей, — предполагали другие.

— Еще неизвестный науке моллюск, развившийся до гигантских размеров, —

гадали третьи.

— Гибкий слизень, выросший до великанского объема, — уже совсем рискованно судили четвертые.

Ряд мнений пошел по другим путям. Ведь найдено же за последние годы на земном шаре несколько реликтовых животных, существовавших на планете миллионы лет тому назад и считавшихся полностью вымершими. Кистеперая рыба, например; ее каменные отпечатки относятся ко времени торжества динозавров.

Почему не предположить, что Несси — это вид динозавра, за сотни тысячелетий приспособившийся к водной стихии? Вместо лап у него развились ласты. Пищей его стали рыбы, обильно насыщающие озеро; он научился отключать на длительное время дыхание, подобно ныне живущим кашалотам.

Фрэнк Серль, в частности, считает Несси доисторической рептилией — плезиозавром или эласмозавром.

Что бы там ни было, столетний юбилей Несси не внес значительной ясности в одну из наиболее загадочных и таинственных страниц, написанных великой природой.

А если эти страницы написаны досужими журналистами, любителями мистификаций и творцами сенсаций?

В последнем случае вызывает удивление железная стойкость сто лет назад рожденного мифа. Пусть он и выгоден для развития туризма в районе озера, для владельцев гостиниц. Как же объяснить тогда непреложный факт, состоящий в том, что совершенно различные люди, не заинтересованные ни в какой рекламе, рассказывают о своих встречах с лох-несской загадкой?

Хочется верить в то, что, может быть, второй век существования Несси будет к нам добрее и откровеннее и поможет смущенному человечеству разобраться в еще не раскрытых загадках творца-природы.

10 декабря 1975 года в палате общин английского парламента произошло исключительное событие, взбудоражившее всю мировую прессу. Группе парламентариев и специалистов в области зоологии были представлены новые снимки Несси — так называется уже ставшее знаменитым неизвестное чудовище из шотландского озера Лох-Несс. Парламентарии и специалисты кропотливо изучали довольно туманные снимки, на которых изображались длинная шея, одутловатое тело, очень нечеткая голова Несси с двумя утолщениями, похожими на рога, и, наконец, правый задний плавник ромбовидной формы.

Вот уже много лет фотографы, кинематографисты, водолазы, профессионалы и любители ежегодно штурмуют небольшое озеро на севере английского острова, пытаясь зафиксировать на официальном уровне существование реликтового животного, предки которого якобы вымерли на планете много миллионов лет тому назад.

Американский электроник доктор Роберт Рэйнс с 1671 года также включился в этот шумный калейдоскоп искателей лох-несского зоологического клада. Он пошел

по чисто научной дороге.

— Пора автоматизировать научный поиск, — заявил он.

В озере были установлены чуткие микрофоны, подводные герметически замкнутые прожекторы и подводные фотокамеры. Схема устройства была весьма простой: микрофоны улавливают под водою шум передвигающегося животного, мгновенно включаются прожекторы, при свете которых фотокамеры фиксируют проплывающего монстра.

Первые фотографии 1972 года не вызвали энтузиазма. На пленке было зафиксировано весьма неопределенное тело и такой же нечеткий плавник.

Изображения не могли стать основой для новых заключений. И лишь в июне 1975 года появились снимки, вызвавшие всемирный интерес.

Видимо, Несси перемещается в воде столь неслышно, что микрофоны не в состоянии вовремя включить съемочную аппаратуру, решил ученый после первой неудачи.

Схема была изменена. Не микрофоны включали прожекторы и фотокамеры. Фотографирование проводилось автоматически через каждые 75 секунд, фиксируя все, что попало в видимость прожекторов.

В этих условиях и были получены два сенсационных снимка тела и головы чудовища. Именно они, эти снимки, стали основанием для созыва под эгидой Королевского общества Эдинбурга и двух шотландских университетов симпозиума по лох-несскому чудовищу, который и должен был состояться 9 декабря 1975 года.

Но, увы, симпозиума не было, его отменили в последний момент ввиду спорности полученных фотографий. Обсуждение их в парламенте Англии вызвало весьма противоречивую дискуссию, волны которой до сих пор раскатываются по страницам печати всех стран света. Вот некоторые из этих мнений.

Натуралист-естествоиспытатель Питер Скотт из Бирмингамского университета считает, что самым интересным на снимке является плавник, который ни на что не похож. Одно это дает основание предполагать, что в толще воды Лох-Несса могут проживать неизвестные животные в количестве 20—30 штук.

Джордж Зуг, зоолог Смитсоновского института в Вашингтоне, считает, что снимки достаточно четки для того, чтобы судить по ним, как выглядит неизвестное существо.

Директор аквариума Новой Англии Джон Прескотт считает: наоборот, снимки слишком темные, они изображают что-то неопределенное.

Директор музея сравнительной зоологии Гарвардского университета А. Кромптон говорит, что фотографии убеждают его в существовании Несси. И наконец, Ричард Лоуренс — секретарь Британского общества неопознанных летающих объектов, одержимый страстью во всем видеть следы инопланетян, — совершенно серьезно утверждает, что в озере Лох-Несс существует колония внеземных существ, приводнившихся в Англии добрую сотню лет тому назад,

«Ну что же, еще одно основание, чтобы поднять туристский бум», — комментируют события одни газеты.

«Это попытка отвлечь внимание английского обывателя от сложных проблем, тяготеющих сегодня над страною», — заявляют более серьезные органы печати.

И хотя принято решение, строго запрещающее убивать или отлавливать неизвестных животных из озера

Лох-Несс, вопрос о том, что «называть неизвестным животным», не сдвинулся ни на фут.

А ведь проблема, как говорится, не снята. Существуют факты, устные заверения, фотографии, кинограммы. Все это не позволяет запросто отмахнуться от одного из наиболее устойчивых и таинственных случаев, к которому обязана прикоснуться подлинная наука, чтобы отбросить все наносное, рекламное, мистическое.

О лох-несской тайне написано несколько книг. Вот одна из них — «Это более, чем легенда». Книга издана в 1957 году женой управляющего Каледонским каналом, впадающим в озеро Лох-Несс, миссис Констанс Уайт. На протяжении многих лет она жила на берегу таинственного озера. В книге собраны 117 рассказов очевидцев, ссылки на 207 конкретных людей, которые видели Несси своими собственными глазами.

Книга «Лох-несское чудовище», написанная Тимом Динсдалем, анализирует около 100 сообщений и рассказов свидетелей, авторитет которых нет основания подвергать сомнению.

И что поразительно: облик чудовища во всех сообщениях сходен. Все свидетели наблюдали существо, а в некоторых случаях несколько существ одного рода. Спор можно вести только в отношении размеров животного, а не его внешнего облика.

Семь наблюдений Несси были осуществлены на суше. И опять-таки нет оснований предполагать заведомую мистификацию. Вот что рассказывает Джон Кооней:

«Я и мой друг Михаель Мак-Нульти увидели существо посредине дороги на берегу озера. Оно было размером между 8 и 12 футами, с шеей, похожей на лебединую, однако более значительной величины. Тело показалось нам очень толстым. Существо двигалось к нам под углом, поэтому трудно было сказать о его реальной длине. Мы могли его видеть очень ясно, несмотря на то, что животное при движении раскачивалось и сгибалось. Чудовище было темно-коричневого цвета, с гладкой кожей. Глаза блестели. Я не могу сказать точно, заметило ли оно нас, но оно быстро, скользнув сквозь кусты, скрылось в воде».

Кинокадры целой бригады английских исследователей во главе с Дэвидом Джеймсом также подвергались тщательному анализу. В заключении Центрального управления аэрофоторазведки по этим материалам говорится: «Мы считаем, что имеем дело с неопознанным живым объектом, живущим в озере Несс. Далее если это млекопитающее, пресмыкающееся или моллюск какого-нибудь известного науке

отряда, животное имеет такие размеры, что представляет большой интерес для тщательного изучения и классификации учеными. Если же это животное еще неизвестного вида, то с научной точки зрения также желательно выяснить его природу».

Наконец, американец, оператор миниатюрной подводной лодки, разыскивавший чудовище на протяжении нескольких месяцев, Дан Скотт Тайлор, вернувшись в Соединенные Штаты, заявил, что он не мог подойти близко к животному, чтобы сфотографировать его или взять образец шкуры, но на основании своих погружений он твердо убежден в его существовании. Тайлор сообщил о намерении группы из 25 океанографов принять участие в специальной экспедиции в Шотландию, чтобы окончательно доказать существование морского чудовища.

Как же отнестись ко всем этим многочисленным сообщениям, документам, предположениям? Полностью игнорировать их или все-таки попытаться разобраться в сложном вопросе, решение которого затянулось на многие и многие десятилетия?

Остроумно отвечает на этот вопрос Дэвид Джеймс. Он выделяет четыре возможных объяснения.

1. Какие-то неизвестные лица годами с успехом одурачивают доверчивых наблюдателей.

2. Речь идет о ложных свидетельских показаниях.

3. Лица, искренне верящие, что они видели живое существо, на самом деле ошибаются.

4. Неопознанное животное в 800 километрах от Лондона.

Отвечая на эти предположения, мы можем заключить :

1. Открытый обман: мнение, что таинственное животное озера Несс является надувательством, должно иметь предпосылкой многолетнюю подготовительную работу со стороны неизвестного богатого сумасброда. Должно предполагать также соучастие и активную помощь со стороны окрестных жителей, туристов и коварную поддержку этой затеи всей прессой. Достаточно проехать вокруг озера, чтобы понять, что там даже не найдется места, где бы спрятать и обслуживать большое механическое чучело. И кто согласится дурачить публику на протяжении целого века?

2. Ложные показания свидетелей. Остается предположить, что кто-то, прожив долгую и ничем не запятнанную жизнь, неожиданно рассказывает совершенно очевидно лживую историю и становится всеобщим посмешищем. Несмотря ни на что, кто-то упорно придерживается своей версии и никогда не меняет своих показаний.

3. Искреннее заблуждение. Не отрицая свидетельских показаний, некоторые считают, что в каждом случае состоялась встреча не с животным, а со скоплением водорослей, с плывущим стволом дерева или с какими-то другими объективными предметами, Но почему же тогда эти предметы перемещаются, погружаются, всплывают на поверхность? За счет каких сил они теряют плавучесть или

приобретают поступательное движение?

4. Остаются все основания не исключать возможность реального существования неопознанного животного.

Невольно мы обращаемся ко всем историческим случаям, отмеченным в памяти человечества, связанным с подобной же таинственностью.

В Исландии до сих пор ходят легенды о существовании в озерах таинственного животного скримсл. В Канаде, в Британской Колумбии рассказывают еще со времен индейцев о существовании в озере Оканаган огромного животного огопого. В Ирландии с 1945 года в четырех озерах также наблюдали существование крупного неопознанного животного. Шведская пресса сообщала неоднократно о таинственных обитателях шести озер страны. И наши советские исследователи также сталкивались с таинственными обитателями озер. Напомним хотя бы сообщение зоолога М. Гладских об озере Хайныр в Северной Якутии. И наконец, мы уже неоднократно писали о многочисленных сообщениях моряков об удивительных встречах с неизвестными гигантскими животными, морскими змеями в разных частях океанов мира.

Не кажется ли странным одно обстоятельство? Все озера, о которых идет речь, 8—12 тысяч лет тому назад представляли собою морские заливы, затопленные водой в последний ледниковый период. Когда совершилось отделение заливов от моря и они превратились в ряд озер, экологический мир в этих водохранилищах при благоприятных условиях продолжал развиваться по замкнутому кругу. Так, в пресноводном озере Байкал появился пресноводный тюлень. Тюлень Фока Ведулина также обосновался в пресноводном озере на севере Квебека, в Канаде. Существуют две пресноводные разновидности дельфина и огромное количество рыбы, приспособившейся к новым условиям. Может быть, именно таким же образом были отсечены в свое время от океана неизвестные морские животные, попавшие в незначительные по объему озера, где были все условия для их акклиматизации и развития.

В частности, в озере Лох-Несс достаточно биомассы. Оно заселено лососевыми, форелью, угрями в достаточном количестве для прокорма колонии крупных животных. Ведь для нормального продолжения рода необходимо существование 25—30 особей.

Именно в районе севера Атлантического океана и канадского прибрежья Тихого океана, где сейчас находятся таинственные озера, наблюдались многочисленные встречи с крупными неизвестными морскими обитателями.

В связи с этим мы публикуем исключительно интересное сообщение широко известного исследователя Несси Айвена Сендерсона. Его привлекла необычная новость, полученная из Аляски. В кодьякской газете «Миррор» от 30 апреля 1969 года сообщалось, что рыболовецкое судно «Майларк» из Ко дьяка на Аляске промышляло креветку у берегов Малиновского острова в проливе Шелихова, названном так в свое время в честь русского исследователя. На судне был установлен весьма чувствительный эхолот, применявшийся для обнаружения косяков рыбы. Прибор «Сим-рад», один из наиболее чувствительных сонаров

норвежского производства, исключительно точно записывает все подводные профили и изображения на непрерывно движущейся графленой ленте шириною в 5 дюймов. Можно представить себе изумление оператора, когда на ленте вдруг появляется силуэт огромного существа с двумя парами мощных плавников и длинным, суживающимся к концу хвостом. На длинной тонкой шее сидела курносая голова. Изображение полностью повторяло уже известное, оговоренное сотнями свидетельств изображение Несси.

Невольно встает вопрос: откуда мог появиться родственник лох-несского чудовища за тысячи километров, по другую сторону земного шара?

Еще больший шум наделало сообщение, появившееся в прессе совсем недавно, во второй половине 1977 года. Японские рыбаки на юге Тихого океана вытащили тралом останки загадочного морского животного. По своему облику эти останки чрезвычайно напоминают таинственного жителя Лох-Несского озера в Англии.

Образцы ткани животного и фотографии останков переданы на исследование.

Кто же, наконец, этот таинственный незнакомец, не сходящий со страниц печати много десятилетий?

Мы сопоставим по своим пропорциям (а не по своим размерам) несколько наиболее близких морских животных. Получится своеобразная таблица. Обычный арктический тюлень — с очень короткой шеей, с ластами, лишенный хвоста. А вот у морского льва Стеллера шея начала вытягиваться и появились первые зачатки хвоста. Третье существо, изображенное на нашей таблице, нарисовано по словесному портрету животного, которого часто видели в мелких прозрачных водах у Шотландских островов. Следующий рисунок — предполагаемый облик Несси. Он почти полностью совпадает с доисторическим плезиозавром. А ведь зарисовка выполнена по многочисленным описаниям, существующим фотографиям и последним снимкам, сделанным автоматами американского ученого. Далее следует восстановленный облик по эхо-грамме, снятой рыболовецкой шхуной в районе залива Шелихова. И наконец, последнее изображение принадлежит знаменитому профессору Удемансу, который еще в 1897 году постарался произвести реконструкцию облика лох-несского чудовища.

Сравнительная таблица, как нам кажется, поможет в какой-то степени ввести эволюционную ясность о месте Несси в ряду прочих животных того же характера.

Интересна и другая сторона вопроса. Многолетняя загадка получила наконец в лице английской науки точное научное наименование: «Nessiteras — Rombopteryx». Здесь «Nessiteras»— название рода, где «Nessi» — географическое место (озеро), а «teras» — диковина, чудо. «Rombopteryx» — название вида, где «гomЬo» — ромбовидный, «pteryx» — плавник.

Название, данное сегодня Несси, является достаточным, чтобы животное по английским законам стали защищать от вымирания.

Что же касается точки зрения советских ученых на этот вопрос, нам хочется сослаться на мнение директора Института биологии моря Дальневосточного научного центра Академии наук СССР, члена-корреспондента АН СССР А.

Жирмунского и доктора геолого-минералогических наук Е. Краснова. Они говорят: «Хотя мы и не знаем, какое животное скрывается под именем «Несси» и животное ли это вообще, нельзя исключить, что перед нами на этот раз выступает «живое ископаемое», а не замаскированная под монстра моторная лодка. То же самое следует сказать и о сообщениях сибирских геологов, утверждающих, что в озерах Якутии обитают крупные животные, если, конечно, и эти сообщения не относятся к категории «охотничьих рассказов».

Ну что ж, Несси все еще не показала нам свое лицо. Но, вероятно, круг исследований продолжает сужаться, замыкаясь около одной из самых удивительных тайн природы.

К. ДЬЯКОВ; кандидат биологических наук

СЛАДКИЙ ПЛЕН ЗАГАДОК

Видимо, так уж сложилась психика людей: им необходим постоянный хмель таинственности. Может быть, отсюда и идут многолетние поиски «летающих тарелок», «снежного человека», Несси… Сотни свидетельств, тысячи записанных рассказов… И никаких конкретных доказательств существования феномена.

Самым серьезным, казалось, была организация поисков Несси. Было создано «Бюро по изучению лох-несского феномена», объединявшее разрозненные материалы по исследованию этого вопроса в уединенных озёрах Шотландии, Ирландии, Скандинавии, Канаде и других стран. Изучались даже наблюдения советских геологов на берегах сибирских озер в Якутии,

К известным материалам приобщались новые. На озере Глендарри в Ирландии студент Гей Данвер увидел Несси, выбравшуюся на сушу. «Животное двигалось прыжкообразно, подобно кенгуру, — заявил Гей корреспонденту «Ивнинг геральд», — у него была голова, напоминающая овечью, длинная шея и хвост. Задние ноги длиннее передних. Животное темного цвета, больше, чем лошадь».

Ударная сила науки не раз обрушивалась на озеро. В течение пяти дней мирный покой его сотрясался серией взрывов. Выводы: оживление деятельности Несси. «Мы считаем, что имеем дело с неопознанным живым объектом».

Подводник Д. Тайлор, по образованию океанограф, использовал в поисках крохотную ярко-желтую подлодку, оборудованную электроникой и эхолотами.

После шестимесячных погружений он заявил: «Мы знаем, что чудовище существует. Но я никогда не мог подойти достаточно близко, чтобы сделать фотографию или иссечь образец шкуры — две вещи, которые мы больше всего желали добыть. Неоднократно ультразвуковое оборудование лодки фиксировало крупные движущиеся предметы, иногда на расстоянии до 20 футов, но скорость их была в несколько раз быстрее подлодки».

Доктор Бертон разработал целую теорию, гласящую, что феномен не что иное, как двигающийся сгусток водорослей. Накопляющиеся в них газы создают реактивный эффект, за счет которого и осуществляется движение растительного скопления.

Сладкий плен неразрешенных загадок продолжает владеть неуемной душой человечества.

Г. *СМИРНОВ,*
писатель
КРАХ СИНДИКАТА «АРГЕНТАУРУМ»

В начале 1897 года русский «Журнал новейших открытий и изобретений» сообщил своим читателям удивительную новость. «Несколько месяцев тому назад, — писалось в кем, — из Америки пришло сенсационное известие об образовавшемся там обществе для «превращения серебра в золото». Несколько ученых и капиталистов учредили в Соединенных Штатах синдикат под названием «The Argentaurum Sindicate»… Душою предприятия явился некий Эмменс, открывший, как он уверяет, великий секрет превращать серебро в золото особым способом, пока сохраняемым в тайне.

Года за три до того американец Кэри Ли приготовил из серебра желтый металл, физические свойства которого были очень близки свойствам золота, а химические оставались теми же, что и у серебра. Эмменс сознается, что он воспользовался опытами Кэри Ли, нашедшего возможность приготовлять водный раствор металлического серебра, то есть приводить серебро в такое состояние, при котором достигалось полнейшее разъединение его молекулярных частиц. Усиливая это деление молекул металлического серебра изобретенным им особым способом, Эмменс достиг того, что произвел металл, который, по его словам, не серебро, а совсем другое элементарное вещество, обладавшее всеми физическими свойствами золота. Этот производный металл Эмменс назвал «сереброзолотом» — Argentaurum`ом. Хотя от подобной трансформации металл теряет в весе 25 процентов, тем не менее превращение серебра в золото оказалось бы настолько выгодным, что вполне оправдало бы учреждение синдиката…»

«Химия, — писал далее автор заметки, — не имеет в своем распоряжении никаких положительных данных, позволяющих надеяться на возможность осуществления искусственного приготовления золота, и в этом отношении точная наука ни на шаг не подвинула вперед вопроса, над которым безуспешно трудились многие поколения алхимиков…»

***

Теоретические, если так можно выразиться, основы алхимии — учение Аристотеля, который считал, что источники наших впечатлений не сами материальные тела, а их свойства, действующие на наши органы чувств. Лишая тела одних свойств и сообщая им другие, можно осуществлять их взаимопревращение. Именно отделением свойств от веществ с помощью химических операций, сопровождаемых мистическими заклинаниями, и занимались алхимики.

Нельзя сказать, чтобы эксперимент не подтверждал этой дико звучащей для нас теории. Вот примеры: сплавляя в тигле 9 частей меди и 1 часть олова, можно получить бронзу — металл, обладающий более ценными свойствами, чем исходные. После шлифовки бронзе нетрудно придать блеск, похожий на блеск золота. Чем не подтверждение теории об отделении и перенесении свойств тел! Бывали случаи еще

более разительные. Брали кусок серебра, не подозревая, что в нем содержится богатая примесь золота. После многочисленных операций это золото иногда удавалось отделить от серебра. Можно ли винить в нелогичности алхимика, который счел, что часть серебра превратилась в золото!

Выходит, не так уж химерична была алхимия, как это может показаться на первый взгляд. Выходит, алхимикам нельзя отказать в логичности, в наблюдательности, в изобретательности. Выходит, они ошибались главным образом в конечной цели своих исследований — в поисках способа искусственного получения золота из других металлов. Но так или иначе мечта, на протяжении четырнадцати столетий волновавшая алхимиков, заставляла их кипятить, сплавлять, перегонять тысячи разнообразных веществ. За долгие полторы тысячи лет неустанной работы они обогатили человечество гораздо более ценными, нежели золото, веществами: серной, соляной и азотной кислотами, квасцами, селитрой, сулемой, медным и железным купоросом. Именно им принадлежит изобретение и разработка основных процессов химической технологии — перегонки, возгонки, осаждения, фильтрации, кристаллизации. Но, несмотря на все эти достижения, они не преуспели в том, что считали главным, — в превращении дешевых металлов в драгоценные.

Неизменно отрицательный результат всех попыток в этом направлении постепенно утверждал в умах образованных людей мысль о принципиальной невозможности такого превращения. Еще в XV веке Леонардо да Винчи проницательно ставил изобретателей вечного двигателя на одну доску с алхимиками: «О искатели постоянного движения, сколько пустых проектов создали вы в подобных поисках! Прочь идите с искателями золота!» Постепенно укореняясь, эта мысль в конце концов положила предел алхимии, которая умерла, исторгнув из недр своих могучую химию. И хотя даже в середине XIX века не было недостатка в компаниях вроде «Общества для превращения путем пара свинца в золото», ни один мало-мальски сведущий в науке человек уже не воспринимал их всерьез.

И вдруг на пороге XX века нарочито невнятное сообщение об осуществлении «Великого дела» (так алхимики называли превращение других металлов в золото) принимается образованным обществом с полным доверием! Как это могло случиться? Какая аберрация мысли привела к столь неожиданному результату? Почему общество приняло на веру сообщение Эмменса, в то время как до него сотки других сообщений были оставлены без внимания?

Следует отдать должное чутью Эмменса, который очень искусно составил свои сообщения и очень правильно выбрал время для их публикации. В самом деле, последнее десятилетие прошлого века как будто задалось целью оглушить, ошеломить, сбить с толку читающую публику тех лет сверкающим каскадом сенсационных научных открытий. Открытий, которые как будто специально были направлены на то, чтобы разрушить веками сложившиеся представления о редком и обыденном, о дорогом и дешевом.

Так, в 1890 году германский химик Хейман, сплавляя сравнительно дешевые реактивы, искусственно изготовил драгоценный синий краситель индиго.

Спустя год голландец Каммерлинг-Оннес получил жидкий воздух в таких количествах, что можно было заставить его плескаться, как воду. Еще через год немец Мюнстер вычислил, что в каждой тонне обычной морской воды содержится около 5 миллиграммов золота. В 1893 году французский химик Муассан заявил, что из простого чугуна ему удалось получить алмазы. Через два года немец Рентген открыл таинственные Х-лучи: не отличаясь по природе своей от обычного света, они свободно пронизывали многие непрозрачные тела, позволяли увидеть содержимое запертых чемоданов и шкафов. В 1898 году англичанин Стерн получил искусственный шелк из бросовой древесины. А еще через два года французские химики Виктор и Вернье демонстрируют драгоценные рубины и сапфиры, изготовленные в лаборатории из глины и окиси хрома…

Удивительно ли, что читающая публика, ошеломленная блестящими открытиями, без особого внутреннего протеста восприняла и сообщение о синдикате «Аргентаурум»? Особенно если учесть то искусство, с которым эта сообщения были составлены.

* * *

«Почтение к науке так велико, — говорил на одной из своих лекций в 1871 году знаменитый английский физик Максвелл, — что даже самые абсурдные мнения получают распространение, если только они выражены языком, вызывающим в памяти какие-нибудь хорошо известные научные фразы». Эмменс, видимо, приложил немало усилий к тому, чтобы все сообщения об аргентауруме вызывали бы в памяти как можно больше научных фраз. Да и с точки зрения внешнего антуража все было обставлено весьма солидно, все должно было внушить доверие к синдикату.

Прежде всего доверие должно было внушать само имя доктора Эмменса — известного нью-йоркского химика, члена Американского химического общества, Американского института горных инженеров и Международного общества электриков **.**Имя Эмменса было известно и в изобретательских кругах Североамериканских Соединенных Штатов: автор многих научных работ, он был изобретателем метода обработки сернисто-цинковых руд и эмменсита — взрывчатого вещества, принятого американским правительством для обороны побережья.

Затем Эмменс позаботился, чтобы его имя в связи с аргентаурумом было окружено именами самых знаменитых в те годы американских ученых и изобретателей. Так, во всех публикациях подчеркивалось: аргентаурум появился не вдруг. Он закономерное завершение работ Кэри Ли по получению коллоидального серебра; попыток Эдисона и Теслы получить золото путем облучения серебра Х-лучами, испускаемыми рентгеновской трубкой с золотыми электродами; опытов балтиморского профессора Ира-Ремсена, пытавшегося построить аппарат для «молекулярных превращений одних металлов в другие». Но самым веским доказательством, которое Эмменс пустил в ход осенью 1897 года, было сообщение о том, что пробирная палата Соединенных Штатов начала покупать золото, произведенное синдикатом из серебра…

Это сообщение вызвало в печати настоящий ажиотаж. Но в то время как газеты неистовствовали, научные журналы не уделяли Эммensу особого внимания. Для них ссылки доктора на громкие имена, на пробирную палату и т. д. ничего не значили до тех пор, пока он окутывал таинственностью научную суть дела. И вот тогда-то Эммens и обратился с письмом к нескольким авторитетным в тэ годы ученым.

«Работа, производимая в лаборатории «Аргентаурум», — писал он известному английскому физику Круксу, — не преследует научные цели… мы не стремились приобресть учеников и верящих; дух научного товарищества, заставляющий меня отвечать на вопросы моих собратов, однако, не дает еще мне права моими сообщениями вредить прямым интересам, вверенным мне синдикатом». Отказываясь, таким образом, дать исчерпывающую информацию, Эммens тем не менее описал Круксу процедуру получения золота. «Если вам угодно испытать соединенное действие сжимания и очень низкой температуры, вы легко получите немного золота… Возьмите мексиканский доллар, поместите его в прибор, препятствующий его расширению, и продолжительно действуйте быстрыми и сильными ударами, но так, чтобы при этих ударах не могло происходить повышения температуры, даже моментального. Ведите операцию долго, и после некоторого времени вы найдете более чем простые следы золота».

Правда, сразу же вслед за этими словами Эммens спешит заметить, что у других исследователей может ничего не получиться: «Существует много видоизменений серебра в отношении к частичному его равновесию». Решив, что этой бессмысленной фразы недостаточно для полного затемнения дела, он в полном противоречии со всем, что писал ранее, вдруг заявляет: «Я не могу утверждать, что металл, полученный при моих опытах… есть золото: мне приятно считать его золотом, но я не заставляю ни вас, ни кого другого следовать за мною в этом отношении». И тут же, спохватившись, что он зашел слишком далеко, Эммens уверяет: «Для членов синдиката «Аргентаурум» всего важнее было узнать, что за полученный металл уплачено испытательною лабораториею Соединенных Штатов по такой же цене, как за золото. Вопрос решился, когда получилась уплата за три слитка: в 7,04; 9, 61 и 10,96 унций, а именно 95,05; 120,10 и 146,61 доллара».

Такие неуклюжие объяснения, естественно, не могли содействовать росту доверия со стороны ученых к синдикату, и тогда Эммens качал писать письма, статьи и брошюры, в которых он выступал как теоретик…

«Я полагаю, что в обыкновенном серебре содержится группировка частиц, имеющих различную степень устойчивости. Некоторые группы способны к дезагрегации и к образованию особого, очень непрочного вещества — аргентаурума. Под малейшими влияниями они или вновь переходят в серебро, или приближаются к золоту… Точного изучения физических и химических свойств полученного вещества я еще не успел выполнить, но уже считаю себя вправе придать получаемому этим путем металлу название аргентаурум».

Эти рассуждения вызвали некоторый отклик в научных кругах. Об эммensовском аргентауруме заговорили как о подтверждении теории единства материи. По-видимому, эти разговоры навели Эммensа на мысль подкрепить свои построения авторитетом Дмитрия Ивановича Менделеева, так как один из журналов

тех лет писал: «Профессор Менделеев создал учение о периодичности элементов, выходя из этих соображений, можно предвидеть существование простых, еще неизвестных тел, и на этом основании Менделеев утверждал, что существует тело, которое действительно впоследствии было открыто… оно названо галлием. Доктор Эмменс — сторонник этого закона периодичности, и, по его мнению, его аргентаурум займет пустое место между серебром и золотом в таблице, составленной по этому закону». По всей вероятности, именно эти ссылки на периодический закон переполнили чашу терпения Менделеева и заставили его взяться за перо…

С тех пор как осенью 1886 года Крукс прочитал в Бирмингаме свою знаменитую лекцию «О происхождении химических элементов», затихшие было споры о единстве материи вспыхнули с новой силой. Начало этим спорам положил лондонский врач Праут, любительски занимавшийся химией. В 1815 и 1816 годах он опубликовал две статьи, в которых утверждал, что атомные веса элементов должны быть в точности кратны атомному весу водорода; что никаких дробных значений атомного веса быть не может, и, если они есть, значит, измерения сделаны недостаточно точно; что, наконец, должен существовать «протил» — единая первичная материя, из которой состоит все сущее. Идеи Праута разделили химиков на два лагеря. Одни поддерживали идею о единстве материи, другие отрицали ее. Наконец, в 1860-х годах бельгийский химик Стае ставит серию кропотливейших измерений, долженствующих прямым опытным путем установить: существуют или нет дробные атомные веса? Табличка сотни раз перепроверенных цифр, составленная Стасом, оказалась многозначительной для химиков того времени: атомные веса большинства элементов были дробными…

До появления работ Стаса Менделеев был склонен думать, что в гипотезе Праута что-то есть. Но как естествоиспытатель, привыкший снова и снова пересматривать свои умозрительные соображения, каждый раз приводить их в соответствие с опытными данными, он сразу оценил достоверность таблички Стаса. И, положив в основу своей великой периодической системы представление о множественности химических элементов, вытекающее из работ бельгийца, построив на базе этой системы свои блистательные предсказания, Дмитрий Иванович, естественно, не считал нужным ни с того ни с сего отказываться от столь плодотворной идеи ради еще ничем не прославившегося утверждения о единстве материи.

Бирмингамское выступление Крукса, воскресившее в обновленном виде праутовский «протил», вывело Менделеева из себя. Безукоризненному предшествующему опыту всей химии Крукс противопоставлял туманные аналогии вроде распространения дарвиновской идеи об эволюции на химические элементы. Сообщения об аргентауруме, о новом подтверждении идеи единства материи, о том, что в основе эммерсовских построений лежит периодический закон, расстроили Дмитрия Ивановича еще больше. Он с грустью убеждался: достаточно нескольких газетных заметок, и люди, называющие себя образованными, готовы принять на веру самые дикие алхимические утверждения, осыпая науку намеками и попреками. Он с раздражением читал письма дилетантов, которые требовали от него объяснения эмменсовских заявлений или прямо указывали на необходимость оставить

существующие в науке представления о непревращаемости химических элементов друг в друга. Он с гневом выслушивал химиков, которым эмменсовские статейки «были очень на руку по их излюбленному представлению о единстве материи и о эволюционизме вещества элементов». Именно поэтому он и решился резко выступить против Эмменса, а позднее и против немца Фиттика, утверждавшего, что он добился превращения фосфора в мышьяк.

В 1898 году Дмитрий Иванович написал блестящую статью «Золото из серебра». Выступая как ревнитель множественности химических элементов, Менделеев, однако, оговаривался, что он не оголтелый сторонник того или иного предвзятого мнения, что он готов признать взаимопревращение элементов, если это будет установлено ясным, убедительным и достоверным научным экспериментом.

«Как философ, — писал он, — я с большим вниманием присматривался ко всякой попытке показать сложность химических элементов. Но как естествоиспытатель я вижу тщетность всех попыток, а потому от прочно установленного и общепринятого нет оснований переходить к фантастическому и произвольному…»

Тщательно проанализировав все сообщения об аргентауруме и брошюры самого бизнесмена-ученого, Дмитрий Иванович пришел к выводу: «То, что публиковал Эмменс, повторяет старое сомнение, секретничает, явно отвечает гешефту и страдает с опытной стороны. Секрет и гешефт так бьют в глаза, что об этом и говорить не стоит более. А повторение старого выступает особенно при воспоминании о попытках алхимиков… В прошлые века тоже не только пытались доказать превращаемость металлов друг в друга, но и уверяли, что золото получено и продано; все, по существу, то же, что у Эмменса. Очень уже оно старо, и очень плохо обставлено, чтобы вселять убеждение в справедливости утверждаемого…»

Только прямое взаимопревращение элементов, обставленное со всей строгостью и объективностью, может быть достаточным основанием для пересмотра взглядов на природу материи, считал Менделеев. Понимая, что Эмменс будет ссылаться на то, что разглашение секрета принесет колоссальные убытки синдикату, и этим будет мотивировать свой отказ от такого эксперимента, Дмитрий Иванович применил остроумный контрприем. Он показал: поскольку золото тяжелее и, следовательно, «сложнее», чем серебро, то превращать золото в серебро должно быть гораздо проще, чем наоборот. Разглашение условий, при которых дорогое золото превращается в дешевое серебро, не может нанести ущерба карману акционеров. Для науки же превращение золота в серебро имеет такую же убедительность и ценность, как противоположный переход. Дмитрий Иванович предлагал Эммeнсу тему для выдающейся научной работы: «Экспериментальное подтверждение взаимопревращения элементов на примере перехода золота в серебро».

Эмменс не принял вызова. Сообщения о синдикате «Аргентаурум» быстро исчезли со страниц газет и журналов, и со временем память о нем канула в Лету. И все-таки во всей этой истории, где «секрет и гешефт так и били в глаза», есть несколько непонятных, таинственных сторон.

Прежде всего, какие мотивы побудили пуститься в авантюрное предприятие Эмменса — человека с именем и хорошей научной репутацией?

Был ли он введен в заблуждение неправильно истолкованными результатами опытов или сознательно пошел на обман?

Но тогда в чем состоял его план?

А может быть, ему действительно удалось осуществить превращение серебра в золото?

Как ни парадоксально звучит такое предположение, в истории науки встречаются аналогичные примеры.

Так, после изобретения рентгенографического анализа были подвергнуты проверке все кристаллы, полученные Муассаном и считаемые им за искусственные алмазы. На поверку оказалось, что ни один из них не алмаз. Тогда было провозглашено, что при технических средствах, которыми располагал XIX век, синтез алмазов невозможен, и все предшествующие муассановские попытки были объявлены неудачными. Но когда английские физики Баннистер и Лонсдейл взяли для анализа кристаллики, 63 года пролежавшие в Британском музее под этикеткой «Искусственные алмазы Гэннея», то оказалось, что это действительно алмазы.

Секрет того, как в 1880 году Гэнней сумел синтезировать алмазы, до сих пор остается нераскрытым. Как он действовал, чем заменил уникальные прессы и электропечи, которые дали возможность ученым во всеоружии теории синтезировать алмаз в 1953 году?

Золото, правда, не из серебра, а из ртути, было получено с помощью ядерных реакций через несколько десятков лет после того, как лопнул синдикат «Аргентаурум»,

Но не может ли случиться так, что в истории искусственного получения золота Эмменс занимает такое же место, какое Гэнней — в истории искусственного получения алмазов?..

О. МИХАЙЛОВ, экономист

«УБЕЖДЕН: ЭММЕНС ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОЛУЧИЛ ЗОЛОТО!»

Только примененный им способ получения этого металла не имел ничего общего ни с химией, ни даже с алхимией. Зачем стал бы он прибегать к столь сложным и ненадежным путям, когда к его услугам были уникальные условия, создавшиеся в 1890-х годах в американской экономике?

Действительно, если внимательно вдуматься в процессы, происходившие в конце XIX века в финансово-экономической жизни большинства стран мира, нетрудно убедиться, какое колоссальное поле деятельности открывали они для

всякого рода махинаций. Так, большинство стран мира с 1870-х годов, следуя примеру Англии, переходят на золотое денежное обращение. Если Англия, сделавшая это еще в 1816 году, на протяжении полустолетия оставалась в одиночестве, то в 70-х годах к ней присоединяются одна за другой прочие страны. В 1874 году переходит на золотое обращение Германия, за ней — Скандинавские страны и Голландия. В 1878 году прекращают чеканку серебра страны Латинского союза — Франция, Швейцария, Бельгия и отчасти Италия. В 1892 году переходит на золотое обращение Австро-Венгрия, а в 1896-м — Россия.

В США билль от 12 февраля 1873 года объявлял основной монетной единицей золотой доллар и ограничивал платежи серебряной монетой суммой всего в 5 долларов. Новый закон вызвал сильнейшую оппозицию. Против него ополчились прежде всего должники, которые до закона занимали бумажные деньги, а после него должны были отдавать золото. Им вторили землевладельцы, которые должны были платить рабочим золотой монетой в прежнем размере, в то время как цены на хлеб при улучшающейся монете должны были падать. Но больше всего были обеспокоены владельцы серебряных рудников, не без оснований опасавшиеся за сбыт своей продукции. Именно эти слои повели усиленную агитацию против золотого обращения. Сваливая на него все затруднения в промышленной и сельскохозяйственной деятельности, они ратовали как за панацею от всех бед за биметаллизм, то есть за двойное обращение; при котором золото и серебро выступают как равноправные денежные металлы.

Перед этим натиском правительство не смогло устоять: в 1878 году был издан так называемый «Бэн-Эллисоновский билль», возвративший серебряному доллару платежную силу и восстановивший частично его чеканку. Сделав это, государство взвалило на свои плечи тяжкое бремя, ибо тем самым оно обязалось поддерживать отношение стоимостей золота и серебра постоянным и равным 1 : 15. Чтобы поддерживать это отношение все время на одном уровне, казначейство должно было скупать излишки металла на серебряном рынке, тем самым не допуская падения его цены. А делать это было тем труднее, что именно в конце XIX века производительность серебряных рудников в Соединенных Штатах росла с фантастической быстротой.

В казначейство стали стекаться громадные массы серебра. С 1870 по 1891 год государство скупило более двух третей всей американской добычи серебра, в сущности, расплатившись за него полновесной золотой монетой. Ценность серебра упала катастрофически, и в США возникло паническое беспокойство за судьбу денежного обращения, перегруженного серебром. В 1893 году чрезвычайная сессия конгресса отменила решение о покупке серебра, и США перешли на так называемое «хромое» денежное обращение, при котором за серебряной монетой сохраняется платежная сила, хотя чеканка ее остановлена.

Но биметаллисты не намерены были сдаваться и продолжали борьбу. И вот тут-то, по-видимому, в их поле зрения попал Эмменс. Думается, в своей статье Г. Смирнов не обратил должного внимания на экономическую подоплеку эмменсовского предприятия. А она, мне кажется, снимает с синдиката «Аргентаурум» всякую таинственность.

Действительно, при внимательном изучении статьи в газете «Дейли кроникл» за 1897 год я обнаружил важную цифру: стоимость получения одной унции золота, включая сюда и стоимость самого серебра, составляла 50 франков. По курсу тех лет 1 доллар стоил 5,25 франка, следовательно, унция искусственного золота должна была обходиться в 9,5 доллара. Учитывая, что, по свидетельству Эмменса, при производстве терялось 25 процентов серебра, нетрудно установить, что на 1 унцию производимого золота требуется 1,33 унции серебра.

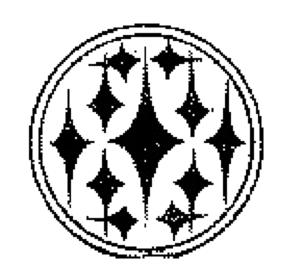
Таким образом, из одной унции серебра Эмменс получил 0,75 унции золота, затратив на это превращение 9,5/1,33 = 7,12 доллара. Стоимость же золота в те годы составляла 13,5 доллара за унцию, поэтому за золото, полученное из одной унции серебра, можно было выручить 13,5 0,75 = 10 долларов. Выходит, чистая прибыль синдиката 10—7,12 = 2,88 доллара с каждой унции серебра. Если учесть, что стоимость серебра катастрофически падала и в 1897—1899 годах составляла всего 40 центов, то нетрудно понять: Эмменс сулил акционерам норму прибыли в 600—700 процентов!

«Помилуйте, — скажет читатель, — все эти расчеты имели бы смысл лишь в том случае., если бы Эмменс действительно осуществил превращение серебра в золото. А это-то как раз и не доказано». Но в том-то и дело: Эмменсу важно было, чтобы его сообщению поверили на небольшой срок…

Во время катастрофического падения стоимости серебра соответственно обесценивались серебряные рудники, и у их владельцев появлялось горячее желание продать их как можно быстрее. В это самое время Эмменс мог по дешевке скупить акции рудников, а потом начать распространять сенсационные слухи об аргентауруме и о превращении серебра в золото. Если учесть, что лишь в районе озера Онтарио серебряные рудники ежегодно давали около 20 миллионов унций серебра, то нетрудно понять, какой эффект произвели эти сообщения, сулящие вместо 8—10 миллионов долларов в год 50—60 миллионов. Спрос на акции серебряных рудников растет, они дорожают. Тогда Эмменс быстро распродает скупленные ранее акции и, оставив разницу у себя в кармане, объявляет, что с аргентаурумом у него получилась ошибка.

Могло быть и по-другому. Владельцы серебряных рудников, стремясь избавиться от бесприбыльных и быстро обесценивающихся владений, могли преподнести Эмменсу кругленькую сумму. А он за это мог оказать им любезность: своими сообщениями вздуть цены на рудники на время небольшое, но достаточное, чтобы сбыть их с рук за хорошие деньги.

Думается, это самое простое и наиболее вероятное объяснение тайны синдиката «Аргентаурум».



П. ВЕСЕЛОВ, писатель
ПРОЕКТ «All-big-gun» 1884 ГОДА

«Енисей» быстро оседал на нос и кренился на левый борт. В огромную пробоину с ревом врывалась вода. Степанов, очень хорошо знавший все качества своего детища, сразу понял: спасти корабль невозможно. И несколько последних оставшихся ему минут жизни он посвящает спасению людей. Четко и быстро исполняются отдаваемые им приказы. Одна за другой спускаются на воду шлюпки, стоя на мостике, он подбадривает и торопит оставшихся.

«Владимир Алексеевич! Батенька! Скорее! Не терпит время! Считанные минуты остались!» — прокричал Степанову штурманский офицер. В ответ с мостика донеслись до всех последние слова командира: «Кто останется на корабле, пристрелю сам. Обо мне прошу не беспокоиться. Прощайте, братцы!»

Так он и запечатлен в памяти людей, застывших на отваливших от гибнущего «Енисея» шлюпках: один, с непокрытой головой, стоящий на мостике беспомощного, быстро уходящего в воду корабля. Вот высоко задралась корма, мелькнули в воздухе неподвижные бронзовые винты, и негостеприимные волны чужого моря сомкнулись над головой Владимира Алексеевича Степанова, избавив его от далеко не единственного, но, быть может, самого горького разочарования в жизни…

Творение, погубившее своего создателя

Не так уж много найдется в истории кораблестроения людей с судьбой более драматичной, чем судьба Степанова. Благодаря удивительной проницательности и одаренности он еще на заре своей военной и изобретательской деятельности предугадал значение минного оружия в грядущих войнах на море, и в плеяде специалистов, создавших высокую репутацию русскому минному делу, Степанову принадлежит почетное место.

Он изобрел первую в мире автоматическую систему для постановки мин на ходу корабля. Он разработал проект первого в мире минного заградителя — быстроходного специализированного корабля, предназначенного для скрытой постановки мин у вражеских берегов. И когда грянула русско-японская война, в составе нашего флота уже находились корабли, которых не было ни в одной стране мира.

Но как будто злой рок преследовал Степанова. События сложились так, что русская эскадра, ослабленная внезапным нападением японцев, отстаивалась на внутреннем рейде Порт-Артура. И когда возникла угроза высадки японского десанта на Квантунском полуострове близ коммерческого порта Дальний, единственным кораблем, готовым преградить путь японскому флоту, оказался минный заградитель «Енисей», построенный по проекту Степанова.

Непроглядной ночью 28 февраля 1904 года, во время снежной пурги и пронизывающего ледяного ветра, маленький ладный кораблик вышел на позицию и приступил к постановке мин. Почти двое суток не сходит с мостика командир. Ни смертельная усталость, ни брызги, превратившие его реглан в ледяной панцирь, не могут заставить его оторваться от дела, к которому он готовился всю жизнь.

Вот уже перегорожен двойной линией мин северный выход из Таленваньской бухты. Ветер крепчает, колючий снег снижает видимость почти до нуля. Но «Енисей» упорно идет вперед; одна за другой через разные промежутки времени плюхаются за борт тяжелые рогатые мины. Наконец сброшена последняя мина. Общий вздох облегчения, повеселевшие лица. Степанов внимательно оглядывает в бинокль пройденный кораблем путь и вдруг замечает на гребне волны всплывшую мину. Если противник обнаружит ее, преимущества скрытности минирования будут утрачены…

Поморщившись, Степанов отдает приказание, и «Енисей» малым задним ходом начинает приближаться к мине. С кормового орудия мигом сдернут чехол, еще минута, и мина будет уничтожена. И в этот момент чудовищной силы взрыв сотрясает корабль…

«Енисей», который принес Степанову и признание и гибель, пошел на дно примерно за год и четыре месяца до Цусимы. А меньше чем через полтора года опыт этого, быть может, самого решительного в истории морского сражения дал толчок к разработке проекта «Дредноута» — линейного корабля, открывшего новую — дредноутную эпоху в развитии военного флота. Спустя пару лет у всех на устах были имена людей, причастных к строительству дредноутов в крупнейших морских державах мира. Но среди них не было уже имени Владимира Алексеевича Степанова — человека, который сам себя считал неудачником, не ценил своих недюжинных способностей, был очень несчастлив в личной жизни и который тем не менее больше, чем кто-либо другой, имел право считаться пророком дредноутной эры.

Родословная «Дредноута»

В июле 1905 года на одном из заседаний комиссии, составленной из военных моряков, ученых и кораблестроителей, адмирал Пэгенгэм, делясь с присутствующими впечатлениями о Цусимском бое, в котором он принимал участие в качестве наблюдателя, склонялся к той мысли, что боевая ценность огромного британского броненосного флота в течение нескольких ближайших лет будет сведена к нулю.

Цусимское сражение, по мнению адмирала, показало: исход морского сражения будут решать быстроходные корабли с мощным артиллерийским вооружением и мощной броней от носа до кормы. А этим условиям не отвечал ни один из находившихся в строю британских броненосцев.

Нельзя сказать, что идея создания такого линейного корабля была нова. Лучше всех это знал первый морской лорд-адмирал Фишер, отвечающий за постройку и

вооружение новых кораблей. В 1899 году, командуя Средиземноморской эскадрой, он пришел к выводу, что прицельный огонь из орудий можно вести не только на дистанции 12—15, но и 30—40 кабельтовых. Правда, для этого необходимо было стрелять из орудий одного калибра, иначе корректировка становилась невозможной. Чем больше крупнокалиберных орудий, тем грознее корабль для врага. По мысли Фишера, двенадцать 305-миллиметровых орудий следовало размещать попарно в трех башнях на носу и трех на корме. Тогда корабль сможет вести носовой и кормовой огонь из шести орудий, а бортовой — из восьми. А пока Фишер занимался своими изысканиями, специалисты Адмиралтейства тоже не теряли даром времени.

В 1902 году инспектор артиллерии английского флота Мэй после кропотливых исследований пришел к ошеломляющим выводам: оказывается, средняя артиллерия на линейных кораблях вообще не нужна, ибо она уничтожается главным калибром противника еще до того, как сможет сама начать стрельбу! По предложению Мэя был спроектирован броненосец «Лорд Нельсон», вооруженный двенадцатью 12-дюймовыми орудиями, но в 1902 году идея Мэя показалась Адмиралтейству чересчур рискованной, и было принято стандартное размещение артиллерии: четыре 12-дюймовых и десять 9,2-дюймовых пушек.

Теперь же, после Цусимы, морские чиновники крепко задумались над судьбами британского флота, и лорд Фишер получил необходимые кредиты, чтобы «Правь, Британия, правь морями» отнюдь не стало бы впредь пустым звуком.

Надо было скороспешно нагонять упущенное время. На конкурс в бюро военного судостроения поступило восемь проектов линейных кораблей.

Один за другим проходят перед Фишером соискатели.

«Срок», — сквозь зубы цедит Фишер и, получив не удовлетворяющий его ответ, уже безо всякого интереса выслушивает пояснения к проекту.

Очередь доходит до Дж. Нарбета. Тот же вопрос и ответ, заставивший всех вздрогнуть: «Год, сэр!» — «Приступайте!» — был лаконичный ответ первого лорда Адмиралтейства.

Через один год и один день «Дредноут» — так называли новый корабль, — сверкая свежей краской, стоял у пирса в Портсмуте, готовый к испытаниям. В нем поражало все: и грандиозные размеры; и пять башен с десятью дальнобойными 305-миллиметровыми орудиями (не случайно его называли еще «all-big-gun», то есть «вооруженный только крупными орудиями»); и турбины Парсонса, создававшие неоценимую прибавку в скорости на 2—3 узла; и сплошная броневая защита от носа до кормы.

Выбранный вариант, как выяснилось позже, был хуже забракованных Фишером. Но Фишер преследовал тут только одну цель — корабль должен быть выстроен в один год. Он далее отказался от рассмотрения проекта варианта корабля с трехорудийными башнями, сулящими многие технические и тактические выгоды, только лишь по той причине, что три года — необходимый срок на проектировку и испытания башен — не устраивали его.

Ставя жесткий годичный срок, Фишер заглядывал в будущее, и в этом своем

единственном требовании он до бесконечности оказался прав, потому что с появлением «Дредноута» все прежние броненосцы, в том числе и недавно заложенные, разом устарели, а государства, затратившие огромные средства на их строительство, оказались почти безоружными на море. Вот почему с появлением «Дредноута» обозначается целая эпоха в военном кораблестроении.

Кто первый?

Казалось бы, постройкой «Дредноута» Британия закрепила за собой славу не только самой мощной индустриальной державы того времени, но и приоритет в создании линейного корабля нового типа. Но в действительности все оказалось гораздо сложнее.

Первым, кто заявил свои права на первенство в разработке такого линкора, был главный кораблестроитель итальянского флота полковник Умберто Куниберти. Еще в 1902 году он предложил своему правительству аналогичный проект. Однако расходы на постройку линкора по этому проекту показались итальянскому правительству столь ошеломляющими, что оно заявило: строить не будем, а если Куниберти желает, то он может осуществить свой проект на стороне или хотя бы опубликовать его.

Вот таким путем на страницах английского морского ежегодника «Джейнс фатинг шипс» за 1903 год и появилась статья Куниберти под броским заголовком «Идеальный броненосец для английского флота», в которой в основных чертах и воспроизводился его проект.

По мысли автора, уже сейчас и немедля пришла пора строить броненосцы с водоизмещением в 17. тысяч тонн, с артиллерией из двенадцати 305-миллиметровых орудий и ходом в 24 узла.

В частности, обосновывая переход к единому калибру, итальянец доказывал:

«Если мы хотим с одного залпа уничтожить корабль противника, мы должны принимать в расчет только 305-миллиметровые орудия, способные пробивать главный броневой пояс. Поскольку такие орудия заряжаются довольно медленно, надо установить их как можно больше, и тогда вам раньше удастся нанести роковой удар противнику».

Но Куниберти оказался не одинок. Если главный кораблестроитель итальянского флота претендовал на идею, то главный строитель американского флота Ральф Хичборн претендовал на нечто большее: на приоритет в разработке детального проекта.

«Если бы не наша американская медлительность, — говорил Хичборн, — линкоры нового типа стали бы называться не дредноутами, а мичиганами». И действительно, сравнивая боевые характеристики броненосцев «Мичиган» и «Южная Каролина», американцы убеждались, что скрытные англичане увели у них приоритет и славу буквально из-под носа. Конгресс утвердил акт о закладке этих кораблей за 9 месяцев до закладки «Дредноута». Но оперативность американцев

была такова, что закладка «Мичигана» состоялась через два с половиной месяца после того, как «Дредноут» вступил в строй. Дело в том, что конгресс, проводя кампанию экономии, отказался утверждать кредиты на их постройку под тем предлогом, что их водоизмещение превышает 16 тысяч тонн. Пришлось терять столь дорогое время, подгонять и переделывать проекты. Но нет худа без добра. Это жестокое требование послужило прекрасным стимулом для со здания превосходных кораблей. Их главная артиллерия состояла из восьми орудий 305-миллиметрового калибра, расположенных линейно-возвышенно, позже такое расположение было признано классическим.

В России в самом начале столь памятного для нее 1905 года, еще до кровавых кошмаров Мукдена и Цусимы, на стол председателя Морского технического комитета лег проект линейного корабля водоизмещением в 19 тысяч тонн, с ходом в 21 узел и вооружением из двенадцати 305-миллиметровых орудий. Проект был составлен корабельными инженерами Адмиралтейского судостроительного завода и отличался в лучшую сторону от выстроенного позже его английского собрата.

Особенно это относится к расположению 305-миллиметровых пушек, которые при эшелонном расположении могли стрелять все на один борт.

Но после потери почти всего флота и потрясений резолюции в России было не до полемики о приоритете создания проекта и выдвижении идеи единого калибра.

Разработка «Нассау» — германского броненосца дредноутного типа — началась в 1904 году, то есть до того, как стали известны характеристики «Дредноута». Несмотря на затянувшиеся испытания и подготовительные работы, германский головной линейный корабль, совпадающий в основных чертах с английским проектом, но с намного лучшей броневой и подводной защитой, был заложен уже в июне 1906 года, ровно за четыре месяца до окончания постройки «Дредноута».

И потому немецкие кораблестроители, возглавляемые морским министром Тирпицем, тоже считали, что они пришли к идее дредноута если не раньше англичан, то, по крайней мере, независимо от них.

Подводя черту разгоревшемуся столь длительному, столь упорному, а иногда и ожесточенному спору, можно резюмировать только лишь одно, что, в сущности, все претенденты друг другу не мешают — одни высказали идею годом раньше, другие годом позже воплотили ее в проекте, выполненном в виде первого дредноута английским Адмиралтейством.

Появление линейного корабля нового типа отнюдь нельзя считать неожиданным. Нет ничего удивительного и в том, что идея его создания возникла одновременно в нескольких странах. Она была обусловлена всем ходом развития техники и кораблестроения на рубеже двух столетий, и война лишь ускорила саму эволюцию типа. Но какое же разочарование ожидало бы и Фишера, и Куниберти, и Хичборна, и всех прочих претендентов, если бы они узнали, что в архивах морского ведомства в России с 1884 года хранится проект, воплотивший в себе требования, которые 20 лет спустя породили «Дредноут»…

Проект, сданный в архив

На военно-морских тактических занятиях, проводимых николаевской Морской академией в 1883 году, разбиралась «Морская дуэль» — нашумевшая тогда брошюра английского адмирала Коломба. Разбирая одиночный бой кораблей, этот знаменитый специалист по морской тактике утверждал: гораздо выгоднее располагать восемь орудий главного калибра так, чтобы четыре из них могли вести огонь на один борт, а четыре других — на другой, чем распределять их равномерно, по два на каждый борт, на нос и корму.

Один из участников этих занятий, молодой офицер Владимир Алексеевич Степанов, считая, что в будущем, как и в прошлом, сражаться придется не столько одиночным судам, сколько эскадрам, решил разобрать вопрос о наивыгоднейшем расположении орудий на кораблях, предназначенных для эскадренного боя. Поскольку лучшим боевым строем для эскадры считалась кильватерная колонна, Степанов решил: крупные орудия, решающие участь сражения, нужно расположить так, чтобы наибольшее их число участвовало в бортовом залпе. Эта простая идея и послужила основой проекта броненосца с линейным расположением артиллерии главного калибра.

Защищенный в 1884 году в качестве дипломной работы по кораблестроительному отделу николаевской Морской академии, этот оригинальный проект обратил на себя внимание специалистов, обсуждался в Морском техническом комитете, был признан «преждевременным», сдан в архив и в дальнейшем утерян.

Лишь с большим трудом по архивным и разбросанным в периодической печати материалам автору статьи удалось в самых общих чертах восстановить внешний вид и приблизительные тактико-технические свойства степановского дредноута.

Это был двухвинтовой барбетный броненосец водоизмещением в 9270 тонн, с типичным для того времени тараном. Его длина составляла 104,5 метра, ширина — 20,5 метра, осадка — 7,2 метра.

В центральной части корпуса располагался овальный барбет, внутри которого попарно, на снижающихся станках, находилось восемь дальнобойных 305-миллиметровых орудий.

Для борьбы с миноносцами и минными катерами предназначалось пятьдесят 47-миллиметровых скорострельных пушек, установленных в полупортиках незащищенной жилой палубы, на продольном мостике и марсах мачт.

Кроме артиллерии, корабль нес четыре надводных минных аппарата, мины заграждения, которые можно было ставить на ходу, и два паровых катера, вооруженных минными аппаратами.

Мощность двух паровых машин двойного расширения была достаточна для достижения скорости около 16 узлов. Широкий 53-метровый бортовой пояс с траверзами, барбет, податочные трубы и боевая рубка состояли из плит брони компаунд толщиной 380 миллиметров. На уровне ватерлинии по всей длине корабля шла 75-миллиметровая броневая палуба.

Вот, пожалуй, и все, что нам известно о «Дредноуте 1884 года».

Куда девался проект? Остались ли, сохранились ли где-нибудь документы и расчеты? Рассматривалась ли подобная схема размещения орудий при создании русских броненосцев?

Материал, проливающий свет на любой из этих вопросов, способствовал бы раскрытию одной из самых интересных и запутанных страниц русского кораблестроения.

Г. СМИРНОВ

ПРОЕКТ В. СТЕПАНОВА ЗАСЛУЖИВАЕТ ВНИМАТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Рассматривая историю развития линейного корабля, нетрудно убедиться, что конечным итогом многочисленных технических нововведений на флоте было изменение всего одной величины — наивыгоднейшего калибра корабельной артиллерии. На первый взгляд может показаться, что наивыгоднейший калибр — это наибольший калибр. Но применение такого простого правила на практике сразу же наталкивается на непреодолимые трудности. В самом деле, калибр какого орудия следует считать наибольшим? Того ли самого крупного орудия, которое в состоянии производить орудийные заводы? Или калибр той пушки, вес которой может выдержать корпус данного корабля? А как быть, если самые крупные орудия, выпускаемые заводами страны, не могут пробивать броню вражеских кораблей?

Уже эти вопросы показывают, что понятие «наибольший калибр» вовсе не так просто и очевидно, как может показаться на первый взгляд, и что вместо него правильнее применять понятие «наивыгоднейший калибр».

«Говоря о наивыгоднейшем калибре, — писал в 1892 году известный русский морской артиллерист Ф. Пестич, — следует подразумевать калибр тех орудий, которые в определенную единицу времени в состоянии будут внести вовнутрь вражеской эскадры не только наибольшее число снарядов и наибольший вес металла, но также и наибольшее число пробоин, приходящихся на единицу поражаемой поверхности».

Такой взгляд вносит замечательную ясность в понимание эволюции линейного корабля, ибо выбор наивыгоднейшего калибра начинает представляться нам не безотчетной и голословной борьбой мнений адмиралов и кораблестроителей, но отражает многообразие технических и тактических новшеств данной эпохи.

Во времена парусного флота малые калибры и малый вес ядер компенсировались огромным числом орудий, участвовавших в сражениях. И масса выбрасываемого в единицу времени чугуна была в состоянии производить в борту вражеского корабля пролом таких размеров, что в него могла свободно войти карета. Появление бомбических пушек, принесших русскому флоту решительную победу при Синопе, породило железную броню. Повысить бронепробиваемость снаряда можно двумя способами — увеличением либо его веса, либо его начальной

скорости. Поначалу первый способ оказался доступнее, ибо не требовал разработки принципиально новых сортов пороха. Поэтому к 1880—1885 годам калибры морской артиллерии достигают порой 430 мм, а вес каждого орудия перевалил за 100 тонн. Если во времена парусного флота линейные корабли несли по 80—100 пушек, делающих до 10 выстрелов в минуту, то теперь им на смену пришли броненосцы, несущие всего 4 орудия, каждое из которых могло делать лишь один выстрел в несколько минут.

Для отражения атак минных катеров такие орудия не годились, и в дополнение к артиллерии главного калибра на броненосцах 1880-х годов появляется скорострельная малокалиберная противоминная артиллерия. Бездымные пороха, позволившие увеличить бронепробиваемость снарядов умеренного калибра за счет увеличения их начальной скорости, превратили эту противоминную артиллерию в скорострельную артиллерию среднего калибра, которую можно было бы применять не только для борьбы с минными катерами, но и для поражения вражеских броненосцев в эскадренном бою. И вот тогда-то и появилась возможность вернуться к вооружению кораблей орудиями только одного наивыгоднейшего калибра. Точный математический расчет, в который были заложены технические и тактические параметры 1885—1890-х годов, был произведен Ф. Пестичем, доказавшим, что наивыгоднейшим калибром для того времени следует считать 6 дюймов — 152 мм. И события китайско-японской войны 1895 года подтвердили его расчеты: китайские корабли были уничтожены скорострельной артиллерией японских крейсеров. Однако сам Пестич прекрасно понимал, что придавать этому калибру абсолютное значение нельзя, что дальнейшее совершенствование техники будет неуклонно вести к повышению наивыгоднейшего калибра. «В прежних моих исследованиях, — писал он в 1892 году, — я доказывал, что при свойстве той бортовой защиты, которая существует во всем английском флоте, 6-дюймовое дальнобойное орудие должно… считаться самым наивыгоднейшим калибром. Но с тех пор изменилась не только бортовая защита, но и баллистические качества самих орудий, поэтому считаю необходимым еще раз обратиться к первоначальному моему способу и вторично произвести сравнение между 6- и 12-дюймовыми дальнобойными орудиями при изменившихся уже условиях». Выходит, еще в 1892 году русский артиллерист предвидел, что калибр средней артиллерии будет со временем повышаться и, когда он достигнет 12 дюймов — 305 мм, — средняя и главная артиллерия сольются и возникший таким образом «all-big-gun» будет вооружен орудиями одного наивыгоднейшего калибра.

Только разобравшись во всех этих. соображениях, мы сможем правильно оценить появление «Дредноута» и понять многозначительность и важность проекта, разработанного В. Степановым. Оказывается, «Дредноут» потому и произвел столь ошеломляющее впечатление на современников, что лорд Фишер выбрал калибр НЕ наивыгоднейший в 1905 году. Если бы он в основу своих расчетов закладывал максимальную огневую мощь, он должен был бы принять калибр 10 дюймов. Остановив свой выбор на калибре 12 дюймов, Фишер сознательно пошел на снижение огневой мощи, ибо главной своей целью считал создание корабля, предназначенного для ведения прицельной стрельбы на максимально возможной дистанции. Вот почему не отсутствие самой по себе средней артиллерии делает

броненосец дредноутом (кстати говоря, на позднейших дредноутах средняя артиллерия появляется снова), а наличие 8—14 однокалиберных дальнобойных орудий.

Это обстоятельство начисто отсекает притязания Куниберти, который проектировал свой «all-big-gun» как корабль с максимальной огневой мощью на умеренной дистанции боя. Притязания американского адмирала Симса (именно по его идеям проектировал корабли Хичборн) более обоснованны, ибо он исходил из тех же соображений, что и Фишер, с которым не раз обсуждал эти проблемы.

Размещению орудий на «Дредноуте» англичане уделили очень большое внимание, но член комитета престарелый адмирал Вильсон разом перечеркнул всю эту работу, заявив: главное — мощь бортового залпа, поэтому на каждый борт должны стрелять ВСЕ орудия. Как практичный моряк Фишер понимал, что это требование — дань боевому опыту парусного флота и что в грядущей войне гораздо важнее мощь носового и кормового залпа. Но, стремясь обратить поражение в победу, он горячо поддержал влиятельного Вильсона и приказал разработать несколько проектов, в которых бы удовлетворялось требование престарелого адмирала, но неизбежным побочным результатом выходило бы усиление носового и кормового огня, Именно этим объясняется несколько необычная схема размещения орудий на «Дредноуте».

Итак, подведем итоги:

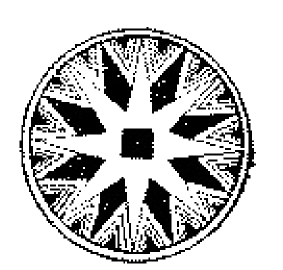
1. В первоначальных разработках Фишера прообраз «Дредноута» именовался «Неприступным», что предполагало весьма основательное бронирование и в общем-то умеренную скорость.

2. В 1905 году «Дредноут» не был кораблем, несущим орудия наивыгоднейшего с точки зрения максимальной огневой мощи калибра.

3. Калибр 12 дюймов был выбран из соображений ведения прицельного огня на максимальной дистанции.

В какой же степени проект В. Степанова можно рассматривать как «Дредноут 1884 года»? Как и у «Дредноута», у степановского корабля бронирование и скорость находятся на уровне или незначительно превосходят бронирование и скорость современных им кораблей. Как и «Дредноут», корабль нашего соотечественника нес орудия отнюдь не наивыгоднейшего калибра. Но чем был обусловлен выбор калибра и размещение орудий на степановском броненосце, неизвестно. В нашем распоряжении, к сожалению, лишь чисто технические детали проекта, а оценка боевого корабля с одной только технической точки зрения есть оценка неправильная, пока требования техники и тактики не согласованы между собой.

Вот почему поиски в архивах и изучение наследия В. Степанова могли бы пролить яркий свет на одну из самых интересных и драматичных страниц отечественного кораблестроения. Необычность и своеобразие степановского броненосца могут объясняться тем, что русский моряк еще в 1884 году поставил перед собой вопросы, с которыми мировое кораблестроение столкнулось лишь 20 лет спустя.



А. ИВОЛГИН, военный инженер
СУДЬБА ПРОФЕССОРА ПИЛЬЧИКОВА

В 7 часов утра 6 мая 1908 года в одиночной палате одной из больниц Харькова раздался револьверный выстрел. Когда встревоженные врачи и санитары взломали запертую дверь и ворвались в палату, они увидели человека, лежащего на койке. Если бы не кровавое пятно на рубашке, можно было бы подумать, что больной просто спит…

Вороненый револьвер «бульдог» аккуратно лежал на столике рядом со стаканом недопитого чая. Судебно-медицинские эксперты констатировали смерть: пуля прошла сквозь сердце. Но тогда как же мог больной аккуратно положить на стол револьвер? Может быть, это было не самоубийство, а убийство?..

Блестящая карьера

Человеком, который был найден мертвым в палате, был профессор Николай Дмитриевич Пильчиков…

В наши дни это имя известно немногим, хотя среди русских ученых-физиков оно занимает далеко не последнее место. Необычайная судьба этого человека, странная участь его замечательных открытий, необъяснимая смерть до сих пор остаются загадкой. Его научное. наследие красноречиво говорит о поразительной работоспособности и удивительной многогранности. 50 трудов посвящены исследованиям в области атмосферного электричества, рентгеновых лучей, явлений радиоактивности, геомагнетизма, ионизации атмосферы, поляризации света, рассеянного земной атмосферой.

Научная карьера Н. Д. Пильчикова была блестящей и стремительной.

В 1881 году, после окончания Харьковского университета, он оставлен ассистентом кафедры физики. В этом же году выходит в свет его научная монография «Рефрактор с полой чечевицей для определения показателя преломления света в жидкости и методика оптического анализа»,

В 1883 году Пильчиков обследовал открытую П. Б. Иноходцевым и И. Н. Смирновым знаменитую Курскую магнитную аномалию. Проведя 71 серию наблюдений, он обнаружил ее новые районы в Марьиной и у Прохоровки. Он один, из первых указал на то, что причина аномалии — залежи железной руды. За это исследование Пильчиков был удостоен Почетной медали Русского географического общества.

В 1885 году Пильчиков назначен приват-доцентом физики Харьковского университета.

Спустя два года магистра физики Пильчикова командируют в Париж. Здесь «ученик» указал «учителям» на то, что в магнитной обсерватории, где он проходил практику, надо исправить ошибки в конструкции сейсмографа.

Известность молодого ученого распространяется за пределы России. Пильчиков — уже профессор Харьковского университета, активный участник многих научных съездов в Париже, Льеже, Москве, Петербурге, Киеве. Его избирают членом совета Французского физического общества, членом Тулузской академии наук, Русского физико-химического общества и других научных организаций России, Франции, Германии, Австрии.

Стоит ли удивляться, что именно Пильчиков 70 лет назад взялся за решение технической задачи, которая в наши дни с таким блеском решена на искусственных спутниках Земли, автоматических межпланетных станциях и космических кораблях?

Стоит ли удивляться, что именно Пильчиков стоял у истоков управления по радио?..

Находка в архиве

В истории науки и техники есть немало случаев, когда одно и то же открытие почти одновременно было сделано учеными разных континентов.

Принято считать, что первая в мире радиоуправляемая телемеханическая система была разработана Николой Теслой. Известно, что весной 1898 года им была создана модель судна, управляемого по радио. 1 июля того же года он подал заявку на патент и спустя два месяца в Нью-Йорке на закрытом стадионе демонстрировал радиоуправляемую модель.

Но вот другие факты. Перед нами объемистый том за № 1037 фонда № 740 Центрального государственного военно-исторического архива. Это переписка профессора Пильчикова с военным министром России…

«…предпринятые мною работы по вопросу о беспроводной электрической передаче энергии привели меня к результатам, которые я не считаю себя вправе эксплуатировать за границей, не представив их прежде всего на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства…» — пишет Пильчиков военному министру.

Так как этот документ датирован 12 декабря 1898 года, то можно подумать, что это было уже после опытов А. Попова, Маркони и Теслы.

Однако Н. Пильчиков шел своим путем. В докладной от 26 января 1899 года он пишет:

«…Я предпочел разрабатывать метод Лоджа (1893 г.), утилизировавшего Герцовы электрические волны (1888) и их действие на проводимость металлических порошков, открытое Бранли (1890)…

В то время как Маркони и Попов стремились достичь возможно большей дистанции, до которой могли бы передавать сигналы, я разрабатывал вопрос о том, каким образом беспроводную электрическую передачу энергии… уединить от пертурбаций, причиняемых действием электрических волн, постоянно происходящих…

После довольно продолжительных теоретических и опытных изысканий я

остановился на той мысли, что прибор, воспринимающий действие электрических волн, должен быть непременно снабжен особым охранным снарядом — протектором, который, профильтровывая доходящие до него электрические волны, давал бы доступ к действующему механизму лишь тем волнам, которые посланы нами…»

Таким образом, Пильчиков одним из первых ставит и формулирует задачу, которая, выражаясь современным языком, может быть названа попыткой придать устройствам селективность (то есть способность настраиваться на определенную волну) и обеспечить защиту от атмосферных и иных помех!

Из текста доклада следует, что Пильчикову удалось решить эту сложную задачу, спроектировав несколько протекторов различной конструкции. Больше того, он не только спроектировал, но изготовил и испытал эти устройства.

«…на моей публичной лекции 25 марта прошлого года (1898 г. — *Ред.)*,сведения о которой содержатся в прилагаемом при этом № 425 «Одесского обозрения», мною были с помощью электронных волн, шедших сквозь стены зала, в которых стояли приборы, выполнены между прочим следующие опыты: 1) зажжены огни модели маяка; 2) вызван выстрел из небольшой пушки; 3) взорвана мина в искусственном бассейне, устроенном в зале, причем затонула маленькая яхта; 4) приведена в движение модель железнодорожного семафора…»

Трагедия ученого

Характер и образ жизни Николая Пильчикова и Николы Теслы во многом схожи. Ученые были почти ровесниками, не имели близких родственников, жили без семьи, холостяками. Оба бескорыстно служили науке. И того и другого влекла таинственная природа молний, лучей Рентгена, проблема радиоактивности. Правда, к Пильчикову «в один осенний вечер» не пришел Георг Вестингауз и не отдал без лишних слов миллион долларов за сорок патентов. Не было у Пильчикова и такого чуткого, задушевного друга, как Катарин Джонсон у Теслы…

Да, случилось так, что Пильчиков и Тесла почти в одно и то же время, на разных континентах, впервые в мире демонстрировали радиоуправляемые теле-механические системы! Но почему об успешных опытах Пильчикова не знала широкая научная общественность России? Почему ничего не известно о дальнейших разработках Пильчиковым этих систем?

Единственная публикация об опытах Пильчикова была сделана в «Одесском обозрении» — издании, весьма далеком от науки, нередко предлагавшем вниманию читателей пустые сенсации и даже открытое шарлатанство. Возможно, поэтому научная общественность России оставила это сообщение без внимания.

Из докладной записки профессора Пильчикова видно, что он рассчитывал на финансовую поддержку военного ведомства и поэтому уже заранее брал на себя строгое обязательство не делать никаких публикаций и хранить в тайне свое изобретение. Он ходатайствует об отпуске первоочередных 15 тысяч рублей для

заказа оборудования лабораторий, изготовления приборов, а также о содействии военно-морских властей Севастополя при проведении опытных испытаний.

Его письмо обсуждалось специалистами военно-инженерного ведомства, которые считали нужным оказать помощь изобретателю:

«…В Италии в 1897 году морское и военное ведомства предоставили в распоряжение Маркони огромные материальные средства. Английское почтовое ведомство поручило производство опытов по беспроводному телеграфу Прису. В США опыты в морском министерстве ведутся под руководством Теслы и имеют в виду такое же решение задачи беспроводного управления с берега миноноской. Берлинскому ученому Слаби германский император предоставил в распоряжение не только войска и плавучие средства потсдамского гарнизона, но и воздухоплавательные парки… Все эти заграничные опыты имели в виду беспроводное телеграфирование на расстоянии, и лишь один Тесла работал над беспроводным рулем…

Профессор Пильчиков задался гораздо более широкой программой…

…Солидное положение, занимаемое Г. Пильчиковым в ряду русских ученых, заставляет ожидать от его работ настолько практических результатов, что их значение трудно переоценить».

В архивах есть сведения, что морское ведомство выделило Пильчикову небольшие средства и судно «Днестр» для проведения экспериментов. Под руководством и при личном участии изобретателя в 1903 году на Херсонесском маяке была устроена передающая и на «Днестре» приемная радиостанции.

К сожалению, содержание этих опытов, их дальнейшая судьба и устройство протекторов остались неизвестными.

Известно только, что в начале сентября 1904 года командующий Тихоокеанским флотом выразил профессору Пильчикову благодарность. Не может быть сомнений в том, что в разгар войны с Японией причины для этого могли быть только очень вескими.

Выстрел в больнице

Работа над протектором осталась незавершенной, Пильчиков, не получив дальнейшей поддержки, оказался предоставленным самому себе.

После возвращения из Алжира, где Пильчиков в 1905 году наблюдал поляризацию атмосферы во время полного солнечного затмения, его здоровье ухудшилось. То и дело он чувствовал недомогание. Гнетущее одиночество и отсутствие внимания к трудам изобретателя усиливалось тяжелой обстановкой периода столыпинской реакции.

В начале мая 1908 года Пильчиков позвонил в больницу, просил его госпитализировать. Состояние его здоровья не давало врачам оснований предполагать тяжелое заболевание. У них сложилось впечатление, что профессору

неотвратимо требовалось уйти на время из своей холостяцкой квартиры и побыть под чьим-либо присмотром.

Таинственный выстрел из «бульдога» 6 мая 1908 года добавил к загадке протектора загадку таинственной гибели профессора.

До сих пор остается неизвестным, кто нажал на спусковой крючок револьвера.

По неизвестной причине дактилоскопия не была проведена.

Невольно возникает мысль, что Пильчиков искал в больнице убежища. Возможно, кто-то преследовал его и, может быть, угрожал. Не взял ли ученый с собой в больницу то, что могло интересовать иностранного разведчика, следившего за открытием и опытами ученого? Не было ли убийство последним звеном в цепи тщательно продуманной операции?

Эта тайна ждет разгадки…

После смерти на счете Пильчикова в банке оказались сбережения, которые задолго до кровавой развязки были завещаны им на выплату премий за лучшие дипломные работы студентов-технологов.

Данью заслугам ученого было бы восстановление в Харьковском технологическом институте премии имени Пильчикова за лучшие дипломные работы студентов.

И. АНДРЕЕВ; Г. ВЛАДИМИРОВ,

инженеры

КЛЮЧ К РАДИОЗАМКУ

«Некоторое время танк стоял неподвижно, словно к чему-то прислушиваясь. Потом его башня повернулась в сторону линии неприятеля, ко огня не последовало. Прошла минута-другая… Включился двигатель, и танк пополз вперед, вдоль вражеской позиции, увеличивая скорость. Потом он неожиданно развернулся и стал приближаться к линии своих позиций, ведя огонь. Башня вращалась то влево, то вправо, поминутно осыпая огнем то свои позиции, то нейтральную зону. Израсходовав боекомплект, танк прошел через окопы и остановился. Через минуту он медленно, словно нащупывая дорогу, двинулся, сошел, покачиваясь, с полигона на письменный стол и затих, приткнувшись к чернильному прибору».

Так описывал один зарубежный специалист испытание модели танка, управляемой по радио. Беспорядочное, хаотическое поведение модели — результат радиопомех, создаваемых в этом эксперименте преднамеренно, для исследования их влияния на системы управления.

Профессор Пильчиков как будто предвидел эту картину, когда говорил об «уединении» «электромагнитных сигналов от пертурбаций, причиняемых действием

волн, постоянно происходящих». И не только предвидел, но и, по-видимому, сумел с помощью протектора «уединить», отделить сигналы от помех…

Принцип управления по радио довольно прост: электромагнитные волны, излучаемые передатчиком, создают в антенне слабый электрический ток, достаточный для того, чтобы замкнуть контакты, включающие мощные исполнительные двигатели. Недостаток такой схемы очевиден: любые радиоволны, возникающие, скажем, при грозовых разрядах или при работе электрической аппаратуры, способны вызвать срабатывание системы независимо от волн оператора.

В те годы единственным источником искусственно получаемых радиоволн были катушки Румкорфа — искровые передатчики, излучавшие пучок электромагнитных колебаний примерно одинаковой частоты. Именно эту особенность, по-видимому, и использовал Пильчиков для создания своего защитного устройства. Протектор должен был обеспечивать срабатывание исполнительных механизмов только тогда, когда антенны достигли радиоволны строго определенной частоты, равной частоте волн, излучаемых передающей катушкой Румкорфа.

Вероятнее всего, Пильчиков изобрел устройство, состоящее из катушки и электрического конденсатора. Интересное свойство такой комбинации в том, что она хорошо пропускает переменный ток строго определенной частоты. Образно говоря, она является своего рода электрическими качелями, раскачать которые могут лишь волны, действующие в такт с ними. Радиоинженеры назвали эти качели колебательным контуром, Пильчиков — протектором. Подбирая катушки и конденсатор, можно было добиться того, чтобы протектор допускал к исполнительным механизмам лишь волны с такой же частотой, что и у передатчика. Все остальные радиоволны протектором задерживались и срабатывание не вызывали.

Во времена Пильчикова колебательный контур был радикальным средством радиозащиты. Ведь вероятность того, что атмосферные помехи будут иметь частоту такую же, как передатчик, сильно снижалась. А для преднамеренного вмешательства в радиопередачу нужно было иметь катушку Румкорфа с точно такими же параметрами, что и передатчик противника. А это тоже маловероятно.

Маловероятно, но возможно. Протектор Пильчикова — сравнительно простой радиозамок. Помехи иногда могут случайно его «отомкнуть». А появление «отмычек» в виде ламповых устройств, позволяющих излучать радиоволны в широком диапазоне, свело почти на нет защитные свойства такого протектора.

И все-таки первыми своими успехами радиоуправление обязано именно идее колебательного контура. Первый управляемый по радио самолет поднялся в воздух в 1913 году. В марте 1917 года немецкий радиокатер, управляемый с самолета, взорвал участок набережной в английской гавани Ньюпорт. В том же году английская миноноска была направлена с самолета по радио на немецкий корабль и нанесла ему серьезные повреждения. Но это лишь первые попытки. Уровень радиотехники был еще недостаточно высок. Сейчас для защиты от помех радиоэлектронной аппаратуры наведения зенитных ракет «Найк» американцы применяют

фильтрующие и декодирующие устройства. Такие фильтры пропускают лишь определенные команды, подаваемые станциями наведения. Помехи задерживаются и отфильтровываются — тот же принцип радиозамка-протектора.

В широком смысле слова устройства, подобные протектору Пильчикова, применяются в радиотехнике повсеместно.

Радиовойна, радиоразведка, радиодиверсии ставят перед техникой радиозащиты порой довольно своеобразные задачи.

Во время военных действий в Ливийской пустыне в 1944 году англичане успешно применили помехи для борьбы с немецкими истребителями. Немцы так и не смогли что-либо противопоставить радионатиску англичан. Шумовые передатчики совершенно заглушали слова команды: немецкие пилоты слышали лишь мерное гудение. Истребителям пришлось действовать самостоятельно, без наведения по радио. Англичане стали передавать ложные радиокоманды на немецком языке. Принимая их за свои, немецкие истребители удалялись в сторону, противоположную той, куда им следовало бы направиться.

В наше время радиоуправление вышло на космические орбиты. Но в современных системах ракет и спутников применяются неизмеримо более сложные радиозамки, которые позволяют обнаруживать сигналы более слабые, чем помехи, даже при одних и тех же длинах волн. Эта и многие другие задачи, конечно, не были бы под силу протектору Пильчикова.

Но его устройство явилось первым шагом в состязании между радиопомехами и защитой от них. Оно привело к триумфу радиоуправления в современных космических исследованиях.

Конечно, все сказанное о протекторе Пильчикова лишь гипотеза. Не исключено, что многосторонний, богато одаренный ученый мог пойти и по другому, неизвестному нам пути.

А. КЕЖОЯН, А. ДРАБКИН, юристы

УБИЙСТВО ИЛИ САМОУБИЙСТВО?

Ответить на этот вопрос почти через 60 лет после трагедии, не располагая материалами следствия, чрезвычайно трудно.

Где искать дальше? Вспомним, сколько радиотехников-профессоров существовало в России в начале XX века. Очевидно, единицы. Их знакомство с работами друг друга имело, по-видимому, не только служебный, но и личный характер. Коли так, могла ли трагическая гибель одного из принадлежащих к столь узкому кругу специалистов пройти незаметно для других? Вероятно, ничего загадочного в смерти Пильчикова для его коллег не было.

Предположение не довод. Поэтому мы обратились к донесению начальника

Харьковского охранного отделения директору департамента полиции от 13 мая 1908 года (написанному через 8 дней после смерти Пильчикова).

Здесь удалось обнаружить несколько любопытных штрихов. Оказывается, в 1906 году профессор Пильчиков, как отмечено в донесении, «принимал деятельное участие в агитаторской преступной деятельности студентов-технологов…». Там же говорится, что он был известен полиции своей принадлежностью «к числу представителей крайне левой профессуры». В то время в результате обыска на квартире Пильчикова была найдена революционная литература, относящаяся к 1905—1906 годам.

А почему не была обнаружена литература, относящаяся к более позднему периоду — 1906—1908 годам? Ответ на этот вопрос нам казался немаловажным. Тут, видимо, можно допустить одно из двух: или Пильчиков стал в последние два года чрезвычайно опытным конспиратором и смог обмануть полицию, или же он отошел от революционной деятельности, запрещенной литературой перестал интересоваться.

Нам не удалось обнаружить никаких свидетельств в пользу первого вывода. И мы предположили, что Пильчиков в последние два года пережил какой-то психологический перелом, в результате которого изменились его склонности. Косвенно это подтверждается одной строкой из того же донесения харьковской охранки: произведенное вскрытие трупа Пильчикова обнаружило серьезные видоизменения в полости мозга.

Все это предположения. А где же доводы, неоспоримые, убедительные?

Поиски продолжались. Удалось найти сына основателя психоневрологической клиники, в которой погиб Пильчиков, доктора Константина Ивановича Платова. В 1908 году он работал в клинике отца ординатором и припомнил, что палата Пильчикова (одноместная) находилась на втором этаже, постоянного наблюдения за ним не было, не было тщательной проверки вещей больного. И еще одна деталь: после рокового выстрела обнаружилось, что палата заперта изнутри.

Можно предположить, что Пильчиков незаметно пронес с собой пистолет. Менее вероятным кажется присутствие в частной клинике, да еще в 7 часов утра, да еще на втором этаже, таинственного злоумышленника. Против этого свидетельствует и тот факт, что дверь палаты была закрыта изнутри. К слову говоря, в «Книге записей городского трупного покоя» в графе «Причины смерти» помечено: «Самоубийство».

Картина прояснялась. Но кто же после смерти положил пистолет на стол, кто сложил мертвому руки на груди?

Здесь мы обратились к крупнейшему авторитету в области судебной медицины, заслуженному профессору Н. Бокариусу, по книгам которого училось не одно поколение врачей и юристов.

В одной из книг Бокариус специально обратился к случаю Пильчикова. Он писал: «В случаях небольших огнестрельных ран потерпевший может сделать даже несколько шагов и производить несложные действия… В нашем случае самоубийца

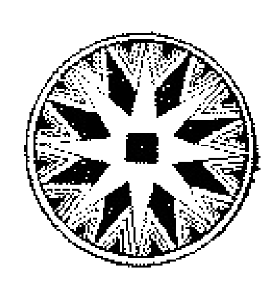
после выстрела в сердце мог еще положить револьвер на стоящий подле кровати стол и сложить руки на груди».

Способность раненого к действиям, как утверждают ведущие судебные медики, определяется не только анатомическим свойством повреждения, но и функциональным состоянием центральной нервной системы. Длительность жизни при ранениях сердца может достигать нескольких часов. Целевая установка, возникшая под влиянием страха, гнева и других эмоций, может создать в коре головного мозга доминантный очаг возбуждения. Это позволяет человеку со смертельным ранением сердца в течение некоторого времени совершать те или иные целеустремленные поступки.

Известен эпизод, когда подросток со случайным огнестрельным ранением в области сердца жил 14 часов. Причем в это время он двигался и разговаривал. Известен другой случай, когда мужчина, разрезанный поездом, говорил в течение нескольких минут.

Человек со смертельным ранением может действовать до тех пор, пока не наступит критическое падение кровяного давления и не погибнут жизненно важные центры в связи с анемией мозга.

…Итак, самоубийство больного человека? Возможно. Правдоподобно. Во всяком случае, нам кажется близкой к истине эта версия. Она, конечно, не исключает и дальнейшего исследования судьбы крупного ученого Николая Дмитриевича Пильчикова.



А. ИВОЛГИН
КАКОВА СУДЬБА ПЕРВОГО САМОЛЕТА НЕСТЕРОВА?

Заместитель военного министра Алексей Андреевич Поливанов пил утренний кофе и просматривал свежие газеты, когда денщик доложил ему о молодом поручике, умолявшем принять его немедленно.

У генерала брови удивленно поползли вверх.

— Что же, у него экстренная депеша?

— Никак нет, ваше высокопревосходительство! Просит принять по важному личному делу…

Алексей Андреевич настолько изумился дерзкой настойчивости поручика, что велел его впустить. Ранний визитер произвел на генерала отличное впечатление. Беседа затянулась на полтора часа, и просьба молодого офицера была удовлетворена: заместитель военного министра отдал распоряжение о зачислении в летную школу поручика Петра Николаевича Нестерова…

И едва ли тогда генерал Поливанов мог предполагать, что у него добивался аудиенции человек, который через несколько лет совершит первую в мире «мертвую петлю», установит несколько мировых и всероссийских рекордов . и погибнет 26 августа 1914 года в воздушном бою, протаранив нагруженный бомбами вражеский аэроплан…

О жизни и деятельности знаменитого русского летчика написано немало книг. И это неудивительно. П. Н. Нестеров поражает своей феноменальной многогранностью: замечательный пилот, неплохой живописец, он был настолько одарен музыкально, что композитор А. Глазунов советовал ему даже поступить в консерваторию.

Однако есть одна сторона деятельности Нестерова, в изучении которой немало «белых пятен».

Это его инженерная деятельность, его идеи авиационного конструктора. В книгах, посвященных Петру Николаевичу, им отводится очень скромное место.

Если свести воедино все то, что было опубликовано до сих пор о нестеровских конструктивных разработках, можно наметить примерно такую хронологическую канву его инженерной деятельности.

— В 1910 году Нестеров построил планер своей конструкции и разрабатывал проект военного самолета ;

— 3 ноября 1910 года Главное военно-инженерное управление (ГВИУ) рассмотрело этот проект, но он был отвергнут;

— 9 апреля 1911 года Петр Николаевич завершил разработку проекта горизонтального руля управления самолетом, все детали которой вошли во второй

проект — конструкцию цельного самолета ;

— 25 апреля 1912 года Нестеров докладывал свой новый проект в ГВИУ, ко не встретил ни сочувствия, ни материальной поддержки;

— в октябре 1912 года опубликовано описание и схематический чертеж этого самолета;

— в сентябре 1913 года Нестеров на базе старого «Ньюпора-1У» создает собственную конструкцию самолета;

— первую половину 1914 года талантливый авиатор на московском заводе «Дукс» строит аэроплан новой своей модели, но начавшаяся война заставила его уехать на фронт.

Такова общепринятая хронология инженерного творчества Нестерова. Казалось бы, здесь все ясно и никаких загадок не предвидится. Однако они есть, и очень существенные…

Прежде чем говорить об авиационных изобретениях Нестерова, необходимо вспомнить о начале его увлечения полетами. Об этом поведал сам летчик:

«Начал я свою авиационную деятельность в 1910 году, после того как первый раз увидел полет одного из наших известных авиаторов. Авиатор летал на «фармане», делая повороты совершенно без кренов. Каждый поворот аэроплана заставлял сжиматься мое сердце; я боялся, что аэроплан опрокинется…»

Летчик делал повороты без кренов не потому, что он не имел опыта. Вся существовавшая в то время, система обучения вдалбливала летчикам ложное положение о том, что крены — это причина всех катастроф. Избегайте кренов!

Все чувства, наблюдения, логика и интуиция Нестерова протестовали против этой узаконенной бессмыслицы, и он теоретически доказал, что «поворот аэроплана должен быть непременно с соответствующим креном, то есть наклоном внутреннего к повороту крыла вниз… Как бы ни был велик крен аэроплана, он неопасен, если угол крена соответствует крутизне поворота…».

Глядя, как современный воздушный лайнер ложится на крыло, описывая полукруг, трудно поверить, что Нестерову пришлось с большим трудом доказывать эту почти очевидную истину. Больше того, в 1910 году Петра Николаевича, еще не имевшего звания пилота, убеждали в том, что он от этой и других подобных идей откажется, когда выучится летать…

Но вышло по-другому. Нестеров не только не отказался от своего мнения, но тогда же, в 1910 году, разработал конструкцию и самолета, и новой системы управления полетом.

Многие авторы книг о Нестерове иногда отождествляют этот первый проект с тем, который был им доложен в ГВИУ в 1912 году и описан поручиком Липпингом в 10-м номере журнала «Аэро- и автомобильная жизнь».

У этого самолета не было вертикального оперения. Концы крыльев отведены назад. Крены и повороты вправо и влево достигались перекашиванием крыльев с

одновременным отклонением рулей высоты в разные стороны. Это заставляло самолет набирать высоту или снижаться. Изменяя угол установки крыла, можно было регулировать скорость полета при неизменном режиме мотора, сокращать разбег самолета при взлете и пробег после посадки.

Некоторые же биографы указывают, что было два проекта, но сведения о первом приводятся очень отрывочные и неясные…

Однажды, работая в одном из архивов Ленинграда, я заказал дело под названием «Записки полковника Семковского о развитии в России авиации».

Открыл обложку, но… вместо бумаг Семковского в деле оказалась переписка, не имеющая никакого отношения к авиации. Сообщил дежурному. Он обещал выяснить, в чем дело. Время шло, и мне пришлось вернуться в Москву, где я изредка, вспоминая этот эпизод, досадовал, что не успел ознакомиться с интересным документом. Фамилия же Семковского прочно засела в памяти.

И надо же было случиться, что в Москве в первом же исследуемом деле Центрального государственного военно-исторического архива я встретил другой документ за подписью «старого знакомого» — полковника Семковского…

Именно в этом документе и раскрывается тайна моноплана Нестерова. Внимательно вчитаемся в него: «Справка по Главному инженерному управлению. Управление электротехнической частью Инженерного ведомства. 3 ноября 1910 г. № 1907.

Г. Нестеров предлагает моноплан типа Блерио, отличительными особенностями которого служат:

а) два расположенных спереди и сзади аэроплана особого вида стабилизатора…»

Итак, в первой конструкции Нестерова имелись два стабилизатора. Но ни в описании, ни в схеме, приводимых в книгах о Нестерове, их нет! Это очень существенное расхождение, уже само по себе позволяющее говорить, что речь идет о двух разных конструкциях самолетов!

«…б) два руля высоты, расположенных по бокам аэроплана сзади несущих поверхностей и связанных не с телом аэроплана, а с концами несущих поверхностей…»

«Что же это означает? Рули высоты, расположенные на несущих поверхностях, — это ведь те самые элероны, которые впоследствии органически вошли в конструкции самолетов как важнейшая и незаменимая часть управления.

«…в) приспособление в шасси, позволяющее при начале разбега придавать аэроплану меньший угол встречи…»

Таким образом, благоприятные условия для взлета достигаются не изменением положения крыльев относительно фюзеляжа, и приспособлением в шасси. Третий пункт также неопровержимо говорит о совершенно отличном от последующих

проектов моноплане Нестерова.

Далее Семковский пишет: «…Устройством стабилизатора и рулей высоты описанной выше системы достигается, по мнению автора, большая устойчивость аппарата в воздухе, что дает возможность авиатору уделять при полете больше внимания на ход мотора и даже регулировать его на более производительную работу…»

И здесь снова разительное расхождение с описанием проекта 1912 года. Если в нем скорость полета регулировалась изменением угла установки крыльев, то в публикуемом более раннем документе говорится о диаметрально противоположном: полет регулируется изменением режима работы двигателя, как и на современных самолетах. Итак, существовало два в корне отличающихся друг от друга проекта. Причем некоторые узлы конструкции, рассмотренной Семковским, были более рациональными, более современны-ми, чем узлы проекта 1912 года.

Но Семковский «со знанием дела» похоронил великолепные идеи Нестерова :

«…В подтверждение целесообразности устройств стабилизаторов и рулей высоты автор проекта в своей пояснительной записке не приводит никаких доводов, и поэтому остается совершенно неясным — чем его стабилизаторы лучше существующих, в чем заключается выгода устройства рулей высоты по его проекту, тогда как по месту закрепления их они портят всю конструкцию аэроплана. Стремление г. Нестерова придать аэроплану особое приспособление, позволяющее в начале разбега ставить аппарат на меньший угол встречи, само по себе хорошо, но по устройству, предложенному г. Нестеровым, в высшей степени не конструктивно. Ввиду отсутствия в проекте г. Нестерова каких-либо преимуществ сравнительно с существующими аэропланами Воздухоплавательный отдел полагал бы предложение его отклонить. Начальник Воздухоплавательного отдела полковник Семковский».

Вот так, одним листком бумаги, были погребены интересные идеи Нестерова.

Но почему же выдающаяся конструкция русского летчика оказалась забытой? Почему она ускользнула от внимания скрупулезных исследователей и биографов?

Думается, на это есть несколько причин. Прежде всего крупные спортивные успехи, мировые рекорды и героизм Петра Николаевича отодвигали на второй план, заслоняли техническое новаторство пионера отечественной авиации. В лучах славы отважного пилота меркли таланты конструктора-изобретателя.

Во-вторых, большинство бумаг и личных дел знаменитого летчика осталось в 1914 году в Киеве, и о судьбе многих бумаг из этого архива ничего не известно, как и о конструкции первого моноплана Нестерова. Эта загадка сгущается еще более тем, что в деле ни самого проекта, ни объяснительной записки нет.

Только анализ заключения Семковского показывает, на сколько лет был похоронен в кедрах архивов приоритет русского новатора на ряд изобретений в области авиационной техники.

И наконец, последнее обстоятельство, менее существенное, но, видимо, помешавшее исследователям творчества Нестерова установить истину. Заключение Семковского после его заголовка начинается: «Г. Нестеров».

Но ведь прославленного пилота звали не Г. Нестеров, а П. Нестеров? Может быть, это кто-то другой?

Дело в том, что в чиновно-бюрократической России существовала строго и свято соблюдавшаяся система титулования. О полном генерале писали — «Его Высокопревосходительство», о графе — «Его Сиятельство,» о полковнике — «Его Высокоблагородие», об уважаемом штатском — «господин», менее заслуженном «госп.», а в отношении какого-то неизвестного человека вежливость ограничивалась буквой «г.». Естественно, что в начале абзаца писали с большой буквы, и, таким образом, нетрудно установить: «Г.Нестеров» означает — господин Нестеров.

Но все эти довольно убедительные доводы не снимают еще нескольких вопросов. Что же побудило Нестерова забыть о своем первом проекте? Почему он, не очень-то легко менявший свои взгляды, через два года предложил совершенно новый проект, ни в одной детали не повторявший проект 1910 года? Какие причины заставили его отказаться от реализации талантливо задуманной конструкции?

Несмотря на глубокую убежденность в собственной правоте, Петр Николаевич не имел оснований не доверять авторитету Главного инженерного управление, его воздухоплавательному отделу и самому начальнику отдела Викентию Антоновичу Семковскому, непременному члену Совета Всероссийского аэроклуба чуть ли не с первого дня его создания…

Может быть, Нестеров просто понимал, что дискредитированная заключением конструкция не может иметь успеха, что нельзя рассчитывать на материальную поддержку, без которой, будучи необеспеченным человеком, он не мог построить свой самолет…

Как бы там ни было, не умевший топтаться на месте талантливый пилот-конструктор разработал второй проект, который некоторые биографы ошибочно принимали за первый либо отождествляли первый со вторым…

Хотя во втором проекте не было ни оригинального шасси, ни элеронов, в конструкцию было заложено несколько смелых новшеств, впоследствии реализованных в авиационной технике. В частности, Нестеров придал фюзеляжу обтекаемую торпедообразную форму и создал новую систему управления.

Неудивительно, что и этот проект в мае 1912 года постигла участь предыдущего. Консервативные «авторитеты» не смогли или не захотели увидеть и понять то новое, что рождало идеи безвестного поручика Нестерова.

В 1912 году Нестеров получает звание военного летчика и вскоре совершает ряд выдающихся перелетов, обративших на него внимание почти всей прессы и общественности России, а «мертвая петля», совершенная впервые в мире 27 августа 1913 года, вызвала всеобщий энтузиазм, восторг и преклонение…

«Какой-то» поручик превратился в знаменитого летчика Нестерова, от которого бюрократам было уже непросто отмахнуться. Поэтому в сентябре 1913 года Петр Николаевич без особых затруднений добился получения старого «Ньюпора-IV», который он мог как угодно переделывать по собственному усмотрению. В сущности, это была не переделка, а создание нового самолета из имевшихся частей. Так, был

укорочен фюзеляж, снят руль поворотов, сделано новое хвостовое оперение,

На своем новом самолете Нестеров поднялся в воздух, сделал несколько испытательных полетов и доказал, что аппарат управляется без руля поворотов.

Быть может, именно эти работы впоследствии способствовали забвению первой конструкции Нестерова. До сих пор не обнаружены ни ее чертежи, ни описание. Отказ полковника В. Семковского позволяет составить лишь приблизительное представление о замысле изобретателя. Но хотелось бы надеяться, что эта архивная находка поможет историкам авиации установить судьбу первого авиационного проекта великого русского летчика.

В. ШАВРОВ, авиаконструктор

ДА, ПРОЕКТОВ БЫЛО ДВА

Серьезные биографы Нестерова уже давно и совершенно точно знали, что у него было два совершенно различных и во всем несхожих проекта. Отмечаемые А. Иволгиным расхождения в этом вопросе характерны для книг недостаточно компетентных литераторов.

Первый проект П. К. Нестерова был им представлен в 1910 году. О нем сказано в книге Е. Ф. Бур-че «Нестеров» (в серии «Жизнь замечательных людей», 1955, на стр. 32—33). Это проект моноплана с передним и задним стабилизаторами и рулями высоты на крыльях в духе тогдашних, кое в чем наивных представлений об устойчивости самолета. К сожалению, его чертеж (или рисунок) не обнаружен, а есть только отзывы, по справедливости отрицательные.

Второй проект на протяжении 1912—1914 годов несколько видоизменялся в пределах твердо принятой схемы самолета. Это моноплан с фюзеляжем очень чистой формы, с крыльями, оттянутыми на концах назад, и без вертикального хвостового оперения, которое заменялось комбинированной конструкцией горизонтального оперения. В нескольких последовательных видоизменениях проекта менялось главным образом шасси. Крылья должны были менять свой угол установки в полете. Работу своего горизонтального оперения Нестеров проверил на переделанном им «ньюпоре».

По этому второму проекту есть подлинные чертежи и некоторые расчеты с объяснительным текстом П. Н. Нестерова. Оки хранятся в архиве Академии наук, куда были переданы вместе с другими его бумагами в 1956 году при моем участии. Документ, найденный в архиве А. Иволгиным, представляет интерес для историков авиации. Он еще раз подтверждает, что проектов было именно два, а не один, и что из первого проекта ровно ничего не было взято во второй проект.

Едва ли следует переоценивать достоинства первого проекта, как это делает автор статьи. Не случайно сам Нестеров никогда потом к этому проекту не возвращался и никогда о нем не вспоминал.

ИГОРЬ ВИШНЯКОВ,
журналист
«НЕВИДИМЫЙ» ПОЛЕТ

Невидальщина —

не небывальщина.

Русская поговорка

Впервые о «невидимом» самолете мне рассказал вскоре после войны бывший капитан авиации Артур Владимирович Вагуль. Выйдя в запас, ехал он учительствовать в городок Лунинец, что на западе Белоруссии ; до Калинковичей мы были с ним попутчиками.

Не поверил я тогда бывшему капитану, просто не мог поверить. С другой стороны, рассказывая, он вспоминал такое множество подробностей, что выдумывать их было вроде бы ни к чему.

Но прошло потом лет двадцать, и никто больше, кого ни спросишь, абсолютно ничего о таком самолете не слыхивал: ни старые летчики, ни конструкторы, ни сотрудники музеев, архивов… Даже когда в научной литературе появилось наконец упоминание о «невидимке» (пока единственное и очень короткое [1]), все равно ни историки техники, ни бывалые авиаторы ничего не добавили к нескольким опубликованным строчкам. Одни (например, известный конструктор легких самолетов В. Грибовский) пытались, как-то истолковать «эффект невидимости» — хотя бы, как рекомендует теория вероятностей, установить интервал, в котором заключена неизвестная величина; другие (а их было явное большинство) предпочли наипростейшее объяснение, раз уж с самим фактом спорить теперь не приходилось: был-де это обыкновенный камуфляж. Защитная окраска и прочие мероприятия, делающие самолет малозаметным снизу, на фоне неба, и сверху, на фоне земли.

Но обычный камуфляж не дал бы столь значительных результатов… Впрочем, вот эта история и некоторые к ней комментарии.

Фамилия — Дунаев, имя-отчество неизвестны

На большую военно-воздушную базу самолет привезли поздней осенью 1937 года, ночью. Что за база, где она располагалась, Вагуль, понятно, не сказал. На севере где-то, в хвойном краю. Сильные прожекторы возле контрольно-пропускного пункта осветили гусеничный тягач, многоколесную платформу-прицеп, на платформе — зачехленный фюзеляж и отдельно крылья в деревянных колодках, также полностью зачехленные. Стойки шасси, колеса, оперение, лопасти винта — все было обернуто плотным брезентом. От пыли, дождя самолеты так тщательно не

укрывают. Значит, машину чехлы защищали, верней всего, от чересчур любопытных глаз. И близко к ней подойти никто не мог: мотоциклисты, сопровождавшие платформу, не подпустили к самолету даже помощника дежурного по части старшего авиатехника Вагуля.

Судя по общим размерам и формам, прорисовывавшимся под брезентом, это был легкий моноплан с высоко расположенным крылом на подкосах. Так называемый парасоль с тонким ферменным фюзеляжем и, по-видимому, с маломощным мотором-звездой воздушного охлаждения. Наверняка самолет не боевой и не скоростной, а учебный или связной, доработанный, приспособленный для каких-то испытаний. Вот и все, пожалуй… Ворота распахнулись, тягач потащил платформу по широкой расчищенной просеке и дальше через летное поле, к опытному ангару в полукилометре от прочих аэродромных служб. В этом ангаре работали бригады, присланные с заводов и из конструкторских бюро. Что там делалось, знало только командование базы.

А утром в части появился пожилой товарищ, для него вот уже с неделю как освободили целую комнату в комсоставском общежитии. Фамилия пожилого была Дунаев, имя-отчество неизвестны. В армии тогда не называли друг друга по имени-отчеству, и Дунаева не стали так называть. Да и был он лицом гражданским — и не то чтобы по одежде, это само собой, а по всей вольной манере поведения. Но привез его «бьюик» с армейским номером, и шофер был из округа, к тому же не рядовой, а с «кубарями» в петлицах. Оставив в комнате чемоданы, они сразу по-ехали к штабу. В тот же день связисты провели в эту комнату полевой телефон.

Прошу, однако, иметь в виду следующее: Вагуль не утверждал, что Дунаев имел какое-то отношение именно к тому зачехленному самолету. Но если сопоставить дальнейшие события, происшедшие на базе, с некоторыми особенностями Дунаева, его характера, его интересов… Хотя утверждать что-либо рано.

Не по чьей-то пустой прихоти Дунаева поселили в командирском общежитии, а не в гостинице за территорией военного городка, очень, кстати, неплохой. Положим, был он немолод, и его решили устроить поудобнее? Но других немолодых приезжих так не устраивали. Должность у него была высокая, звание? Нет, чин здесь ни при чем, в гостинице, по словам Вагуля, в номерах «люкс» надолго останавливались и замнаркомы, и с четырьмя ромбами — командармы.

Дальше. В комнату Дунаева доставили лучшую мебель, цветы, ковер во весь пол. Повесили дорогие шторы. Сам он привез и развешал на стенах картины; к ним мы еще вернемся. (Ну каково: брать в командировку картины!)

А остальной уют, говорил Вагуль, Дунаев едва замечал. И вида был совершенно холостяцкого, неухоженного: истертое на плечах кожаное пальто, карманы оттопырены, полны надорванными пачками «Беломора», простецкая шапка… На шее, однако, шелковая белая косынка, заколотая булавкой с прозрачным камушком… Глаза усталые, прищуренные. Возможно, больные: он избегал яркого света, шторы и днем держал задернутыми. Пальцы от курева желтые. Несколько раз по вечерам он появлялся внизу, в бильярдной, но не играл. Сядет в кресло в тени абажура, курит не

переставая и на игру смотрит… Поначалу его немного стеснялись, а потом однажды кто-то с ним заговорил, и оказалось, что это можно, что он вовсе не гордец, не молчун. Отвечал охотно, только очень уж веско, так что не больно-то с ним поспоришь… Не всякому это вроде бы должно нравиться, но каждый раз, едва внизу появлялся Дунаев, игра замирала, партии оставались неоконченными. Стулья сдвигались к креслу Дунаева, и начинался разговор — «в высшей степени философский», как вспоминал отставной капитан Вагуль. Обо всем на свете: о науке, политике, истории, искусстве… И об авиации тоже, естественно. Только о дунаевских картинах разговора не было, так его и не спросили, что они означают. Обсудили их между собой, согласившись, что, наверное, какой-то смысл в них заложен… Рисунки карандашом, акварели. Глубокое красноватое ущелье: солнечные лучи не достигают дна, где бредут две согнутые человеческие фигурки, бредут туда, где не то стены смыкаются, не то тень все закрывает….

Еще на одном рисунке — сам Дунаев, строгий профиль перед светлым оконцем, тяжело перехваченным переплетом. За оконцем — очень миловидная женщина, и она будто бы зовет Дунаева, а он выйти не может. И обоих их ждут не замечаемые женщиной, видные пока только Дунаеву какие-то небывалые летательные аппараты.

Кто же он?

Рассказывая все это, капитан Вагуль явно пытался представить Дунаева человеком необыкновенным, как-то увязать философский склад его натуры со своей основной темой — с «невидимым» самолетом.

Кто же он, этот Дунаев? Если конструктор, то, надо полагать, крупный. Но в книгах по истории авиации я нашел только одного конструктора по фамилии Дунаев. До революции он работал в мастерских школы летчиков-наблюдателей под Киевом, строил там скоростной биплан, также оставшийся в литературе «самолетом без названия» — никаких документов о нем не сохранилось, есть только фотографии и устные свидетельства. Возможно, что это тот самый Дунаев, хотя и маловероятно.

Но вдруг вагулевский Дунаев вовсе не инженер, не конструктор? Конструкторов, тем более крупных, мы все же знаем. А если «невидимый» самолет был разработан, как сейчас говорят, на стыке наук?.. И «невидимость», коли уж она достигалась, была эффектом не столько техническим, сколько, к примеру, психологическим… Можно же допустить, что самолет был действительно невидимым не оттого, что он совсем или почти совсем не отражал световые лучи. Допустимо и другое предположение: лучи-то он отражал, ко наблюдатели почему-то переставали его видеть.

Какой тут мог быть механизм воздействия, не знаю. Не хочу углубляться в чужую область, не инженерную. Но известно, что мы иногда видим, слышим не то, что было, не так, как было. Был такой случай: на Центральный аэродром в Москве шел на посадку По-2 и не дотянул, упал с высоты метров десять на территории Боткинской больницы, развалился, вспыхнул. Летчик остался цел, его успели вытащить из костра. Через сутки он пришел в себя, его спросили, как было дело, а

он: «Снизился я, прибавил оборотов, потом… мне дали пить…» Через несколько дней его снова о том же, а он опять: «Я снизился, прибавил оборотов… сестрица мне пить подала…»

Такие отключения чувств можно вызывать искусственно. Как — тоже известно. Ритмичным раздражением слуха, зрения: скажем, повторяющимися вспышками света, тоном, вплетенным в звук мотора. И это по меньшей мере стоит принять во внимание. Тем более что до сих пор любая новинка в технике, даже самая неожиданная, на поверку оказывалась не таким уж сюрпризом.

Здесь же, в случае с «невидимым» самолетом, никакой предыстории нет, кроме разве что шапки-невидимки и человека-невидимки. Может ли так быть?..

Как джинн из сказки

Приближалось время испытаний. Дунаев был как никогда занят, в бильярдную больше не приходил, домой возвращался за полночь. Тихо шел по коридору, старался не щелкнуть замком двери. Все равно в соседних комнатах его слышали, даже под утро, бывало, просыпались от зуммера телефона за стеной. Слышали, как Дунаев вставал, отвечал на звонок, приглушая голос и снова — тихие шаги по коридору.

Опытный ангар жил особой, скрытой от непосвященных жизнью, но все же база была единой войсковой частью, и постепенно все ее службы захватила ясно ощутимая возрастающая напряженность. Никто вроде бы никому ничего определенного не передавал, но каждый чувствовал: приближаются какие-то важные события. И когда настал день испытаний, на краю летного поля собрался весь мало-мальски свободный личный состав. Да, понятно, секретность… Но если машина уже в полете — как ее скроешь?

Вывели дунаевский самолет (так его уже окрестили на базе) и два истребителя И-16. Один из них был двухместный, «спарка». В переднюю кабину «спарки» сел кинооператор с аппаратурой.

По сравнению с истребителями таинственная машина и правда выглядела обычным небесным работягой, вроде какого-нибудь связного, санитарного или для первоначального обучения — если б не ее ярко блестевшая под солнцем обшивка. Это мог быть отполированный металл, но до войны такую полировку если и применяли, то редко. В остальном лее самолет был как самолет, напоминал всем знакомый У-2 (только моноплан). Скоростенка, надо полагать, километров 150—200, не больше. Подкосы, расчалки, две кабины без фонарей, с козырьками…

Летчик, поговорив с механиком, занял свое место. Приехало начальство, военное и гражданское, и с ними Дунаев. Он стал немного впереди, один.

Необыкновенное началось сразу же, как только заработал мотор. Этого ждали: слух, что ждать надо именно запуска мотора, уже прошел по базе, поэтому зрители запомнили все детали. Донеслось, как полагается, ослабленное расстоянием «От винта!» и «Есть от винта!», потом из патрубков по бокам капота вырвались синие

струи первых выхлопов, и тут же, одновременно с нарастанием оборотов, самолет начал исчезать из виду. Начал, говорил капитан Вагуль, истаивать, растворяться в воздухе…

Что он разбегается, набирает высоту, можно было определить уже только по перемещению звука к лесу и над лесом. (Следом немедленно поднялись оба истребителя: один стал догонять «невидимого», а со «спарки» это снимали. Съемка велась и с земли, одновременно с нескольких точек.)

Погони не получилось. Истребители потеряли «невидимку». И зрители его потеряли. То есть несколько раз над полем, над городком, в совершенно пустом небе медленно прокатывался близкий звук его мотора, а истребители в это время метались совсем в другой стороне. Может быть, из соображений безопасности… Так продолжалось минут тридцать, и все убедились в бесполезности «погони». Истребители сели и отрулили с полосы. Летчики подошли с докладами к командиру базы…

Как стало известно, и съемка с земли ничего не дала (или, если угодно, дала слишком уж много). Операторы наводили объективы на звук, все небо, говорят, обшарили, но ни в одном кадре потом не обнаружилось ничего, кроме облаков. Даже тени того самолета не оказалось.

Вскоре он тоже сел. Слышно было, как он катился по бетонке, как остановился невдалеке от группы командования и развернулся. За бетонкой полегла трава под воздушной струей от невидимого винта.

Затем обороты упали, мотор стал затихать, и самолет опять «сгустился» на полосе, как джинн из арабской сказки.

Других сведений нет…

Итак, невидимость… Старые заботы наивных сказочников и фантастов… И почему-то после первых опытов работа остановилась. «Значит, оказалась не совсем удачной, — сказал мне один специалист, — только такой вывод можно сделать на основе опубликованных сведений, а других у нас нет».

Других нет… Но нам сейчас интересен не только практический результат экспериментов, а и их направление, открывшаяся тогда перспектива.

Даже если невидимость была в данном случае эффектом главным образом психологическим, а не техническим, все равно причины явления следует искать и в особенностях конструкции самолета. Тем более что этот эффект наверняка предполагалось использовать в боевой обстановке, и, значит, именно от самолета должно было исходить то воздействие на противника, которое так обескуражило свидетелей необыкновенного испытания.

К тому же и киносъемка ничего не дала, а там-то — какая уж психология?.. Впрочем, могли и операторы, сбитые чем-то с толку, наводить объективы не туда, куда следовало.

Особенности в конструкции, разумеется, имелись. Прежде всего, вспоминал Вагуль, обшивка. В. Шавров пишет, что обшивка самолета была и блестящей и прозрачной — из оргстекла французского производства: родоида. Стенки силовых балок, лонжеронов, поверхности других несущих большую нагрузку металлических элементов конструкции тоже были оклеены родоидом, но покрытым с внутренней стороны зеркальной амальгамой. Капот, кабины, колеса и прочие части машины окрашены белой краской, смешанной с алюминиевым порошком, и отлакированы…

Что и говорить, все это было не зря придумано. Специально обработанные поверхности — прозрачные, зеркальные, белые, отлакированные — должны были породить какие-то оптические погрешности, аберрации, они как-то искажали изображение самолета. Но стать только из-за этого полностью невидимым тело столь сложной формы едва ли могло. Да еще в движении — при разных поворотах, при разном освещении. Почему же тогда работы были прекращены?

В. Шавров пишет: «Результат этих мероприятий был значителен. Самолет в воздухе быстро исчезал с глаз наземных наблюдателей… На кинокадрах не получалось изображения самолета, а на больших расстояниях не видно было даже пятен. Впрочем, родоид довольно скоро потускнел, потрескался и эффект невидимости снизился».

Что же, выходит, дело в качестве материала? Однако ведь этот первый опыт был проведен еще в 1937—1938 годах, в дальнейшем органическое стекло стало лучше, прозрачнее, прочнее. Нынешний плексиглас не трескается и не тускнеет, иначе его не применяли бы. Почему ж не поднялась больше в воздух дунаевская «невидимка»?

О Дунаеве я так больше ничего и не узнал…

***

Самолет (во всяком случае, тот, о котором пишет В. Шавров) строила в Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского бригада под руководством профессора С. Козлова. Позвонил в музей академии.

— Да, было дело, — ответил мне начальник музея. — Только, видите ли, Вадим Борисович Шавров — это ученый-боец, человек неукротимый: все, что где-либо имелось по интересовавшему его вопросу, он-то уж наверняка сумел извлечь. Большего мы не имеем, так что и рады бы… Но если вам все же посчастливится найти новые фотографии, документы по этой машине профессора Козлова, будьте добры, дайте нам снять копии. А мы бы их — в экспозицию!

Профессор С. Козлов занимался и другими интересными и смелыми для тех лет проектами: в 1931 — 1933 годах тяжелым 12-моторным бомбардировщиком «Гигант», в 1935 году — стреловидной бесхвосткой «Кукарача», с углом стреловидности по передней кромке 35°… Испытывал «Кукарачу» В. Чкалов, проектировалась она по соглашению с главным конструктором П. Гроховским. Между прочим, ОКБ Павла Игнатьевича Гроховского называли тогда «цирком» — за неслыханно смелые эксперименты.

Работы над «невидимым» самолетом были свернуты. Смелые проекты, слишком неожиданные для своего Бремени, не всегда сразу получают выход в

практику. Зато они намечают перспективу, а она порой дороже немедленной выгоды. Как сказал Николай Егорович Жуковский — правда, он сказал это о математике, но ведь его слова приложимы и к технике: «…в ней тоже есть своя красота, как в живописи и поэзии. Эта красота проявляется порой в отчетливых, ярко очерченных идеях, где на виду всякая деталь умозаключений, а иногда поражает она нас в широких замыслах, скрывающих в себе кое-что недосказанное, но многообещающее».

К. Д. ТУШИН, профессор, доктор технических наук

ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

Работы по созданию визуально «невидимого» самолета велись в Военно-воздушной инженерной академии имени профессора К. Е. Жуковского до 1935—1936 годов под руководством профессора С. Г. Козлова. На первом самолете, совершившем несколько испытательных полетов, использовался принцип «прозрачности». Для этого полотняная обшивка легкого спортивного самолета АИР-3 была заменена на обшивку из прозрачного материала типа целлулоид. Однако этот материал довольно быстро терял прозрачность и прочность, поэтому испытательные полеты «невидимого» самолета были прекращены.

Проектирование нового «невидимого» самолета-разведчика с прозрачной обшивкой и силовыми элементами конструкции, выполненными из нержавеющей стали, обладающей хорошими отражательными свойствами, не было завершено.

Работы по созданию и испытанию визуально «невидимого» самолета с использованием психологических эффектов нам неизвестны.

В. К. ГРИБОВСКИЙ, авиаконструктор

Создание в 1937—1938 годах «невидимого» самолета оправдывалось тем обстоятельством, что визуальное наблюдение было тогда одним из основных методов обнаружения и опознавания воздушного противника. Из всей скудной литературы, имеющейся у нас по «невидимому» самолету, можно заключить, что желаемый эффект достигался в основном применением органического стекла типа родоида, покрытого с внутренней стороны зеркальной амальгамой, а также специальным покрытием металлических частей с их последующей полировкой.

Поскольку самолет строился на базе легкой спортивной авиетки АИР-3, имевшей небольшую скорость полета (порядка 150—160 км/ч), а также в силу некоторых особенностей конструкции АИР-3 (например, ферменный фюзеляж) применение родоида в наружных деталях машины было делом вполне реальным. И вряд ли тогда мог быть применен какой-либо другой инженерный метод достижения эффекта «невидимости», кроме отражательного.

При оценке же самого явления надо, по-видимому, учитывать действие многих факторов — таких, как время проведения испытаний, высота и маршрут полета испытываемого и эскортирующих самолетов, положение наземных наблюдателей, солнца, облаков и т. п., что в совокупности и могло привести к результату, цитируемому автором из книги В. Шаврова.

Следовало ли продолжать работы по «невидимому» самолету?

С ростом скорости полета нагрузки, действующие на внешние детали самолета, значительно увеличиваются. Применение органического стекла (с его относительно низкими характеристиками) на скоростных, боевых самолетах того времени могло привести к неоправданному усложнению конструкции, увеличению веса машины и как следствие — снижению ее летных характеристик и боевой эффективности.

Это обстоятельство, вероятно, и послужило основной причиной отказа от проведения дальнейших работ по созданию «невидимых» самолетов.

И. Вишняков сознательно, как мне показалось, полемически заостряет вопрос истории создания необычного летательного аппарата и поступает правильно. Статья будит воображение, помогает выйти за рамки наших привычных представлений. Без этого же трудно создать что-либо принципиально новое.

Да, в 30-е годы идея создания «невидимки» была неосуществима. Но испытание временем она выдержала. И кто знает, когда еще и где отыщется невидимый след «невидимого» самолета.

БРУНО ХАБЕРЕР (ГДР)
«ДВОЙНЫЕ ХХ-ЛУЧИ»

Пожар в облаках

Западная Германия. Равенсбрюк. Идет обычное заседание городского суда.

Для дачи показаний вызывается обвиняемый — профессор, доктор наук Ганс Эрхард. Затем оглашается приговор: два года шесть месяцев тюремного заключения. Основание для приговора: уклонение от уплаты алиментов и авантюрные фальсификации. Согласно заключению судебного психиатра в данном случае речь шла о «личности с весьма посредственным интеллектом, непомерным стремлением самоутвердиться и с патологическими наклонностями ко лжи».

Как же могло случиться, что почтенный профессор угодил на скамью подсудимых?

Начнем с того, что подсудимый оказался попросту мошенником: во-первых, он никакой не профессор, во-вторых, не доктор наук и, в-третьих, даже не Ганс Эрхард. Головокружительная карьера Иоганнеса Энгельке началась якобы с того, что он предложил рейхсфюреру СС Гиммлеру способ уничтожения бомбардировщиков противника. Суть изобретения была такова: в воздух выстреливаются неимоверно большие по размеру облака измельченной угольной пыли, после чего облака поджигаются ракетой. Лже-Эрхард поклялся перед судом, что 1 апреля 1945 года такой «облачный пожар» уничтожил 36 английских бомбардировщиков.

Когда фашизму в Германии пришел конец, «изобретатель» нисколько не пострадал. Напротив, у Энгельке только теперь начался взлет. Будучи в лагере для интернированных, он входит в сношения с американской секретной службой и выдает себя за обладателя патента «Способ добывания тяжелой воды для атомных исследований». Спустя несколько месяцев американцы отпускают Энгельке на все четыре стороны. Теперь он уже не просто «изобретатель», но уже и «профессор», и «доктор наук». Новоявленный жрец науки отправляется в турне по Англии. Позднее он попадает в Швейцарию, где заинтересовывает соответствующие фирмы своим предложением организовать оборону страны с использованием лучей смерти. В Италии он удивил ученый мир сообщением о том, что он изобрел водяной мотор, который должен-де вытеснить бензиновый двигатель и тем самым обеспечить крах нефтяных компаний. Так разъезжал предприимчивый делец по европейским столицам, заключая там и сям контракты, от выполнения которых он был очень далек.

Нельзя сказать, что у этого авантюриста не было своего метода и своей системы. Как правило, «талантливый изобретатель» был постоянным гостем в приемных тех учреждений, которые занимались вопросами поставки оружия. В этой области он чувствовал себя как рыба в воде. Недаром орган западногерманской военщины «Дойче зольдатен цайтунг» выступил в свое время с серией статей, в

которых Эрхард объявлялся вершителем судеб, распорядителем над жизнью и смертью миллионов людей.

Цеппелин против радаров

Раздувание мифа о спасительном для Германии «чудо-оружии» началось задолго до последнего этапа второй мировой войны. Высокомерие и полное отсутствие трезвого взгляда на реальную действительность всегда были характерны для фашистского генерального штаба.

Весной 1939 года германская секретная служба получила донесение о том, что в Англии разрабатывается система оборонных мероприятий, согласно которой фашистские самолеты должны быть перехвачены и уничтожены в воздухе задолго до подхода к побережью Великобритании. Очевидно, речь шла о радарах. Геринг тотчас издал приказ: выделить один цеппелин и предписать командиру дирижабля несколько суток курсировать в небе над Балтийским морем; дирижабль оснастить радиоаппаратурой, дабы засечь радарные установки врага. По возвращении цеппелина Герингу было доложено: следов радарной сигнализации не обнаружено. Парадоксально, но никому и в голову не пришло, что установки англичан тут же отключались, стоило медленно летящему разведчику приблизиться к. зоне видимости радаров. Каково лее было изумление горе-стратегов от блицкрига, когда впоследствии обнаружилось, что на побережье Англии безотказно функционируют двадцать радарных установок!

Весной 1943 года рейхсминистр оружия и вооружения Шпеер заявил: «Техническое превосходство обеспечит нам скорую победу. Затяжная война будет выиграна посредством «вундерваффе». Рейхсминистр намекнул, что «чудо-оружие» вот-вот выйдет из стадии испытаний и тогда…

Человек, остановивший трамвай

На что же намекал Шпеер в своем заявлении? На строго засекреченные исследования, которые с 1941 года велись в лагере смерти Бухенвальд.

В Бухенвальде существовала самостоятельная команда электриков. Большинство узников в ней были политическими. Многие из них, такие, например, как товарищи Райнгольд Лохман, Армин Вальтер, Герберт Моргенштерн, Хайнц Гронау и Герберт Тиле, еще задолго до того, как оказались в концлагере, долгое время томились в тюрьмах по обвинению в измене фатерланду.

Команда электриков насчитывала около ста заключенных, надзор над которыми осуществлялся несколькими нижними чинами СС. Во время описываемых событий команда располагалась в одном из бараков, мало чем отличавшихся от прочих: в длину он имел около сорока, в ширину — около девяти метров.

Однажды лагерные электрики получили приказ переоборудовать свой барак. Внутри его возвели стену; все двери, ведущие в одно из двух отделений барака,

замуровали; сразу же за отделением радиотехников и профессиональных телефонистов сколотили дощатый забор. Таким образом, в рабочее помещение был обеспечен только один доступ — с улицы. Входить сюда могли лишь комендант лагеря и командофюрер СС. В новой лаборатории поселился один из заключенных — некто Влау; он должен был разрабатывать сделанное им несколько лет назад секретное изобретение. Отныне всякие контакты с Блау строго запретили. Лишь одному человеку — опытному электрику Армину Вальтеру — было вменено в обязанность оказывать изобретателю всяческую поддержку и помощь. Прежде чем дать это поручение, комендант лагеря сказал Вальтеру: «Ты, конечно, изрядный болван, однако запомни, что Блау изобрел двойные лучи и этими лучами остановил трамвай!»

Кто же был сей чудодей от техники Блау?

По словам самого Блау, он значился важной персоной в списках военных чиновников «третьего рейха», но за какие-то махинации был осужден и попал в Бухенвальд.

Вот как описывает этого человека Райнгэльд Лохман: «Беседуя с Блау, мы установили, что он не обладает даже самыми элементарными сведениями по части физики, механики, электротехники; ему, например, не был известен даже закон Ома».

С момента основания лаборатории Блау поставил дело на широкую ногу. Вскоре помещение было завалено реостатами, амперметрами, конденсаторами, мотками проволоки, трансформаторами, радиолампами и т. д.

Как-то Вальтера вызвали к Блау. Перед бараком он увидел обшитую досками огромную — два метра в поперечнике — рентгеновскую лампу. Из технической документации, сопровождающей груз, явствовало, что лампа-великанша была скороспешно изготовлена концерном Сименса. В нескольких других огромных ящиках покоились немыслимых размеров трансформаторы. Спустя несколько дней после монтажа лампы и трансформаторов Вальтер обнаружил, что изобретатель даже не знает, как следует обращаться с этими приборами.

Несколько позднее Блау заявил, что для увеличения эффективности рефлексии «двойных XX-лучей» необходимо вокруг барака проложить в земле кабель из серебра и меди. Уже через день эта бредовая идея была реализована.

В другой раз Блау затребовал из Швеции солидную порцию моноцитного песка. Специальный курьер СС был тут же отряжен прямо из Берлина в Стокгольм. Гитлеровцы не щадили сил и средств, дабы заполучить долгожданное оружие.

Искры, молнии, потешные огни…

У этого странного «чудо-оружия» был не менее странный принцип действия. «Модуляционная схема включения в перманентное ультракоротковолновое магнитное поле с дистанционным управлением беспроволочной телеграфией и дистанционными импульсами. Модуляция земного магнетизма с силовым линейным

полем синхронной магнитной коллекции посредством так называемого эффекта вихревых токов, с целью генерации дельта-магнитных лучей», — значилось на схеме «вундерваффе». Любой мало-мальски грамотный инженер только пожмет плечами, ознакомившись с подобной «дельта-магнитной» абракадаброй. Как же могло случиться, что вплоть до самого конца войны Блау удавалось околпачивать всех и вся?

После первых бомбовых ударов противника — налетов на города Германии — всякий следующий опыт изобретателя происходил при большом скоплении высокопоставленных чиновников, заинтересованных в в скорейшем успехе «вундерваффе».

Вот рассказ одного из очевидцев: «В свите приглашенных я видел генералов СС и группенфюреров. Были и лица в гражданском платье — вероятно, светила науки: бонзы от СС услужливо сопровождали их к лаборатории, где они внимательно вслушивались в то, что им пространно и не без апломба рассказывал изобретатель. В экспериментальном помещении царил такой хаос, что нельзя было и шагу ступить, чтобы не наткнуться на какой-нибудь диковинный прибор. Особенно много было электропультов. Когда Блау включал аппаратуру, то появлялось ощущение, будто вашу голову сунули в поток искр. Вокруг поблескивали молнии, трещали реле, неожиданно ослепляла флуоресценция.

Особенно запомнились два трюка, которые продемонстрировал изобретатель перед свитой. На железном гвозде, вбитом в потолок, висела обычная электрическая лампа с жестяным патроном. Аппаратура только что перестала грохотать, фейерверк угас. Блау взял один (!) из проводов на выходе из передатчика и притронулся им к жестяному патрону — лампочка загорелась ослепительным светом. Велико было изумление присутствующих, ибо проделанный только что трюк

демонстрировал принцип действия «двойных XX-лучей». По мысли Блау, вместо воспылания лампы должен был обеспечиваться следующий эффект: вокруг самолетов противника нарушалось поле земного притяжения, и, таким образом, целые армады бомбардировщиков должны были падать на землю. Однако Блау «забыл» пояснить гостям истинный секрет этого фокуса: за несколько дней до представления он подвел к гвоздю искусно замаскированный провод, который был подключен к другой фазе.

В другой раз Блау продемонстрировал свое искусство фокусника таким эффектным способом: предварительно включив приемник на полную мощность, он после нескольких манипуляций у пульта заглушил радиопередачу. При этом он незаметно для высокопоставленных гостей, из которых мало кто мог даже подумать о возможном шулерстве, сунул в одну из конденсаторных катушек железный стержень; катушка, в свою очередь, была установлена на ответвлении антенного привода. Индуктивное заграждение в антенной цепи явилось, понятно, причиной того, что приемник вдруг умолк. Тем не менее факт некоего дистанционного действия «двойных XX-лучей» был так или иначе продемонстрирован, и шарлатан мог преспокойно продолжать свою деятельность. Небезынтересно, что после ухода изумленных гостей заключенный Вальтер повторил заключенному Блау тот же трюк. Вскоре Вальтера по жалобе Блау перевели на другие работы.

Теперь можно ответить на вопрос — как могло случиться, что приглашенные на демонстрацию испытаний не смогли разоблачить шарлатана на месте? По всей вероятности, ни одна идея, ни один технический фокус не казались в то время настолько сумасбродными, чтобы за них нельзя было ухватиться, как за последнюю надежду уйти от неотвратимо надвигавшегося краха — поражения фашистской Германии.

Работы, связанные с изобретением «двойных XX-лучей», находились в ведении высших инстанций СС. Эсэсовцы намеревались, используя «вундерваффе», коренным образом изменить ход военных действий. Кто из экспертов мог рискнуть в подобной ситуации объявить изобретателя «вундерваффе» мошенником? Для этого надо было поставить на карту свою жизнь, ибо такое заявление отнимало у фашистов их последнюю надежду.

Поговорка гласит: два сапога пара. В этом смысле полностью проясняется связь между шарлатаном Блау и шарлатаном Эрхардом — Энгельке. Германский милитаризм не очень-то разборчив в средствах, если речь идет о возможностях, обещающих превосходство над противником.

Перевод с немецкого

А. ИВОЛГИН

ГЛОБАЛЬНЫЙ АВАНТЮРИЗМ

Чтобы до конца уяснить, каким образом могли процветать на ниве военной науки такие шарлатаны, как Блау и Эрхард, придется войти в удушливую атмосферу «третьего рейха», обратиться к деятельности нацистов более высокого полета.

Одним из крупнейших авантюристов был группенфюрер (генерал-лейтенант СС) Ганс Каммлер — военный преступник, сооружавший газовые камеры и крематории для механизированного, поточного убийства узников концлагерей.

Этот титулованный нацистский убийца возглавил производство ракет «фау». Это произошло в 1944 году, когда сокрушительные удары Советской Армии все более очевидно подводили фашистскую Германию к рубежу полной государственной катастрофы. Основная часть гитлеровского вермахта была скована на Восточном фронте, где потери немцев приобрели устрашающий характер. Восемь миллионов фашистов, 190 тысяч орудий и 55 тысяч сожженных танков усеяли пути отхода агрессора; 62 тысячи самолетов не вернулись на свои базы после вылетов на Восточном фронте.

Именно в эту пору и начали муссироваться слухи о «чудо-оружии невероятной силы».

Под присмотром Каммлера 12 тысяч узников загнали под землю, где в толще горного массива находились соединенные галереями два тоннеля, по 1500 метров

каждый. Здесь заключенные работали по 18 часов в сутки. Они делали ракеты по проектам печально известного Вернера фон Брауна.

К середине июня 1944 года Гитлер, Гиммлер, Геринг и Кейтель сочли, что нового оружия накоплено достаточно, и 25 тысяч «фау-1» и 10 800 «фау-2» с воем устремились через Ла-Манш на Лондон.

Только треть ракет достигла цели. Остальные взорвались на стартовых установках, не долетели, отклонились от цели, были сбиты английскими истребителями.

Выбросив 5 миллиардов марок на воздух, главари вермахта вскоре постигли, что затея с «фау» провалилась: ни подавить дух английского народа, ни поднять энтузиазм немецкого не удалось. Однако фашистские стратеги стремились сделать все возможное, не считаясь с миллионами жертв, чтобы оттянуть час возмездия, и делали все новые ставки на авантюрный блеф.

Выбор их остановился на матером шпионе и диверсанте обер-штурмбаннфюрере (подполковнике СС) Отто Скорцеии. Нет ни одного преступления, к которому не был бы причастен этот вундеркинд от фашизма : фабрикация в колоссальных количествах фальшивых денег, массовая подделка документов, похищение или уничтожение государственных деятелей, диверсии, гнусные провокации и т. д. …

С февраля 1944 года Скорцени становится шефом секретной службы СС по созданию оружия особого назначения — управляемых на расстоянии легких танкеток «голиаф». В арсенале типично фашистских изобретений Скорцени были и «человеко-торпеды», и «человеко-снаряды», и «человекоуправляэмые авиабомбы»…

В этих людоедских экспериментах участвовали Отто Скорцени, Вернер фон Браун и Теодор Беннеке. А Вальтер Шелленберг предложил следующий синтез: «Мы могли бы с бомбардировщика дальнего действия запустить ракету «фау-1» вблизи намеченного пункта, чтобы затем пилот-смертник направил ее прямо в цель… Бомбежке должны подвергнуться в первую очередь индустриальные комбинаты. Куйбышева, Челябинска, Магнитогорска…»

Но в реальности «чудо-оружие» было не более чем чудовищным обманом, глобальным авантюризмом. Ничто не смогло задержать победоносного наступления народов, поднявшихся на борьбу против «коричневой чумы».

Нет ничего удивительного в том, что наряду с такими военно-техническими мошенниками, как Каммлер, Шелленберг, Скорцени и иже с ними, подвизалось множество шарлатанов рангом пониже. Как правило, ими руководили самые низменные интересы: стремление увильнуть от фронта, занять теплое местечко в тылу, спасти свою шкуру. Стоит ли упоминать, что ответственная за «вундерваффе» служба СС не отличалась достаточной компетентностью по части научно-технических дисциплин.

Начальный ход Ганса Эрхарда был технически примитивным, но в качестве исходной посылки он использовал вполне реальные факты.

Известно, что если в угольной шахте пренебрегают элементарными правилами

техники безопасности, то при насыщении подземных галерей угольной пылью может произойти возгорание и взрыв ее смеси с воздухом. Можно ли подобным образом создать «пожар в облаках»?

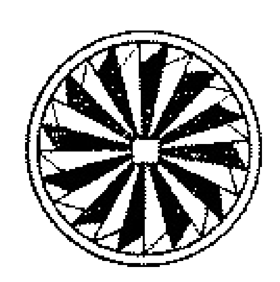
Техническая необоснованность этого проекта легко обнаруживается. Угольно-воздушная смесь взрывается лишь тогда, когда наступает оптимальное соотношение горючего (угольной пыли) и окислителя (кислорода воздуха). Для этого необходимо замкнутое пространство. К примеру, если порох высыпать из патрона и поджечь его на открытом воздухе, то он безобидно сгорает без намека на взрыв.

Нечто подобное произошло бы и с «угольными облаками», если бы даже и удалось их создать с помощью тех же самых ракет «фау», что само по себе маловероятно. Но и в этом случае общий радиус поражения ненамного отличался бы от радиуса поражения заряда ракеты. К тому же следует учесть, что самолеты противника могли бы на довольно большом расстоянии обнаружить «облака» либо визуально, либо при помощи локатора.

Легко себе представить, как ухватились бы фашисты за «воздушно-угольную» ПВО, если бы она оказалась хоть сколь-нибудь действенной.

В борьбе за господство в воздухе авантюризм гитлеровцев нередко приводил их к поражениям в области разведки. Нельзя без улыбки читать о том, как тихоходный дирижабль должен был засечь неприятельские радары. Вспоминается еще один подобный казус. Как-то английские летчики «разбомбили» ложный фашистский аэродром пустыми консервными банками и деревянными муляжами бомб. Ну что же, решили фашисты, тогда макеты мы переведем на действующий аэродром, а самолеты — на ложный. Вскоре англичане всерьез разбомбили боевые немецкие самолеты, а затем сбросили вымпел с надписью: «А это — другое дело».

Мне остается прокомментировать идеи авантюриста Блау. Но нужно ли? Нужно ли рассуждать об идеях, проблемах и принципах «изобретателя», который не знал закона Ома?



ВАДИМ ОРЛОВ, журналист
ЭТО БЫЛО ТАЙНОЙ

Начальник гарнизона оккупированного Харькова, командир 68-й немецкой пехотной дивизии генерал-майор Георг фон Браун издал приказ:

«Каждый житель, который знает места, где заложены мины, бомбы замедленного действия, подрывные снаряды, или же подозревает о заминировании каких-то объектов, обязан немедленно сообщить об этом. За правильные сведения будет выдаваться денежное вознаграждение. С другой стороны, каждый, кто скроет известные ему сведения о заминированных участках и не сообщит об этом, будет предан смертной казни…»

Одна продажная и угодливая душонка обрадовалась такому приказу. Некий хапуга, еще перед войной проворовавшийся за прилавком и случайно избежавший заслуженной кары, уже ждал момента, чтобы выслужиться перед оккупантами. До отхода наших войск он то и дело вертелся около красивого особняка в центре города. Расчет был прост: здание непременно понадобится для какого-нибудь важного гитлеровца. Надо подглядеть, не поставят ли советские бойцы там мины, чтобы потом донести немецкой комендатуре.

Доносчика фашисты увели с собой, чтобы вести поиски по его подсказке. После долгого осмотра всех закоулков дома мину обнаружили в куче угля на полу котельной и извлекли. И тогда руководивший поисками капитан Карл Гейден помчался к начальнику гарнизона, чтобы порадовать его. Генералу нужен был особняк. Браун не рискнул сразу обосноваться в городе. Не проходило и дня, чтобы в каком-нибудь месте не взрывалась мина. Палач Проскурова и Винницы, зверствовавший теперь в Харькове, Браун решил не спешить и поселился на окраине, в небольшом доме без всяких удобств. Но оставаться там надолго тоже не входило в его планы. Он не сомневался в гитлеровской доктрине молниеносной войны и надеялся на близкую капитуляцию Красной Армии. Только что пришел приказ о присвоении ему еще более высокого звания — он стал генерал-лейтенантом, Браун уже видел себя хозяином четвертого по величине города России.

И вот капитан Карл Гейден докладывает ему, что отличный особняк в самом центре города наконец разминирован! Георг фон Браун облегченно вздохнул и распорядился перенести свои вещи в этот уютный дом, прятавшийся за оградой.

Переселение начальника гарнизона не прошло незамеченным для партизанской разведки. Вскоре о новом месте жительства гитлеровского карателя, который вешал харьковчан на балконах, уже знало командование Юго-Западного фронта.

13 ноября 1941 года, незадолго до полуночи, лимузин Брауна въехал во двор особняка. Генерал вышел из машины и удалился в спальню.

Той же ночью на окраине Воронежа в здание радиостанции широкого вешания входили люди, которым предстояло через несколько часов похоронить палача под обломками приглянувшегося ему дома. Эти люди знали о мине в куче угля на полу котельной, больше того, они хотели, чтобы фашисты ее нашли. В конце концов, дело

было не в ней. Ее поставили лишь для отвода глаз, и тайна ее расположения была совсем не той тайной, что определяла успех операции.

В котельной глубоко в земле лежала еще одна, куда более мощная мина. От нее не тянулись скрытые провода, она не походила на бомбу замедленного действия. То была «умная мина» — она отзывалась на понятное только ей «имя». Она могла распознать его, находясь в земле, за толстыми стеками, могла откликнуться даже тогда, когда радиопередатчик неслышно ронял это имя в эфир далеко-далеко, в другом городе, за сотни километров от нее. И она откликнулась со всей силой своего 350-килограммового заряда…

В 4 часа 20 минут 14 ноября среди ночной тишины раздался оглушительный взрыв. Столб густой пыли окутал все в радиусе более 100 метров, в воздух полетели куски камня, бетона. От особняка в центре Харькова осталась только часть крыльца с лестницей, по которой генерал фон Браун поднялся накануне в последний раз.

Выбежав из соседних домов, немецкие солдаты услышали, как в разных частях города снова и снова прокатилось эхо, а затем взвились к небу языки пламени. Началась паника. В течение получаса каратели не решались выехать на улицы.

Взрывы, раздавшиеся ночью в нескольких районах и притом почти одновременно, вселили в гитлеровцев ужас. Продолжались взрывы и в последующие дни, причем не только в городе, но и на аэродромах, важных в военном отношении коммуникациях. Срабатывали мины замедленного действия, мины, реагирующие на сотрясение, неизвлекаемые мины. Перечень найденных гибельных «сюрпризов» был совсем скудным, да и то большую часть из них вражеские минеры не смогли обезвредить — пришлось взрывать самим, разрушая участки железнодорожных путей и автомобильных дорог.

Скрытых под землей радиофугасов в городе уже не осталось, они все сработали по сигналам из Воронежа в ночь с 13 на 14 ноября. Но тайна оставалась тайной, и никто из гитлеровских вояк точно не знал, будут ли еще взрывы, где и в какое время. Каждый оккупант задавал себе вопрос: «Кого еще ждет смерть под обломками зданий и на дорогах?» Минеров, которые обшаривали подвалы дома Брауна и не смогли найти глубоко заложенную взрывчатку, офицеры СД в бессильной злобе расстреляли.

Сохранился красноречивый документ, из которого видно, как скверно себя чувствовали фашисты в Харькове. Это запись в дневнике немецкого офицера Георга Ф. Запись сделана 20 ноября 1941 года. Вот она:

«Еще горят дома. Большой, опустевший город неспокоен. Мы едем на автомобиле. Внезапно слышим грохот сильного взрыва. К месту взрыва помчалась масса велосипедов, и мы поехали туда. Место взрыва сцеплено. Вновь взорвалась мина или адская машина, которая должна была взорваться через определенный промежуток времени.

Вечером взорвалась мина недалеко от нашего дома. После взрыва нескольких мин и потери офицеров и солдат было отдано распоряжение не расселяться по нежилым домам…

Мины взрывались повсюду. Но самое ужасное — минированные дороги и аэродромы. На аэродромах в день взрывалось до 3—5 мин, и никто не знал, где взорвутся следующие. Однажды взорвалась мина неслыханной мощности в ангаре, где велись монтажные работы, были убиты ценные специалисты. Этим ангаром уже нельзя пользоваться. Взорвались мины на краю аэродрома, были раненые среди летчиков и попорчены самолеты.

В городе и его окрестностях погибло много автомашин и несколько поездов, наскочивших на мины. Убиты сотни солдат. Но взрывы не прекращаются, обнаруживать мины с каждым днем все труднее. По показаниям пленных, часовой механизм многих образцов мин подействует лишь через четыре месяца.

Прошел только один месяц: в течение остающихся трех мы должны будем терять еще много машин и поездов. Уже сейчас потери из-за мин превосходят все потери, непосредственно связанные с завоеванием города. Наше первое столкновение с планомерным минированием стоило нам очень дорого…»

Немецкий офицер, сделавший эту запись, оказался прав: минирование было планомерным. Теперь известны имена советских воинов, которые сумели провести столь масштабную и дерзкую операцию, предусмотренную Ставкой Верховного Главнокомандующего.

Начальником оперативно-инженерной группы был полковник И. Старинов, ныне преподаватель одного из учебных заведений, кандидат технических наук. Военинженер 2-го ранга В. Ястребов возглавлял подразделение, установившее радиоуправляемые мины (отважный минер погиб в 1943 году при испытании нового боеприпаса). На железных дорогах действовали бригады под командованием полковников П. Кабанова, В. Павлова и С. Степанова. Батальон старшего лейтенанта И. Кливицкого минировал автомобильные дороги и аэродромы. При въезде в Харьков со стороны Белгорода группе смельчаков удалось в самый последний момент установить «гостинцы» для подрыва вражеских танков.

В ход было пущено около 25 тонн взрывчатки. Но чудо-мин, откликавшихся на закодированные радиосигналы, у харьковской оперативно-инженерной группы было немного. Поэтому пошли на хитрость — решили разыграть спектакль, изображающий минирование всех лучших домов города.

«Пикап» с минерами в зеленых полупальто, не скрываясь, днем останавливался то на одной, то на другой улице. Бойцы выносили из машины увесистые ящики и исчезали в подъезде. Затем так же демонстративно выходили из дома и ехали дальше.

Спектакль удался. Впоследствии выяснилось, что квартирмейстеры в поисках резиденции для генерала побывали именно в этих домах, но жители всюду говорили о «пикапе» с минерами. Тут-то капитан Гейден и доложил фон Брауну, что особняк в центре «разминирован».

О том, как удалось усыпить бдительность врага, рассказывает И. Старинов:

— Очистив от угля часть подвала возле внутренней капитальной стены, саперы вскрыли пол и вырыли колодец глубиной около двух метров. Извлеченную землю

ссыпали в мешки, ставя на каждом порядковый номер, чтобы при засыпке сохранить то же чередование слоев грунта. Это было важно на случай, если враги начнут раскопки. Под фундаментом внутренней стены сделали глубокую нишу для приемника радиосигналов. Поверх чудо-мины, слегка засыпанной землей, поставили две неизвлекаемые мины. Колодец засыпали, набросали снова и кучу угля, укрыв им еще одну мину, которую противник должен был найти. Выглядела она вполне исправно, хотя мы и снабдили ее различными хитроумными устройствами, исключавшими возможность ее взрыва. Конечно, пришлось пожертвовать частью драгоценной для нас взрывчатки, но зато наш замысел привел к успеху: палача Брауна вместе с офицерами и охраной мы уничтожили.

Заряды, подрываемые радиосигналами на расстоянии, наши войска применили не только в Харькове. 22 октября 1941 года под обломками здания на улице Энгельса в Одессе нашли свою смерть около 200 старших офицеров вермахта, собравшихся на важное совещание. Под Москвой, во время движения немецких войск по мосту через реку Истру, взорвались два заряда, весом по 600 килограммов каждый. Мост взлетел на воздух, и в самый ответственный момент наступательной операции сообщение между частями фашистов нарушилось. Рвались радиофугасы в районе Туапсе, у Ржева, под Ростовом и Сталинградом, на Курской дуге.

Один из первых шифрованных радиоприказов полетел к чудо-минам 11 июля 1941 года под Ленинградом. Между начальником инженерного управления фронта Б. Бычевским и командиром роты особого назначения В. Яковлевым состоялся короткий разговор:

— Вот тут, в Стругах Красных, летчики видели скопление вражеских танков и автомашин. Где наши фугасы?

— На дороге — три по четверти тонны. Взрыватели «Беми».

— Да, кстати, а почему «Беми»?

— «Беми» — беспроволочные мины, кажется…

— Я слышал другое. Ну это сейчас неважно. Бей, Володя!

Во время войны фашистские главари не раз выступали с угрозами изготовить и пустить в ход некие виды «секретного оружия». Подразумевались ли в хвастливых заявлениях гитлеровских бонз радиомины? Надо принять во внимание, что осенью 1942 года немецким саперам все же удалось найти одну из наших чудо-мин. По всей вероятности, в военных лабораториях рейха предпринимались попытки скопировать советский образец или изготовить подобный. Сделать это оказалось, видимо, не так-то просто.

Наконец, не менее интересно узнать, кто же сумел изобрести радиофугасы в те годы, когда только начинали говорить о направлении в технике, названном впоследствии телемеханикой.

Ответить должны архивы. Кому, как не историкам нашей оборонной техники, оживить для нас пожелтевшие от времени документы, в которых говорится о таинственных «Беми»…

Е. ГОРБУНОВ, военный историк

ТОС — ТЕХНИКА ОСОБОЙ СЕКРЕТНОСТИ

В журнале «Советские архивы» № 4 за 1967 год помещен любопытный документ, который имеет отношение к прибору для подрыва зарядов на расстоянии.

В журнале приведен отчет Комитета по делам изобретений за 1920 год. Пункт 40 отчета гласит:

«Бекаури. Мина заграждения. За отчуждение в собственность республики — 10 миллионов рублей. За полное отчуждение изобретения в собственность РСФСР с обязательством изготовления образца в 6-месячный срок со дня выдачи этой суммы — 5 миллионов рублей дополнительно по испытании образца».

Этот отчет с мало что значившими в ту пору миллионами, по-видимому, первый документ, связанный с изобретением талантливого инженера Владимира Ивановича Бекаури. Именно из двух первых букв его фамилии и фамилии профессора Ленинградского политехнического института В. Миткевича составлено сочетание «Беми».

С 1921 года и до конца жизни Бекаури возглавлял организованное им по указанию Ленина Особое техническое бюро (сокращенно — Остехбюро). В 20-е годы оно было одной из самых крупных организаций по разработке военной техники для Красной Армии. Оценка всей деятельности Остехбюро не входит в мою задачу. Я хочу привести лишь несколько эпизодов, связанных с судьбой самого необычного изобретения Бекаури — радиомины.

Это кажется неправдоподобным, но первое испытание столь сложного и капризного прибора было назначено на один из дней июля 1925 года. Условия были такими. Пять фугасов уложили в отдаленном уголке Ленинградского гребного порта, там же зарыли в землю приемное устройство для их подрыва. В Балтийском море, в 25 километрах от этого места, находился тральщик «Микула». Его радиостанция должна была послать условные сигналы в определенное время, установленное комиссией.

На испытание приехал председатель Реввоенсовета СССР и нарком по военным и морским делам М. Фрунзе. Он сам определил время и последовательность взрыва фугасов, уложенных на берегу. Все они взорвались точно в назначенный срок и в той последовательности, которую указал нарком.

Повторное и снова успешное испытание прибора «Беми» прошло в ноябре 1925 года на комендантском аэродроме (Ленинград). Присутствовали новый председатель Реввоенсовета СССР и наркомвоенмор К. Ворошилов, член Реввоенсовета СССР Г. Орджоникидзе, комвойск округа Б. Шапошников и руководители Остехбюро вместе с его начальником.

Конструкторам рекомендовали увеличить дальность действия, создать более

совершенную схему, способную работать в самых неблагоприятных условиях. На выполнение нового варианта прибора ушло полтора года. Удалось спроектировать и построить высокочувствительные батарейные приемники, надежные кодирующие и декодирующие устройства, взрыватели, малогабаритные источники питания. И все это было сделано в то время, когда только-только начинали работать радиовещательные станции, а ламповые приемники были величайшей редкостью!

В марте 1927 года в районе Малой Вишеры снова прошли испытания. На этот раз станция управления находилась в Ленинграде, в 170 километрах от места взрыва.

3 мая 1927 года на одном из подмосковных полигонов действие приборов «Беми» продемонстрировали руководителям партии и правительства. Присутствовали М. Калинин, А. Микоян, Я. Рудзутак. Команды на подрыв мин летели по радио из Ленинграда, с расстояния более 600 километров.

В 1929 году «Беми» были приняты на вооружение РККА, а весной 1930 года началось их серийное производство.

Чтобы проверить действие аппаратуры в боевых условиях, зимой 1930/31 года под Москвой были проведены войсковые учения, которыми руководил начальник оперативного управления штаба РККА В. Триандафилов. За четыре месяца учений ни одно устройство не сработало от ложных сигналов, которые посылали даже с мощных радиовещательных станций. Испытания в войсках продолжались и в последующие годы.

Весной 1932 года по распоряжению наркома К. Ворошилова на Дальний Восток выехала группа специалистов с приборами «Беми». Группа поступила в непосредственное подчинение командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией В. Блюхера. Обстановка в этом районе была очень тревожной, военный конфликт мог вспыхнуть в любой момент.

В мае 1932 года сюда прибыла вторая, еще более многочисленная группа радиоминеров. В итоге появилась первая в Красной Армии отдельная рота, вооруженная чудо-минами. Подобные подразделения вскоре были сформированы и в других пограничных округах. Такие подразделения сокращенно называли ТОС, что означает «техника особой секретности».

К началу Великой Отечественной войны на вооружении наших инженерных войск состояли радиовзрыватели Ф-10, которые были значительно лучше своих предшественников «Беми». Ф-10 весил 16 килограммов, а комплект аккумуляторных батарей к нему — 18 килограммов. Прибор сохранял работоспособность в течение 60 суток.

Применение зарядов, взрываемых на расстоянии, явилось полной неожиданностью для немецкого командования. Попытки вражеских минеров отыскать эти заряды кончались неудачей — глубокая закладка не позволяла обнаружить их обычными средствами.

Конечно, фашисты догадывались о том, что на воздух взлетают объекты, заминированные еще до отхода советских войск. В штабе вермахта возникло

предположение, что команды на взрывы мощных фугасов даются по радио. Пришлось доложить фюреру. Поскольку саперные части расписались в своем бессилии, Гитлер издал совершенно секретный приказ: «Русские войска применяют против немецкой армии «адские машины», принцип действия которых еще не определен. Наша разведка установила наличие в боевых частях Красной Армии саперов-радистов специальной подготовки. При выявлении таких саперов среди пленных доставлять их в Берлин самолетом и докладывать об этом лично мне».

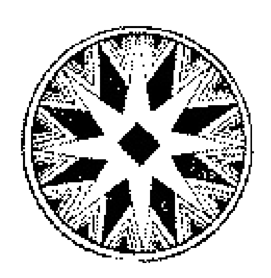
Саперов-радистов среди пленных не оказалось, а взрывы продолжали греметь на всех фронтах.

Подобного оружия не было в немецкой армии ни перед войной, ни во время войны. Лишь осенью 1942 года немецким саперам удалось обнаружить одну такую мину. Ее отвезли в Германию и потратили больше года, чтобы скопировать советский образец. Несмотря на грозные приказы самого Гитлера, наладить производство радиофугасов фашистам не удалось.

При взятии Берлина нашим частям сдался в плен комендант города генерал Вейдлинг, Его допросили.

Советских саперов интересовало, где в Берлине установлены мины замедленного действия и есть ли среди них радиоуправляемые. Гитлеровский генерал только развел руками:

— Кроме обычных противотанковых и противопехотных мин, мы в городе ничего не устанавливали. Времени не было, да и соответствующей техники не имели. Что касается радиофугасов, то тут русские инженеры далеко опередили наших.



ЛЕВ СКРЯГИН, действительный член Географического общества СССР
ГДЕ ЗОЛОТО «ЧЕРНОГО ПРИНЦА»?

…Изобретатель рассказал, что у него имеется цель попытаться сделать что-нибудь с тем утонувшим под Балаклавой английским кораблем, который вез, как известно, 200 000 фунтов стерлингов.

«Русское судоходство», 1896 г.

«Принц-регент», громадный корабль английского флота, вез из Англии значительное количество серебряной монеты и 200 000 фунтов стерлингов золотом для уплаты жалованья английским войскам в Крыму… Деньги, отправленные на этом корабле, были упакованы в бочки, почему и должны сохраниться в неприкосновенности…

«Наше судоходство», 1897 г.

Среди грузов, принятых «Принцем», находились вещи: 36 700 пар шерстяных носков, 53 000 шерстяных рубах, 2500 постовых тулупов, 16 000 простынь, 3750 одеял. Кроме того, еще можно назвать число спальных мешков — 150 000 штук, нательных шерстяных рубашек — 100 000, фланелевых кальсон — 90 000 пар, около 40 000 одеял и 40 000 непромокаемых шапок, 40 000 меховых пальто и 120 000 пар сапог.

«Иллюстрейд Лондон ньюз», 16 декабря 1854 г.

Тень легендарного «Черного принца» уже не раз вставала со страниц отечественной литературы. О «Черном принце» писали А. И. Куприн, С. Н. Сергеев-Ценский, М. Зощенко, Е. В. Тарле, Т. Бобрицкий и многие другие писатели. До сих пор в зарубежной приключенческой литературе нет-нет да и мелькнет статья либо заметка о «загадочном исчезновении» бочонков с золотыми монетами.

…К началу Крымской войны английское правительство зафрахтовало для перевозки войск и амуниции в Крым свыше 200 торговых судов, принадлежащих частным компаниям. Среди них был парусно-винтовой фрегат «Принц». 8 ноября 1854 года вместе с другими английскими кораблями он прибыл на внешний балаклавский рейд. Через пять дней над Крымским полуостровом пронесся юго-восточный ураган невиданной силы. На прибрежных скалах Балаклавской бухты погибло 34 корабля. Эта участь постигла и «Принца».

Еще не закончилась война, а по всему миру уже расползлись слухи, будто у берегов Крыма погиб английский паровой фрегат «Черный принц» с грузом золота, предназначавшегося для выплаты жалованья войскам. Корабль, о котором идет речь, никогда не назывался «Черным принцем». Название этого судна с момента, когда его спустили на воду на реке Темзе в Блэкуолле в 1853 году, было «Принц». Почему корабль стали называть «Черным принцем», сказать трудно. Может быть, в

романтическом эпитете «черный» повинны неутомимые охотники за его золотом или английские солдаты, не получившие очередного денежного довольствия?

Почти сразу же после заключения мира начались поиски останков «Черного принца». Корабль искали одинаково безуспешно итальянцы,американцы, норвежцы, немцы. Но примитивная водолазная техника тех времен не позволяла опуститься достаточно глубоко.

В 1875 году, когда уже был создан водолазный скафандр, во Франции учредили крупное акционерное общество с большим капиталом. Французские водолазы обшарили дно Балаклавской бухты и все подходы к ней. Нашли более десяти затонувших кораблей, но «Черного принца» среди них не оказалось. Работы велись на огромной для конца прошлого века глубине — почти 40 саженей. Но даже самые сильные и выносливые водолазы могли находиться под водой лишь несколько минут…

Постепенно вокруг «Черного принца» начали распространяться легенды. Стоимость затонувшего с кораблем золота возросла до 60 миллионов франков. В 1896 году поисками занялся русский изобретатель Пластунов. Но и ему не повезло.

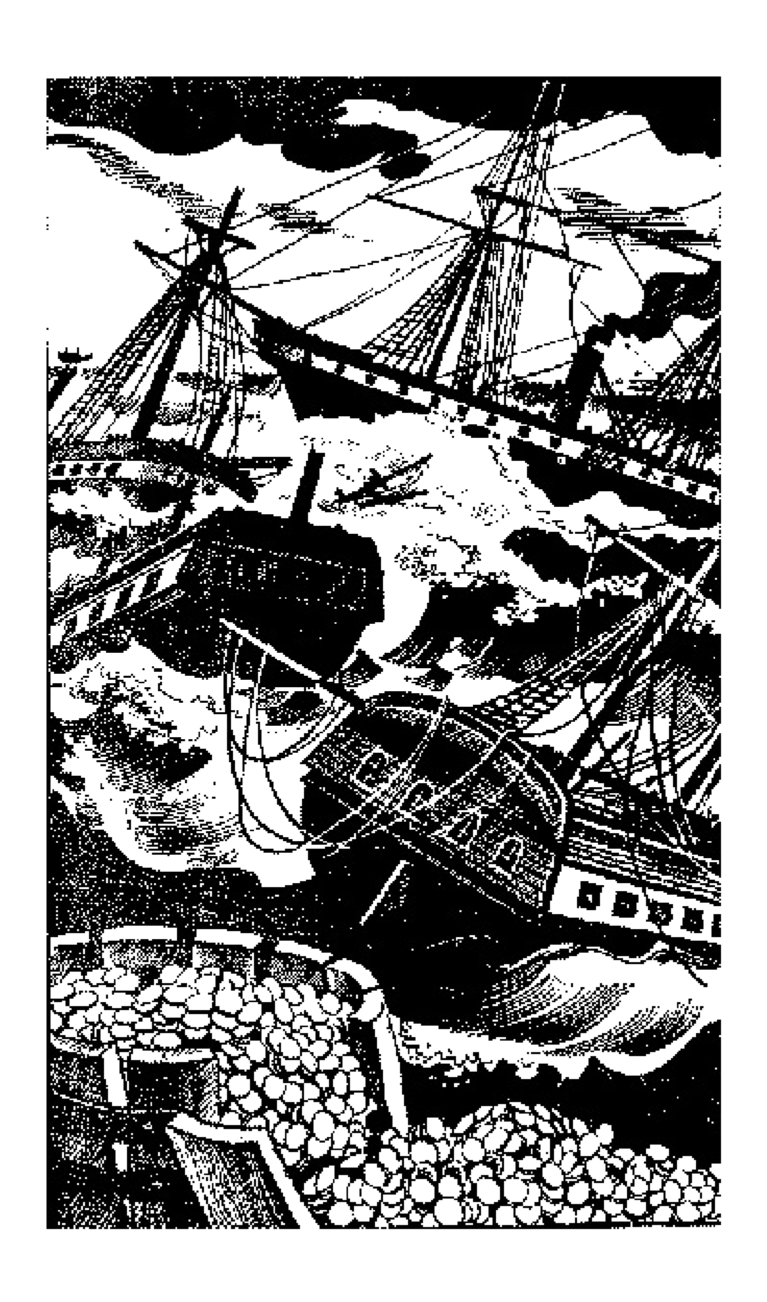
Самыми терпеливыми оказались итальянцы. Изобретатель глубоководного скафандра Джузеппе Рестуччи возглавлял экспедицию в 1801 году. Через несколько недель после начала работ ему удалось найти железный корпус большого корабля. Итальянские водолазы подняли со дна металлический ящик со свинцовыми пулями, подзорную трубу, винтовку, якорь, куски железа и дерева. Но… никаких следов золота. Весной 1903 года итальянцы покинули Балаклаву, с тем что-бы через два года снова прибыть на место поисков. На этот раз, уже совсем в другом месте, они обнаружили еще один железный корабль. Никто до сих пор не знает, был ли это «Черный принц» или какой-либо другой корабль. Золота опять не нашли.

Однако мысль о сказочном кладе не давала покоя многим изобретателям, водолазам, инженерам. Министра торговли и промышленности России завалили письмами с предложениями поднять золото «Черного принца». И снова ныряли итальянские водолазы на балаклавском рейде, и снова безрезультатно. В конце концов правительство царской России стало отказывать и своим и иностранным золотодобытчикам, формально ссылаясь на то, что работы близ бухты стесняют деятельность Черноморской эскадры в районе Севастополя. Вскоре первая мировая война прекратила ажиотаж вокруг «Черного принца».

В 1922 году один ныряльщик-любитель из Балаклавы достал со дна моря у входа в бухту несколько золотых монет. Так мир снова заинтересовался «Черным принцем». Посыпались предложения одно другого фантастичнее. Один изобретатель из Феодосии утверждал, что «Черный принц» наверняка лежит на дне в самой бухте. А раз так, надо вход в бухту немедля перекрыть плотиной, воду откачать, после чего золото на корабле хоть лопатой греби.

В 1923 году флотский инженер В. С. Языков пришел в ОГПУ и сообщил, что с 1908 года он самым подробным образом изучал обстоятельства гибели английской эскадры в шторм 14 ноября 1854 года и что он готов тотчас же начать работы по поднятию драгоценностей. Свой энтузиазм он подкреплял толстой папкой

документов по «Черному принцу». В марте того же года было решено организовать экспедицию. Она получила название ЭПРОН — Экспедиция подводных работ особого назначения. Через несколько недель ЭПРОН приступил к подготовительным работам. Советский инженер Е. Г. Даниленко создал глубоководный аппарат, который позволял осматривать морское дно на глубине 80 саженей. Аппарат имел «механическую руку» и был оборудован прожектором, телефоном и системой аварийного подъема в случае обрыва троса. Экипаж аппарата состоял из трех человек, воздух подавался по резиновому гибкому шлангу.



Пока строился глубоководный аппарат Е. Г. Даниленко, специалисты ЭПРОНа разыскали и тщательно опросили старожилов Балаклавы — очевидцев шторма 14 ноября 1854 года. Но никто из них не мог указать точного места гибели «Принца». Как обычно, их показания оказались крайне противоречивыми.

Наконец тральщики произвели промеры глубин, и весь предполагаемый район гибели «Принца» был разбит вехами на квадраты. В первых числах сентября 1923 года начали осмотр западных от входа в бухту подводных скал. Каждый день небольшой катерок типа «болиндер» спускал аппарат Даниленко для обследования

очередного квадрата. Было обнаружено множество обломков деревянных кораблей: мачты, реи, куски шпангоутов, бимсов и бортов, сильно источенные морским червем, обросшие ракушками. Думали, что разыскать «Принца» среди этих обломков не особенно трудно: в исследовании инженера Языкова значилось, что «Принц» — единственный железный корабль из числа погибших.

Прошли весна, лето и осень 1924 года. Но «Принц» так и не был найден.

В октябре 1924 года врач ЭПРОНа К. А. Павловский проводил с молодыми водолазами учебные спуски близ старых Генуэзских башен к востоку от входа в бухту. Молодые эпроновцы, тренируясь, поднимали с восьмисаженной глубины камни, раковины, обломки дерева.

Утром 17 октября один из учеников Павловского обнаружил на морском дне недалеко от берега торчавший из грунта железный ящик странной формы. Он попробовал подвести под него строп, но безуспешно. Заинтересовавшись находкой, Павловский пригласил опытных водолазов. Вскоре подняли ящик на поверхность: это был весь изъеденный ржавчиной допотопный паровой котел кубической формы с чугунными дверцами и горловинами. Необычная находка заставила эпроновцев тщательно обследовать этот район. Под обломками скал, обрушившихся с береговых утесов, водолазы нашли разбросанные по всему дну останки большого железного корабля, наполовину замытые песком.

За два месяца работ водолазы подняли со дна десятки кусков железа различной формы и величины, часть обшивки борта с тремя иллюминаторами, ручную гранату, медицинскую ступку из белого фарфора, несколько неразорвавшихся бомб, медные обручи от бочек, железный рукомойник, части паровой машины, почти сгнившую пачку госпитальных туфель, свинцовые пули. И опять — ни намека на золото…

Перед Новым годом в районе Балаклавы начались жестокие штормы, работы пришлось прекратить.

К этому времени поиски «неуловимого корабля» обошлись ЭПРОНу почти в 100 тысяч рублей. Как быть дальше: стоит ли продолжать работы? Мнения специалистов разделились. ЭПРОН не мог найти достоверных документов, подтверждавших наличие золота на «Принце». Запросили советское полпредство в Лондоне. Однако британское адмиралтейство, ссылаясь на давность события, а также на законы, ограничивающие допуск иностранцев к архивам, ничего конкретного сообщить не смогло. ЭПРОН признал проведение дальнейших работ нецелесообразным.

Именно в это время Советское правительство получило предложение японской водолазной фирмы «Синкай Когиоссио лимитед» поднять золото с «Принца».

В те годы эта фирма считалась одной из самых известных и удачливых. Последним в ее «послужном списке» значился один английский корабль, затонувший в Средиземном море. Тогда японским водолазам удалось с сорокаметровой глубины достать сокровища на два миллиона рублей.

«Синкай Когиоссио лимитед» предлагала ЭПРОНу 110 000 рублей за предварительные работы по розыску и обследованию «Принца», а также принимала

на себя все дальнейшие расходы. Заключили договор. Поднятое золото должно было делиться между ЭПРОНом и фирмой в соотношении 60 и 40 процентов. Кроме того, японцы должны были ознакомить советских водолазов со своей глубоководной техникой и после окончания работ передать ЭПРОНу по одному экземпляру предметов технического оборудования.

Летом 1927 года японцы (они рассчитывали без особого труда получить 800 000 рублей золотом!) приступили к работе. Каждые сутки японские водолазы поднимали не менее двадцати каменных глыб весом по 500 пудов. Тысячепудовые куски скал оттаскивались в сторону с помощью паровых лебедок, установленных на баржах. Каждый день, сменяясь, работали 7 водолазов и 5 ныряльщиков.

5 сентября водолаз Ямомато нашел прилипшую к камню золотую монету — английский соверен чеканки 1821 года. После этого за два месяца ежедневного изнурительного труда водолазы обнаружили всего лишь четыре золотые монеты: английскую, французскую и две турецкие.

Поскольку к середине ноября 1927 года разбитый корабль был полностью «перемыт» и обследован, фирма прекратила работы в Балаклаве. Вот небезынтересные результаты ее подводных работ на «Принце»: две вилки и ложка белого металла, кусок саперной лопаты, втулка от колеса, подковы, лошадиные кости, офицерская сабля, лопаточка для пирожных, замок, галоша с датой 1848 года, несколько кожаных подметок, огромное количество свинцовых пуль и т. д.

Перед отъездом из Балаклавы представители заявили, что корабль, на котором они проводили работы, по их мнению, был «Принцем». Однако, несмотря на самые тщательные поиски, им не удалось найти среднюю часть корабля. Оставшиеся части корпуса были сильно разрушены, причем разрушения носили явно искусственный характер. Это обстоятельство привело их к мнению, что англичане, которые оставались в Балаклаве в течение восьми месяцев после кораблекрушения, подняли бочонки с золотом еще до окончания Крымской войны.

В заключение потерпевшие фиаско кладоискатели повторяли версию В. С. Языкова, согласно которой «Принц» — единственное железное судно из всех кораблей, ставших жертвой урагана 1854 года.

Но так ли это? Обратимся к первоисточникам.

Вот что сообщает английский историк Вудз в своей книге «Последняя кампания» (Лондон, 1860).

«Принц», паровой корабль, прибыл в Балаклаву утром 8 ноября. Он отдал один якорь, который вместе с канатом весь ушел в воду. Когда отдали другой якорь, то этот также ушел: оба якоря с канатами были потеряны на глубине 35 саженей в воде, очевидно, что ни один из канатов не был соответственно закреплен… После этого «Принц» стал в море на значительной дистанции и, возвратившись, удерживался за кормой корабля «Язон» на швартове, пока другой якорь с канатом не были приготовлены».

Что это за корабль «Язон»? В английском журнале «Прэктикл мэкеникс джорнэл» за 1854 год находим то, что не было известно ни Языкову, ни эпроновцам,

ни японцам:

«…в Блэкуолле… были выстроены три однотипных корабля, соответственно названные «Голден Флис». «Язон» и «Принц» (разрядка моя. — Л. С.)». Дальше приведены самые подробные размеры и характеристики каждого корабля.

Отсюда можно сделать следующие выводы. Во-первых, перед штормом на балаклавском рейде стояло два однотипных парохода — «Принц» и «Язон». Во-вторых: если бы «Прэктикл мэкеникс джорнэл» попался бы на глаза эпроновцам или японцам в момент подъема частей корпуса, то по точной спецификации, приводимой журналом, без особого труда можно было бы установить, является ли обследуемое судно «Принцем» или нет. К сожалению, никто этого не сделал.

Кстати, «Принц» и «Язон» вовсе не были единственными паровыми судами, погибшими на балаклавском рейде. Доказательства? Приведу несколько цитат.

«В Балаклаве англичане имели чувствительные потери, и они очень злополучны для их армии: девять великолепных транспортов, из которых несколько паровых, и между ними «Принц» — один из лучших пароходов английского флота».

(Французский журнал «Иллюстрасьон журналь унизерсаль», 23 декабря 1854 года.)

«Первым разбился о скалы «Прогресс» — американский транспорт, вторым «Резолют» — английский транспорт, третьим «Вандерер» — американский (разбился в куски), четвертым — «Кенильворт», пятым — «Принц», шестым — «Рип-Ван-Винкль», седьмым — «Панола».

(Газета «Курьер де Лион», декабрь 1854 года.)

«После двух ударов «Резолют» разбит в куски, после чего американское судно «Вандерер» тоже разбито в куски. Судно «Кеиильворт» разбито на одном месте с «Резолют» и «Вандерер».

(В. М. Аничков, Военно-исторические очерки.)

Вряд ли японцы с такой уверенностью стали бы утверждать, что они вели работы именно на «Принце», если бы им было известно письмо командира одного из английских кораблей, застигнутых бурей у Балаклавы. Вот выдержки из него:

«Агамемнон» с адмиралом Лайонсом, предвидевшим ураган, ушел в море 13-го вечером; остались на якоре пароходы «Мельбурн», «Язон», «Сити оф Лондон», «Принц», «Хоуп» и транспорты «Уайлд Уэйе», «Мерция», «Рип-Ван-Винкль» и др.»-

Как видим, вовсе не исключено, что найденный эпроновцами и обследованный японцами корабль мог быть и «Принцем», и однотипным с ним «Язоном», и «Хоупом», к «Сити оф Лондон», и «Резолютом». Судя по описаниям современников, пароход «Мельбурн» сумел перед ураганом выйти в открытое море. Место гибели парохода «Язон» осталось неизвестным. Может быть, он тоже затонул у восточного мыса при входе в Балаклавскую бухту? Оветить на все вопросы, связанные с «Черным принцем», не так-то просто. Не зря по поводу этой проблемы высказывалось столько противоречивых мнений. Но, как ни странно, мало кто из

исследователей задумался: а было ли вообще золото на «Принце»?

И. С. ИСАКОВ, адмирал флота Советского Союза, член-корреспондент Академии наук СССР

ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТОМ МИЛЛИОНЕ

«Принц»» «Принц-регент»» «Черный принц». 200 тысяч… 500 тысяч франков, 1 миллион фунтов стерлингов, 60 миллионов франков, миллионы рублей золотом… В исторических источниках приведены разные названия корабля, разные суммы, разные места его гибели…

Да, действительно, найденный эпроновцами затонувший корабль мог быть и «Принцем», и «Язоном», и «Хоупом», и «Резолютом». До сих пор нет достоверных сведений, что пять золотых монет, поднятых японцами, были из тех бочонков, которые вез «Принц» для выплаты жалованья солдатам.

Историки, пытавшиеся восстановить подлинную картину катастрофы «Принца»» забыли или не сочли достойным внимания один примечательный факт.

Ни одна шинель, телогрейка, пара сапог, ни один соверен не могли попасть в Балаклаву без санкции суперинтенданта британских экспедиционных сил, действовавших в Крыму. Суперинтендант был подчинен непосредственно финансовым органам Уайтхолла в Лондоне, а его контора во время Крымской войны находилась в Константинополе.

Доставленные «Принцем» в Истамбульский порт обмундирование, амуниция, продовольственные запасы и золото должны были быть направлены в Балаклаву по списку, представлявшемуся из Крыма главнокомандующим. Списки людей, погибших в боях, от болезней и эпидемий, с дьявольской последовательностью каждый день расходились с фактическими потерями, а «разница» оставалась в руках разбитных клерков (конечно, не без ведома их начальника — суперинтенданта).

Прибыльность таких манипуляций с золотом и снаряжением очевидна. Вот почему наиболее достоверной версией надо считать ту, которая утверждает, что бочонки с золотом были перегружены в Истамбульском порту на какой-то другой корабль и после этого «Принц» ушел в Балаклаву.

А вот другое веское свидетельство того, что на «Принце» не было золота. В эпопее «Принца» жестоко пострадали многие страны, кроме Англии. Так, Франция на поиски клада истратила полмиллиона. Италия — 200 тысяч, Япония — почти четверть миллиона рублей золотом, в то время как Англия даже ни разу не предпринимала попыток получить лицензию на право работ для извлечения погибшего корабля флота его величества. Бросается в глаза еще один факт. Почти все исторические материалы, относящиеся к периоду Крымской войны, не упоминают, что на борту «Принца» к тому времени, когда он прибыл на балаклавский рейд, было золото.

О бочонках с золотом говорят источники более позднего времени, когда широкая молва сделала «Принца» «Черным».

Работа ЭПРОНа по поискам «Принца» не пропала даром. Она обогатила наших водолазов, имевших свой традиционный опыт и замечательную репутацию, новым, дополнительным опытом, пользуясь которым ЭПРОН в трудные годы разрухи молодой Советской Республики приступил к подъему судов и грузов, потопленных во время гражданской войны белогвардейцами и интервентами. За первые десять лет своего существования ЭПРОН поднял 110 судов, из которых 76 были восстановлены. Стоимость этих кораблей превышала 50 миллионов рублей. Более того, водолазы ЭПРОНа подняли с морского дна более 13 тысяч тонн черного металла, 4700 тонн брони, 1200 тонн цветного металла, 2500 тонн механизмов, которые были реализованы. «Черный принц» — легендарный клад на дне Черного моря — явился школой ЭПРОНа, которая себя оправдала не меньше, чем британские законы, препятствующие допуску иностранцев к архивам, относящимся к некоторым оказиям Крымской войны».

Как видим, мнение И. С. Исакова, одного из заслуженных ветеранов советского флота, вполне обоснованно и категорично, И все же хочется верить, что в истории «Черного принца» поставлены не все точки над «i». Кто знает, не откроет ли со временем Балаклавская бухта одну из своих самых романтических тайн…

Б. ПЕРЛОВ, историк
ЖИВЫЕ СЛОВА ТЭРТЕРИИ

В 1961 году научный мир облетела весть об археологической сенсации.

Нет, гром великого открытия прозвучал не из Египта или Месопотамии.

Неожиданная находка обнаружилась в Трансильвании, в маленьком румынском поселке Тэртерии.

Что же поразило эрудированных мужей науки о древностях? Быть может, ученые наткнулись на богатейшее захоронение вроде гробницы Тутанхамона? Или перед ними предстал шедевр древнего искусства? Ничего подобного. Всеобщее возбуждение вызвали три крохотные глиняные таблички. Ибо были они испещрены загадочными рисунчатыми знаками, поразительно напоминающими (как заметил уже сам автор выдающегося открытия, румынский археолог Н. Власса) шумерскую пиктографическую письменность конца IV тысячелетия до н. э.

Но археологов ждал еще один сюрприз.

Найденные таблички оказались на 1000 лет старше шумерских! Оставалось только гадать: каким образом почти 7 тысяч лет назад, далеко за пределами прославленных древневосточных цивилизаций, там, где его совершенно не ожидали, очутилось древнейшее (на сей день) в истории человечества письмо?

Шумеры в Трансильвании?

В 1965 году немецкий шумеролог Адам Фалькен-штейн высказал предположение, что письменность возникла в Тэртерии под влиянием Шумера. Ему возразил М. С. Худ, доказывая, что тэртерийские таблички вообще не имеют никакого отношения к письменности. Он утверждал, что шумерские купцы некогда навещали Трансильванию, вот их-то таблички и были скопированы туземцами. Разумеется, смысл табличек понятен тэртерийцам не был, тем не менее это не мешало им использовать их в религиозных обрядах.

Спора нет, идеи Худа и Фалькенштейна оригинальны, однако есть в них и слабые места. Как объяснить разрыв в целое тысячелетие между появлением тэртерийских и шумерских табличек? И разве можно скопировать то, что еще не существует?

Другие специалисты связывали тэртерийскую письменность с Критом, но здесь провал во времени достигает уже двух тысячелетий.

Не осталось без внимания открытие Н. Власса и у нас. По заданию доктора исторических наук Т. С. Пассек вопрос о пребывании шумеров в Трансильвании расследовал молодой археолог В. Титов. Узы, к единому мнению о сущности тэртерийской загадки так и не пришли. Однако эксперт-шумеролог лаборатории Института археологии АН СССР А. Кифишин, проанализировав накопленный

материал, пришел к выводам:

1. Тэртерийские таблички — осколок широко распространенной системы письменности местного происхождения.

2. Текст одной таблички перечисляет шесть древних тотемов, совпадающих со «списком» из шумерского города Джемдет-Иасра, а также печатью из захоронения, относящегося к венгерской культуре Кереш.

3. Знаки на этой табличке следует читать по кругу против часовой стрелки.

4. Содержание надписи (если ее прочитать по-шумерски) подтверждается находкой в той же Тэртерии расчлененного трупа мужчины, что служит признаком существования у древних трансильванцев ритуального людоедства.

5. Имя местного бога Шауэ идентично шумерскому богу Усму. Эта табличка была переведена так: «В княжение сороковое для уст бога Шауэ старейшина по ритуалу сожжен. Это десятый».

Так что же все-таки таят в себе тэртерийские таблички? Прямого ответа пока нет.

Но ясно: лишь изучение всего комплекса памятников культуры Турдаш-Винчи (а именно к ней относится и Тэртерия) может приблизить нас к разгадке тайны трех глиняных табличек.

Дела давно минувших дней

Берега реки, по которой бурлачили корабли,

травой заросли…

Военная дорога, по которой катились колесницы, заросла травой плача…

в городе жилье превратилось в руины.

Из шумерской поэмы «Проклятье над Аккадом»

Километрах в двадцати от Тэртерии находится холм Турдаш. В его недрах погребено древнее поселение земледельцев периода неолита. Холм раскапывали еще с конца прошлого века, но полностью так и не раскопали. Еще тогда внимание археологов привлекли пиктографические знаки, прочерченные на обломках сосудов. Такие же знаки на черепках нашли и в родственном Турдашу неолитическом поселении Винча в Югославии. Тогда ученые сочли знаки за простые клейма владельцев сосудов. Потом турдашскому холму не повезло: ручей, изменив свое русло, почти смыл его. В 1961 году археологи появились уже на холме Тэртерии.

Тяжела, но необычайно увлекательна профессия археолога, чем-то

напоминающая работу криминалиста. Но если криминалист восстанавливает эпизоды своей современности, то археологу приходится зачастую по едва приметным признакам реконструировать события многовековой давности. И там, где глаз неспециалиста видит лишь однородные пласты земли, знаток обязательно различит остатки древнего жилища, очага, обломки керамики и орудия труда. Каждый слой хранит в себе неповторимые следы жизни поколений людей. Такие слои археологи называют культурными.

Работа ученых близилась к завершению; казалось, Тэртерия открыла все свои тайны… И вдруг под самым нижним слоем холма была обнаружена яма, заполненная золой. На дне — статуэтки древних идолов, браслет из морских раковин и… три маленькие глиняные таблички, покрытые пиктографическими знаками. Рядом обнаружили расчлененные и обгоревшие кости взрослого человека. По-видимому, здесь древние земледельцы приносили жертвы своим богам.

Когда улеглось волнение, ученые внимательно осмотрели маленькие таблички. Две имели прямоугольную форму, третья была круглой. У круглой и большой прямоугольной табличек в центре находилось круглое сквозное отверстие. Тщательные исследования показа-ли: сделаны таблички из местной глины. Знаки наносились только с одной стороны. Техника письма древних тэртерийцев оказалась очень проста: рисунчатые знаки процарапывались острым предметом на сырой глине, затем табличку обжигали. Попадись такие таблички в далеком Двуречье, никто б и не удивился. Но шумерские таблички в Трансильвании! Это поражало воображение. Тут-то и вспомнили о забытых знаках на черепках посуды из Турдаш-Винчи. Сравнили их с тэртерийскнми: сходство было очевидным. А это говорит о многом. Письменность Тэртерии возникла не на пустом месте, а являлась составной частью распространенной в середине VI — начале V тысячелетия до н. э, пиктографической письменности балканской культуры Винчи (см. «ТМ» № 5 за 1975 год).

Первые земледельческие поселения появились на Балканах еще в VI тысячелетии до н. э., а через тысячу лет земледелием занимались уже на всей территории Юго-Восточной и Центральной Европы. Как жили первые земледельцы? Сначала они обитали в землянках, обрабатывали землю каменными орудиями. Основной посевной культурой был ячмень. Постепенно внешний вид поселения менялся. К концу V тысячелетия до н. э. появляются первые глинобитные дома. Дома возводились очень просто: ставился каркас из деревянных столбов, к нему прилаживали стены, сплетенные из тонких прутьев, которые потом обмазывали глиной. Обогревались жилища сводчатыми печами. Не правда ли, такой дом очень похож на украинскую хату? Когда же он ветшал, его сносили, выравнивали место и строили новый. Таким образом, древний поселок постепенно рос ввысь. Шли столетия, и постепенно земледельцы стали осваивать топоры и другие орудия, сделанные из меди.

А как выглядели древние обитатели Трансильвании? Многочисленные статуэтки, найденные при раскопках, могут частично воссоздать их облик.

Вот перед нами вылепленная из глины голова мужчины. Спокойное мужественное лицо, крупный с горбинкой нос, волосы зачесаны на пробор, а сзади

собраны в пучок. Кого изобразил древний скульптор? Вождя, жреца или просто соплеменника — сказать трудно. Да это и не столь важно. Важно другое: перед нами не застывшее изваяние, выполнявшееся по определенным и строгим канонам, а лицо человека — древнего жителя Трансильвании. Он будто смотрит на нас из глубины семи тысячелетий!

А вот сильно стилизованное изображение женщины. Тело покрыто сложным геометрическим орнаментом, образующим замысловатый узор. Такой же орнамент встречается и на других статуэтках культуры Турдаш-Винчи. Судя по всему, это хитросплетение линий имело какой-то смысл. Была ли это татуировка, которой, возможно, украшали себя модницы того времени, или во всем этом таился какой-то магический смысл, ответить трудно; женщины не очень любят раскрывать свои тайны.

Особый интерес представляет большой ритуальный кувшин, относящийся к раннему периоду винчанской культуры. На нем мы видим рисунок, вероятно, внешнего вида святилища, причем изображение это опять-таки очень напоминает святилище древних шумеров. Опять случайное совпадение? Но ведь два святилища отделены друг от друга почти двадцатью веками!

Впрочем, откуда такая уверенность в датах? И как вообще удалось определить возраст тэртерийских табличек, если при раскопках Тэртерии не обнаружено остатков керамической посуды, по которой обычно датируются находки?

Физика помогает истории

…Грифель светло-огненный в руке… держит.

Ка табличке звезду благого неба рисует…

Из шумерской поэмы «О построении храма»

На помощь историкам пришли физики. Профессор Чикагского университета Вилард Либби разработал метод датировки по радиоактивному углероду С-14, за что его впоследствии наградили Нобелевской премией.

Радиоактивный углерод С-14, образующийся в атмосфере Земли в результате воздействия космического излучения, окисляется и усваивается растениями и животными. Однако его содержание в мертвых тканях постепенно убывает, при этом в определенный срок распадается определенное количество С-14. Период полураспада С-14 равен 5360 годам. Поэтому по количеству С-14 в органических останках можно определить время, прошедшее с момента гибели растения или животного. Метод В. Либби дает довольно высокую точность датировки ±50—100 лет.

Так что же все-таки произошло в древнем святилище почти 7 тысячелетий тому назад? Прав ли эксперт-шумеролог, убежденный, что археологи обнаружили следы ритуального людоедства?

Возможно, и прав. Можно ли представить, чтобы в обществе, обладающем столь значительным культурным достижением, как письменность, существовало людоедство, хотя бы и в ритуальной форме? Можно. Исследование ряда древнеамериканских цивилизаций это подтверждает.

Кстати, в шумерской надписи, опубликованной С. Лэнгдоном, рассказывается о ритуальном убийстве верховного жреца и избрании затем нового правителя. Возможно, нечто аналогичное происходило и в Тэртерии. Тело убитого жреца сожгли на священном костре. Рядом с покойным положили изображения богов — покровителей тэртерийской общины и магические таблички. Однако доказательств того, что поджаренный жрец был съеден, нет. Да, непросто приподнять завесу шести тысячелетий. Молчат свидетели древнего обряда : статуэтки идолов и обгоревшие кости древнего тэртерийца. Но, быть может, заговорит третий свидетель — древние письмена?

Слово на глиняных табличках

На первой прямоугольной табличке нанесено символическое изображение двух козлов. Между ними помещен колос. Быть может, изображение козлов и колоса было символом благосостояния общины, в основе которого было занятие земледелием и скотоводством? А может быть, это сцена охоты, как считает Н. Власса? Любопытно, что подобный сюжет встречается и на шумерских табличках. Вторая табличка разделена вертикальными и горизонтальными линиями на небольшие участки. На каждом из них процарапаны различные символические изображения. Не тотемы ли это?

Круг шумерских тотемов известен. И если сравнить рисунки на нашей табличке с изображениями на ритуальном сосуде, найденном при раскопках в Джемдет-Насре, снова бросится в глаза поразительное совпадение. Первый знак на шумерской табличке — голова животного, скорее всего козленка, второй изображает скорпиона, третий, по-видимому, — голову человека или божества, четвертый символизирует рыбу, пятый знак — какое-то строение, шестой — птицу. Таким образом, можно предположить, что на табличке изображены тотемы: «козленок», «скорпион», «демон», «рыба», «глубина-смерть»» «птица».

Тотемы тэртерийской таблички не только совпадают с шумерскими, но и расположены в той же последовательности. Что это, еще одна поразительная случайность? Скорее всего нет. Графическое совпадение знаков могло быть случайным. Науке подобные совпадения известны. Поразительно похожи, например, отдельные знаки загадочной письменности протоиндийской цивилизации Мохенджо-Даро и Хараппы со знаками письменности кохау-ронго-ронго далекого острова Пасхи. Но совпадение тотемов и их последовательности вряд ли случайно. Оно наводит на мысль о происхождении религиозных воззрений жителей и Тэртерии и Джемдет-Насра из одного общего корня. Похоже» в наших руках находится своеобразный ключ к дешифровке письменности Тэртерии: не зная, что написано, мы уже знаем, в какой последовательности нам надо читать. Поэтому надпись можно дешифровать, читая ее против часовой стрелки вокруг отверстия в

табличке. Конечно, мы никогда не узнаем, как звучал язык жителей Тэртерии, но мы можем установить значение их рисунчатых знаков, исходя из шумерских эквивалентов.

Приступим же к чтению круглой тэртерийской таблички. На ней прочерчены письменные знаки, разделенные линиями. Количество их в каждом квадрате невелико. Значит, письменность тэртерийских табличек, как и архаическая шумерская письменность, была идеографической, слоговых знаков и грамматических показателей еще не существовало.

На круглой табличке написано следующее:

4. НУН КА. ША. УГУЛА. ПИ. ИДИМ КАРА 1.

«Четырьмя правительницами для лика бога Шауэ старейшина разума глубокого сожжен один».

Что за смысл заключен в надписи?

Снова напрашивается сравнение с упомянутым нами документом из Джемдет-Насра. В нем содержится список главных сестер-жриц, возглавлявших четыре племенные группы. Быть может, такие же жрицы-правительницы были в Тэртерии? Но есть и другое совпадение. В надписи из Тэртерии упомянут бог Шауэ, причем имя бога изображено точно так же, как и у шумеров. Да, судя по всему, тэртерийская табличка содержала краткие сведения о ритуале убийства и сожжения жреца, отслужившего определенный срок своего правления.

Так кем же были древние жители Тэртерии, писавшие «по-шумерски» в V тысячелетии до н. э., когда самого Шумера еще и в помине не было? Предками шумеров? Некоторые ученые считают, что прашумеры откололись от пракартвелов в XV—XII тысячелетии до н. э., уйдя из Грузии в Курдистан. Как же могли они передать свою письменность народам Юго-Восточной Европы? Вопрос немаловажный. А ответа на него пока нет.

Древние обитатели Балкан оказали заметное влияние на культуру Малой Азии. Особенно хорошо прослеживается с ней связь культуры Турдаш-Винчи по пиктографическим знакам на керамике. Знаки, иногда полностью идентичные винчанским, были найдены в легендарной Трое (начало III тысячелетия до н. э.). Тогда же они появляются и в других районах Малой Азии. Отдаленные отголоски письменности Винчи содержит в себе пиктографическая письменность древнего Крита. Нельзя не согласиться и с предположением советского археолога В. Титова о том, что примитивная письменность в эгейских странах уходит своими корнями на Балканы IV тысячелетия до н. э., а вовсе не возникла под влиянием далекого Двуречья, как раньше полагали некоторые исследователи.

К тому же известно: создатели балканской культуры Винчи в V тысячелетии до н. э. прорвались через Малую Азию в Курдистан и Хузистак, где в то время обосновались как раз прашумеры. И вскоре в этом районе возникает пиктографическая протоэламская письменность, одинаково близкая и к шумерской и к тэртерийской.

Напрашивается вывод: изобретателями шумерской письменности были, как это

ни парадоксально, не шумеры, но жители Балкан. Действительно, как иначе объяснить, что древнейшая письменность в Шумере, датируемая концом IV тысячелетия до н. э., появилась совершенно внезапно и уже во вполне развитой форме. Шумеры (как и вавилоняне) были лишь хорошими учениками, восприняв пиктографическую письменность от балканских народов и в дальнейшем развив ее в клинопись.

Ленинградский поэт, востоковед по образованию, Андрей Надиров писал:

О древний мир! Твоя стихия
Смирилась в беге быстрых лет.
Кричу я: где ты, Тэртерия?
Но мне не слышен твой ответ.
В немой, беспамятной пустыне
Сокрылась мысль, и даль темна,
Но вновь в окаменевшей глине
Твои воскресли письмена.
Они явились в век двадцатый,
Как близких братьев смутный зов.
Нет, не иечезла до конца ты
Во прахе смолкнувших веков.
И слышу голос Тэртерии
Сквозь мрак, разверзнутый едва,
Когда ищу ее живые,
Незазвучавшие слова.

Да, не зазвучали еще слова Тэртерии. Тем дороже три крохотные таблички из небольшой трансильванской деревушки, помогшие нам сделать новый шаг к постижению своего прошлого, к постижению самих себя.

А. КИФИШИН, шумеролог

ВЕТВИ ОДНОГО ДЕРЕВА

Среди вопросов, возникших в процессе изучения тэртерийской находки, особенно важными мне представляются два:

1. Как возникла тэртерийская письменность и к какой системе письма она примыкала?

2. На каком языке говорили тэртерийцы?

Б. Перлов, безусловно, прав, утверждая, что шумерская письменность появилась в Южном Двуречье в конце IV тысячелетия до н. э. как-то неожиданно, в совершенно готовом виде. Именно на ней была записана древнейшая энциклопедия человечества «Харра-хубулу», целиком отразившая мировоззрение людей X—IV

тысячелетия до н. э.

Изучение законов внутреннего развития шумерской пиктографии показывает, что к концу IV тысячелетия до н. э. пиктографическое письмо как система находилось в состоянии не становления, а распада. Из всей шумерской системы письма (насчитывавшей около 38 тысяч знаков и вариаций) употреблялось немногим более 5 тысяч, причем все они вышли из 72 древних гнезд-символов. Процесс же полифонизации (то есть разнозвучия одного и того же знака) гнезд шумерской системы начался задолго до этого.

Полифонизация постепенно разъедала внешнюю оболочку сложного знака в целых гнездах, затем разрушала внутреннее оформление знака в гнездах полураспавшихся и, наконец, полностью уничтожала само гнездо. Распались гнезда-символы на полифонические пучки задолго до прихода шумеров в Двуречье.

Любопытно, что в протоэламской письменности, существовавшей одновременно с шумерской также на берегу Персидского залива, наблюдается аналогичное явление. Протоэламское письмо тоже сводится к 70 гнездам-символам, которые распались на 70 полифонических пучков. И протоэламский знак, и шумерский имеют внутреннее и внешнее оформление. Но протоэламский имеет еще и привески. Поэтому по своей системе он ближе к китайской иероглифике.

В эпоху Фуси (2852—2752 гг. до н. э.) кочевники-арии вторглись в Китай с северо-запада и принесли с собой туда вполне сложившуюся письменность.

Но древнекитайской пиктографии предшествовала письменность культуры Намазга (Средняя Азия). Отдельные группы знаков в ней имеют как шумерские, так и китайские аналоги.

В чем же причина сходства системы письма у столь разных народов? Дело в том, что все они имели один источник, распад которого произошел в VII тысячелетии до н. э.

На протяжении двух тысячелетий перед распадом эламо-китайский ареал контактировал с шумероидными культурами Гурана и иранского Загроса. Восточному ареалу письменности противостоял западный, оформившийся под влиянием шумероидов пред-Гурана (Гандж-Даро, см. карту). Впоследствии из него возникли письменности древних египтян, крито-микенцев, шумеров да и тэртерийцев.

Таким образом, легенда о «вавилонском» столпотворении и распаде единого земного языка не так уж и беспочвенна. Ибо, сравнивая 72 гнезда шумерской письменности с аналогичными гнездами-символами всех других систем письма, поражаешься их совпадению не только по принципам оформления, но и по внутреннему содержанию. Перед нами как бы осколки, взаимно дополняющие звенья распавшейся единой системы. Когда же реконструированную символику этой письменности IX—VIII тысячелетий до н. э. сравниваешь со знаками-символами позднего палеолита Европы (20—10 тыс. лет до н. э.), нельзя не обратить внимания на их далеко не случайное совпадение.

Да, письменные системы IV тысячелетия до н. э. не возникли в разных местах

нашей планеты, а являлись лишь следствием автономного развития осколков распавшейся единой прасистемы религиозной символики, возникшей в одном месте, как вопреки мнению расистов в одном месте возник и вообще гомо сапиенс.

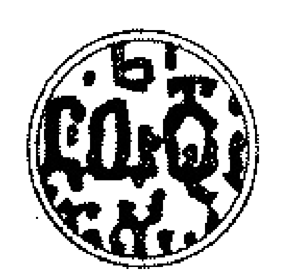
По на каком же языке говорили древние тэртерийцы? Бросим взгляд на этническую карту Западной Европы VII—VI тысячелетий до н. э. В это время в результате неолитической революции произошел демографический взрыв. За несколько столетий численность населения увеличилась в 17 раз (с 5 миллионов человек до 85). Произошел переход от собирательства к пойменному земледелию. Избыток населения на Балканах, прародине семито-хамитских народов, привел их к широкому переселению в менее заселенные области, где неолитическая революция еще не произошла. Наступление велось на север по Дунаю и на юг через Малую Азию, Передний Восток, Северную Африку и Испанию. Воспользовавшись громадным численным превосходством, прасемиты с востока и прахамиты с запада оттерли праиндоевропейцев далеко на север (в районы, недавно освободившиеся от ледника).

Яркие картины этой борьбы народов сохранились, кстати, в кельтской мифологии. Праславянские имена кельтских богов свидетельствуют о том, что не покорившиеся врагам праславяне остались светлым знаменем в глазах пракельтов Франции, став их богами. Кельтские «праславяне» — дананцы из рода Гориа (то есть «горяне») подчинили себе прагреков Гарца и после этого вступили в длительную борьбу с прасемитами дунайских культур. Это нашло свое отражение и в индийских (Ману-Сварожич) и в греческих мифах.

Война была очень жестокой и долгой. Союзниками праиндоевропейцев выступили далекие от них шумероиды иранского Загроса, совершившие неолитическую революцию еще раньше и рванувшиеся в Малую Азию с востока. Семито-хамитские клещи были разорваны. Хамиты бросили основные силы на египетский театр военных действий, семиты же — на греческий и малоазиатский, где они в конце концов отразили нашествие шумероидов, предков древних египтян. Однако это была пиррова победа. Семито-хамитское наступление выдохлось.

А в VI тысячелетии до н. э. свершили неолитическую революцию и праиндоевропейцы. Перейдя к отгонному скотоводству, они приобрели власть над безграничными просторами Великой степи. Прахамиты были ассимилированы кельтами по всей Европе, а прасемиты бежали на нижний Дунай.

Между индоевропейцами Дании и Померании и прасемитами Фракии к началу V тысячелетия до н. э. образовалась огромная буферная зона (Верхний Дунай, Прикарпатье, Украина) с совершенно особым населением. Позднее его ядро (Баденская культура) послужило истоком этноса Лесбоса, Триполья и Трои, Поэтому-то и имеются веские основания связывать жителей этого региона (в том числе и тэртерийцев и трипольцев) с праэтрусками, в чем убеждают и антропологические данные. Праэтруски-то окончательно изгнали прасемитов с остальной территории Балкан в конце V тысячелетия до н. э. в Малую Азию и на Передний Восток. Тем самым они расчистили путь для скотоводов-индо-европейцев, победоносно наступавших с севера.



А. КИФИШИН
ЗОЛОТОЙ ШЛЕМ ЦАРЯ МЕСКАЛАМДУГА

Он мог бы рассказать о красоте и богатстве царицы Шубад, воинских подвигах Мескаламдуга — «героя благодатной страны», увенчанного за храбрость золотым шлемом.

В. Гуляев

Рыцарь или…

Тем, кто интересуется древним Шумером, не раз попадались изображения юной красавицы в причудливом головном уборе из золотых листьев, цветов, прутьев и привесок. Принято считать, что это царица Шубад. На самом деле это фальсификация: скульптурному облику царицы сэр Леонард Вулли придал черты… своей супруги. А реставрация портрета царицы рисует нам образ, гораздо менее привлекательный: большой лоб, вздернутый узкий нос, глубоко посаженные глаза, короткая шея. При росте в полтора метра и грузном теле не слишком-то обольстительно, должно быть, выглядела эта стареющая всемогущая женщина.

Второй наш герой — тридцатилетний царевич Мескаламдуг, пасынок Шубад. Кто не помнит его золотой шлем и золотые чаши, блиставшие на Иракской выставке в Москве и Ленинграде? Мескаламдуг был сильным широкоплечим мужчиной с низким лбом и орлиным носом. Он был левшой, что давало ему огромное преимущество в бою с врагами.

Облик третьего героя, царя Месаннипадды (2485— 2473 гг. до н, .э.), для нас загадка. По окаменевшим останкам трудно установить его возраст. Но, учитывая его 80-летнюю деятельность, о которой упоминает шумерский Царский список, в день смерти ему было за 90.

Рано погибший царь-воин Мескаламдуг (он правил с 2490 по 2485 гг. до н. э.) был похоронен в усыпальнице своего отца, царя Намтара (2505—2495 гг.). Л. Вулли так рассказывает о могиле: «Мы были по-настоящему поражены, когда очистили от земли гроб. Тело лежало на правом боку в обычной позе спящего человека. Широкий серебряный пояс распался. Когда-то к нему был подвешен золотой кинжал и оселок из ляпис-лазури на золотом кольце. На уровне живота возвышалась груда золотых и лазуритных бусин. Между руками покойного мы нашли тяжелую золотую чашу, а рядом еще одну, овальную, но крупнее. Возле локтя стоял золотой светильник в форме раковины, а за головой третья золотая чаша. К правому плечу был прислонен двухсторонний топор из электрона, а к левому — обычный золотой топор. Сзади в одной куче перепутались головные золотые украшения, браслеты, бусины, амулеты, серьги в форме полумесяца и спиральные кольца из золотой проволоки. Но ярче всех находок сверкал золотой шлем Мескаламдуга. Шлем был

выкован из золота в форме парика, который глубоко надвигался на голову и прикрывал пластинами лицо».

Теперь мы знаем, что перед смертью Мескаламдуг был тяжело ранен. Его сестра Нинтур (Сальтур), пытаясь спасти горячо любимого брата, взывала к богам: взамен умирающего она готова была принести в жертву другого воина. Но ее мольбы оказались тщетны, и царевне оставалось только украсить гробницу покойного «тростниковой рощью» из червонного золота и зарыть у его ног сосуд со своей надписью, бросив брату свое «последнее прости». Вскоре на престол взошел муж Нинтур, дряхлый Месаннипадда (2485—2473 гг.). Его обвиняли в том, что он подстроил гибель Мескаламдугу…

Что же произошло? Почему погиб молодой царь, пользовавшийся огромной популярностью в народе?

Мескаламдуг был старшим сыном Намтара от первого брака. Однако не он унаследовал трон, а его несовершеннолетний сводный брат Абарагги, сын Шубад. Правда, через три года мальчик умер, но еще целых два года властолюбивая Шубад не допускала пасынка к управлению страной. Наконец, и она умирает при загадочных обстоятельствах. И вот Мескаламдуг — царь!

Прошло пять лет безмятежного правления. Неожиданно в придворных кругах поползли слухи, будто царь присвоил себе золотой шлем и другие золотые реликвии разграбленной ранее гробницы Абарагги.

И свидетель нашелся, некий чужеземец, бывший слуга царицы Шубад. Разговоры, пересуды, сплетни… Не мудрено, что молодой царь вспылил. Твердо уверенный в своей победе, он потребовал поединка с клеветником. Суд жрецов порешил отдать противоборцев в руки провидения. Однако соперник царя к поединку с левшой отменно подготовился и одолел его.

Народ воспринял обвинения погибшему царю (тем более из уст нечестивца иноземца!) как политическую фальсификацию нового царя Месаннипадды, который-де стремился завладеть престолом и достиг-таки своего. Но мертвые сраму не имут! Поэтому удивительно ли, что из десяти царских гробниц неограбленной оказалась именно могила Мескаламдуга — знак горького сочувствия его современников.

…царь-преступник?

Однако так ли уж беспочвенны были обвинения Месаннипадды? Вот они, злополучные реликвии — шлем, чаши, кубок, светильник. Кстати, на них значится имя Мескаламдуга. Но ведь тогда в Шумере такие вещи не подписывались. Зачем же понадобилось молодому царю столь необычно увековечивать свое имя? Удивляет и то, что в письменах отсутствует царский титул. Значит, надписи выбиты, когда Мескаламдуга еще не провозгласили царем. Но главная загадка такова: шлем… Значительно меньше черепа царя! Кому же тогда он принадлежал? Кем был тот мальчик, который по рангу стоял, должно быть, выше Мескаламдуга и которому

Мескаламдуг, несомненно, завидовал? Царем? Очевидно, что ни к Намтару, ни к вдовствующей царице шлем не имел никакого отношения: оба они были взрослыми и такой шлем носить не могли. Стало быть, речь должна идти лишь о царе Абарагги. Но где же был захоронен Абарагги?

В усыпальнице, среди десятков принесенных в жертву воинов и служанок, музыкантов, колесничих, среди бесценных сокровищ, мрачных ритуальных сосудов, грозных мечей и кинжалов ученые так и не обнаружили тела царя. Правда, возле роскошного сундука была найдена вдавленная в земляной пол печать Абарагги, которую покойнику надлежало держать в руке. Как она могла здесь оказаться? Отодвинув сундук, археологи заметили под ним… пролом в склепе. Может быть, именно в склепе когда-то покоился Абарагги? Но склеп был пуст. Что ж произошло здесь? Вокруг несметные сокровища, вечный сон мертвых вроде бы не потревожен. Но ограбление-то совершилось, и произойти оно могло только тогда, когда погребальная камера еще не была засыпана землей. Так кто же был этим отчаянным сорвиголовой, осмелившимся ограбить гробницу в тот час, когда сурово горящие факелы выхватывали из тьмы побледневшие лица готовящихся к смерти воинов и красавиц?

Когда археологи проникли непосредственно в склеп, они обнаружили там вход, ведущий еще в какое-то помещение. Это была погребальная камера Абарагги, куда по обычаю помещали свиту, сопровождавшую царя в царство мертвых. Шесть воинов в медных шлемах вытянулись здесь в две шеренги. Рядом — две повозки, в каждую из которых впряжены три быка. Тут же находились конюхи и возницы. В противоположной стороне покоились девять придворных дам с богатыми головными уборами из золотых листьев, серег-полумесяцев, гребней с лазуритовыми цветами и перламутровыми лепестками. Между дамами и повозками были навалены друг на друга тела юношей и девушек, сверху на них положили золотую арфу, украшенную золотой головой быка.

Захватывающее зрелище! Непонятно только одно: куда же девалось из склепа тело царя? И кому принадлежало верхнее погребение?

Ученые решили копать дальше. И за каменными стенами гробницы Абарагги была наконец обнаружена усыпальница самой царицы Шубад. Странная вещь: она не напоминала склеп, скорее всего то была просто яма, на дне которой стоял гроб царицы.

Шубад словно спряталась за склеп своего сына, что и спасло ее усыпальницу от разграбления. Царица покоилась в углу на деревянных погребальных дрогах. В руках ее находился золотой кубок. Верхняя часть тела была совершенно скрыта под массой золотых, серебряных, лазуритовых, сердоликовых, агатовых и халцедоновых бус, длинных нитей от широкого ожерелья-воротника, которые образовывали накидку до пояса. На затылке некогда пышные волосы скреплялись золотым гребнем.

Рядом с царицей лежала ее кожаная диадема, сплошь расшитая тысячами лазуритовых бусинок и множеством золотых тотемных животных. Везде золотые чаши, сосуды, вазы, светильники, раковины с зеленой краской и т. п.

Теперь все стало ясным. Склеп Абарагги, рядом с ним похоронены его приближенные, рядом же могила Шубад, а наверху — погребальная камера всех, кто был удостоен чести сопровождать царицу в ее вечное путешествие.

23 человека окончили свою жизнь в день погребения царицы Шубад. 65 слуг отправились в последний путь с ее сыном! Но один из обреченных остался жить. И кто? Ближайшее доверенное лицо царицы: начальник ее личной охраны! Как же ему удалось остаться в живых? Может, начальник стражи получил право на жизнь в награду за что-то? Не за помощь ли Мескаламдугу в ограблении гробницы Абарагги? Не потому ли царь выдал за него замуж свою родственницу — в жизни Шумера случай исключительный? Ибо кто, кроме наследника престола, мог избавить главу стражников от смерти в тот роковой день?

Выходит, не подставным, а истинным был свидетель, слуга царицы Шубад, чья цилиндрическая печать также была найдена при раскопках? На своей печати владелец изобразил сцену: престолонаследник в паре со своим сообщником, которым и был, очевидно, вышеупомянутый начальник стражи, уносит из гробницы Абарагги останки мертвого царя. Пронырливый слуга, как и подобает его соплеменникам, везде совал свой нос и молчал до тех пор, пока это было ему выгодно!

Молено представить торжество Мескаламдуга, когда он наконец взял в руки шлем. Однако — о ужас! — сладостная реликвия явно не налезала на его голову! И вот тогда, дабы не вызвать ни у кого сомнений, что и шлем, и кубок, и светильник, и чаши — его собственность, он приказал выбить на них свое высокородное имя…

За что же так ненавидел Мескаламдуг своего сводного брата?

Брак царя Намтара с Шубад действительно был откровенно непристойным. У юного Мескаламдуга, чью мать, Салькаламдуг, Намтар бросил ради новой жены, были веские основания для мести. Тем более что вскоре и наследником царского престола в Уре был объявлен не он, а Абарагги. Судя по тому, как бесцеремонно Мескаламдуг обошелся со своим братцем, вероятно, и царица Шубад, женщина довольно властная, также была отравлена после смерти своего сына. Но и для самого Мескаламдуга непомерно тяжелым оказался золотой царский шлем Абарагги, который ему так и не пришлось возложить на свою голову…

Вернемся, читатель, к началу нашего повествования. Не зря мы предпослали ему эпиграфом слова известного археолога В. Гуляева. Воистину неисповедимы пути, коими проникают в сознание уже наших современников легендарные измышления древних. Можно было бы понять В. Гуляева, когда он некритически поверил почтенному сэру Вулли по части красоты царицы Шубад. О вкусах, как говорится, не спорят. Что же касается воинских подвигов Мескаламдуга, то в них повинен не столько сам Мескаламдуг, сколько народная молва, алчущая видеть обойденного наследника престола преемником боевой славы его воинственных предков. Ибо сейчас твердо установлено: никаких подвигов наш герой, увы, не совершил.

В одном прав кандидат исторических наук В. Гуляев: уж в чем, в чем, а в храбрости Мескаламдугу не откажешь! Не каждый отважится забраться (к тому же

ночью) в разверстую могилу — даже за золотым шлемом…

В. СКУРЛАТОВ, кандидат исторических наук

«УВИДЕВШИЕ ВСЕ ДО КРАЯ МИРА…»

О Шумере за последние десятилетия написаны сотни книг, из которых можно, как из кирпичиков, сложить ступенчатую пирамиду-зиккурат. В начале нашего века Шумер казался чуть ли не одиноким светочем цивилизации, мерцающим во тьме доклассовых эпох. Считалось, что с Шумера, с создания первых раннерабовладельческих государств, предназначенных для подавления одного класса другим, и началась история человечества. Ныне, надстроив «зиккурат» знания, мы увидели за просторами Месопотамии другие земли и другие народы, которые зажигали, раздували и поддерживали шумерский очаг.

Свою прародину шумеры указывали где-то на востоке. Но на востоке от Месопотамии лежит Иранское нагорье, а за ним — евразийские просторы, прародина индоевропейских народов.

Во времена Мескаламдуга путешествия шумеров на восток и юго-восток, особенно в Дильмун (Бахрейнские острова в Персидском заливе), в Маган и Мелухху (ныне Белуджистан) и в долину Инда, в процветающие города протоиндийской (хараппской) цивилизации, были делом вполне заурядным. Американский археолог Джоффри Бибби открыл сотни дильмунских курганов. Раскопки в них подтверждают гипотезу о вторжении протошумерских пришельцев в район Персидского залива где-то вблизи рубежа IV и III тысячелетий до к. э.

Дильмунцы и протошумеры шли, видимо, через Иран. Что же делалось там в описываемые Бремена?

В Южном Иране тесные связи с Шумером издревле поддерживал город Аратта, который скорее всего находился «за семью хребтами» в горах к востоку от Элама, на территории современного Ларистана. В шумерском героическом эпосе неоднократно упоминаются споры о первенстве между шумерскими вождями и правителями Аратты, «страны чистых обрядов». Например, в замечательной поэме «Энмеркар и верховный жрец Аратты» отмечается, что богиня владычица небес Инанна «верховному жрецу Аратты венец дала», но в конце концов, когда возвысился шумерский город Урук, она стала более милостива не к Аратте, а к Уруку. Правитель Урука Энмеркар решил оспорить верховенство Аратты, включить ослабевший город в сферу своего влияния. На требование подчиниться выскочке Уруку и навьючить лошадей золотом и серебром для строящихся новых шумерских храмов верховный жрец Аратты ответил категорическим отказом. Более того, он вызвал дерзкого Энмеркара на единоборство. Тогдашние споры зачастую решались старинным обычаем, чему свидетельством и судьба Мескаламдуга.

Наконец нашли компромисс. Урук посылает в Аратту ослов, нагруженных зерном, а Аратта принимает у себя Энмеркара, дарит ему золото, серебро, лазурит, в

то же время не отказываясь от своих древних претензий: быть «госпожой всех стран».

Совершенно ясно, что нагорный Восток с его лошадьми, коровами и белостенными крепостями, с его демократическими собраниями старейшин и воинов считался шумерами родиной их богов и правителей. Сам Энмеркар, родившийся в восточных горах в княжеском роду, желает сделать доставшийся ему в вотчину равнинный Урук первопрестольным градом, тоскует о горкой родине с ее культами и священными местами. (Подобное неоднократно повторялось столетия и тысячелетия спустя. Например, во второй половине XVIII века до н. э. вождь касситов Гандаш, потомок причерноморских индоевропейских витязей, захватил семитизированное древневавилонское царство. Касситские правители Вавилона на протяжении столетий так же почтительно относились **к**нагорной восточной родине, как и шумерские верховные жрецы и вожди.)

Энмеркар, общаясь с верховным жрецом Аратты, применяет известные нагорным правителям знаки письменности. Получив глиняную табличку, жрец, судя по всему, понял смысл послания. На основании этого эпизода мы можем предположить, что социальной верхушке на обширной территории Западной Азии был свойствен не только один язык и общий пантеон богов, но и одна система письменности.

К югу от Шумера на просторах Аравийского полуострова, по крайней мере до конца II тысячелетия до н. э. жили негроидные племена, получившие в науке название «овальноголовых». Вероятно, от этих высоких и стройных обитателей «счастливой Аравии» ведет свое происхождение негроидное население современной Африки. Уже высказывалось мнение, что до великих и идущих с севера нашествий IV тысячелетия до н. э. негроидные племена обитали не только в Аравии, но также в Иране, Средней Азии и Индии. Недаром, по свидетельству «Риг-Веды», вождь ариев Индра сокрушал на своем пути народы с черной кожей. Согласно исследованиям археолога Э. Анати дильмунско-первошумерские пришельцы с Востока окончательно вытеснили «овальноголовых» с побережья Персидского залива где-то в начале III тысячелетия до н. э.

По всей вероятности, плодородную равнину Месопотамии перед приходом шумеров занимали оседлые и многочисленные протосемиты. Шумеры не истребили аборигенов, а превратили их в своих вассалов, данников, рабов.

Западные шумерологи пытались свести все события в Древнем Двуречье к расовому антагонизму между шумерами и семитами. Однако, как показали исследования советских академиков В. Струве и А. Тюменева, конфликты носили не расово-этнический, а социально-экономический характер. Правящие слои шумерских и семитских городов-государств вели общие родословные, эксплуатировали одни и те же покоренные племена и неизбежно смешивались с ними. Например, женой основателя шумерской 1-й династии Ура Месаннипадды была бывшая храмовая проститутка, коварная- и обольстительная семитка Нугигэн из Киша.

Семиты усваивали религиозные представления и социальные институты

завоевателей и, в свою очередь, передавали шумерам навыки местной ирригации, торговли. Шумерские правители перешли в конце концов на обиходный семитский древнеаккадский язык. К началу II тысячелетия до н. э., несмотря на вторжения с нагорного Востока родственных шумерам племен, шумерские города-государства значительно семитизируются, а шумерский язык превращается в древневосточную «средневековую латынь», понятную лишь жрецам, юристам и правителям. Шумеры, растворившись в семитской массе, оплодотворили последующие месопотамские и ближневосточные цивилизации, и прежде всего Вавилонию. Они не напрасно провели тысячелетие на берегах Евфрата, Тигра и Персидского залива. Как констатирует известный американский шумеролог С. Крамер, «шумеры разработали религиозные идеи и спиритуалистические доктрины, которые наложили неизгладимый отпечаток на современный мир, главным образом через иудаизм, христианство и мусульманство».

Кто же такие были эти таинственные шумеры, откуда они пришли?

Как отмечается в поэме «Энмеркар и верховный жрец Аратты», восточные сородичи шумеров пользовались одомашненной лошадью. Разведение лошадей в глубокой древности было достоянием небольшого круга племен, столетиями свято хранивших секреты коневодства. На конях въезжали в безлошадную историю все индоевропейские племена, вплоть до конкистадоров в Америке.

Наукой установлено, что впервые лошадь была одомашнена в степях Украины в конце V — начале IV тысячелетия до н. э. Оттуда одомашненная лошадь распространилась, по-видимому, вместе со степняками на Дунай вплоть до Баварии (городище Поллинг, около 3670 года до н. э.), затем она появилась в Центральном Иране (несколько ранее 3000 года до н. э.) и, наконец, в Месопотамии. Путь экспансии коневодческих племен ясен — из евразийских степей на периферию евразийской ойкумены.

По такому же пути и в той же хронологической последовательности распространялись образцы оружия. Между прочим, запряженная в колесницу или оседланная лошадь тоже была оружием, страшным по тем временам, — как бы самолетом древнего мира. Лошадь сократила расстояние неимоверно, и из Русского поля до Тихого, Атлантического и Индийского океанов стало теперь возможно пройти за год, за два, если вдруг появлялось такое желание.

Сложнее разобраться в лингвистических дебрях. Мы знаем язык шумеров, оказавший столь сильное воздействие на семитские языки, но не знаем как следует ни первоначального состояния этого языка, ни его родственных связей с другими языками.

А религия, а письменность?

Раньше считалось, что религиозные модели мироздания, причем не только иудейская, зародились в Шумере и распространились оттуда (легендарный Авраам бежал в Палестину из Ура Шумерского в начале II тысячелетия до н. э.). В частности, высказывалось мнение, будто даже древнегреческий миф об «эстафете власти» на небесах от Урана к Кроносу-Сатурну и затем к Зевсу-Юпитеру заимствован из аналогичного древнейшего шумерского предания. Однако недавно

молодой московский ученый Н. Лисовой опубликовал работу, в которой на основе изучения «Риг-Веды» и древнекельтской мифологии неопровержимо доказал, что этот сюжет — исконно общеевразийский, общеиндоевропейский. Значит, первошумеры, быть может, находились в тесном контакте, если не в родстве, с первоиндоевропейцами.

Небюрократические взаимоотношения между верховным жрецом или вождем и свободными согражданами — дружинниками, постоянные вечевые советы шумерских правителей со старейшинами и с воинами-сотоварищами находят полную аналогию в социальных порядках индоевропейских племен, от эпохи «Риг-Веды» до времен северорусских городов-государств, вольной ватага Стеньки Разина и Запорожской Сечи.

Письменность, как и обладание личной свободой, честью, достоинством, тоже не единоличное изобретение шумеров. В 1963 году румынский археолог Н. Власса при раскопках кургана Тэртерия недалеко от Дуная обнаружил глиняные таблички со знаками, поразительно напоминающими знаки первошумерского письма. Радиоуглеродный анализ позволил определить возраст этих табличек — около 4000 года до н. э. Другими словами, они оказались на несколько столетий древнее своих шумерских двойников. Единственно разумное объяснение «Загадки Тэртерии» — широкое распространение на протяжении тысячелетий в степях Евразии единой системы религиозно-магической символики и тайнописи, впоследствии проникшей вместе с ее носителями вплоть до долин Хуанхэ, Инда, Двуречья и Нила.

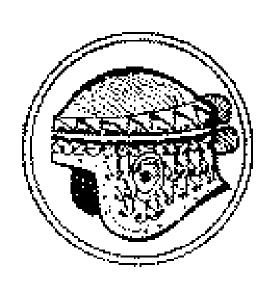
Да, даже до Нила! Индийский ученый Айясвами Калианараман считает, что и хараппская, и шумерская, и древнеегипетская цивилизации были основаны приблизительно в одно время военными отрядами первоиндоевропейцев, которые сочли более выгодным «пасти» и эксплуатировать «животных говорящих», чем мычащих и блеющих.

Действительно, некоторые предметы материальной культуры (оружие, украшения, печати, орнаментика, изобразительные сюжеты и т. п.) и произведения духовной жизни во всех трех древнейших цивилизациях часто удивительно похожи, и совпадения невозможно объяснить ничем иным, кроме заимствования или общего происхождения.

Древнешумерский герой Гильгамеш побывал во многих странах. Изображения его находят и в Египте и в Индии. И всем потомкам и сородичам Гильгамеша предание напоминает

Об увидевшем все до края мира,
О проницавшем все, постигшем все.
Он прочел совокупно все писания,
Глубину премудрости всех книгочиев;
Потаенное видел, сокровенное знал.
И принес он весть о днях до потопа.
Далеким путем он ходил, но устал, и
вернулся,
И записал на камне весь свой труд.

Гильгамеш — как бы олицетворение Шумера. Три тысячелетия по нему равнялись месопотамские цари и халдейские маги, его равно почитали индоевропейцы-хетты и семитизированные ассирийцы, ему подражали герои и законодатели Древнего Востока. Пять тысячелетий спустя мы все проникновеннее убеждаемся, что шумеры воистину подводят нас к сокровенному всего человечества, в том числе к тайнам наших далеких протоиндоевропейских предков.



В. РУБЦОВ, инженер
АСТРАВИДЬЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В памяти народа, в древних письменных текстах иногда тысячелетиями хранятся сведения, кажущиеся на первый взгляд вымышленными — порой даже не столько из-за их «фантастичности», сколько из-за несоответствия нашим историческим представлениям. До раскопок легендарной Трои и Микен ученые единодушно отвергали возможность существования достаточно развитой цивилизации в Греции за тысячелетие до Перикла. Генрих Шлиман убедительно доказал, что прав Гомер, а не историки, и под влиянием этих открытий изменилось и общее представление о Греции XV—XII веков до н. э.

Фольклорные события, образы, факты зачастую не привлекают внимания просто потому, что их нельзя отождествить с чем-то реальным. Таковы описания летательных аппаратов, «сказочность» которых поколебалась уже с наступлением эры авиации. Таковы упоминания о «высшем», «небесном» оружии, которые оставались «не у дел» вплоть до середины нашего столетия. Вероятно, впервые параллель между ними и атомной бомбой провел профессор Оппенгеймер, когда он, пораженный увиденным на ядерных испытаниях, читал вслух отрывок из «Махабхараты» о «свете, который ярче тысячи солнц» [2].

Некоторые археологические находки позволяют предположить, что наши далекие предки воевали не только мечами и стрелами. Почему развалины столицы Хеттского государства города Хаттусаса оплавлены в большей степени, чем это бывает при пожаре? Почему на гранитных стенах ирландских крепостей Дундалк к Экосс заметны следы какого-то странного оплавления?

Еще Марк Твен, путешествуя в 1867 году по Ближнему Востоку, так описывал развалины «Вавилонской башни»: «(Было) восемь ярусов (башки), два из которых стоят и по сей день — гигантская кирпичная кладка, рассевшаяся посредине от землетрясений, опаленная и наполовину расплавленная молниями разгневанного бога».

Обычно Вавилонской башней именуют Вавилонский зиккурат — огромное семиэтажное строение с периметром по основанию около 360 метров и высотой 90 метров. Остатки зиккурата были раскопаны лишь перед первой мировой войной. Очевидно, Марк Твен имел в виду развалины храмовой башни в Борсиппе, неподалеку от Вавилона. В самом деле, эти руины (их высота 46 метров) оплавлены не только снаружи, но и внутри. «Нельзя найти объяснение тому, откуда взялся такой жар, который не просто раскалил, но и расплавил сотки обожженных кирпичей, опалив весь остов башни, сплавившейся от жара в плотную массу, подобную расплавленному стеклу», — замечает исследователь Э. Церен.

Причины подобных оплавлений и доселе загадка, причем попытки «электрического» объяснения («огромная молния») выглядят малоубедительными. Может быть, следует обратить внимание ка содержащиеся в мировом фольклоре многочисленные упоминания о «необычном», «небесном», «сверхмогучем» оружии?

Пожалуй, наиболее интересная и систематизированная информация такого рода содержится в древнеиндийской литературе.

Вот, например, как описывает «Махабхарата» применение оружия «брахмаширас»:

…Тогда пустил Рама стрелу необорной силы,
Ужасную, несущую смерть…
Мгновенно спущенная Рамой, далеколетящая
стрела…
Зажгла великим пламенем того могучего
ракшаса.
С упряжкой коней, колесницей,
Полностью он был огнем охвачен…
И распался на пять основных естеств…
Его костяк, мясо и кровь уже не держались, Сожгло их оружие… Гак; что и пепла не было
видно.

Здесь даже не требуется «атомной» интерпретации. Для тех, кто знаком (увы!) с действием напалма, такое описание никак не покажется фантастическим. Но — напалм в Древней Индии?

Легко ль овладеть астравидьей?

Герои «Махабхараты» прилагают огромные усилия, чтобы заполучить «божественное оружие». В первую очередь это относится к Арджуне, который вынудил-таки богов прийти и предложить ему кое-что из небесного арсенала.

Первым из богов явился Шива и вступил с Арджуной в поединок. Богоборчество — в высшей степени суровое испытание, но герой с честью вышел из него. Довольный Шива предложил ему «все, кроме бессмертия». Позже, при встрече с братьями, Арджуна так описывал свое состояние:

Мысленно простираясь пред Шивой,
я молвил такое слово:
«Яви свою милость, владыка,
вот какой дар мне желанен:
Я хочу научиться (владеть) всяким оружием,
каким обладают боги!»

Шива исполняет просьбу, однако предупреждает быть чрезвычайно осмотрительным, когда дело дойдет до применения «высшего оружия»:

Пусть никогда ни один человек
(не вздумает) им сражаться;
Попав слабосильному (в руки), оно может

сжечь весь этот мир преходящий…
Его следует всегда употреблять,
как защиту против другого оружья.
Дивное, оно неотвратимо, но удар
Всяким другим оружием оно отбивает.

Вслед за этим с небес спустились другие боги (Варуна, Агки и пр.) и вручили нашему герою грозные дары. Наконец появляется возничий бога Индры на «прекрасной воздушной колеснице» и предлагает совместное путешествие на «третье небо».

Пять лет гостил Арджуна на небесах. Все это время он упорно постигал астравидыо — науку владения многоразличными видами божественного оружия.

Тут сделаем некоторые пояснения. Следует помнить, что астравидья в индийском фольклоре — это не столько система, сколько «отзвук» системы, ее легендарный вариант. Порой одинаковые названия относятся к разным видам оружия; с другой стороны, одно и то же оружие именуется по-разному.

Условно можно выделить две группы вооружений — «естественную» и «неестественную». К первой относится то оружие, чей принцип действия соответствует «сфере влияния» владеющего им бога. Такова ваявья бога ветров Ваю, варуна «владыки вод» Варуны, ваджра — «громовая стрела» бога грозы Индры. Здесь противоборствуют силы природы (ваявья — ветер, варуна — дождь, ваджра — молния), обожествляемые человеком с мифологическим уровнем мышления.

Во второй — «неестественной» — группе столь определенного соответствия нет. К примеру, Брахма — слабо персонифицированный бог-творец. Ему совершенно неожиданно приписывается «брахмаширас» (буквально — «голова Брахмы»): по приведенному выше описанию — огненная стрела, по другой версии — сильнейший яд, добытый из глубин океана и выпитый Шивой для спасения мира, по третьей — пламя, заключенное в стебле травинки. Брахма владеет также оружием «брахмаданда» (данда — значит копье, дротик), которое бесконечно сильнее, чем даже стрела Индры. Последняя действует лишь однажды, тогда как брахмаданда может поражать страны и народы на протяжении нескольких поколений. Как отмечает английский исследователь У. Р. Дрейк, еще несколько десятилетий назад это можно было счесть поэтическим преувеличением, но теперь-то наука знает о существовании радиационных мутаций…

В десятой книге «Махабхараты» читатель встретит и более конкретное указание на генетические последствия использования «небесного оружия». Злодей Ашваттхаман, под покровом ночи перебивший почти все войско Арджуны и его братьев, был настигнут последними и в страхе применил «брахмаширас». Арджуна ответил тем же, но не уничтожил оружие Ашваттхамана, а только «остановил» его; ибо, «где оружие «брахмаширас» побивается другим высочайшим оружием, в той стране в течение 12 лет дождь не выпадает». Немедленно прибывшие на место события двое небесных мудрецов потребовали прекратить использование «брахмашираса» и вернуть его к исходному состоянию. Противники подчинились

требованию, но у Ашваттхамана в отличие от Арджуны возникли при этом трудности. Вот что он говорит одному из посланцев неба:

В крайней опасности, ради спасения жизни
Мной пущено в ход это оружие…
А теперь вновь вобрать его — мне не под силу!..
Но твое слово,о владыка, я исполню незамедля:
Вот драгоценность, а вот — я, но устоит
былинка!
Зародышей в… женщинах она убьет!
Ведь величайшее оружие не может быть
тщетным!
Я не способен, владыка, вобрать мной
выпущенное (оружие),
Теперь это оружие я вонжу в зародыши, о
владыка,
Но волю твою исполню…

Трудно отделаться от ощущения, что речь здесь идет о воздействии на аппарат наследственности.

Другие разновидности «небесного оружия» (в книге В. Р. Дикшитара «Война в Древней Индии» список их занимает несколько страниц!) заставляют исчезать любые предметы и препятствия, приводят людей в полнейшее замешательство, воздействуют на их психику наподобие современных газовых бомб…

Конечно, бессмысленно сравнивать каждую такую грозную разновидность с чем-то современным. Вероятно, уже составителям «Махабхараты» символика астравидьи была непонятна: современный исследователь находится здесь в несколько лучшем положении, поскольку иногда может заглянуть глубже символа, отгадать принцип действия неизвестной машины. Но чаще всего трудно вообще представить, что же это может быть? Таково оружие Шивы — пашупати, странно сочетающее в себе невиданную мощь и управляемость. Возвратившись на Землю, Арджуна решил продемонстрировать своим братьям действие пашупати:

И вот, когда это дивное оружие было пущено в
дело,
Дрогнула земля под ногами, вместе с деревьями
зашаталась.
Всколыхнулись реки, даже великие моря
заволновались,
Растрескались горы, всполошились ветры,
Тускло гореть стал огонь, омрачилось лучистое
солнце…
Арджуна, Арджуна, не пускай в ход дивное
оружие!..
Ведь никогда нельзя пускать его в ход бесцельно,

Да и цель без крайней нужды им поражать не следует…
При злоупотреблении этим оружием
могут произойти великие беды!

Академик Б. Л. Смирнов в комментариях к переводу «Махабхараты» замечает по этому поводу;

«Нельзя не изумляться высочайшей нравственной чуткости народа, уже десятки веков назад сумевшего не только поставить нравственную задачу о дозволительности применения «абсолютного оружия», но и разрешить ее».

Существование ограничений на использование «высших» разновидностей оружия подчеркивается в «Махабхарате» неоднократно. Тот же Арджуна получает в свои руки «брахмаширас» с наказом:

«…Это необыкновенное и совершенно неотразимое оружие… никогда не должно применяться тобой против людей, ибо, брошенное в малосильного, оно может сжечь весь мир… Если какой-нибудь нечеловеческий враг нападет на тебя, о герой, то для поражения его применяй в сражении это орудие».

Война с ниватакавачами

Но если этика астравидьи и запрещала использовать «средства массового уничтожения» в битвах между людьми, то на войны с асурами [3]такое ограничение не распространялось. Это и был тот самый «нечеловеческий враг», против которого все средства хороши. Закончив обучение Арджуны, бог Индра сказал ему следующее:

Пятнадцатью (видами) оружия ты владеешь…
В пяти способах обхождения с ним равного (тебе) не видно…
Нет теперь в трех мирах ничего, что было бы для тебя невыполнимо.
Есть у меня враги — данавы, ниватакавачами зовут их;
Но трудно их достичь: они живут, забравшись в в недра океана.
Говорят, их триста миллионов (как на подбор),
они равны видом и пышут силой.
Их там победи! Пусть это будет твоей платой учителю…

Вражда богов и асуров — тема большая и сложная. Анализ ее дело нелегкое, однако ясно главное: причислять одних только к силам добра, а других к легионам

зла неправомерно. Вспомним привычное для нас слово «демон». В повседневном значении оно синоним дьявола, а дословно переводится лишь «знающий». И как для всей индийской философии «нет религии выше Истины», так и мифология Индии оправдывает или осуждает действия богов и асуров в зависимости от конкретной ситуации. «В браманизме, — писал В. Л. Смирнов, — нет непримиримого противоречия добра и зла, как, например, в… христианстве. Суры и асуры враждуют между собой, но из этого не проистекает отрицательное отношение человека к асурам».

Герои «Махабхараты» — братья Пандавы — являются детьми богов Индры, Дхармы, Ваю и Ашви-нов и, естественно, пользуются их поддержкой, противостоя, в свою очередь, дайтьям и данавам. Понятно, что Арджуна с готовностью принял предложение Индры и вскоре уже сидел в его воздушной колеснице. Ее грохот перебудил богов, и они, сбежавшись, стали вопрошать: «Ты что там творишь?» — но, получив удовлетворительное объяснение, благословили героя на подвиги.

Расправа с ниватакавачами не заняла много времени: могущественные демоны, непобедимые для богов, были уничтожены. На этом, однако, небесные приключения Арджуны не окончились.

По возвращении предельно великое
мне удалось увидеть:
Самодвижущийся дивный город,
Блеском подобный огню или солнцу…
…………………………………….
Всеми желанными свойствами полный,
от печали, болезней свободный…

Воинственного пыла Арджуны и его умения владеть «божественным оружием» хватило и на этот город. Страшная привычка — уничтожать все непонятное, но разве только для мифологических героев она характерна?

Этот летучий город, сияющий подобно солнцу,
направляемый по желанию,
В силу полученного дайтьями дара
удачно сопротивлялся.
То уходил в земные недра, то в поднебесье
устремлялся,
То наискось быстро мчался, то погружался в
воду…
Наконец его разбили мои железные, острые,
меткоразящие стрелы. И рухнул на землю в развалинах город асуров…

Под занавес, дабы разделаться с оставшимися в живых недругами, Арджуна пустил в ход оружие Шивы. Бой был окончен. Герой вполне убедительно продемонстрировал свои знания в области астравидьи.

Впрочем, вернувшись на Землю, он тоже не сидел сложа руки: после битвы его воинства с кауравами в живых осталось с обеих сторон ровно десять душ. Это побоище — событие, по-видимому, историческое, индийская традиция относит его примерно к концу IV тысячелетия до к, э. С той поры Индия становится единым централизованным государством. Действительно ли в борьбе за объединение страны использовалась астравидья? Или же произошло своеобразное совмещение легенд, когда события, относящиеся к более древним временам (использование «небесного оружия»), оказались связанными с недавней (для создателя «Махабхараты») реальностью? На этот вопрос ответить пока невозможно. Ибо никаких оплавленных развалин наподобие Вавилонской башни до сих пор в Индии не обнаружено. Единственное достоверное свидетельство — неподвластная времени величественная «Махабхарата».

Кто «узаконит» миф?

Распрощаемся, читатель, с нашими воинственными героями. Слишком давно они жили, чтобы мы могли отгадать их секреты, в том числе и секрет астравидьи. Все, что мы можем, — строить гипотезы, умозаключения.

Итак, на выбор четыре предположения:

1. Легенды о «всесокрушающем оружии» — поэтический вымысел, страшная сказка.

2. Эти легенды отталкиваются от некоторых нестандартных видов древнего оружия — наподобие «греческого огня», пороховых ракет и т. п., технология производства коих хранилась в секрете, а эффект от применения впечатлял наших предков не менее, чем нас — трагедия Хиросимы.

3. Возможно, на территории Индии в незапамятной древности процветала высокоразвитая цивилизация, погибшая в результате каких-то катаклизмов. От этой-то цивилизации и могли дойти до создателя «Махабхараты» легенды об астравидье.

4. Возможно, когда-то существовали контакты между Землей и другими населенными мирами, в результате чего на нашу планету могли попадать образцы инопланетной техники.

Какая из этих гипотез предпочтительней? Скажем прямо; пока — первые две, поскольку в доказательствах они не нуждаются. Чтобы оправдать третье или четвертое предположение, нужно повторить научный подвиг, который совершил Генрих Шлиман, «узаконивший» Гомера.

Произойдет ли нечто подобное с «Махабхаратой»? Будем оптимистами. Будем верить, что один из тех, кто читает строки, со временем организует археологическую экспедицию в Индию и наконец однозначно ответит на вопрос: астравидья — миф или реальность?..

Ю. В. БИРЮКОВ, ученый секретарь Всесоюзной секции истории авиации и космонавтики

А МОЖЕТ, РЕАЛЬНОСТЬ?

Внимательный читатель, ознакомившись с любопытнейшими предположениями В. Рубцова, не мог не заметить, как тесно связаны между собой третья и четвертая гипотезы, объясняющие происхождение астравидьи. Действительно, в каждой из них речь идет о том, что некогда на Земле люди обладали несравненно более высоким уровнем знаний, нежели тот, что могут предполагать современные историки. И так ли уж важно, где именно находился источник сил неведомых наук, затерявшихся у подножия нынешней цивилизации; в космосе или на Земле?

Профессор II. А. Рынин в первом томе составленной им энциклопедии космонавтики «Межпланетные сообщения» (1928—1932) скрупулезно собрал отрывки из мифов, легенд, сказок и научно-фантастических произведений, в которых говорится о полетах в космическое пространство и к различным небесным телам. Последний, девятый том энциклопедии завершается и на сегодня самой полной летописью возможных межпланетных контактов. Примечательно, что уже в начальном разделе «Индийские манускрипты» легенды о полетах на ракетных кораблях отнесены к X и даже более ранним векам до нашей эры.

Затем следуют главы: «Китайские сказания», «Перуанские сказания», «Мексиканские легенды», «Египетские сказания», «Индусские сказания», «Индусские веды», «Рамаяна» и т. д.

Профессор Рынин не пытался анализировать и обобщать собранный им богатейший материал. Но, веря в огромную важность развития космонавтики для будущего человечества, он считал своим долгом сделать летопись достоянием широких кругов энтузиастов звездоплавания. Ученый и здесь оставался верным последователем и соратником К. Э. Циолковского, учившего, что в истории и литературе можно найти множество необъяснимых явлений и что «ввиду доказанной возможности межпланетных сообщений следует относиться к таким непонятным явлениям внимательнее».

Полемизируя со сторонниками распространенной в 20-е годы точки зрения, что межпланетные сообщения вообще невозможны, Рынин писал: «Утверждение, что жители других миров не посещали нашей планеты, действительно не подтверждается официальной историей всех стран. Однако, если мы обратимся к сказаниям и легендам седой старины, то заметим странное совпадение в легендах стран, разделенных между собою океанами и пустынями. Это совпадение заключается в том, что во многих легендах говорится о посещении Земли в незапамятные времена жителями иных миров.

Почему не допустить, что в основе этих легенд все же лежит какое-либо зерно истины?»

Прошли десятилетия. Сегодня весь мир, восхищенный великолепными

достижениями практической космонавтики, вновь проявляет живейший интерес ко всему, что так или иначе связано с космосом. Космические мотивы в памятниках древней материальной и духовной культуры стали объектом исследования. К сожалению, внимание к этой теме в основном проявляют энтузиасты, не обладающие достаточной глубиной познания. Так, автором одной из археокосмических концепций был математик. Естественно, он слабо разбирался в библейских текстах, что и привело к ошибкам в его гипотезе. Используя эти ошибки, критики не оставили от самой гипотезы камня на камне, не слишком задаваясь вопросом, а есть ли в ней нечто рациональное. Эффект оказался прямо противоположным тому, на который рассчитывал неудачливый автор. Теперь уже серьезные специалисты как огня стали бояться одного упоминания своего имени рядом со столь скомпрометированной идеей. Зато объявился целый легион «популяризаторов», готовых сколько угодно спекулировать на интересе широкого читателя к загадке внеземных цивилизаций. Археокосмика была превращена ими в сенсацию, где в качестве аргументов использовалось все, что угодно: от действительно не объясненных еще наукой фактов или явлений до вымыслов, почерпнутых из забытых фантастических романов, а то и самого нелепейшего бреда. Впрочем, подобная профанация знания сопровождает не только археокосмику, но и другие направления развития человеческой мысли, где только можно выискать элемент какой-либо сенсации. Но здесь необходимо учесть, что если для некоторых, уже набравших силу областей науки и техники (например, для современной космонавтики) никакие сенсационные домыслы не страшны, для археокосмики они всерьез и надолго способны оказаться преградой, сдерживающей ее развитие.

Единственное действенное средство борьбы — самое серьезное отношение к проблеме, кропотливые поиски и отбор достоверных фактов, доскональная научная критика каждого предполагаемого случая проявления палеоконтакта. Вероятно, небесполезно возвратиться и к позиции Н. А. Рынина, который отнюдь не считал целесообразным вокруг каждого труднообъяснимого явления выстраивать «теорию», объясняющую все на свете — от сюжета того или иного наскального изображения эпохи палеолита до объяснения происхождения вселенной, и на какое-то время ограничиться лишь разысканием и констатацией не вызывающих сомнения исходных данных, чтобы в будущем перейти к их анализу.

Бюро секции истории авиации и космонавтики Советского национального объединения историков естествознания и техники, когда к нему обратились за помощью сторонники внеземных контактов, дало согласие обсуждать на своих заседаниях серьезные работы по археокосмике, несмотря на то, что подобные проблемы достаточно далеки от основной тематики нашей секции. Но в течение двух лет был сделан один-единственный доклад, где была предложена действительно оригинальная идея. В процессе ее обсуждения была четко показана неправомерность предположений докладчика. Других же заявок на обсуждение научных работ по археокосмике в секцию просто не поступало.

Статья В. Рубцова «Астравидья: миф или реальность?» в какой-то степени отвечает требованиям научной достоверности, хотя в логических построениях автора и присутствуют элементы некритической оценки общеизвестных

исторических источников. Статья, несомненно, привлечет интерес многих читателей к «Махабхарате» — замечательному памятнику древнеиндийской культуры — и будет способствовать серьезному изучению молодыми исследователями весьма интересной научной проблемы. И возможно, кто-то из них действительно скажет свое новое слово — хотя бы в истории научной фантастики, существование которой мы почему-то упорно считаем привилегией нашего времени.

Ю. БОГДАНОВ, историк
ФЕНИКС, ИЛИ ЛЕГЕНДА О БЕССМЕРТИИ

Родина первых фениксов

Многие народы древности непостижимо одинаковым способом создали в своей мифологии, а затем в литературе, искусстве и даже в научных трактатах образ «сказочного» летающего существа — птицы по имени Феникс (Феник, Фойникс, Финикс, Финист, Фэнхуан, Бенну и др.).

…Откуда-то с Востока, чаще всего из Аравии или Индии, в центр тогдашнего цивилизованного мира Египет, в храм Солнца, прилетает диковинное, похожее на птицу существо, подобного которому люди в природе не встречали. Внешним видом оно напоминает то ли орла, то ли павлина, то ли цаплю, хотя поступки совершает далеко не птичьи. К примеру, «птица», прилетев, сжигает саму себя, а затем из пепла возрождается: новый, «молодой» Феникс, возмужав, улетает снова в Аравию, чтобы через много лет опять прилететь в храм Солнца и повторить те же чудеса… Многочисленные варианты этого сказания встречались в Египте, Шумере, Индии, Тибете, Ассирии, Вавилоне, Китае, античных Греции и Риме и в других странах. Предания о Фениксе различны как по времени возникновения, так и по месту происхождения, отличаясь друг от друга незначительными деталями. Фантастическая птица из древности «перелетела» в европейское средневековье, на Русь (Финист — ясный сокол), в литературу нового времени (Вольтер, «Царевна Вавилонская»).

Известный египтолог Б. Тураев указывал, что в Гелиополе был храм (Ха-бенну, что означает храм Феникса), где росло священное дерево, на котором сидел Феникс, на листьях же дерева боги записывали царские юбилеи. На этом месте Феникс рождался утром среди пламени… Отметим, что в египетских мифах Феникс не прилетает с Востока, он местный. Рождается ежедневно с восходом солнца и умирает ежедневно, тоже в пламени (вечерняя заря). И только значительно позже в мифологии стала фигурировать цифра в 500 лет — интервал между появлениями Феникса в Египте.

Перейдем теперь к античным авторам. Начнем с «отца истории» Геродота (V век до н. э.). Вначале он признается, что слышал это сказание «со слов гелиополитян», сам же он Феникса видел только на изображениях. Вот отрывки из его предания:

«Есть еще одна священная птица под названием «Феникс». Я Феникса не видел живым, а только изображения, так как он редко прилетает в Египет: в Гелиополе говорят, что только раз в 500 лет. Прилетает Феникс, только когда умирает его отец. Если его изображение верно, то внешний вид этой птицы и величина вот такие. Его оперение частично золотистое, а отчасти красное. Видом и величиной он более всего похож на орла. О нем рассказывают вот что (мне-то этот рассказ кажется неправдоподобным). Феникс прилетает будто бы из Аравии и несет с собой

умащенное смирной тело отца в храм Гелиоса, где его и погребает. Несет же его вот так. Сначала приготовляет из смирны большое яйцо, какое только может унести, а потом пробует его поднять. После такой пробы Феникс пробивает яйцо и кладет туда тело отца. Затем опять заклеивает смирной пробитое место в яйце, куда положил тело отца. Яйцо с телом отца становится теперь таким же тяжелым, как и прежде. Тогда Феникс несет яйцо (с собой) в Египет, в храм Гелиоса. Вот что, по рассказам, делает эта птица».

Подобные варианты сказаний приводятся и других авторов (Овидий, Плиний, Гесиод, Гекатей). Некоторые из них утверждают, что Феникс раз в 500 лет сам прилетает в Гелиополь. Там он сгорает в благовониях; из пепла он возрождается вновь, сначала в виде гусеницы, которая на третий день начинает превращаться в птицу и на сороковой день делается ею окончательно, и улетает домой в Аравию или в Индию.

В другом конце Евразии, в Китае, как ни странно, тоже бытуют сказания о сказочных птицах фэнхуанах (фениксах). «В Китае известно предание, — пишет Н. Федоренко в книге «Земля и легенды Китая», — что в стране Тяньфанго (то есть в Аравии) в древности жили священные птицы фениксы. Когда им исполнялось 500 лет, они собирались на ароматных деревьях, сжигали себя и затем снова возрождались из мертвого пепла прекрасными и никогда не умирающими. Эти птицы родственны китайским птицам фзнхуаи. В древней книге «Купянцзу» говорится: «Фениксы — суть огня, живут они на горе Даньсюз».

Чем ближе к началу нашей эры, тем больше мы встречаем письменных свидетельств о Фениксе, тем полней эти свидетельства. Прежде всего остановимся на двух произведениях: «Анналах» Тацита, римского историка I века н. э., засвидетельствовавшего последний прилет Феникса, и на поэтической поэме «Птица Феникс», приписываемой Лактанцию (III — IV века н. э.), поскольку поэма удачно обобщает большинство другах античных свидетельств о многочисленных Фениксах.

«Вид ее диво для глаз…»

Тацит повествует о прилете Феникса, происшедшем всего лишь за два десятилетия до рождения самого автора (около 35 года к. э.).

«В консульство Павла Фабия и Луция Вителлия после длительного круговорота веков птица Феникс возвратилась в Египет и доставила ученым мужам из уроженцев этой страны и грекам обильную пищу для рассуждений о столь поразительном чуде… Что это существо посвящено солнцу и отличается от других птиц головою и яркостью оперения, на этом сходятся все, кто описывал его внешний вид; о возрасте же его говорят различно. Большинство определяют его в 500 лет, но есть и такие, которые утверждают, что этот Феникс живет уже 1461 год, так как ранее фениксы прилетали в Гелиополь, в первый раз — при владычестве Сесосиса, во второй — Амасиса, и в последний — Птолемея, который царствовал третьим из македонян, причем их всегда сопровождало множество прочих птиц невиданного облика.

Древность темна, но Тиберия от Птолемея отделяет менее 250 лет. Поэтому некоторые считают, что последний Феникс не настоящий, что он не из Арабской земли и на него не распространяется то, что говорит о Фениксе предание древности. По истечении положенных ему лет, почувствовав приближение смерти, он у себя на родине строит гнездо и изливает в него детородную силу, от которой возникает птенец; и первая забота птенца, когда он достигнет зрелости, — это погребение останков отца. Все это недостоверно и приукрашено вымыслом, но не подлежит сомнению, что время от времени эту птицу видят в Египте».

Известная эпическая поэма IV века н. э. «Птица Феникс», принадлежащая, по мнению исследователей, перу Лактанция, суммирует и обобщает мифы и сказания о Фениксе, распространенные в разных странах Средиземноморья.

Сначала в поэме рисуется тот «райский» край на Востоке, где Феникс обитал постоянно. Читателю предоставляется догадываться, где этот край находится: то ли в Аравии, то ли в Индии, то ли в Двуречье, то ли на Цейлоне, то ли на Мадагаскаре или на каких-то загадочных южных островах (фениксы древнего мира, как помнит читатель, прилетали откуда-то с юга, из Аравии). Затем автор переходит

непосредственно к Фениксу, говорит о его времяпрепровождении, дает ему характеристику и утверждает, что в родной стране птица живет в одиночестве. После этого автор повествует о приближении конца жизни Феникса, когда ему исполняется 1000 лет и птица начинает готовиться к смерти. Примечательно, что в поэме Феникс летит не сразу в Египет, а вначале в Сирию или в Финикию (в древности). Кстати, сирийское побережье, куда прилетела волшебная птица бессмертия, еще в древности получила название «Берег Феникса», Феникия или Финикия. Кроме того, имевшая хождение в начале эры книга «Физиолог», говоря о Фениксе, упоминает также «кедры ливанские». Как известно, помимо Гелиополя египетского, существовал Гелиополь сирийский, от которого сохранились знаменитые развалины храма Солнца близ Баальбека.

В следующей части поэмы дана подробная картина смерти Феникса и возрождения «новой птицы». Затем следует отлет нового Феникса в египетский Гелиополь, чтобы схоронить «останки умершего отца». После этого вновь рисуется внешний вид Феникса, но уже подробный и всесторонний.

Вид ее диво для глаз и внушает почтительный трепет.
Столько у птицы осанки, столько величия в ней.
Хвост распускает она, сверкающий желтым металлом,
В пятнах пылает на нем пламенем яркий багрец.
………………………………………………………
Скажешь — глаза у нее — это два гиацинта огромных,
А в глубине их, горя, ясное пламя дрожит.
На голове золотистый изогнут венец лучезарный,
Этим почетным венцом Феб ее сам увенчал.
Бедра в чешуйках у ней; золотым отливают металлом,
Но на когтях у нее розы прелестнейший цвет.
Величиной ни одно из животных земли аравийской
С ней не сравнится — таких нет там ни птиц, ни зверей.

Затем дается картина отлета Феникса, реакция на него всего населения Египта, и в заключение — славословие Феникса:

Но не медлителен Феникс, как птицы с телом огромным:
Вес их гнетет, поэтому шаг их ленив и тяжел.
Птица Феникс быстра и легка и по-царски прекрасна.
И пред людьми предстает, дивной блестя красотой.
Чтоб это чудо увидеть, сбегается целый Египет,
Редкую птицу толпа рукоплесканьями чтит.
В мраморе облик ее изваяют тотчас же священном
И отмечают на нем надписью памятный день.

В появившемся вскоре после поэмы Лактанция произведении римского поэта Клавдиана «Птица Феникс» есть любопытные новые детали. Сокращая длинноты

Лактанция, Клавдиан в своей идиллии о Фениксе повествует о том, как, усевшись на костре, Феникс приветствует солнце ликующей песней, прося у него живительного огня. Солнечный Феб стряхивает со своей огненной головы один волос — и пламя охватывает костер. После чего начинается полет обновленного Феникса из пылающего костра. Когда же останки старого Феникса сжигаются на алтаре, благовонный дым наполняет весь Египет до Пелузийских болот, даруя людям здоровье. Кстати, Плиний Старший писал, что пепел Феникса считался в древности исключительно редким и эффективным врачебным средством. Наконец, у Клавдиана Феникс не только имеет на голове сияющий венец, но и «на лету Феникс рассеивает тьму ярким светом» (у Филистрата: «Феникс — единственная птица, испускающая лучи»}. Несомненно, что под влиянием сказаний о Фениксе, в частности варианта Клавдиана,. сложились чудесные славянские сказки о сияющей жар-птице. Уже самый термин «жар-птица» довольно точно передает значение греческого слова «феникс» (багряный). В русском «Финисте — ясном соколе» нетрудно узнать искаженное «Феникс».

В поисках рационального зерна

Каковы же были реальные предпосылки для создания мифов, преданий, легенд о чудесной птице? Прежде всего обратим внимание на фактическую сторону дела. Разумеется, все наши попытки перевести на современный научный язык детали сгорания Феникса, зарождение нового, все этапы роста молодого Феникса (личинка, яйцо, птенец, взрослый Феникс) будут малоубедительными догадками, и мы предлагать их здесь не станем. Сказочные аксессуары в облике Феникса объясняются попыткой наших «невежественных» предков как-то описать, передать эти факты. А сделать это было возможно, только прибегая к описанию неизвестного через известное, что-то отдаленно напоминающее. Отсюда и противоречивость в описании Феникса у разных авторов.

Здесь мы хотели бы поделиться некоторыми соображениями о волшебных, а порой и чудовищных птицах, способных совершать невозможное, не только самовозгораться и возрождаться из пепла, но и поднимать в воздух слона, как сообщали многие древние авторы, рассказывавшие о «чудесах» Востока. Так, птица рухх арабских сказаний (она же симург у персов) заслоняла солнце, когда поднималась в воздух.

В своих когтях рухх могла унести слона и далее единорога с тремя нанизанными на рог слонами.

Знаменитый венецианский путешественник Марко Поло, посетивший Китай в эпоху правления Монгольского великого хана Хубилая, даже подробно рассказал об исполинской рухх, живущей где-то на Востоке. Более того, он приводит рассказ о том, как Хубилай снаряжал экспедицию на поиски крылатого монстра. По Марко Поло, люди Хубилая отыскали родину рухх, ею оказался остров Мадагаскар, лежащий на юге от Аравии и Африки. Путешественники сами птицы не видели, но доставили своему любознательному повелителю перо гигантской птицы — длиной в 90 пядей. Правда, комментаторы этого отрывка полагают, что участники экспедиции

побывали на Мадагаскаре, но надули своего владыку и привезли ему не перо жар-птицы, а лист мадагаскарской «Sagus Ruffia» — 15-метровой пальмы, на вершине которой красуется метелка из 7—8 гигантских листьев, похожих на птичьи перья. Однако зоологи, побывавшие на Мадагаскаре в 1832 году, нашли скорлупу гигантского яйца — в шесть раз более крупного, чем яйцо страуса. А в 1851 году были найдены кости гигантской вымершей птицы, по которым было составлено ее научное описание. Исследовавший ее Жофруа Сент-Илер назвал птицу эпиорнисом — «высочайшей из всех самых высоких птиц», ее рост достигал в высоту 3—5 метров, а весил гигант пернатого мира около 500 килограммов. Однако эта «рухх», будучи всего-навсего гигантским страусом, не могла летать. Диковинная птица вымерла или была уничтожена охотниками всего лет за сто до появления на острове натуралистов (так утверждает И. Акимушкин, автор интересной книги «Тропою легенд», повествующей об исчезнувших животных).

Таким образом, предание о гигантской рухх получило реальное обоснование. Не может ли нечто подобное произойти и с Фениксом, ныне неизвестной, исчезнувшей (в I веке н. э.?) птицей, пленявшей воображение древних своею красотой и необыкновенными качествами? Или же сюжеты о Фениксе, как и о других «железных» птицах, гнездящихся на недосягаемых высотах, уносящих людей в беспредельную воздушную высь, говорят о живом воображении наших предков, стремящихся к полету в небо, к животворящему солнцу? Может быть, это пророческие идеи, своего рода взгляд в будущее, восхищение перед героями, которые смело будут штурмовать космос, искать «траву жизни» и «траву бессмертия», добиваясь власти над косной материей? Об этом мы можем только догадываться, рассуждая о волнующем «феномене Феникса».

А. ШАВКУТА, этнограф

ЭТИ МНОГОЛИКИЕ ФЕНИКСЫ…

Сказочная птица Феникс, Бенну — древних египтян, Гарутма или Гаруда — древних арьев, вещая птица Анка или Симург — иранцев, птица Рухх — арабов, Стрефил-птица — русских, Айы Тойон — якутов… Сколько народов, столько имен у волшебной птицы, а точнее, у «волшебных птиц», прототипом которых были различные представители многоликого царства пернатых: орлы, соколы, беркуты, журавли, цапли, ибисы, вороны, кукушки, гагары, утки, гуси и многие, многие другие. В далекую вечность, в глубину палеолитических пещер восходит тотемистический культ птицы. Из вполне рациональных наблюдений над образом жизни птиц родилось иррациональное объяснение их магической роли в жизни человека, в вечном круговороте природы и смены времен года. «Представление о птицах как о существах, способных быть носителями человеческих желаний и молений, а с другой стороны — возвестителями воли богов, символами их покровительства и объектами, служившими для воплощения в них божественной мощи, — такого рода представления мы встречаем у народов, стоящих на самых

различных ступенях культуры, от дикарей-шаманистов до народов Древнего Востока и Греции и от варваров далекой Азии и Африки до народных масс современной христианской Европы», — писал в конце прошлого века известный русский этнограф Д. Анучин.

В древних космогонических мифах, рассказывающих о создании неба и земли, появлении солнца и звезд, у многих (если не у всех!} народов «строителями мира» — демиургами — выступают различные виды птиц. При этом многие из них так или иначе связываются с животворящим солнцем, сливаются с ним, становятся солнечными божествами или *же*вестниками солнца, его гонцами. Так, например, в знаменитой «Калевале» мы встречаем рассказ о возникновении вселенной. На коленях девы воздуха Ильтматар орел-творец высиживает семь яиц, шесть золотых и одно железное, причиняя деве воздуха «огненные» страдания, обжигающие ее до глубин мозга. Не в силах вынести тяжких мук, Ильтматар роняет яйца в море, и они бьются на части.

Из яйца из нижней части
Вышла мать-земля сырая.
Из яйца из верхней части
Встал высокий свод небесный…

Из верхнего края желтка родилось солнце, из верхней части белка — месяц ночной, из пестрых крупинок скорлупы родилась звездная рать, а из черных пятнышек — легкие облака. Любопытно, что эта легенда в чем-то созвучна с таким же космогоническим мифом Древнего Египта о Священном Гусе, Великом Гоготуне, где рассказывается о первоначальном хаосе, из которого поднялся островок-кочка суши и на котором гусь устроил гнездо и высидел из яйца солнце. В легендах обских угров роль творца исполнила волшебная птичка Желтая Трясогузка, принесшая людям солнце и месяц, а роль добытчиков земли — две гагары, большая и малая…

Журавль, цапля, аист (птицы из породы голенастых) в мифологии других народов всегда являлись носителями добрых начал. «В образе гигантского журавля, шагавшего по первобытному земному илу, у некоторых народов запечатлено было начало жизни», — указывает академик А. Окладников. Очень часто образ волшебных, «священных» птиц в древних преданиях приобретал гиперболизированные сверхъестественные качества. А чего, например, стоят облики монстров, влившихся вместе с другими библейскими персонажами в христианскую религиозную традицию: херувимы — гибрид быка, льва и орла, шестикрылые серафимы и прочие апокалипсические создания.

Некоторыми этнографами выдвигается небезынтересная гипотеза: в подобных «гибридизированных монстрах» можно видеть следы слияния двух или нескольких древних тотемов. (Так, у обских угров объединившиеся два рода, тотемами которых были олень и журавль, дали в своем новом варианте тотема единое фантастическое существо — рогатого журавля.)

В Древнем Египте, этой классической стране тотемизма, символами бога солнца были птицы из породы хищных: сокол, ястреб, коршун, орел, причем само

божество изображалось с головой этого пернатого. Женские божества Египта — богини Мут и Изида — своими символами тоже имели птиц — гигантского грифа-покровителя и орла, крылья которых изображались над статуями египетских фараонов; символом бога мудрости был ибис.

После междоусобных войн, закончившихся победой Нижнего Египта над Верхним и объединением страны в одно государство, явный перевес в религиозном пантеоне получили боги победителей и в первую очередь боги того племени, откуда был родом фара он. Так, с перенесением столицы Египта в Гелиополь, а затем в Фивы — место прилета Феникса — функция верховного божества страны перешла сначала к Ра, а затем к Амону — солнечным богам Древнего Египта, из двух местных божеств, слившихся в одно-единое — Амон-Ра. В мифологии торжествовал образ сказочного Феникса-Бенку, легенды о котором стали достоянием всего Египта, своего рода государственным религиозным мифом. Естественно, что популярная легенда проникла и в соседние страны, с которыми Древний Египет на протяжении тысячелетий поддерживал самые оживленные торговые и военные контакты. С завоеванием Египта греками, а затем римлянами образ сказочного Феникса вместе с другими египетскими богами становится достоянием всей античной культуры и вместе с ее наследием приходит в европейское средневековье и новое время.

Какая же из птиц Древнего Египта могла послужить прототипом сказочного Феникса? В своей книге «Следы невиданных зверей» И. Акимушкин пишет: «Некоторые ученые, плененные поэтическим очарованием этой легенды, решили поискать в природе следы птицы Феникс. Может быть, обитает на земле ее (пусть более прозаический) двойник, у которого сказочная тезка заимствовала некоторые свои примечательные черты». Пользуясь указаниями известного натуралиста древности Плиния Старшего, орнитологи стали искать золотисто-пурпурных птиц с хохолком на голове, в первую очередь среди пернатых представителей египетской фауны.

И нашли! «Фениксом» оказалась пурпурная цапля ardea purpurea, очень напоминающая своим внешним видом и привычками сказочного Феникса (правда, без самосожжений и воскрешений). Например, она любит гнездиться на вершинах финиковых пальм. Кроме того, когда на рассвете она проделывает обычный птичий «туалет» и птичью «гимнастику», она потягивается, взмахивает крыльями, расправляя перья, при этом ее сказочное оперение вспыхивает феерическим огнем в лучах восходящего солнца. Разве это не напоминает приветствие обожествляемому светилу? Наконец, если хорошо вглядеться в египетские изображения фениксов, легко отыскать в них сходство с цаплей. Примечательно, что именем «бенну» (что означало, видимо, «багряная», «сверкающая», «солнечная») египтяне называли и финиковую пальму-кормилицу, и пурпурную цаплю.

Таким образом, в древнеегипетском мифе о Фениксе-Бенну и в «птичьих» мифах у многих народов мира отразились древние предания, отголоски тотемистических представлений о «предках-родоначальниках» первобытных охотничьих коллективов, уходящие, по образному выражению академика А. П. Окладникова, «в глубину палеолитических пещер». Ничего загадочного, таинственного и необъяснимого…

Г. *МАЛИНИЧЕВ, журналист.*
А БЫЛ ЛИ БРАЗИЛЬСКИЙ КАМЕНЬ?

В наши дни над планетой бушует историко-археологическая буря. Взволнованно обсуждается запрос, кто первым открыл Америку. Герои самых невероятных гипотез то и дело спихивают друг друга с почетного пьедестала. Одним из них силу придают факты, другим же — полнейшее отсутствие оных.

Тунисские ученые, например, утверждают, что еще до Колумба на Кубу и Гаити регулярно плавали берберы, недаром же острова Карибского моря до сих пор сохранили названия, данные им этими отважными североафриканскими мореходами. Потом уже их карты каким-то образом попали в руки Колумба…

Азартно отстаивают свой приоритет и нынешние потомки викингов. Норвежцы и шведы провели ряд интересных и весьма результативных раскопок в США и Канаде. Там им удалось найти гвозди, выкованные на противоположном берегу Атлантики…

Не менее громкие и авторитетные голоса раздаются и в защиту египтян, японцев, греков, римлян, жителей Крита или даже обитателей легендарной Атлантиды…

А некоторые предпочитают считать, что первыми в Новом Свете побывали финикийцы. В середине VI века до н. э., проделав 10 тысяч миль морского пути, они натолкнулись на Южную Америку. В память о своем пребывании в неведомой стране они и оставили там надпись, высеченную на каменной плите; так называемый Бразильский камень.

Такова эта версия. Однако вся история Бразильского камня, его находки, прочтения и… исчезновения окружена загадочностью…

О безмерно честолюбивом монархе Педро II и о бесконечно принципиальном историке Эрнесте Ренане, а также о древнем умолкнувшем камне и об отчаянном несчастливце Ладислау Нетто

Разные случаются юбилеи, и мало кто помнит, что недавно исполнилось ровно сто лет, как в мировой печати появилось сенсационное сообщение маркиза де Сапукахи, председателя историко-географического общества Бразилии. Спокойно, с достоинством умудренного жизненным опытом исследователя повествовал он о том, что получил по почте весьма интересный документ. Вероятнее всего, писал титулованный географ, документу предстоит обрести наисерьезнейшее историческое значение. Однако в данной проблеме следует еще разобраться самым скрупулезным образом.

. Совет был действительно мудр. Ведь речь-то шла о следах, которые в древности оставили какие-то пришельцы с востока. Сам же маркиз по некоторым

причинам не имеет возможности уделить хотя бы часть своего драгоценного времени изыскательским хлопотам…

Вернемся на сто лет назад и мы. Сеньор де Сапукахи не лгал: в сентябре 1872 года в своей очередной почте он и впрямь обнаружил конверт, где лежал листок со скопированной откуда-то надписью на неизвестном ему языке: всего восемь строчек каких-то таинственных загогулек. То ли клинопись, то ли иероглифы… В письме, приложенном к неожиданному подарку, говорилось, что автор послания дон Хоаким Альвес да Коета в своем имении близ городка Парайба нашел интереснейший, как ему кажется, предмет. Случилось это так.

Слуги перевозили в усадьбу каменные глыбы. Среди них-то дон Хоаким и обнаружил плиту: массивный камень, разбитый уже на четыре части. Он приказал чернокожим «бездельникам» сложить их воедино, и тогда стало возможным рассмотреть какие-тс письмена, состоящие из множества знаков, странных и необычных.

Господин да Коста призвал сына и поручил ему снять точную копию с надписи, Как-никак отпрыск обучался в высшем учебном заведении для бразильских аристократов. Сын покорнейше исполнил просьбу отца. Первая копия и была переслана вместе с письмом маркизу в Рио-де-Жанейро. Остальные остались в семейном архиве. Владелец поместья выражал надежду, что маститый профессор сможет разобраться во всей этой истории и поведает миру о смысле непонятной находки.

Кроме того, дон Хоаким Альвес да Коста выражал надежду, что когда-нибудь ему выпадет честь принять в своем имении маркиза де Сапукахи и они смогут за рюмкой рома с большим удовольствием побеседовать о дурманящих воображение загадках старины, и о прочих вещах, не менее таинственных, и, конечно же, о неведомой плите тоже.

Далее события развивались следующим образом. Председатель историко-географического общества Бразилии выступил в начале 1873 года в газетах с кратким сообщением о случившемся. Но сеньор де Сапукахи был лишь страстным путешественником, заядлым охотником, искусным рыболовом и неотразимым любителем салонных разговоров о своих смелых вояжах в джунгли. Расшифровать исторические документы он не мог. Из всех языков мира географ и историк знал только один — родной. Поэтому он решил передать письмо и скопированную надпись молодому бразильскому ученому Ладислау Нетто.

Похоже, стареющий маркиз обладал мягким характером, но человеком был несколько наивным. Уж мог бы он знать, что его более юный коллега считается специалистом совсем в другой области науки. Но кроткий Ладислау не сумел противостоять просьбе всеми любимого старца. Пришлось ему тяжело вздохнуть и взяться за непосильную работу.

Ошибка поджидала неопытного дешифровщика уже в самом начале его трудов, когда он взял с библиотечной полки словари древнегреческого и египетского языков. Однако постепенно Нетто пришел к вы воду, что надпись сделана на языке древних финикийцев, и энтузиаст дерзко принялся за изучение мертвого языка.

В то же время Ладислау пытался отыскать следы услужливого господина да Коста, сделавшего столь щедрое приношение науке. Увы, ему так и не удалось найти ни самого латифундиста, ни его имения. Во всей тогдашней Бразилии камня разыскать не удалось. Усадьба в упомянутом письме именовалась «Поусо Альто». Мест с таким названием оказалось превеликое множество. Но ни в одном из них не проживал сеньор, нашедший камень с буквами чуждого языка. Ни крестьяне, ни помещики, ни провинциальные чиновники, ни вездесущие стражи порядка и владельцы пивных ничего не слышали о плите с иероглифами.

В горестных размышлениях Нетто возвращался в столицу, где ему предстояло опять изучать язык финикийцев и историю их страны, пережившей многочисленные падения и взлеты.

Между тем короткая заметка маркиза де Сапукахи, как и возникшие вокруг нее интригующие слухи, вдруг заинтересовали императора Педро II. Властитель страны давно уже пытался играть роль просвещенного государя, приглашая к своему двору ученых, ведя с ними светские беседы и оказывая иногда им хотя и мизерную, но великодушную финансовую поддержку.

Императору пришла в голову мысль послать копию надписи в Европу. Была выбрана и страна — Франция. И вот письмо с бразильским гербом отправляется Эрнесту Жозефу Ренану — философу, специалисту по древним религиям, автору нашумевшего труда «История происхождения христианства». Правда, сам бразильский император, как истый католик, был страстным поклонником иной его книги — «Жизнь Иисуса», где утверждалась идея историчности личности Христа…

К письму прилагалась записка Нетто, в которой тот рассказывал об истории находки и просил прославленного ученого не отказать в любезной просьбе императора и растолковать надпись, скопированную с удивительного камня.

Однако Ренан расшифровывать смысл надписи наотрез отказался. Летом 1873 года он выслал ответ, из коего следовало, что речь тут может идти только о хитрой подделке или же о нелепой шутке. (Кстати, недавно журналисты раскопали этот отзыв Ренана и не смогли сдержать улыбки, читая его строки. Гнев французского ученого был неподделен. Яростный галльский сарказм, беспредельно издевательская ирония, тонкая усмешка специалиста и совет отказаться от любых попыток дешифровки нелепицы — все это было уложено в несколько строк с безапелляционным выводом: «Неоригинальная фальсификация!»)

Не слишком рассчитывая на компетенцию Педро II, Ренан свое письмо послал Нетто. Нетрудно предположить, каково пришлось ученому бразильцу, когда он докладывал своему монарху о результатах послания бесчувственному и невоспитанному французу.

Однако упрямого и спесивого императора Бразилии, решившего искать всемирной славы на поприще самой модной в то время науки (археологии), отрицательный отзыв не устраивал. Своим монаршим рескриптом он повелел Ладислау Нетто продолжать исследования, и так, чтобы сведения об их успехах своевременно доходили до Европы. Многие короли, принцы и крупные политики типа Бисмарка тогда охотно покровительствовали археологическим раскопкам»..

В течение нескольких лет Нетто пытался понять смысл финикийской фразы на Бразильском камне, но так его и не постиг. Убедившись, что Ренан во многом прав, он бросил работу. В письме императору ему пришлось признаться в своем бессилии…

Других специалистов у Педро II не оказалось, и поэтому случай с Бразильским камнем был забыт примерно на сто лет. А потом о нем вспомнили снова, однако…

О напористых ловцах сенсаций из провинциальных американских газет и о сверхнапористом ученом ловце истины из штата Массачусетс

А потом о нем вспомнили снова. Однако в погоне за броскими, хотя и ложными сенсациями пресловутый камень в западной прессе стал обрастать новыми легендами, мифами и хитроумными домыслами. Короче говоря, началась сознательная путаница. Правда, для этого ажиотажа существовали и объективные

причины: Колумб к этому времени уже перестал владеть титулом первооткрывателя Нового Света. Современный мир узнал много нового и весьма интересно-го о географических открытиях в давние века. Слова Тура Хейердала о том, что техническими достижениями народов древности нельзя пренебрегать, стали аксиомой.

Решить столетнюю загадку камня в меру своих сил пытаются сейчас бразильские и американские журналисты. Результаты у них получились неожиданные. Во-первых, они быстро убедились, что с легкой руки их коллег, в частности французских газетчиков, по миру свободно пошла гулять совершенно неправильная версия. Так, в одной из коротких информационных заметок под рубрикой «Археологические сенсации» несколько лет назад заявлялось: «Недавно в Америке была найдена удивительная плита со следами загадочной финикийской надписи, которой 2500 лет…»

При перепечатке в швейцарских и немецких газетах эта фраза прозвучала уже иначе: «В одной из стран Южной Америки ученые обнаружили осколок скалы, на котором отчетливо видны финикийские письмена. Существует мнение, что сделаны они 3000 лет назад…»

Другие же газеты и журналы вообще без каких-либо колебаний приписали находку Бразильского камня Туру Хейердалу и экипажу папирусной лодки «Ра»…

А провинциальные американские газеты несколько лет назад помещали даже репортажи «спецкоров», которые якобы своими глазами видели легендарную надпись. Но важнее отметить здесь то, что находка приобрела еще большую свежесть.

Получилась игра в испорченный телефон, игра, где в компании из четырех игроков слово «Клеопатра» мгновенно превращается в «леопард». В нашем же случае «сто лет» превратились в «недавно», а потом и во «вчера».

Однако значительно печальнее оказалось то, что комментарии к «свеженайденному» Бразильскому камню попали и в научно-популярную прессу. И там, к сожалению, тоже появилось выражение «не так давно»…

Масло в огонь подлил американский филолог Сайрус Гордон из университета штата Массачусетс.

С 1968 года он считается главным проповедником подлинности надписи на камне. Во-первых, зная, что авторитет его как специалиста по древним текстам довольно высок, Гордон смело возгласил в печати, что получил из известного только ему, впрочем, вполне достоверного источника «лучшую копию уникальной финикийской надписи с побережья Бразилии…». Газеты не замедлили подхватить это заявление, перепутав, правда, еще раз истинную дату находки. Теперь ее отнесли на туманное «предвоенное время ».

Впоследствии профессор Гордон неоднократно давал широковещательные интервью, утверждая, будто ему удалось наконец досконально изучить редчайший документ и расшифровать его смысл. Кроме того, он говорил также, что по характеру написания букв текст можно отнести к одному из хорошо известных

диалектов финикийского языка. А сама надпись свидетельствует, что еще в доколумбову эпоху существовали контакты между Старым и Новым Светом. Сомневаться в этом нельзя!..

В конце 1968 года профессор опубликовал свой перевод текста Бразильского камня. Добавим, что перевод был напечатан не в научном, а в научно-популярном журнале и в газетах. В интерпретации Гордона перевод гласил примерно следующее:

«Мы суть сыновья племени Ханаан из Сидона, города нашего царя. Нас, торговых моряков, море выбросило на этот далекий берег горной страны. Мы отправились в море, жертвуя своей молодостью и восхваляя богов и богинь, в девятый год властвования нашего царя Хирама. Мы подняли паруса своих десяти кораблей в гавани Эзионгебер, что на Красном море. Целых два года мы плыли к южному краю земли Хам (Африка), но сильная буря рукой бога Баал разделила корабли, и мы потеряли своих спутников. И вот так мы прибыли сюда — 12 мужчин и 3 женщины — на этот берег. Удивляемся и наблюдаем тут, что можем. Великие боги и богини пусть будут благосклонны к нам…»

В таком виде текст, пожалуй, не лишен определенного смысла. И многие вновь заинтересовались памятником, памятуя о прежнем авторитете Гордона. Впрочем, когда некоторые ученые решили проверить сам перевод, они нашли в нем массу несообразностей.

К сожалению, более подробно никто из ученых мужей не стал его комментировать. Одни из них ограничились лишь краткими замечаниями, которые можно было бы суммировать одним словом: «Чепуха!» (или «галиматья»). Другие сочли своим долгом высказаться несколько пространнее: «Все это сомнительно. Надо бы подождать. Для выводов фактов нет». Третьи предпочли отговориться, сказав, что здесь, может, и есть какая-то основа для ребуса. Но не более…

Научный авторитет С. Гордона несколько покачнулся. И стал напоминать падающую Пизанскую башню. Не укрепили его и последующие заявления самого эрудированного филолога о том, что упоминаемое имя царя можно идентифицировать с Хирамом III, властителем Тира и Сидона. Хирам царствовал там с 553 по 533 год до н. э.

И еще. Несколько раз профессор Гордон вносил поправки в свой перевод, подчеркивая при этом, что общий смысл-то его остается прежним. Однако затем он высказался еще и в том плане, что вполне возможны и вовсе другие толкования, ибо древние семиты использовали в своей письменности одни согласные буквы. Отсюда-де и проистекает возможность различного толкования одних и тех же слов. Найти правильные гласные для столь короткого текста, естественно, очень затруднительно.

А в 1971 году Сайрус Гордон вдруг выступил с новой гипотезой, которая должна была, по его мнению, пояснить «некоторые прежние несоответствия». Практически профессор отказывался теперь от всех первых вариантов своей расшифровки, выдвинув версию, что на Бразильском камне высечена финикийская криптограмма (письмо условными знаками). При этом применено здесь целых два

кода тайнописи. Первый скрывает дату невольного путешествия к берегам Нового Света, а второй — молитву к богам о спасении. Но главное, по словам С. Гордона, — это то, что зашифрованные тексты перекрещиваются, один как бы входит в другой. Однако до сих пор Гордон так и не решился опубликовать свою окончательную расшифровку криптограмм. Он лишь намекнул представителям печати, что перевод будет храниться пока в его личном сейфе. На вопрос, где ему удалось достать «лучшую копию», ученый не посчитал нужным ответить…

Читатель, а не пора ли уже сообщить о некоторых выводах, которые делались американским профессором в его прежних интервью? Тех самых, которые в печати появлялись почему-то в искаженном виде? В частности, газетчики, будто сговорившись, убрали все сомнения, все осторожные оговорки. К чести Сайруса Гордона надо отметить, что сам он никогда не пренебрегал такими словами, как «очевидно», «вероятно», «скорее всего», «мне кажется», «я предполагаю» и т. п. Итак, в VI веке до н. э. состоялось плавание к южной оконечности Африки. Скорее всего финикийские моряки достигли мыса Доброй Надежды, но оттуда, наверное, буря погнала их корабли на северо-запад. И вот финикийцы оказались в Бразилии. Трудно предположить, что целью своего путешествия они сознательно выбрали Новый Свет.

О безвестных первооткрывателях, и об известных открытиях, и о том, что не только люди прокладывают новые пути, но и сами пути нередко выбирают себе новых людей

Да, предположить, что своей целью они сознательно выбрали Новый Свет, нелепо. Но почему же финикийцы выбрали свой путь вдоль берегов Нубии, а не Ливии? Средиземное море было тогда для них закрыто. Его контролировали мореходы иных торговых городов-государств, а восточное побережье Африки финикийцам из Сидона было знакомо хорошо. Туда за золотом и экзотическими товарами веками их посылали сперва правители Египта, а потом Персии. Да и самих их влекла непреодолимая тяга к выгоде — суть любого торговца.

Да, как ни запутан вопрос об открытии Нового Света моряками Сидона, с общеисторической точки зрения необходимо признать его вполне вероятным. Еще Геродот подтверждал, что сидонцы не единожды добирались до южной оконечности Африки. Не следует только вслед за Гордоном преувеличивать их географические заслуги, называя их первейшими мореходами древности. Так могли еще в XIX веке утверждать в своих трудах по истории географии Элизе Реклю и Жюль Берн, но ныне (после раскопок Эванса на Крите и Маринатоса на Санторине) пальму первенства следует отдать, безусловно, минойцам. На целую тысячу лет ранее финикийцев они освоили Средиземное море, открыли Атлантику, ходили по Черному и Красному морям.

Учтем, однако, что торговые пути финикийцев до мыса Доброй Надежды в VI веке до н. э. вполне реальны. Теперь хорошо бы проверить, а не могли ли бури и

течения привести моряков в Южную Америку? Оказывается, могли. Это может подтвердить сегодня любой капитан дальнего плавания. Но можно вспомнить для красочности повествования и случай из эпохи поисков морских путей в Индию вокруг Африки.

В 1500 году, то есть примерно два года спустя после знаменитого путешествия Васко да Гамы, эскадра из 12 кораблей под командованием Педро Альвареса Кабраля отправилась из Лиссабона в Индию. Где-то близ южной оконечности Африки буря погнала корабли на северо-запад. Парусники не могли справиться со стихией. И через несколько дней португальские мореходы увидели перед собой вершину какой-то горы. Это были берега Бразилии. 1 мая 1500 года Кабраль торжественно присоединил эту страну к владениям Португалии.

Казалось бы, все ясно. В чем еще сомневаться? Гипотеза приобрела вполне стройный фундамент. К ней привлечены данные разных наук. Но все-таки не будем торопиться. Не лучше ли еще раз прислушаться к совету столетней давности, к словам добродушного маркиза-географа о том, что разобраться тут надо досконально.

Ибо как раз на вершине своей газетно-просветительской славы первооткрывателя Сайрус Гордон получил от журналистов, стремившихся хоть что-то понять во всей этой запутаннейшей истории, телеграмму с уймой каверзных вопросов: «А где же сам Бразильский камень? И видел ли кто-нибудь вообще его своими глазами? И нет ли вариантов его расшифровки, предпринятых другими современными учеными?»

Период молчания, последовавший после этого, был значителен, что красноречиво говорило само за себя. Профессор явно растерялся. Очевидно, он убедился, что журналистам известно значительно больше, нежели он рассчитывал.

И это действительно так и было. В журналах и газетах недавно появились статьи, где говорится, что вопреки пламенной и самоотверженной защите Гордоном своего перевода текста Бразильского камня сам камень до сих пор окружен многими обстоятельствами, в высшей степени подозрительными. Поэтому за разрешение проблемы должен взяться не одиночка-энтузиаст, а коллектив ученых. Субъективность должна быть полностью исключена.

Кстати, до сих пор никто не сумел ответить на вопросы, прямо поставленные американской журналисткой Барбарой Форд. А вопросы-то так ли уж сложны? Вот они: «Почему маркизу де Сапукахи письмо было переслано по почте, а не с посыльным, как это было принято у богатых людей южноамериканских стран в XIX веке? Почему сеньор да Коста никогда так и не встретился с ним, хотя не мог не знать из газет о прямой заинтересованности самого императора? Почему после первого весьма вежливого письма да Коста больше никогда не давал о себе знать? Почему его конверт был помечен столь неопределенным обратным адресом? Почему не удается взглянуть на оригинал ни одному ученому вот уже сто лет? И почему нет ни одного квалифицированного отзыва специалистов по древним языкам о такой немаловажной детали, как грамотность текста с точки зрения канонов финикийского языка?»

Недавно некоторые энтузиасты решения загадки Бразильского камня обратились за разъяснением «финикийской проблемы» к консилиуму криминалистов, психологов и археологов. Совет довольно быстро и единодушно пришел к следующим выводам: «На основании имеющихся фактов, связанных с письмом маркизу и последующими событиями в прошлом веке, можно с одинаковой степенью вероятности предполагать сразу несколько возможностей: злой умысел, шутку и целый «комплекс» всевозможнейших случайностей. Из этого следуют два логических вывода:

1. Камень вполне мог существовать на самом деле. Какие-то обстоятельства помешали плантатору привезти его в столицу и продолжить переписку с ученым.

2. Камня никогда не было, как не существовало и самого плантатора. Кто-то из столичных шутников решил позабавиться, не утрудив себя размышлением о далеко идущих последствиях, к которым мог привести его розыгрыш. Высокий образовательный уровень автора письма не вызывает сомнения».

Частное определение консилиума сводилось к тому, что надо искать подлинник, хотя бы обнаружить точное географическое положение загадочной усадьбы.

Искомая надпись продолжает играть в прятки с современными учеными. И нет ей никакого дела до того, какие горячие споры разгораются вокруг двадцатипятивекового камня с еле заметными буквами, если только… этот камень действительно есть или хотя бы был на самом деле.

А. КИФИШИН

КАМЕНЬ, ОТРИНУТЫЙ СТРОИТЕЛЕМ, СТАНЕТ ВО ГЛАВУ УГЛА?

Сколько чудесных легенд существует в истории! Материк, 12 тысяч лет назад с грохотом опустившийся в бездну Атлантики. Горы написанных книг. От спиритуалистов XIX века до известного исследования Жирова. И вот сенсационные раскопки греческого археолога Маринатоса на Санторине. Какими только сложными путями истина не доходит до человека.

А знаменитый Фестский диск и минойское письмо! А сколько несбывшихся надежд дешифровать их, сколько самых различных, фантастических вариантов! Вплоть до привлечения к желанной разгадке кельтского языка и признания историчности кельтского мореплавателя Улисса, переименованного позже греками в Одиссея. И в то же время твердое убеждение одного из крупнейших востоковедов нашего века, С. Гордона, в том, что язык этого письма… древнесемитский.

Г. Малиничев в своей статье подробно описывает историю фальсификации (иначе и не назовешь) и всевозможных, нередко далеко не бескорыстных попыток доказать существование несуществующего Бразильского камня, якобы оставленного в 542 году до н. э. финикийскими мореплавателями, прибывшими (обогнув с востока мыс Доброй Надежды) после двух лет плавания в Бразилию. Автор совершенно справедливо отмечает закономерное возмущение фальсификацией

известного французского ориенталиста XIX века Э. Ренана и несостоятельную мечту разыскать пропавшую древнюю грамоту настойчивого и суегордого профессора Массачусетского университета. Так могли ли древние финикийцы добраться до Южной Америки? А почему бы и нет? Доказано, что финикийцы в Средиземном море так же реальны, как и финикийцы в морях Северной Европы или финикийцы, путешествующие вокруг Африки. И не только финикийцы, но и другие семито-хамитские народы: чадские, кушитские, берберские и древнеегипетские. И не только во II—I тысячелетиях до н. э., но и много-много раньше. Недаром же в своих «родословных», обросших позже легендами — этакими своеобразными древними комментариями, семито-хамитские народы сохранили мифологическую праисторию о своей балканской прародине (Атлантиде), откуда они волнами в X—III тысячелетиях до н. э. переселялись в Переднюю Азию и Северную Африку, спасаясь от мощного давления с севера и запада индоевропейцев.

Что же касается предположения Г. Малиничева о существовании дофиникийской морской цивилизации, которую он на основании раскопок Маринатоса на Санторине называет минойской, то здесь следует быть более осторожным. Нет никакого сомнения, что легендарную Атлантиду следует связывать с Эгеями, а не с Атлантическим океаном. И если древние египетские жрецы сохранили легенду, переданную ими греческому мудрецу Солону, о гибели целого континента в XII тысячелетии до н. э., то нам нельзя проходить мимо двух фактов.

1. Около 12 тысяч лет до н. э., когда в результате исчезновения Вюрмского ледника образовались Босфор и Дарданеллы, и была затоплена эгейская суша.

2. Египтяне действительно пришли в долину Нила из Балкан через Малую Азию, Сирию и Палестину после гибели Чатал-Гуюкской культуры (VI тысячелетие до н. э.) и вполне могли сохранить, как я уже указывал, легенды о своей настоящей прародине (страна Осек из «Текстов Пирамид»).

И тем не менее предшественниками финикийцев на море, по-видимому, были не семиты. И конечно, это были не атланты фелишской расы, предки голубоглазых и светловолосых ливийцев (основавших якобы Иерусалим), оставившие-де после себя мегалитические постройки в Испании и Сицилии и пару десятков морских терминов в прагерманских языках. Под минойцами, вероятно, следует подразумевать кельтских мореходов, которые сквозь прасемитское население Балкан и Греции просочились из Северного Причерноморья, а затем и обосновались на Крите (время Фестского диска), а оттуда переселились в Сицилию и Западную Европу (время знаменитых походов Дионисия в «Индию» и Миноса в Сицилию). И тем не менее в праиндоевропейских языках, судя по морфологической структуре их словарного состава, терминология понятий торгового характера является чужеземной. Несомненно, купцами-тамкарами, которые вели «предметно-рыночный» обмен среди индоевропейцев — воинов, скотоводов и земледельцев, были люди другого языкового субстрата. Согласно выводам безвременно погибшего советского ученого В. Иллича-Свитыча, установившего для этого времени семито-индоевропейские лексические заимствования, такими продавцами могли быть только семиты. Впрочем, речь идет, повторяю, не столько о мореходной, сколько о «рознично-торговой» терминологии. Таким образом, условимся — минойцами могли быть и

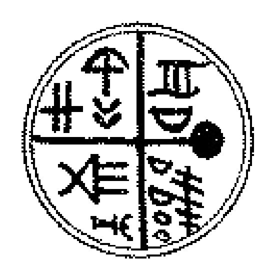
кельты, то есть индоевропейцы, и семиты.

История же должна подтвердить, насколько прав в своих выводах С. Гордон, хотя чисто человечески не так уж трудно понять, что вообще побудило этого крупного ориенталиста искать необходимые для себя доказательства там, где найти их почти невозможно, и мистифицировать общественность каким-то выдуманным камнем, в который и сам-то он вряд ли верит.

В принципе, конечно, финикийцы, наследники древних кельтских или же семитских мореходов, после того, как они проникли через Гибралтар в район Ганы (как утверждает Ш. Шифман) или же обогнули Африку по приказу фараона Нехо, могли достигнуть мыса Доброй Надежды, а буря могла погнать их корабль к берегам Бразилии. Но оставили ли они там свою надпись? И были ли они столь малограмотны, что допустили в своей надписи столько филологических несуразностей (об этом почему-то не пишет Г. Малиничев), которые так ужаснули Ренана, хотя ничуть не насторожили С. Гордона? Причем несуразности эти столь очевидны, что их вряд ли способна оправдать даже какая-нибудь ссылка на мнимую тайнопись. Правда, можно подделать и малограмотность.

Так был ли на самом деле Бразильский камень? Кто знает. Вопросы, поставленные Б. Форд, остались без ответа. Упрямо (впрочем, простим ему это упрямство!) молчит и С. Гордон. Но вот вопрос, который еще не был задан. Каждая фальсификация в науке, как правило, преследует какие-то иные, ненаучные цели. Так кому же все-таки понадобилось отыскивать в Бразилии камень с несуществующими «ханаанскими» письменами, да еще устраивать ему на весь мир столь шумную и малопристойную рекламу? Какому такому «высокообразованному», по заключению ученых-экспертов, шалуну и зачем? Но это уже тема для совсем иного размышления.

И все же доказывать ту или иную историческую гипотезу с помощью Бразильского камня — занятие бесперспективное.



В. АВИНСКИЙ, кандидат геолого-минералогических наук
КТО, КАК И ЗАЧЕМ СТРОИЛ БААЛЬБЕК?

«Мы имеем достаточно данных, чтобы подтвердить важность и глубокую древность создания города. Огромные блоки этого первобытного сооружения без какого-либо архитектурного стиля и способные противостоять разрушению столетий… учат нас, что здесь жила раса гигантов, поклонявшихся богу Солнца», — писал преподобный Мартин, которого цитирует М. Элауф в «Истории Баальбека» (Бейрут, 1944).

На первом месте стоит, конечно, вопрос о времени построения стен и самих субструкций Баальбекского акрополя… Всем известно, что его монументальные стены и особенно подземные коридоры колоссальных субструкций были относимы многими к временам Древней Финикии. Весьма возможно, конечно, что между массивными камнями есть иные еще финикийской вытески и римский архитектор их вновь погнал в работу (К. П. Кондаков. Археологические путешествия по Сирии и Палестине. С.-Петербург, 1904).

Всеобщий интерес к грандиозному комплексу древних храмов в Баальбеке возник, пожалуй, в 1961 году, после публикации доктора физико-математических наук, знатока древних языков М. Агреста. По мнению М. М. Агреста, ряд библейских легенд, непостижимо высокие познания древних в астрономии, а также некоторые памятники прошлого могли быть связаны с. пребыванием на Земле представителей какой-то высокоразвитой инопланетной культуры. «Не относится ли… например, терраса Баальбека к этим памятникам?» «Кем, когда и для каких целей были высечены эти «циклопические» плиты?» — вот вопросы, заданные Агрестом, которые в свое время вызвали сенсацию и вместе с тем многих заставили призадуматься- < .

С той поры в научно-популярной литературе прочно укрепились понятия: «тайна», «загадка», «феномен Баальбека».

Данная статья — своего рода творческий отчет автора о посещении уникального памятника культуры во время его поездки в Ливан, которую он совершил несколько лет назад как специальный корреспондент журнала «Техника — молодежи».

Поверженные колоссы

Баальбекское святилище… Ни с чем не сравнимо великолепие этих

грандиозных развалин. В архитектонике здешних храмов ярко выражено одно стремление: продемонстрировать власть богов над человеком, дать воплощенный в камке образ сверхчеловеческой мощи. Ознакомимся же, читатель, с этим циклопическим музеем под открытым небом.

Вот пропилеи — наружный вход. Когда-то между двумя квадратными башнями пропилеев была широкая- парадная лестница. В начале нашего века она частично реконструирована немецкой археологической экспедицией.

Усеян обломками колонн и тесаного камня Большой двор, или Пантеон, акрополя, с остовом гигантского двухбашенного алтаря, на котором умещалось до сотни быков, приносимых в жертву. Здесь же неподалеку остатки двух прямоугольных бассейнов, где быков омывали незадолго до заклания.

Пантеон огорожен стенами высотой с 4—5-этажный дом с богато украшенными полукруглыми нишами. Из 84 колонн, когда-то стоявших по всему периметру Пантеона, теперь уцелели лишь несколько. Теплый колорит строительного материала придает всему комплексу особую пышность и блеск, несмотря на то, что за минувшие тысячелетия краски потускнели, выцвели.

От Большого двора к храму Юпитера ведет величественная лестница, «неотвратимая, как движение глетчера», писал о ней известный архитектор А. Буров. Поднявшись по лестнице (ее ширина около 40 метров), попадаешь на площадку, откуда открывается панорама всего комплекса. Здесь, где теперь пестрыми стаями снуют туристы, когда-то тысячные толпы подданных Римской империи воздавали почести богам.

На западной стороне храма Юпитера в кладке цоколя видны три необыкновенно больших плиты. Верхний их ряд лежит на высоте 8 метров. Это знаменитые трилитоны, о которых легенда говорит, что они лежали здесь вечно. Представьте себе каменный монолит размерами 19,1x4, 3x3,6 метра, объемом 300 кубических метров и весом около 750 тонн, и вы получите представление о трилитоне.

Соперничая с хребтами гор, над долиной возвышаются 6 высоченных, самых больших на нашей планете колонн. Они чудом уцелели от землетрясений. Надо видеть эти колонны в натуре, встать с ними рядом, запрокинуть голову, чтобы почувствовать всю грандиозность замысла создателей храма, всю мощь и великолепие гранитных колоссов.

Масштабы не человеческого, не земного, а космического порядка вдохновляли создателей колоннады. Секции колонн вытачивали на гигантских токарных станках где-то в Асуане, затем на плотах морем доставляли к берегам Ливана. От побережья их везли 35 километров к стройке по горным дорогам на колесницах, влекомых волами. Если учесть, что колонны состоят из трех частей, а длина каждой секции примерно 6—7 метров при диаметре 2,05 метра, то окажется: вес такого цилиндра — порядка 45 тонн! Какова же была грузоподъемность колесниц? Мыслима ли вообще подобная деревянная повозка на жестком ходу, конкурирующая с современными тягачами?

Три полированных цилиндра поставлены один на другой с идеальной

подгонкой на стыках. Колонны увенчаны громадным антаблементом: на мощной несущей балке, перекрывающей колоннаду, покоится почти двухметровый фриз. И наконец, на самом верху — тяжелый резной карниз. Какая сила подняла многотонные громады на двадцатипятиметровую высоту?

С тех пор минула длинная вереница столетий. Повержено здание храма, там и тут разбросаны обломки колонн. Они лежат рядом с трилитонами, как бы соперничая с ними размерами. На торцах колонн чернеют отверстия, куда вставлялись железные стержни и заливались свинцом, — должно быть, так было удобнее наращивать колонну.

Загадки древних каменотесов

Ступая на легендарную баальбекскую веранду, невольно испытываешь волнение. Главную часть площадки размером с футбольное поле (точнее, 49x89 метров) занимают руины храма, сложенного из обычных блоков объемом 2—3 кубических метра. Со стороны северного и южного фасадов блестит под солнцем полоса шириной 7 метров, которую и называют баальбекской террасой или верандой. Она образована девятью огромными блоками, уложенными в три ряда. На таком блоке (приблизительно размеры 9x3x4 метра) вполне могут уместиться два грузовика. Чтобы кромки и стыки блоков не крошились, снят фас. Сподвижник Наполеона маршал Мармон, побывавший в 1840 году в Баальбеке, писал, что громадные тесаные блоки лежат без всякой связки и так хорошо пригнаны, что и лезвие ножа не входит между ними. Действительно, подгонка блоков идеальная. Не только нож, даже режущая кромка безопасной бритвы «Спутник» (толщина — 0,01 миллиметра!) не входит в зазор. Точнее говоря, никакого зазора нет вообще. Камни словно бы притерты друг к другу. Даже капля воды не впитывается на стыке и скатывается по желобу вниз. Площадь притирки по торцу блока, по основанию и по длинной вертикальной грани достигает соответственно 12, 27 и 36 квадратных метров. Общая же площадь сочленения каждого блока внешнего ряда достигает 87 квадратных метров; внутреннего — 123 квадратных метра при точнейшей выверке углов и параллельности граней. У трилитонов эти площади гораздо больше.

Посадка блоков осуществлена с допуском порядка 0,01 миллиметра. Нет ли тут какого-нибудь секрета?

Мраморизованный известняк — камень сравнительно мягкий, деформирующийся при самых незначительных напряжениях, если они действуют сколь-нибудь длительное время. Под действием влаги и собственного веса блоки оплывают и плотно прижимаются, буквально срастаются друг с другом. Но вот парадокс: современные мастера ручной обработки камня доводят до зеркального блеска поверхность не более 2—3 квадратных метров. Высота неровности при этом колеблется от 0,1 до 1 миллиметра. На большей площади вручную достичь столь совершенной обработки невероятно трудно. А вот баальбекские каменотесы без твердосплавного инструмента, без абразивных порошков достигли. Каким образом? Неизвестно. Стоит задуматься и над другим. Нынешние камнерезные машины вырезают блоки не более чем в 2—3 кубометра с точностью, не выходящей за

пределы допуска б—12 миллиметров. Только с помощью специальных калибровочных станков допуски доводят до нескольких миллиметров. Мало того, что нужно владеть методами точнейшей обработки, требуется мощная, легко управляемая техника, чтобы, не повредив поверхности блока, не отколов нигде уголка, осуществить филигранный монтаж. Сравнивая, что может «век нынешний и век минувший», невольно заходишь в тупик. Сделано невозможное. Кем? По какой технологии?

Еще одна тайна баальбекских каменных блоков — выдолбленные цепочкой квадратные гнезда. Их глубина 20—30 сантиметров. Гнезда тянутся почти по всему периметру платформы. Множество таких же отверстий выдолблено в мелких блоках. Иногда на один блок размером 1,5—2 метра приходится до 5—8 отверстий. Есть они и в основаниях колонн. Каково же их назначение? Может быть, в них вставлялись металлические захваты? Но тогда почему отверстия выдолблены не во всех блоках? Почему их нет в трилитонах, перемещение которых представляло наибольшую трудность? Не исключено, что гнезда предназначались для декоративных целей. Во время ритуальных церемоний сюда могли вставлять факелы или деревянные штыри с идолами. Кроме - того, углубления могли служить урнами для захоронения праха или различных реликвий умерших…

На вертикальной поверхности блоков веранды заметны необычные следы обработки — концентрические борозды, идущие в разных направлениях. Каким инструментом нанесены такие длинные, правильные углубления? Профессор американского университета в Бейруте Акоп Калаян, детально изучивший древнюю каменотесную технику, полагает, что подобные следы на камне оставляет «шагоута» — инструмент наподобие топора, только с зубьями как у пилы. «Шагоута» широко применялась в древности в странах Средиземноморья и Закавказья, а в Ливане ею пользуются и теперь. Ширина рубящей части «шагоуты» достигает 15 сантиметров. Она оставляет на камне короткие, хаотично разбросанные углубления шириной в несколько сантиметров, в зависимости от размера зубьев. На поверхности же баальбекских блоков видны концентрические борозды с шагом 12—15 сантиметров и протяженностью до 150— 200 сантиметров. Радиус борозд достигает четырех метров? Бесспорно, это следы механизированной обработки, своего рода обдирочной машины, возможно приводимой в движение рабами. Но далее такое предположение мало что дает нам для ответа на вопрос, который занимал всех археологов, изучавших руины Баальбека, начиная с Пьера Белона, Вуда и Даукинса и кончая современными учеными. В самом деле: с помощью каких средств осуществлялись вырубка, транспортировка, монтаж и подгонка гигантских блоков?

Покидая Баальбек через длинный мрачный тоннель, невольно задумываешься над тем, отчего это пристрастие к гигантским сооружениям было характерно в основном для древнейших народов. При всей примитивности техники еще во времена неолита предпочитали возводить святилища из грандиозных каменных блоков. Возьмите хотя бы дольмены на Кавказе, святилище в Стоунхендже, «гипогиум» на Мальте. Технически более оснащенные греки, а потом и римляне оперировали со строительными конструкциями, так сказать, нормальных величин. Гигантские баальбекские блоки не типичны для римской строительной техники. Скорее они сродни мегалитическим сооружениям и тяжеловесным формам

архитектуры Древнего Египта.

Известный архитектор И. Соболев под впечатлением нечеловеческих масштабов Баальбека писал в 1936 году, что его «действительность во много раз необыкновеннее самых фантастических проектов поклонников архитектурной гигантомании».

40 000 человек против одного камня

Когда по шоссе, ведущему на Бейрут, выезжаешь из городка Баальбека, то у обочины, метрах в пятистах южнее акрополя, замечаешь самый большой в мире обработанный камень. Он как гигантский кристалл на шероховатой ладони каменоломни. Его древнее название «Гайяр эль-Кибли» — «Камень Юга». Позднее арабы переименовали его в «Гайяр эль-Гобла», то есть камень, отторгнутый от материнского массива. Для какой цели вырубали гигантский монолит? Для укладки в основание храма рядом с трилитонамк? Но в кладке цоколя как будто нет места, предназначенного для «Камня Юга». Скорее всего монолит предназначался для какого-то обелиска. Вид этого колосса приводит в оцепенение. По своим размерам (21,5x4,8x4,2 метра) он превосходит даже трилитоны. Его объем 433 кубометра, вес более 1000 тонн! Подсчитано: чтобы сдвинуть этот камень с места, потребовалось бы одновременное усилие 40 тысяч человек. Но где разместить их в условиях каменоломни, среди обломков породы? Люди и волы просто растоптали бы друг друга, не сдвинув, не шелохнув этот гладкий параллелепипед.

Какова же была технология изготовления этого каменного исполина? Тут есть над чем поломать голову. Естественно, подобные камни в старину вырубали вручную. Для этого по периметру будущего блока прорубали коридор и с помощью клиньев отрывали камень от коренного массива. На такую операцию, конечно, уходило много времени. Применяли и другой метод: намечали контур блока и выдалбливали лунки, куда загоняли деревянные клинья, которые поливались водой. Разбухая, клинья рвали скалы. Метод простой, однако, пожалуй, он применим лишь для добычи малых блоков. Трехсоткубовый монолит оторвать таким способом вряд ли возможно.

Огромный карьер, где в древности добывался известняк, расположен высоко над Баальбеком, в верхней части холма Шейха Абдаллы. «Камень Юга» покоится в котловине, градусов на 30 он наклонен к горизонту, так что нижний его конец уходит в грунт. Принято считать, что римские строители начали тащить гигантский камень и почему-то бросили. Но Дж. Эйвад, написавший популярную книжку о Баальбеке, полагает, что блок еще не отделен от скалы, и, следовательно, его вовсе не двигали. Камень предстояло спустить в лощину, развернуть и затем тянуть к акрополю.

Тысячетонный гигант, брошенный в каменоломне, позволяет понять секрет транспортировки массивных камней к строительной площадке. Скорее всего вырубленные в карьере глыбы и обтесанные блоки спускали по откосу на полозьях или катках прямо к месту кладки.

От Нимрода до Александра Македонского

Что было на баальбекской площадке до сооружения римских храмов? В поисках ответа обратимся прежде всего к Большой Советской Энциклопедии. Итак: «Баал (Ваал) — древнее божество, почитавшееся в Финикии. Баальбек (древний Гелиополь)… в эпоху императора Августа превращен в римскую колонию… В I—III веках н. э. здесь было построено много римских храмов… Грандиозный храмовый ансамбль римских времен… Большой, Малый и Круглый храмы в честь Юпитера, Вакха и Венеры». Но, странное дело, среди иллюстраций нет ни гигантских трилитонов баальбекской веранды, ни самого храма Юпитера. Во «Всеобщей истории архитектуры» (ВИА), изданной в 1948 году, строительство Большого храма приписывается Нерону (37—68 годы н. э.). А в новейшем издании ВИА (1973 года) знаменитые блоки вообще не упоминаются. Исчезли!.. Почему же они могли исчезнуть? Да потому, что ныне считается чуть ли не признаком дурного тона говорить о возрасте цоколя храма Юпитера. Без того, мол, все ясно: баальбекский комплекс, весь, до последнего камня, римский, датирован, передатирован. Военная и политическая мощь Римской империи с ее богатыми колониями, многотысячная армия рабов, процветание наук и инженерного искусства — вот традиционные доводы в пользу того, что лишь в I— III веках оказалось возможным сооружение этого крупнейшего в мире комплекса храмов. И вся история архитектуры Баальбека рассматривается, начиная с римских завоеваний на Ближнем Востоке, когда Баальбек был переименован в Гелиополис. Все, что было позже, известно довольно хорошо: пала Римская империя, византийцы из отлично пригнанных камней, сработанных рабами Рима, построили на территории акрополя свои базилики. После них арабы, крестоносцы, турки и полчища Тимура неоднократно разбирали древнюю кладку для сооружения крепостных стен, замков, мечетей. В довершение ко всему древние постройки четыре раза рушились от землетрясений. Богата событиями, драматична история Баальбека-Гелиополиса, древнего города Солнца. Но все это после римлян, которые соорудили здесь помпезные тяжеловесные храмы. А что здесь было до императора Антонина Пия (при нем начали строить храм Юпитера), до Нерона? В одном древнем арабском манускрипте, который цитирует в своей книге историк М. Элауф, говорится: «Когда в Ливане царствовал Нимрод, он послал гигантов, чтобы те разрушили крепость Баальбек…» Зачем? Легендарный основатель Вавилонского царства Нимрод задумал подняться в небо. И он якобы решил сделать это именно в Баальбеке, построив там высокую башню. Ну а для высокой башни необходимо крепкое основание. Если оно не было построено предшественниками, то, выходит, этой нелегкой работой пришлось заниматься подданным Нимрода. Намереваясь достичь богов, он соорудил машину, движимую четырьмя сильными птицами. Машина эта поднялась в небо, но после длительного блуждания в космосе упала на гору Хермон, где и было погребено изувеченное тело дерзкого монарха. Нельзя ли отыскать в легенде зерно истины? Кстати, Хермон не так уж далек от Баальбека…

Первым историческим документом, где упоминается Баальбек, считается так называемая «Тель-Эль Амарнская переписка» — дипломатическая переписка Египта с Вавилоном, Сирией и другими странами Востока. Относится она к XIV веку до н.

э., ко времени царствования фараона-бунтовщика Эхнатона. Покоренные Египтом народы должны были исповедовать культ Солнца. Старых, человекоподобных богов Эхнатон заменил новой, высшей идеей абстрактного бога, которого он назвал Атоном, «солнечным диском». Старый бог Амон-Ра тоже был свергнут. Нельзя ли допустить, что в целях упрочения новой религии Эхнатон предпринимал попытки сооружения храма Солнца и в Баальбеке? Мы не претендуем на оригинальность этой мысли, Напротив, утверждение о до-римском сооружении святилища в Баальбеке старо как мир. Тот же М. Элауф полагает, что египетский храм в Баал-Геде (древнее название Баальбека) не построен с нуля египетскими жрецами, а лишь реставрирован ими в период порабощения Сирии Египтом. Египетские жрецы «восстановили» храм Баала, который был разрушен землетрясением. То, что храм Солнца был воздвигнут египетскими жрецами, утверждал также римский писатель Макробиус (V век н. э.). Он заметил, что статуя бога Солнца в Баальбеке похожа на египетского бога Осириса. Более того, Макробиус описывает, как эта статуя с величайшими почестями была морем привезена из Гелиополиса египетского в ливанский город Солнца…

Первое тысячелетие до н. э. — это период процветания культа бога Баала и его супруги богини Атор-гатис (Астарты). Древнее святилище, защищенное горными хребтами от завоевателей а востока и от пиратов с запада, превратилось в крупнейший религиозный центр. В эпоху греческих завоеваний при Александре Македонском Баальбек избежал несчастий войны, какие пришлось испытать славному приморскому городу Тиру. Поход против арабов, которые жили при Антиливане, утверждает Плутарх, Александр совершил, когда еще не была окончена осада Тира, то есть в 332 году до н. э. Жители плодородной долины без сопротивления сдали грекам свои селения. Победоносный юный полководец Александр, ученик Аристотеля, переживал в этот период духовный кризис. Древнегреческий историк Арриан отмечал, что «Александр весь ушел в религиозные суеверия». Посещение древнего святилища в Баальбеке — это апофеоз религиозного фанатизма Александра. Как свидетельствует Курций Квинт, «бога Юпитера Александр почитал отцом своим, ибо уже не довольствовался быть рожденным на высшей ступени человеческого величия». Сей сын Юпитера, уподобляясь богам, возможно, и наметил космические масштабы будущего храма, возведенного триста лет спустя римлянами. Но что соорудили здесь греки, неизвестно. И вообще сооружали ли? Древнегреческой архитектуре не было свойственно увлечение гигантскими формами. Массивностью и геометризмом форм колоссы Баальбека скорее сродни мегалитическим сооружениям древности и египетским храмам. .

Первым, кто отличил римские храмы с традиционной колоннадой от более ранних конструкций цоколя с его подземными коридорами, был знаменитый французский историк и археолог Сольси. Он утверждал, что эти конструкции и «цветом камня, и выгибом сводов» отличаются от римской постройки. Но Сольси был неисправимым анекдотистом и фантазером, и его мнение тогда всерьез не принимали. Понадобились десятилетия, чтобы гипотеза Сольси восторжествовала в науке. В 1936 году архитектор И. Соболев спокойно, как об общепринятом мнении, писал, что «фундаменты храма Солнца еще финикийского производства и выломка

больших камней начаты были еще в те времена».

Да, Баальбек много раз строился и перестраивался. Но кто же сделал главное, кто вырубил и уложил плотнейшей кладкой основания Большого храма — легендарный Нимрод, египтяне, финикийцы, Александр Македонский? Не будем гадать. Уясним себе главное: римские строители были далеко не первой, а всего лишь, как говорится, седьмой спицей в колеснице, в колеснице истории Баальбека. Но ведь не секрет, что на Ближнем Востоке до римского владычества не было ни одной технически оснащенной державы. История этого края не оставляет места иным толкованиям. Финикийцы были отличными моряками и ловкими торговцами, обитатели древней долины Масис (Альб-Бекаа) — земледельцами и пастухами. Эти моряки и пастухи должны были иметь вековые традиции зодчества, дабы возводить баальбекоподобные сооружения. Таких сооружений нет. Баальбекская веранда — единственная в своем роде.

Итак, Баальбек предстает перед нами как грандиозный культовый центр древности. Его история хранит еще много тайн. Главный вопрос — когда и кем было положено начало строительства? Ко временам Римской империи с достоверностью можно отнести лишь сооружение самих храмов. Время закладки гигантских блоков цоколя остается неопределенным, но оно явно доримское. Во времена, предшествующие римской колонизации Ближнего Востока, ни одно государство не могло обеспечить столь трудоемкого строительства. Кто же возвел Баальбек?

«…кои и теперь еще должны там быть»

Для чего же была создана в незапамятные времена баальбекская веранда? Ответ, казалось бы, напрашивается сам собой: чтобы служить прочным фундаментом огромному храмовому сооружению. Причем фундамент, возможно, закладывали задолго до возведения на нем храма Юпитеру.

Народные предания повествуют об ином назначении баальбекских плит. В старинной легенде, записанной Вольнеем, говорится: «Сие здание… для того только воздвигнуто, чтобы в подземных его сводах хранить бесценные сокровища, кои и теперь должны еще там быть. М. Агрест, автор гипотезы о причастности палеокосмонавтов к сооружению Баальбека, не подразумевая этой легенды, высказал предположение, с ней перекликающееся: «Можно предположить, что космонавты позаботились о сохранности вымпела для будущих поколений, и спрятали его в соответствующее укрытие… Космонавты оставили на виду несколько крупных и не поддающихся быстрому разрушению сооружений… Эти сооружения должны… служить ориентиром для обнаружения основного документа с подробными сведениями». Если так, то можно понять, почему «натурально были тщетны», как писал Вольней, старания многих кладоискателей, желавших овладеть сокровищами и спускавшимися в подземные своды. Не с заступом, а вооружившись современными геофизическими приборами, стоило бы прозондировать баальбекскую веранду и тоннели под ней. Возможно, мы не обнаружим таким путем бесценные сокровища инопланетной информации, зато появилась бы реальная возможность выяснить, кто, как и зачем построил в Баальбеке площадку из

гигантских блоков.

И последнее. Умозрительные доводы «за» и «против» причастности космических пришельцев к Баальбеку лишь запутывают проблему. Нужны новые исторические данные, нужна инженерная оценка той минимально необходимой технологии, с помощью коей только и возможно создать подобное сооружение. Нужно, наконец, уяснить, как древние мастера могли выполнить работу столь высокого класса, или доказать, что они этого сделать не могли.

Г. *БУЛАВИНЦЕВ, кандидат исторических наук*

БААЛЬБЕКСКИЙ «КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ»

Для начала хотелось бы поведать читателю одну поучительную историю. В свое время английские архитекторы заинтересовались, почему винтовые лестницы почти во всех средневековых замках закручиваются по часовой стрелке — направо. Объясняли это различными причинами — строительными традициями, религиозно-магическими представлениями, вращением Земли и т. д. Но вдруг исследователи обратили внимание на то обстоятельство, что лестницы шотландских замков, принадлежавших древнему роду Керров, закручиваются наоборот, влево, вопреки строительной традиции. В чем же дело? Как явствовало из шотландских хроник, многие из Керров были… левшами. И это сразу же все поставило на свои места. Во время сражений, которые разыгрывались при штурмах замков, узкие винтовые лестницы оказывались идеальными оборонительными сооружениями. По такой лестнице мог подниматься лишь один воин, так что стоящий на его пути защитник легко противостоял целому отряду наступающих. К тому же при правом вращении лестницы нападающим было не так-то легко пустить в дело свою правую «боевую руку» — обороняющиеся оказывались в идеальном положении. Стало быть, загадка объяснялась вовсе не строительными традициями, а функциональным назначением лестницы как оборонительного сооружения с учетом антропологических особенностей человека…

Мы привели этот рассказ, кажется, прямо не имеющий отношения к баальбекской веранде, для того, чтобы читателю стало ясно: порой маленькая, незначительная деталь, неизвестная или упущенная при решении большой и сложной проблемы, может пролить свет на ее решение. Не объясняется ли подобным нехитрым путем и «загадка баальбекской веранды», вот уже добрый десяток лет остающаяся краеугольным камнем в фундаменте сенсационной теории о звездных пришельцах, якобы посетивших в глубокой древности нашу планету?

Баальбек привлекает сторонников «теории палеоконтакта» своими тремя каменными грандиозными глыбами, образующими собственно платформу, на которой был воздвигнут более поздний храм. Да, они грандиозны, способны поразить воображение человека непосвященного, дилетанта. Однако любой археолог доподлинно знает, что терраса Баальбека далеко не самое большое чудо из

чудес древнего мира. В Египте можно найти гигантские, в буквальном смысле слова циклопические постройки, перед которыми меркнет слава Баальбека. Не будем говорить о египетских пирамидах, масштабность которых в древней истории вообще ни с чем не сравнима. Вот, к примеру, знаменитый колонный зал в Карнаке. В нем 134 колонны (в Баальбеке их всего 62) высотой около 23 метров (в Баальбеке — 20 метров). При этом техника постройки абсолютно схожа: многотонные глыбы подняты на высоту колонн, точно отесаны и пригнаны — цемент еще не был известен, да он и не был нужен в «циклопических постройках», где роль цемента выполнял сам вес глыб плюс точность обработки и подгонки камней.

Есть в Древнем Египте и баальбекоподобные каменные колоссы, только они не уложены в основание, а подняты вертикально и обработаны в виде обелисков. Однако не вызывает сомнения тот факт, что первоначальные заготовки были не менее грандиозных размеров и не меньшего (если не большего!) веса. Речь идет о высоких вертикальных каменных иглах — обелисках, высеченных из цельных блоков асуанского гранита — камня, по твердости превосходящего баальбекский известняк. Эти обелиски были воздвигнуты в XI веке до н. э. Именно в этот период Египет создал самые грандиозные из своих сооружений. Несколько ранее, где-то в XVI веке до н. э., Баальбек был мощной пограничной египетской крепостью, расположенной на рубежах с могущественной в то время Хеттской державой, с которой Египет вел ожесточенные войны за обладание Сирией и Палестиной.

Перед храмом древнеегипетского бога Солнца Амона-Ра, близ Карнака, возвышаются два величайших из сохранившихся обелисков Египта, воздвигнутых в тот же период Нового царства. Каждый из них возносится на 28-метровую высоту, причем их основания уходят глубоко в землю. По мнению ученых-египтологов, в наибольшем своем сечении обелиски не уступают баальбекским глыбам, а их заготовки должны были весить более 2 тысяч тонн! Заметим, что их вырубали, обрабатывали и доставляли по воде и по суше к месту постройки не за сотни метров, как в Баальбеке, а за десятки километров, из районов Асуана. Что лее необычного и уникального в Баальбекском храме, в блоках, слагающих его платформу? По конструкции и технике изготовления эти блоки мало чем отличаются от своих древнеегипетских собратьев. «А ведь древнеегипетские сооружения, — как отмечал один из ранних комментаторов «баальбекского чуда», Ю. Решетов, — не годятся для построения гипотез о великих погибших цивилизациях, превосходивших нашу, или для создания легенды о космонавтах из иных миров. Не годятся просто потому, что на стенах египетских храмов и у подножия обелисков Солнца высечена в картинах вся история создания этих колоссов».

Наконец, один из доводов, который приводят сторонники «внеземного» происхождения многих мегалитических сооружений древности, — невозможность воздвигнуть их с помощью одной лишь мускульной силы и системы простейших рычагов и приспособлений. При этом сторонники нашествия на грешную Землю космонавтов-строителей редко удосуживаются заглянуть в многочисленные работы по археологии, по истории строительной техники древних цивилизаций. Между тем не так уж трудно понять, что нельзя делать теоретические, чисто умозрительные выводы, исходя только из математических показателей объема строительных работ, ссылаясь при этом на современные машины. Законы сопромата, действию которых

подчиняется любой, даже самый мощный из современных подъемных механизмов, ограничивают его возможности при работе с «циклопическими» по весу и размеру объектами, на которые они не были рассчитаны. Инженерные приемы, выражением которых *и*были «циклопические» постройки древности, исчезла уже в греко-римское время. Развитие строительной техники пошло по другому пути: для возведения грандиозных сооружений в ход пошли отдельные «мелкие» детали, блоки, кирпичи. Все это избавило человека от нерациональных затрат мускульной энергии, от изнурительного, каторжного труда.

Вот этих-то доводов и не учитывают сторонники «звездных пришельцев» (якобы создавших «циклопические» постройки древности), упорно отказывающие нашим предкам не только в силе художественного воображения, но и в технических талантах.

А. ИВОЛГИН
ТАЙНА ГРЕЧЕСКОГО ОГНЯ

Рецепты противоречивы…

Для сжигания кораблей врага употребляется смесь зажженной смолы, серы, пакли, ладана и опилок смолистого дерева.

Эней Тактик (** « **0б искусстве полководца», 350 год до н.э.)

Греческий огонь — это «керосин» (петролеум), сера, смола и деготь.

Арабский манускрипт (Саладана, 1193 год)

Чтобы получить греческий огонь, нужно взять равное количество расплавленной серы, дегтя, одну четвертую часть опопанакса (растительный сок) и голубиного помета; все это, хорошо зысушенное, растворить в скипидаре или серной кислоте, после чего поместить в прочный закрытый стеклянный сосуд и подогревать в течение пятнадцати дней в печи. После этого содержимое сосуда перегонять наподобие винного спирта и хранить в готовом виде…

Винцентиус (алхимик XIII века.)

Греческий огонь приготовляй таким образом: возьми чистой серы, земляного масла (нефти), вскипяти все это, положи пакли и поджигай.

Марк Грек (автор трактата XIII века)

Состав греческого огня и пороха должен быть почти тождественным.

Людовик Лаллаи (1847 год, Париж)

Вопреки доказательствам многие авторы отождествляют греческий огонь с порохом, и при этом, не учитывая особенности способа, которым он был употребляем, они сами себя обманывают.

Д ж. Партингтон (1961 год, Кембридж) .

О греческом огне знают все, кто хоть немного знаком с историей. Но ни один добросовестный историк или химик не возьмет на себя смелость заявить, что ему известен состав этого мощного боевого средства древности. История оставила нам самые подробные описания битв и морских сражений, где применялся греческий

огонь. Известны имя его изобретателя, способы использования на суше и на море, даже древние методы защиты от него. Все, кроме его состава и способа приготовления.

Тысячи исследователей, от средневековых алхимиков до крупнейших ученых наших дней, пытались проникнуть в тайну греческого огня.

Страшное оружие Византии

Большая часть исторических источников приписывает изобретение греческого огня механику Каллиникосу из Гелиополиса. Историк Феофан в «Хронографе» сообщает, что в 673 году нашей эры, во время осады Константинополя арабами, Каллиникос передал византийскому императору рецепт зажигательного состава, названного позднее греческим огнем.

Состав помещался в закрытый сосуд, который выбрасывался метательной машиной на неприятеля. В некоторых рукописях говорится, что, выливаясь из разбившегося сосуда, в соединении с воздухом смесь воспламенялась. Залить греческий огонь было невозможно: вода лишь усиливала его горение.

Позже у византийцев появились другие, более совершенные способы использования греческого огня. Его под давлением выбрасывали из труб, применяя мехи, сифоны и насосы. Есть основания предполагать, что для этого использовалась энергия горящих газов. Тогда извержение зажигательной жидкости сопровождалось сильным грохотом, о чем имеются свидетельства современников.

Некогда одно лишь упоминание о греческом огне вселяло в души людей ужас и смятение. Особенно губительное действие он оказывал на корабли во время морских сражений. В истории можно встретить немало примеров, когда с помощью греческого огня удавалось уничтожить численно превосходящий флот противника. Сведения об употреблении греческого огня можно найти в «Тактике» византийского императора Льва VI (866—912 годы); там говорится: «Следуя обыкновению, должно всегда иметь на носу корабля трубу, выложенную медью, для бросания этого огня в неприятеля. Из двух гребцов на носу один должен быть трубником».

На многих греческих кораблях в носовой части устанавливались аллегорические фигуры драконов, через пасти которых и выводились трубы, изрыгавшие смертоносный огонь. На суше для выбрасывания струй греческого огня византийцы применяли установки на колесах, которые имели форму диких животных. Толкаемые воинами, «боевые драконы», извергающие из пасти греческий огонь, наводили ужас на врагов Византии.

«Отвечай, что огонь открыт был Ангелом…»

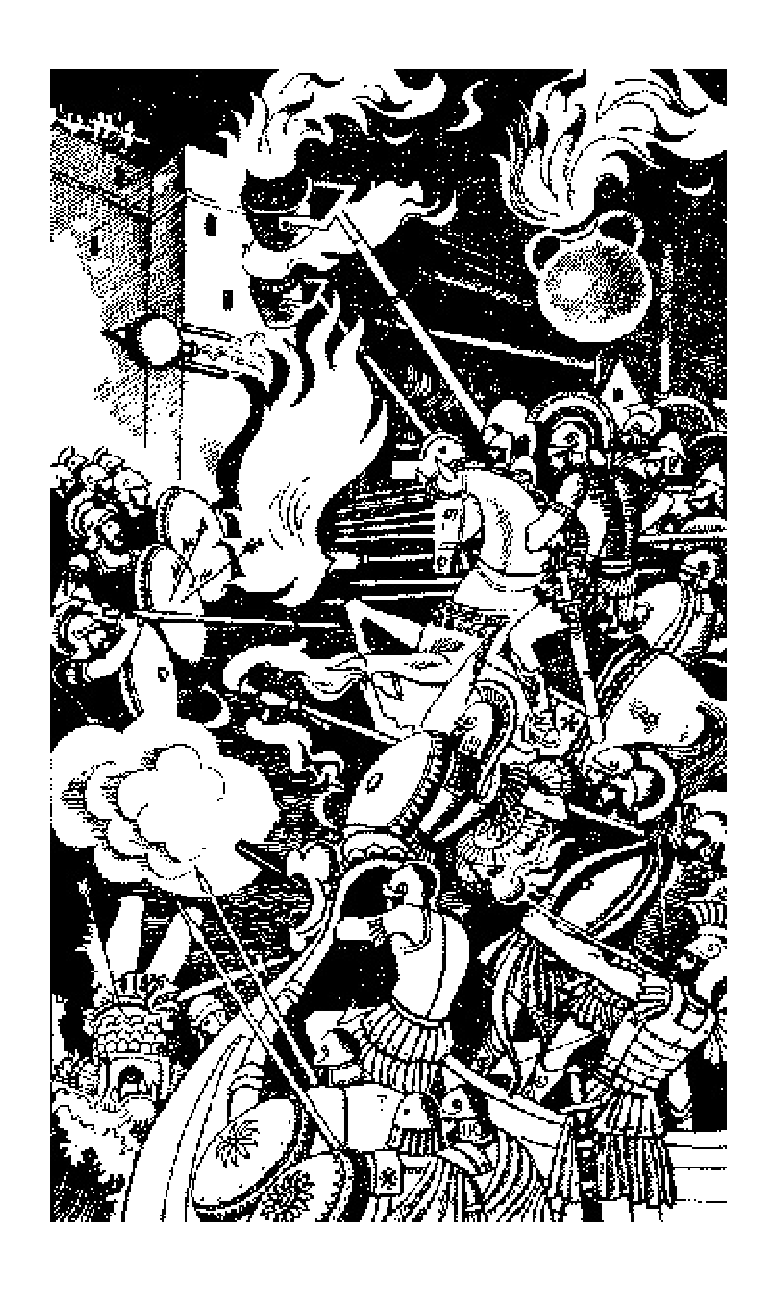
Византийские императоры сразу же оценили стратегическое значение нового боевого средства. Лез Философ приказал готовить греческий огонь только в тайных лабораториях, а Константин VII Порфирородный объявил рецепт его изготовления

государственной тайной. Для ее сохранения он использовал весь имеющийся в его распоряжении арсенал средств устрашения и секретности. В назидание своему сыну, будущему наследнику престола, он в «Рассуждениях о государственном управлении» писал: «Ты должен более всего заботиться о греческом огне… и если кто осмелится просить его у тебя, как просили часто у нас самих, то отвергай эти просьбы и отвечай, что огонь открыт был Ангелом Константину, первому императору христиан. Великий император, в предостережение для своих наследников, приказал вырезать в храме на престоле проклятие на того, кто осмелится передать это открытие чужеземцам…»

Это предостережение не могло не сыграть своей роли в сохранении тайны греческого огня в течение многих веков…

Огонь перестает быть греческим

Тщетны были попытки арабов и славян, испытавших на себе всю силу действия греческого огня, узнать у византийцев секрет этого страшного оружия. Ни последующее сближение, ни родство некоторых великих русских князей с византийскими императорами тому не помогли.



Более пяти веков Византия хранила тайну греческого огня, и, если бы не измена, ей удалось бы сохранить монополию на еще больший срок.

Но случилось так, что в 1210 году византийский император Алексей III был лишен престола и бежал к султану Иконийскому. Султан оказал ему особое доверие, назначив командующим армией. И нет ничего удивительного в том, что спустя восемь лет участник крестового похода и осады Дамиеты (в 1218 году) Оливер Л’Еколатор утверждал, что арабы применяли греческий огонь против крестоносцев.

Не исключено, что секрет греческого огня стал достоянием не только арабов, но и славян.

Когда камские булгары захватили древний русский город Устюг, великий князь Владимирский Георгий отправил своего брата Святослава с сильным ополчением обуздать захватчиков. В 1219 году русские атаковали город камских булгар Ошель, «…а наперед шли пешцы с огнем и с топорами, а за ними стрельцы… ко граду приступиша, отовсюду зажгоша его, и бысть буря и дым велик на сих потяну…» — так об этом событии повествует летопись.

Известно, что в 1301 году новгородцы овладели Ландскроной, употребив

«огонь и пращи».

По некоторым свидетельствам, Тамерлан (1333— 1405) также имел на вооружении греческий огонь.

После того как секрет греческого огня сделался достоянием многих народов, он потерял свое значение, и летописи, повествующие о морских и сухопутных сражениях XIII века и первой половины XIV века, почти не упоминают о нем.

Последнюю запись о нем сделал историк Франциск, описывая осаду Константинополя в 1453 году Магометом II. При осаде греческий огонь применяли и византийцы и турки.

Применение греческого огня продолжалось в течение семи столетий, до проникновения- в Европу пороха и появления огнестрельного оружия.

Все попытки тщетны…

Чем же мог быть греческий огонь? Многие исследователи древности, пытаясь раскрыть загадку, составляли всевозможные химические смеси, в которые входили почти все известные в то время зажигательные средства.

Первая попытка приподнять завесу над тайной была сделана византийским историком принцессой Анной Комнен (1083—1148). В ее рецепте фигурировали всего три компонента: смола, сера и древесный сок…

Во Франции некий Дюпре посвятил раскрытию этой тайны всю свою жизнь. Наконец, завершив поиски, он продал свое открытие французскому королю Людовику XV (1710—1774). Во время испытаний король ужаснулся и, как гласит легенда, приказал уничтожить все бумаги, содержащие открытие Дюпре. Вскоре сам изобретатель погиб при невыясненных обстоятельствах…

В середине XIX века во Франции историк и археолог Л. Лаланн, ориенталист Жозеф Рено и профессор Фаве, пытаясь найти ключ к вековой тайне, произвели исследования по арабским, греческим и китайским источникам. По их мнению, состав греческого огня близко подходил к китайским зажигательным веществам, известным еще задолго до нашей эры, содержащим в большом количестве селитру.

Немецкий специалист А. Штетбахер в книге «Пороха и взрывчатые вещества» (1937 год) считает, что греческий огонь состоял из серы, соли, смолы, асфальта и жженой извести. Состав, соприкасаясь с водой, разогревался, при этом теплота гашения извести испаряла часть горючих веществ, которые в соединении с воздухом давали легковзрывающуюся смесь.

Сравнительно недавно, в 1960 году, в Кембридже вышло капитальное исследование Дж. Партингтона «История греческого огня и пороха». Английский ученый пришел к выводу, что греческий огонь представлял собой желеобразную жидкость, состоящую из легких фракций перегонки нефти, смолы и серы. Партингтон полагает, что греческий огонь не мог быть веществом, напоминающим порох, и поэтому в его составе не могло быть селитры, как это считали французские

исследователи.

Можно согласиться с тем, что греческий огонь нельзя отождествлять с черным порохом, в то же время нельзя не возразить против того, что в греческий огонь не могла входить селитра. Она могла играть роль загустителя или быть окислителем, увеличивающим мощь огня. Вероятно, греческий огонь слагался из неочищенного продукта легкой фракции перегонки нефти, различных смол, растительных масел и, возможно, селитры или негашеной извести. Ведь не зря же византийские, арабские и латинские источники свидетельствуют о том, что погасить греческий огонь можно только… уксусом.

Однако это и все другие предположения — только гипотезы, не нашедшие до сих пор никакого подтверждения»

СТЕФАН ХРИСТОВ (Болгария)
КАМЕННЫЕ ПИСЬМЕНА РОДОП

По всей вероятности, ни одна из загадок, которые когда-либо вставали на пути исследователей Родопских гор, не выглядела столь неразрешимой,

Родопы — археологическая жемчужина Болгарии. Здесь все — история: и древние дороги римских завоевателей, и каменные идолы, оставшиеся со времен язычества, и ущелья, долины, вершины, в чьих названиях увековечены подвиги великих и безымянных героев борьбы против турецкого деспотизма. Давным-давно, во времена незапамятные, здесь обитали древние фракийцы, отсюда ушли в мир легенд гладиатор Спартак и песнопевец Орфей.

Загадочный памятник прошлого, о котором пойдет речь ниже, по праву можно поставить в ряд с такими археологическими диковинками, как истуканы острова Пасхи, баальбекская веранда, исполинские рисунки животных и насекомых в пустыне Наска и т. д.

В мае 1928 года несколько дровосеков случайно обнаружили близ села Ситово, неподалеку от руин древнего поселения Шутград, выдолбленную в скале пещеру. На стенах пещеры были нанесены неведомые письмена. Поразмыслив, дровосеки решили, что где-то поблизости должно быть спрятано сокровище, и тут же принялись за раскопки. Энтузиазм их был вполне объясним: в фольклоре здешних мест множество песен, сказаний, преданий о бесценных кладах, зарытых в грозную пору иноземного владычества.

Вскоре от Шутграда до Ситова вспыхнуло подобие «золотой лихорадки». И стар и млад вгрызались в землю в надежде скороспешного обогащения. Одни умельцы сооружали диковинные приспособления из палок и веревок, способные якобы выявить золото на расстоянии; другие охочие люди более полагались на тайные магические заклинания; третьи…

В конце концов слухи о ситовских чудесах проникли с гор на равнину и докатились до Пловдива. Секретарь археологического общества Александр Пеев немедленно снарядил в горы экспедицию. По прошествии некоторого времени экспедиция известила о новом научном открытии:

«При внимательном осмотре южной стены пещеры (стена представляет собой почти отвесную скалу) мы обнаружили, что примерно в двух метрах от пола высечена гладкая отшлифованная полоса шириной от 23 до 30 сантиметров и длиной 260 сантиметров. На этой полосе выдолблены какие-то загадочные знаки. Без сомнения, надпись сделана рукою человека. Знаки напоминают так называемые рунические письмена, которыми пользовались древнегерманские народы, прежде чем подпасть под культурное влияние Рима,..

Восточная стена пещеры представляет собой огромный каменный блок. Здесь мы также обнаружили надпись высотой 23 сантиметра и длиной 80 сантиметров».

На протяжении долгих последующих лет Александр Пеев был едва ли не

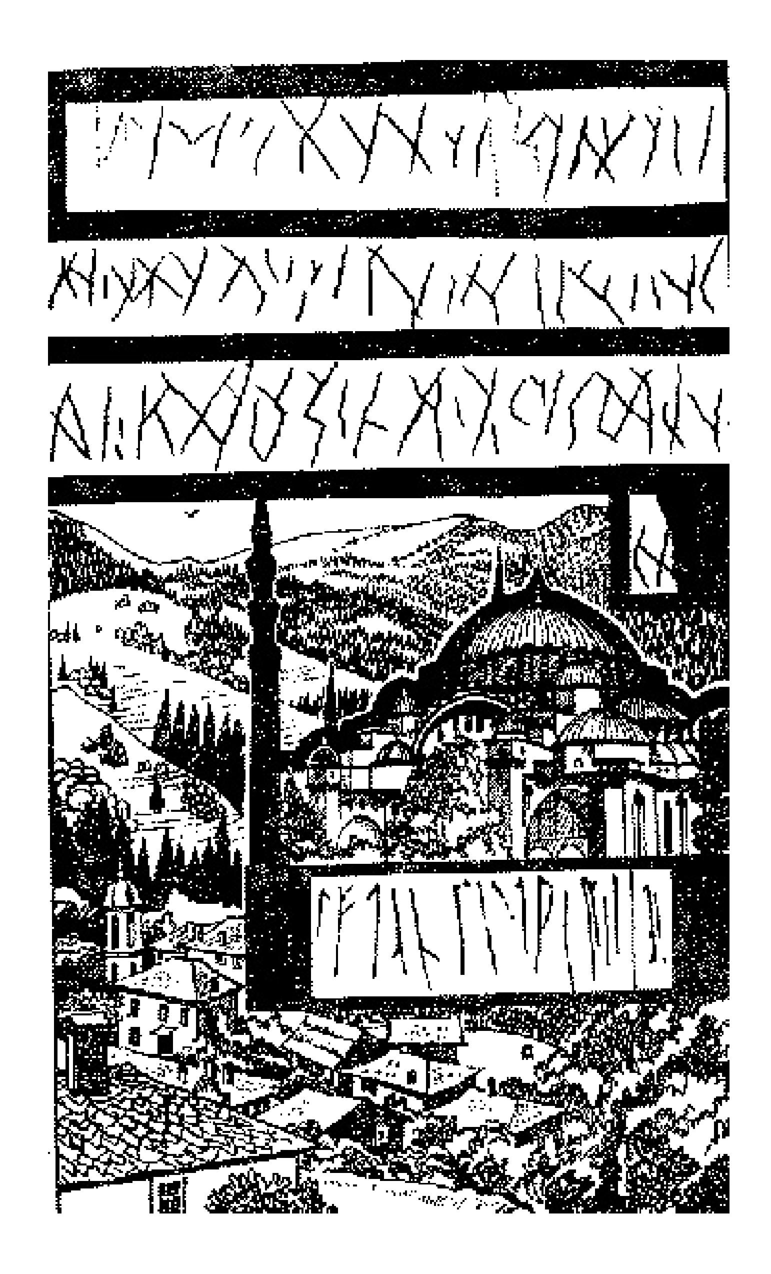
единственным ученым, пытавшимся расшифровать ситовскую надпись. К сожалению, все его попытки оказались безуспешными. Оставалось примириться с мнением тех ученых, которые полагали, что ничего определенного о ней сказать нельзя: то ли это автограф фракийцев, то ли древних славян, то ли вообще нечто бессмысленное, не имеющее к письменности никакого отношения.

Как видим, довольно суровый приговор. Суровый и, на наш взгляд, неправомерный, В истории не раз уже случалось так, что, казалось бы, необъяснимые события, явления, надписи находили разумное объяснение.

Вот один из любопытных фактов.

Почему волнуют нас голоса тех, что жили двадцать, тридцать веков назад? Что мы ищем в шумерском эпосе о Гильгамеше, в новгородских берестяных грамотах, что даст нам прочтение ситовской надписи?

Трудно однозначно ответить на эти вопросы. Воспоминание детства, будь то детство одного человека или всего человечества, во все времена волновало ум и воображение. Каждая новая находка в археологии, каждое расшифрованное слово пополняют золотую копилку наших представлений о самих себе, о нашей морали, о нашей ненависти и любви.



Летний вечер 1839 года. На сей раз Александр Пеев прибыл в Ситово с ученой знаменитостью тех лет, венгерским профессором Гезой Фехером. После кропотливого осмотра надписи профессор спросил:

— Господин Пеев, известны ли в Родопах подобные надписи?

— К сожалению, нет, господин Фехер. Надпись уникальна.

— Где еще в мире существует нечто подобное?

— Нигде, — отвечал Пеев.

— В этом ее единственный недостаток, — заметил Геза Фехер. — А жаль. Я не сомневаюсь, что вся жизнь ученого любого масштаба была бы оправдана, отыщи он пути хотя бы к приблизительному толкованию этого великого памятника письменности. Завидую тому, кого, быть может, назовут новым Жаном Франсуа Шампольоном.

В скобках заметим, что в те времена болгарский археолог еще не знал, что у ситовского феномена есть «двойники». Подобные знаки начертаны, например, на полу Софийского собора в Константинополе.

В последний раз Александр Пеев осматривал надпись в 1940 году. Тело Европы уже лизали огненные языки войны. Немногие из соотечественников Пеева знали, что у него была еще и другая фамилия — Боевой. Спустя три года полиция арестовала руководителя группы советской военной разведки в Болгарии Боевого.

Судьи, предъявляя Пееву обвинение, использовали и ситовскую надпись, объявив ее тайной шифрограммой! Речь шла о фотокопии надписи, которую археолог послал до войны для расшифровки киевским ученым.

Боевого расстреляли.

По окончании войны за выдающиеся заслуги перед Советским Союзом и свободной Болгарией Александр Пеев-Боевой был награжден орденом Ленина и орденом Георгия Димитрова. И поныне широта и всесторонние интересы этого разведчика и доктора наук пробуждают глубочайшее уважение.

О ситовской надписи снова заговорили в начале 50-х годов, на этот раз в связи с работами прекрасного знатока древних языков академика Ивана Гошева. Он полагал, что надпись начинается со слов: <Я, князь рунхинов…»

Рунхины были славянским племенем, обитавшим частично в Родопах, Как предположил Гошев, они высекли свои руны в скале, чтобы сообщить будущим поколениям нечто исключительно важное.

Возможно, академик Гошев, расшифровав знаки до конца, доказал бы, что ситовская надпись являет собой славянские руны. Однако незадолго до своей смерти ученый отказался (вот еще одна тайна!) от своего толкования «Я, князь рунхинов…». После его смерти знаки опять стали полной загадкой.

…В 1967 году в популярном болгарском журнале «Космос» появился фантастический рассказ, главный герой которого волею обстоятельств оказался в Ситовской пещере. Здесь-то, пережидая ливень, он открыл тайный вход в подземелье. Проникнув туда, он открыл поющую скульптуру Орфея.

Кто же был Орфей? Родопский фракиец. Герой древнегреческих мифов. Музыкант, врач, философ.

Правомерно ли легенду об Орфее связывать с ситовской надписью? На этот счет существует древнее предание.

В нем утверждается, что у старых фракийцев никто не знал букв. Поэтому некоторые осмеливались утверждать, что мудрый Орфей не мог быть фракийцем. Так полагал Андротион, современник Демосфена, исследователь истории Афин.

Но даже предположение о том, что Андротион прав, не проливает свет на проблему ситовской надписи: кто оставил нам в наследство каменные письмена Родоп?

Г. БОСОВ *кандидат исторических наук*

БЕЗЫМЯННЫЙ «РОДОПСКИЙ АВТОГРАФ»

..Итак, древняя земля Фракии подарила историкам еще одну загадку — тайну ситовской надписи. Как считал академик И. Гошев, «надпись нужно читать и исследовать на месте, никакие снимки и описания надписи не помогут ее разгадке». Исследователь абсолютно прав — необходимо личное присутствие на месте обнаружения надписи, так как важно не только общее начертание знаков, но и изучение глубины и ширины штрихов, угла резьбы штриха, по которому в некоторых случаях можно судить о направлении надписи, то есть писалась она справа налево или слева направо. Это, кстати, поможет определить и ее подлинность.

Какие же народы, населявшие в древности и в средневековье Балканы, могли быть причастными к «изданию» ситовской надписи? Для этого необходимо совершить маленькое путешествие в глубь истории Балкан.

Самыми ранними насельниками этих районов были древние фракийцы, истоки культуры которых, по мнению болгарского академика В. Георгиева, восходят чуть ли не к мезолиту (среднекаменному веку) или к началу неолита. По мнению советских ученых Н. Я. Мерперта и Е. Н. Черных, проводивших археологические исследования в составе совместной болгарско-советской археологической экспедиции, появление или формирование «протофракийской» культуры на Балканском полуострове следует относить к более позднему времени, к бронзовому веку (то есть к III тысячелетию до н. э.). В любом случае фракийцев можно считать коренным, или автохтонным, населением территорий между Балканскими горами на севере, Эгейским и Мраморным морями на юге, Черным морем на востоке и рекой Струмой в Болгарии на западе. Фракийцы сложились в результате длительных ассимиляционных процессов пришлых групп из Центральной и Восточной Европы, с одной стороны, и таких же групп населения, пришедших из северо-западной Анатолии, с другой стороны.

Фракийские племена Балкан относились к индоевропейской этнолингвистической общности, как и древние греки, иллирийцы, кельты, славяне, германцы, балты и другие античные и раннесредневековые этносы в Европе. Фракийский язык причислялся к индоевропейским языкам так называемой восточной группы «сатем». Большинство современных лингвистов приходят к выводу о родстве фракийского языка с языком древних обитателей Балканского полуострова — легендарных пеласгов, населявших в древности Балканы, Грецию, острова Мраморного, Згейского, Средиземного морей и прибрежные районы Малой Азии.

Накануне возникновения первого фракийского государства на территории современной Болгарии — Одрисского царства — у древних фракийцев появилась буквенно-звуковая письменность, основанная на греческом алфавите (VI—V века до н. э.). Надписи на фракийском языке, сделанные с помощью греческого алфавита, хорошо известны лингвистам. Ситовская же надпись выполнена иными знаками, и лишь отдельные из них смутно напоминают древнегреческие N, M, K и др. Может быть, в надписи отражена попытка создания собственного, фракийского письма на своей, фракийской азбуке с использованием элементов древнегреческих букв? О том, что подобное явление могло иметь место, пишет в одной из своих работ

болгарский историк профессор Дм. Ангелов. Он полагает, что одной из причин слабости Одрисского царства и последующего его распада явилось то, что фракийцы не имели собственной фракийской азбуки и письменности, способной объединить фракийские племена в единую-устойчивую этническую общность. Однако попытки создания фракийской азбуки наблюдались, о чем говорит одна надпись на каменном надгробье, обнаруженном в селе Кьолмен Преславского района (VI век до н. э.). Этот уникальный эпиграфический памятник исполнен на переходном между дако-мизийским и фракийским диалекте буквенными знаками, «подобными по своему характеру знакам, употреблявшимся в то время в северо-западной Малой Азии»… Однако опыты по созданию собственной фракийской азбуки носили спорадический характер и не дали особенных результатов; впоследствии, как это известно, среди фракийских племен распространились греческая азбука и греческий язык, ставший официальным государственным языком в Одрисоком царстве, населенном фракийцами.

Таким образом, разбирая этот *вариант № 1*в попытках определить этническую принадлежность авторов ситовской надписи? можно высказать мнение, что ее создателями, вероятно, могли быть фракийские племена, знавшие или создававшие свою раннюю письменность на основе какого-то малоазийского буквенного алфавита. (В северо-западных районах Малой Азии п указанное время проживали родственные фракийцам по языку и происхождению мизийцы, мизы и фригийцы, или фриги, испытавшие сильное культурное влияние со стороны соседних «письменных» народов Средиземноморья.)

Вариант № 2. Как известно, Балканский полуостров в его «фракийской» части издавна являлся местом оживленных сношений народов Европы и Азии, своеобразным «мостом» между двумя континентами, по которому проходили «великие переселения народов» древности и раннего средневековья. Так, в IX—VII веках до н. э. через Балканы и Малую Азию прошла часть киммерийских племен, в древности населявших степные пространства Северного Причерноморья и Крыма, а затем вытесненных из этих районов скифами. Вслед за ними на Балканском полуострове появились и сами скифы.

Г. Ф. Турчанинов, советский лингвист и историк, в одной из своих работ очень убедительно и мотивированно доказал наличие у древних киммерийцев, скифов, сарматов и их потомков — аланов «какой-то неизвестной нам слоговой письменности, на которую напластовалась аланская». Знаки этой письменности засвидетельствованы в надписях VIII—VI веков до н. э. и встречаются в памятниках даже III—IV веков к. э. О том, что древние ираноязычные народы Причерноморья наряду с другими «письменными» народами Европы **и**Азии имели свою письменность, говорят греческие, латинские и сирийские источники раннего средневековья. Так, в анонимной византийской Пасхалии VII века, отрывок из которой цитирует в своей работе Г. Ф. Турчанинов, мы читаем: «Знают же свои собственные письмена (разрядка наша. — *Г. Б.)*суть: каппадокийцы (жители Малой Азии, — *Г. В.),*иберы, они же тираны, табарены, латины, ими же пользуются римляне, сарматы, испанцы, скифы, греки, бастарны, мидийцы, армяне». Видимо, автор Пасхалии опирался на какие-то древние исторические свидетельства, ибо к VII веку многие из перечисленных им «письменных» народов уже не существовали

на этнической карте мира.

Таким образом, киммерийцы, скифы и сарматы могли принести свою письменность на Балканы и оставить свой «автограф» в Родопских горах близ Ситова.

Наконец, к этому же варианту следует отнести и одно из важных событий в истории Древней Фракии и северных районов Причерноморья: нашествие или поход Дария I в 513—512 годы до н. э. на скифов. В огромной армии Дария I было немало племен и народов, знавших письменность. Нет ничего невозможного в том, что по повелению какого-либо союзного персам азиатского царька или военачальника его подданные увековечили имя или титул своего владыки на скале, как это практиковалось в древности. Тем более что в Болгарии встречаются некоторые памятники, как, например, знаменитый «Мадарский всадник» со следами стершейся надписи под рельефом, о котором высказывалось мнение, что он исполнен в традициях иракских наскальных рельефов…

*Вариант № 3.*Некоторые из исследователей отмечают рунический характер знаков ситовской надписи. В Европе и Азии существует два вида рунических письменностей, способных иметь отношение к нашей теме: руны северных европейских народов и руны древне-тюркского орхоно-енисейского письма (о последнем «ТМ» писала в № 7 за 1971 год). К народам, которые могли знать «северное руническое письмо» или даже использовать его, могли относиться кельты, в течение столетий до своего вторичного расселения в юго-восточном направлении, проживавшие на территории современных Франции, Испании, Англии, части Германии и Австрии. В конце последнего десятилетия V века до н. э. кельты заявили о своем существовании опустошительными набегами на соседние земли, а в начале IV века до н. э. они уже объявились в римской провинции Паннонии (современная Венгрия), затем продвинулись на земли даков в Трансильванию, в бассейны рек Днестра и Буга. К 359—358 годам до н. э. кельты обрушились на балканские земли. Один из кельтских племенных союзов обосновался в Восточной Фракии, где подчинил себе фракийское Одрисское царство и создал сильное кельтское государство со столицей в городе Тиле (современный Ямбол). Следы кельтской культуры, относящейся к III—II векам до н. э., как раз и встречены болгарскими археологами в Родопах близ городов Пазарджик, Казанлык, Пловдив и др. Отсюда предположение: кельты тоже могли оставить свой «автограф» на родопских скалах, выполненный уже «своими» северными рунами, которыми пользовались жрецы-друиды у кельтских и германских народов Западной и Северной Европы…

Наконец, в «эпоху великого переселения народов» и падения Римской империи на Балканах оказались и северогерманские народы (готы, вандалы, тайфалы, гепиды и др.), начавшие свое продвижение на юг и юго-восток с побережья Северного и Балтийского морей, острова Готланда в I—II веках н. э. Как известно, среди северных германских племен, менее всего романизированных накануне своего «исхода» с мест первоначального обитания, дольше всего сохранялась древнегерманская руническая письменность, (Кельты Западной Европы раньше германцев перешли на латинскую азбуку и латинский язык, ставший, как и греческий у фракийцев, государственным языком во многих кельтских

ранневарварских образованиях и союзах.) Поэтому нет ничего странного и удивительного в том, что ситовская надпись напоминает известные руны северных народов.

Вариант № 4. Наконец, существуют еще два этноса, на основе которых окончательно сложился современный болгарский народ: это южные славяне и тюрки-праболгары; первые дали народу славянский язык и культуру, вторые оставили в наследство свое имя. Придя на Балканы в середине V — начале VI века н. э., славяне-склавины застали там редкое фракийское население, уничтоженное в результате многочисленных нашествий готов, гуннов, сарматов и др., и ассимилировали его в новой многолюдной славянской этнической среде. На обширной территории между Карпатами, Балтийским морем и бассейнами рек Одера, Днестра и Днепра находилась славянская прародина, и соседями славян были германцы, балты, кельты, дако-мизийцы, фракийцы…

Видимо, можно предположить, что и у славян на их древней прародине тоже существовало какое-то, надо полагать, руническое письмо «северного типа» или его варианты, как и у соседних германских, кельтских и других народов. Так, болгарский монах Черноризец Храбр, автор сказания «О письменах», написанного в конце IX века, и один из инициаторов внедрения славянской письменности, основанной на греческом алфавите Кириллом и Мефодием, сообщает, что у славян до «словенскыа боукаря» существовали какие-то «черты и резы», как знаки некоего древнего письма. К сожалению, никаких следов этого письма пока не найдено. Академик Б. А. Рыбаков считает, что это были надрезы и черточки на дереве, имевшие значение чисел, употреблявшиеся и как «меты» и «резы» в древних сельскохозяйственных календарях у славян.

Теперь о прочтении И. Гошева «Я, князь рунхинов…». Рунхины были одним из самых южных славянских племен, частично живших в Родопах, а частично заселявших Грецию. Можно предположить, что южнославянские племена «склавинов»: рунхины, смоляке, струмяне, драгувиты, сагудаты, ваюниты, велегезиты, езерцы и другие, представлявшие собой форпост славянского мира в расселении на юг и юго-восток, были достаточно развитыми в культурном отношении. У них вполне могла существовать своя руническая письменность, возникшая еще на славянской прародине, как и у кельтов и германцев.

Итак, кто же автор родопского «автографа»: киммерийцы, скифы, древние фракийцы, какой-то малоазиатский народ, кельты или германцы, славяне или праболгары? На конкретном историческом материале мы показали, насколько трудно получить однозначный ответ по поводу ситовской надписи. Решить ее загадку — дело лингвистов.

А. ТИТОВ, профессор

ЗАГОВОРИТ ЛИ «КАМЕННЫЙ АВТОГРАФ»?

«Учил язык и старинные буквы писать…»

Район Родопских гор, где была найдена ситовская надпись, в течение длительного времени был местом расселения древних славянских племен и примыкал к территории, заселенной преимущественно греками. Следовало ожидать тесных культурных контактов между разноязычными племенами.

К сожалению, до сих пор об этих контактах и об истории древних славян мы знаем лишь по письменным источникам других народов (Тацит, Плиний, Птолемей и другие), но не по сведениям самих древних славян.

До принятия христианства и введения официальной славянской письменности, созданной братьями Кириллом и Мефодием в конце IX века, древние славяне никаких письменных источников о себе не оставили.

Не могла ли ситовская надпись явиться такой первой письменной информацией о жизни наших далеких предков?

Именно эту версию мы приняли за основу своего исследования.

Предположение, что ситовская надпись выполнена древними славянами, подкреплялось и знакомыми по начертаниям буквами греческого алфавита А, К, Л, С (трудно было заподозрить греков в желании придумать новую письменность), и даже некоторыми слогами (СА, СЛА), которые бросались в глаза при первом знакомстве с ситовской надписью.

Нам пришлось тщательно ознакомиться с особенностями древнегреческого письма, изучить ряд старославянских письменных памятников, в том числе надгробную надпись болгарского царя Самуила, относящуюся к 993 году нашей эры, и надпись на камне, выполненную по указанию тмутараканского князя Глеба в 1068 году и обнаруженную на Тамани (Краснодарский край) более 150 лет назад.

При внимательном изучении текста ситовской надписи наше внимание привлекли особые знаки в начале текста. Обычно в старославянских письменных источниках такие особые пометки делались при указании чисел, так как они обозначались теми же буквами алфавита. Наиболее распространенной числовой записью являлось указание на время повествования.

Как известно, на Руси вплоть до XVII века отсчет времени велся от так называемого «сотворения мира», отличаясь от принятого в настоящее время отсчета от рождества Христова на 5508 лет.

•На надгробной плите царя Самуила 6501 год обозначен вот такой записью

Здесь начальный знак указывал на то, что за ним последует количество тысяч.

Знак над буквами (титло) давал знать о том, что эти буквы означают цифры и их следует определять в соответствии с принятым порядком (см. греческий алфавит).

так, знак ѕ҃ означая 6, знак ф҃ - 500, знак а҃ - 1.

Слово «инъдикта» означало дублирование числа тысяч в начале числовой записи.

Почти так же выглядит числовая запись и на тмутараканском камне, означающая 6576 лет:

...ѕ҃ · ф҃ѕ҃ і N і ѕ҃...

А теперь изобразим начало ситовской надписи и то, что мы предположили (в старославянском написании):

...(XYXY(...=...ѕ҃ННЪѕ҃...

В результате первой подстановки мы предположительно узнали, что знак X соответствует букве Н.

Подставив известные эквиваленты в текст ситовской надписи и приняв предположительно идею о том, что знаки А, К, Л к С соответствуют их начертанию, мы получили отправные данные для расшифровки. В пределах данной статьи не представляется возможным рассказать о технике расшифровки надписи, да и сам процесс расшифровки весьма сложен и труднообъясним.

Короче, после значительных усилий ситовская надпись была расшифрована.

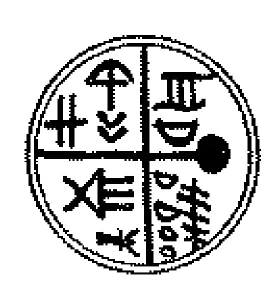
Содержание ситовской надписи в нашем вольном переводе звучит примерно так:

«В 6050 году (542 г. н. э.) учил язык и старинные буквы писать князь (?) елакия из Весланида (предположительно Фессалоиик)».

Естественно, расшифровка и перевод нуждаются в корректировке специалистов.

В факте расшифровки ситовской надписи самым важным является свидетельство существования письменности у древних славян еще в VI веке. Основой письменности был греческий алфавит, в значительной степени видоизмененный и приспособленный для местных условий письма. Наличие точной

даты исполнения надписи дает надельное основание для изучения и расшифровки других аналогичных документов, если они обнаружатся. Не исключена возможность, что у древних славян письменность во времени могла существенно видоизменяться. Так, надпись на полу собора св. Софии в Константинополе выполнена знаками более упрощенными и, на наш взгляд, более старыми, но, несомненно, относящимися к письменности, близкой к ситовской.



И. НЕПОМНЯЩИЙ,
журналист
ЭТИ СТАРЫЕ «КАНАРСКИЕ ТАЙНЫ»

«…Там, где синие воды Атлантики окрашивает в пурпурный цвет заката заходящее солнце, лежат в Океане Тьмы эти острова. Там опирается на воды свод небес и зарождается Мрак и Ужас. Нет возврата тому, кто рискнет заплыть в эти воды, как нет возврата мертвым из царства теней…» Две тысячи лет назад греки, произнесшие эти слова, вслед за египтянами посчитали запад естественным концом света, куда могли ходить лишь отчаянные герои — Геракл, Ясон, Одиссей. И то каких трудов стоили им совершенные подвиги! Конечно же, здесь, на грани Света и Тьмы, Жизни и Смерти, должны находиться легендарные Елисейские поля, «местопребывание праведных душ, — как писал Плутарх, — воспетое Гомером». Сколько имен дали этим волшебным островам еще в глубокой древности: Геспериды, острова Мелькарта, Райские, Пурпурные, Счастливые, Острова Блаженных и, наконец, Канарские острова…

Жары там нет и зноя нет,
И человек не знает бед,
И, не старея никогда,
Он остается навсегда
Таким, каким попал туда.

Известный английский писатель и путешественник Лоуренс Грин, посетивший Канарские острова уже в наше время и оставивший красочное описание этих осколков Африканского материка, в своей книге «Острова, не тронутые временем» написал и такие слова: «Ученые считают Канарские острова вехами, которые заставляют задуматься над одной из величайших загадок человечества: кто были гуанчи, народ, обнаруженный на всех этих островах первооткрывателями?» Но прежде чем перейти к рассказу об этой вековой загадке Канарских островов, мы остановимся на эволюции одной чрезвычайно поучительной ошибки, связанной с историей гуанчей.

…В 1550 году испанский хронист Тамарра убеждал читателей, что гуанчей на островах почти не осталось и будто бы их во время завоевания уничтожили нормандцы и испанцы. Через 30 лет итальянец Бенцони подтвердил его сведения, сообщив — «гуанчей совсем уже нет». Их свидетельства повторяли десятки других ученых спустя столетия, приняв их за непреложную истину. Однако в 1930 году австриец Вёльфель, всю свою жизнь посвятивший изучению Канар, нашел в архивах документ известного итальянского путешественника Кадамосто, относящийся к 1450 году, «…население островков, — писал Кадамосто, — состоит в основном из коренных жителей, которые плохо понимают друг друга из-за того, что говорят на разных языках». Трудно предположить, что за сто лет, отделяющие данные Тамарры от сообщения Кадамосто, гуанчи были полностью истреблены, тем более что война

на островах уже шла на убыль.

Действительно, антропологические исследования показали: коренное население Канарских островов вовсе не было полностью истреблено испанцами, как это считалось до сих пор. Частично они ассимилировались франко-испанскими пришельцами, а некоторая часть гуанчей осталась даже несмешанной, сохранив чистоту своей загадочной расы, столь удивившей средневековых открывателей островов — итальянцев, испанцев и португальцев. Не потому исчезли гуанчи на Канарах, писал Вёльфель, что были истреблены испанцами, а потому, что смешались с ними и другими европейцами…

Так что же в гуанчах удивило первооткрывателей и почему родилась «загадка Канарских островов»? Представьте себе на минуту, что вы космонавт, отправившийся на край Галактики, дабы открыть далекий и, естественно, чуждый зам мир с его обитателями, надо полагать, совсем непохожими на землян. И вот, едва вы ступили на землю этой «стелла инкогнитум» и готовитесь к встрече с «чудовищами», как вдруг видите — навстречу вам идут, широко улыбаясь, радостно протягивая руки, свои же земляне, одетые в неземные наряды и говорящие на незнакомом языке. Более того, не просто земляне, а лучшие из землян, образцы, эталоны земной человеческой красоты! И вы смотрите на своих друзей-космонавтов и остро подмечаете их физические недостатки, их несовершенство… Разве это не удивит вас, не станет загадкой «неизвестной звезды»?

Примерно аналогичная ситуация сложилась и в XIV веке, когда низкорослые, смуглые и черноволосые жители Средиземноморья (генуэзцы, испанцы и португальцы) вдруг встретили на Канарских островах (и где — у берегов Черного континента!) рослых, двухметровых, атлетически сложенных гигантов, одетых в красно-оранжевые шкуры. Но больше всего поразил пришельцев цвет кожи, волос и глаз аборигенов Островов Блаженных. Это были белокожие, голубоглазые и рыжеволосые красавцы. И собственная смуглость и низкорослость, слабость тела, как пишет об этой исторической встрече один из францисканских монахов, летописцев экспедиции в Атлантику, показались европейским морякам постыдными… **С**этого и началась вековая тайна Канарских островов — и она остается до сих пор, потому что гуанчи исчезли с лица земли (как исчез и их загадочный язык, родственных которому не найдут до сих пор), унеся с собой одну из величайших загадок человечества.

Кто же были гуанчи — народ, обнаруженный на этих островах первыми европейцами?

Однако продолжим серию волнующих тайн, связанных с гуанчами. Например, летописцы завоевателя островов, нормандца Жана де Бетанкура записали некоторые из встреченных ими «странностей»: «Гомера — родина высоких людей, которые хорошо владеют самым замечательным из всех языков. Они говорят губами, как если бы у них не было языка вообще. У этих людей существует легенда о том, что их, ни в чем не повинных, жестоко наказал король, приказавший отрезать им языки. Судя по тому, как они разговаривают, в эту легенду можно верить». Непонятно, о чем идет речь? Конечно же, не просто о языке. Мало ли языков и наречий встречали на своем пути в Новый Свет и Индию мореплаватели, а вот на язык жителей одного

из Канарских островов они все же обратили особое внимание. Да и было чему удивляться — гуанчи Канар, особенно на острове Гомера, могли переговариваться между собой при помощи… свиста на расстоянии в 14 километров! И это были не какие-то заранее условленные сигналы, а самый что ни на есть живой разговорный язык, на котором можно было хоть сплетничать сколько угодно и о чем угодно. Разумеется, только друг с другом, а не с «немыми», по мнению островитян, смуглокожими моряками…

Гуанчи исчезли, но их язык свиста, получивший у изумленных лингвистов название «сильбо Гомера» (поскольку он сохранился лишь у жителей острова Гомера), жив до сих пор, повергая в отчаяние всех, кто пытается понять столь необычный способ передачи информации на расстоянии. Точно и верно сказал о «сильбо» Канарских островов Лоуренс Грин: «Гуанчи исчезли с лица земли, а с ними и их язык. Но они успели научить испанских завоевателей свистеть. Принципы, положенные в основу языка свиста у гуанчей, были использованы в испанском варианте, и островитяне продолжали «вести беседы» над грохочущими стремнинами». Что ж, будем считать язык свиста Канарских островов загадкой № 2, коли уж загадкой № 1 признали гуанчский антропологический тип, не имеющий никаких аналогий на тысячи километров вокруг.

Пурпурные острова, как их называли, видимо, еще финикийцы и карфагеняне благодаря знаменитым местным красителям — лишайнику орселю, траве оризелло и соку «драконова дерева», с которыми, возможно, и связана тайна изготовления знаменитого тирского пурпура, — лежат на расстоянии сотни километров от Африканского материка. Совсем недалеко, так что в безветренную ясную погоду, находясь на атлантическом берегу Африки, можно видеть кучевые облачка, зацепившиеся за вершину Пик-де-Тейде — самого высокого действующего вулкана Канарских островов (3718 метров). Геологи считают, что некогда этот вулканический архипелаг, состоявший из 13 крупных и мелких островов, был частью Африканского континента. Но в результате тектонической деятельности и движения земной коры острова отошли от родного материка.

Произошло это где-то в конце третичного — начале четвертичного периодов, когда формировалось современное человечество и первые языки Великого Ледника начинали свой победный марш на юг. В то далекое время наши предки — неандертальцы — могли плавать лишь «по-собачьи», как это делают некоторые человекообразные обезьяны. А может быть, наблюдая за плывущими стволами деревьев, пытались путешествовать и на них. Спустя тысячелетия их потомки — кроманьонцы — свяжут первые плоты и вязанки хвороста, затем выдолбят или выжгут челны и осторожно выйдут на речной и озерный просторы. Потребуются еще десятки веков, чтобы началось робкое каботажное плавание у морских берегов, и лишь в позднем неолите и бронзовом веке первый корабельный киль прочертит борозду в Средиземном море. Здесь, прелюде чем выйти в открытый океан, учились плавать критяне и карийцы, египтяне и финикийцы, этруски и греки, а затем карфагеняне и римляне. Впрочем, зачем мы об этом говорим? А затем, чтобы поведать о третьей загадке Канарских островов и их жителей…

Что особенно поразило средневековых мореходов, с трудом, в несколько

заходов, от острова к острову, открывших в начале XIV века Канары? Гуанчи совсем не знали судоходства! И у них не было ни одного даже самого примитивного челна, лодки-долбленки и то не было. Генуэзские галеры и испанские каравеллы они сначала приняли за огромных невиданных птиц. Правда, гуанчи хорошо плавали на целые километры саженками, но не настолько же хорошо, чтобы вплавь добраться на свои острова с Африканского материка! Одним словом, гуанчи оказались единственным островным народом в мире, не имеющим никаких мореходных навыков и не знающим, что значит «плавать по морю». А ведь на островах в изобилии водились козы, овцы, собаки и свиньи, как домашние, так и одичавшие (но никак не дикие!). Кто же привез людей и домашних животных на Канары? Почему гуанчи не знали мореходства? Этот вопрос воистину камень преткновения в очередной «загадке Канарских островов», да и в самой родословной гуанчей…

Наконец, еще один аккорд в серии этих старых «канарских тайн» (для более мелких загадок места уже не остается). Уже первые исследователи островов отметили у гуанчей странный и чуждый средним веках обычай — мумифицирование трупов умерших. Гуанчи вынимали внутренности покойных, набивали тела ароматными травами и благовониями, консервировали в соленой морской воде, окропляли алым соком «драконова дерева», известным своим антисептическим действием, а затем зашивали, предварительно спеленав умершего в козьи шкуры. Затем сверток уносили в далекие потаенные пещеры, расположенные высоко в горах, где находились родовые усыпальницы, впоследствии безжалостно разграбленные испанскими конкистадорами.

В 1806 году Александр фон Гумбольдт сообщал в письмах с Канар, что им обнаружено множество мумий гуанчей, начиненных ароматными травами. Среди трав ученый распознал *chenopodium ambrosiodes*. А Поль Маркой, путешествовавший по Южной Америке в середине прошлого века, нашел близ озера Титикака те же самые растения в мумиях инков. И здесь мы сталкиваемся с какой-то фантастикой: гуанчи вообще никуда не плавали, а инки если и плавали, то лишь у берегов Перу и Эквадора. Правда, испанцы встретили как-то в Тихом океане перуанский бальсовый плот, шедший с грузом золота в Мексику, и только. Об Атлантике, судя по всему, инки вообще ничего не знали.

Элиот Смит, автор книги «Миграция ранних культур», указывает на удивительное сходство способов мумификации трупов у гуанчей и древних египтян: «Когда человек умирает, они сохраняют тело его следующим образом. Относят его в пещеру, распластывают на плоском камне и вскрывают, затем вынимают внутренности, промывают приготовленной водой с солью, смазывают его составом, сделанным из овечьего жира, перегнившей сосновой смолы и кустарника под названием «bressos». К этому добавляется еще и истолченная пемза. Затем тело кладут на солнце и сушат его 15 дней. Когда оно высыхает и становится почти невесомым, его заворачивают в овечьи шкуры, накрепко перевязывают кожаными ремнями и помещают в специальные гроты». Близкими к отмеченным были способы мумификации умерших и в Перу. (Например, в канарском гроте Такоронте была найдена мумия старухи в сидячем положении — в такой же позе размещались мумии инков.) А вообще же своих покойников мумифицировали всего три-четыре народа на земле: египтяне, инки Перу, их соседи — чибчамуиски Колумбии и

гуанчи. Но представить, чтобы американские индейцы могли на примитивных- судах преодолеть пассат, пересечь Атлантику и колонизовать Канарские острова, невозможно, Выходит, это сделали древние египтяне, что тоже вызывает сильные сомнения у большинства историков: слишком уж велик хронологический разрыв между высокими цивилизациями Старого и Нового Света — минимум две тысячи лет.

Наконец, последнее, на чем следует остановить внимание. Гуанчи в момент открытия их европейцами по типу своей культуры находились на неолитической стадии развития. Письменность же возникает где-то в период «предцивилизации», развиваясь лишь в эпоху цивилизации и сложения государственных организмов. Так было в Древнем Египте, Месопотамии, Средней Азии, Индии, Китае, в Центральной и Южной Америке. Так вот, на Канарских островах, население которых находилось, повторяем, на стадии «среднего неолита», исследователи обнаружили в наскальных изображениях следы письменности.

Больше всего наскальных рисунков и надписей обнаружилось на самом западном из Канарских островов, пороге Нового Света — Йерро (Ферро).

Кто и когда оставил здесь эти надписи или письменные знаки? На каком из языков мира они написаны? Что означают? Эти вопросы также входят в серию знаменитых «канарских загадок». В целом по своим начертаниям надписи напоминают западносахарские, и проблема их появления на островах, как считают ученые, тесно связана с проблемой происхождения самих гуанчей. Некоторые исследователи сравнивают канарские письмена с древнеливийскими, с пуническим (финикийским) к нумидийским письмом. Одним словом, все указывает на средиземноморское происхождение надписей с Канар. По мнению французского этнографа Федэрба, горизонтальные строчки наскальных знаков напоминают древнеливийские письмена, ставшие основой тифинага — письма современных туарегов Сахары. Исследователи, отметившие сходство канарских надписей с тифинагом, приблизительно определили их возраст — две тысячи лет. Как раз к этому времени относятся и упоминания древних авторов о пребывании на островах древних ливийцев. Плиний Старший писал, например: «Установлено, что, отправляясь от противоположного берега Автололов, Юба открыл острова, на которых он устроил красильню, где применялся гетульский пурпур…»

Кстати говоря, на Тенерифе был найден камень — «надпись Анага», высеченная металлическим орудием (гуанчи не знали металлов). Ученые выявили сходство этой надписи с финикийскими письменами III — II веков до н. э. Заметим, что такие лее надписи были обнаружены и на юге Испании и на севере Африки, в окрестностях Карфагена. Однако прочесть надпись до сих пор не удается. Впрочем, не достаточно ли «канарских тайн»?

Г. БОСОВ

АРХИПЕЛАГ ЗАГАДОК

Начать, видимо, следует, как это и сделано в статье «Эти старые «канарские тайны»…», с «эволюции одной чрезвычайно поучительной ошибки». Суть тезиса автора, уверовавшего в работы сорокалетней давности (Д. Вёльфель), в том, что «не потому исчезли гуанчи на Канарских островах, что были истреблены испанцами, а потому, что смешались с ними и другими европейцами». Налицо очевидное недоверие сообщениям очевидцев и современников эпохи конкисты на Канарских островах — хрониста Тамарры, итальянца Бенцони и других не названных в работе летописцев. Не приводя убедительных доказательств, автор ищет их в логике исторических событий (а к ней, как известно, тоже надо подходить с определенной осторожностью). «Трудно предположить, — пишет он, — что за сто лет… гуанчи были полностью истреблены, тем более что война на островах тогда уже шла на убыль…»

Хотелось бы возразить автору и коротко рассказать, почему же исчезли гуанчи в отличие от других завоеванных испанцами народов в XV — XVI веках (например, ацтеков Мексики, инков Перу и др.).

…Как известно, первыми из европейцев, кто ступил в средние века на землю Счастливых островов, были итальянцы, сыны «свободной Республики Генуи»: «Туда (к Счастливым островам), по преданию отцов, — будто бы записал знаменитый Петрарка, — пристал вооруженный флот генуэзцев». Произошло это в 1312 году. А затем, когда об островах заговорили в Европе, в 1341 году на деньги португальской короны была снаряжена новая морская экспедиция в составе генуэзских и испанских моряков, уже знавших дорогу на «пурпурный запад». Так началась история открытия Канарских островов и история их столетнего (!) завоевания.

Действительно, есть чему удивляться: если древние «империи» Нового Света со своим многомиллионным населением были завоеваны испанцами чуть ли не за год-другой, то захват Канар растянулся на целое столетие. А ведь гуанчи были вооружены всего лишь каменным и деревянным оружием. Почти голыми руками они сражались с закованными в латы и вооруженными огнестрельным оружием испанскими конкистадорами. Уже в 1391 году в отместку за убийство тринадцати орденских братьев, прибывших на острова по приказу папы Урбана VI насаждать христианство, испанцы устроили гуанчам кровавую резню.

Как сообщают местные предания, записанные Л. Грином, каждая страница трагической истории островов была передана с помощью загадочного языка свиста высоко в горы и оттуда вновь докатилась до самых дальних заливов Канар. Именно с помощью этого странного языка и общались поначалу такие добрые, а потом уже разъяренные голубоглазые и рыжеволосые великаны, отбиваясь от вооруженных до зубов отрядов француза Жана де Бетанкура, решившего создать на островах свое королевство. Подробности этой трагедии эхо свиста разносило во все уголки острова, сообщая о прибытии партии очередных завоевателей (например, бискайских пиратов). С помощью того же языка мятежные островитяне не раз договаривались о совместных выступлениях против захватчиков, как это произошло через 15 лет после высадки головорезов Бетанкура, когда восставшие гуанчи изгнали их с Райских островов… В 1494 году испанская королева Изабелла, купив права на Канарские острова у разорившихся наследников Бетанкура, отправила туда

войска, и они после упорных сражений окончательно завладели Канарами.

Яркие и запоминающиеся картины жестокой борьбы островитян за свободу до сих пор потрясают читающего хроники первых конкистадоров Атлантики, проходивших здесь свою кровавую школу накануне завоевания Америки. Гран-Канария, или Большой Канарский остров, пишет Грин, на самом деле вполовину меньше самого большого острова Тенерифе, но он получил название Великого, потому что гуанчи сопротивлялись здесь испанской интервенции более яростно, нежели на других островах. Хроники завоевателей рассказывали, что островитяне в беге быстрее лошадей и способны перепрыгивать через глубокие и широкие ущелья. И ясенщины у них были смелыми воительницами, сбрасывавшими в пропасти низкорослых французских и испанских солдат.

Монахи Бонтье и Ле Верье, сопровождавшие Бетанкура на острова, записали: «Народу здесь немного, ко они очень высокие и их трудно взять живыми. Это беспощадные люди — если гуанчи кого-нибудь берут в плен и тот начинает воевать против соплеменников, они его убивают… Островитяне очень решительного нрава…» А спустя два с половиной века после уничтожения аборигенов испанский поэт Антонио де Виана с горечью вспоминал: они «…были добродетельны, честны и смелы, в них сочетались все лучшие качества человечества: великодушие, ловкость, мужество, атлетическая сила, стойкость души и тела, приветливые лица, пытливый ум, пылкий патриотизм, любовь к свободе…».

Действительно, гуанчи всегда сражались до конца. Если они и сдавались, то только ради спасения женщин и детей. Посудите сами, насколько ожесточенной была борьба, если за 30 лет войны на истребление на «Великом острове» армия гуанчей уменьшилась с 14 тысяч до 600 человек. А в своей последней битве большинство гуанчей бросилось в пропасть, будучи окруженными превосходящими силами противника, оставив врагу лишь полторы тысячи женщин, стариков и детей. В горах Тенерифе партизанская война длилась до конца 1495 года. Сражались бы гуанчи и дольше, если бы их армию не постигла эпидемия чумы, занесенной испанцами на остров. В итоге из 20 тысяч гуанчей, известных ко времени открытия и завоевания островов, большая часть их к XVII веку была истреблена, продана в рабство на невольничьих рынках Испании и Магриба. Несколько сот или ты-сяча-другая последних островитян (кстати, первыми из завоеванных конкистадорами народов, получивших полное испанское гражданство) смешались с испанскими колонистами и утратили свой язык. Численность их была слишком мала, чтобы сохранить в чистоте свой расовый тип, свою самобытную культуру.

Так что прав был Л. Грин, писавший, что «к началу XVIII века гуанчи практически прекратили свое существование: одни были убиты в боях, другие угнаны в рабство. Так исчезла с лица земли, унеся загадку своего возникновения, неолитическая раса, которая в течение почти ста лет смогла оказывать достойное сопротивление вооруженным до зубов захватчикам». Но испанцам было мало того, что они уничтожили живых обитателей Канарских островов и ассимилировали их жалкие остатки, они уничтожали их даже мертвых, разрушая и оскверняя захоронения гуанчей с сотнями и тысячами мумий.

Такова жестокая правда о гуанчах, разделивших печальную участь всех, на кого

пал гнев европейских конкистадоров, — она и яганов Огненной Земли, патагонцев, жителей Тасмании и многих других…

Так что же думают ученые о родословной гуанчей? К сожалению, здесь невозможно даже перечислить все существующие гипотезы о происхождении островитян, начиная от самых фантастических (гуанчи — потомки «пришельцев из космоса») и романтических, видевших в них потомков пастухов атлантов, которым-де удалось спастись, поскольку они со своими стадами находились высоко в горах в миг, когда Атлантида рухнула в пучины океана. Другие пишут, что исчезнувшие гуанчи — остатки древнего кроманьонского населения Европы и Северной Африки, уцелевшие от палеолитических времен, а может быть, потомки каких-то иных «нордических германо-славянских племен», занесенных мощным потоком северян в период великого переселения народов? Считают их и реликтом семито-хамитских народов, в древности посещавших Пурпурные острова. Наконец, в них усматривают следы и еще более ранних мореходов Средиземноморья — критян, греков-ахейцев, малоазийцев, «народов моря» (этрусков-турша, сардинцев-шардана, данайцев, филистимлян и др.), некогда едва не захвативших Египет, разгромивших Хеттское царство, частично осевших на территории Палестины и давших начало финикийскому морскому могуществу в Средиземноморье.

И здесь мы подходим к одному любопытному моменту. Дело в том, что древние египтяне изображали «народы моря» (большинство историков и лингвистов считают их по происхождению индоевропейцами) всегда с голубыми глазами и светлыми волосами, что свидетельствует, по мнению ученых, об их «северном» происхождении. Известный исследователь сахарских фресок Анри Лот писал: «Можно предположить, что после неудачных походов против Египта воинственные племена критского происхождения (они, по-видимому, пришли из гораздо более дальних мест, быть может, с севера Европы, потому что египтяне изображали их с синими глазами, характерными для народов Севера) двинулись по направлению к Сахаре, где впоследствии ассимилировались среди своих ливийских союзников».

Впрочем, и среди самих ливийцев издревле встречались племена самого различного происхождения и антропологического типа, в том числе и светлопигментированные, то есть «голубоглазые блондины». Например, еще задолго до появления на исторической арене знаменитых «народов моря» в древнеегипетских текстах Древнего Царства (2470—2270 годы до н. э.) сообщается о появлении в Северной Африке, на западных границах Египта, племен светловолосых и голубоглазых кочевников-ливийцев. В отличие от предыдущих черноволосых ливийцев-техенну египтяне стали именовать пришельцев «темеху», что означает «светлые» или даже «рыжие»…

Правда, некоторые скептически настроенные антропологи полагают, что свидетельствам этим следует верить с осторожностью, поскольку все древние «антропологи» были плохими специалистами, ибо единственным мерилом для оценки внешнего облика народов, с которыми они сталкивались, у них был физический тип своего собственного народа. Египтяне же, как и другие коренные жители Средиземноморья, относились к темнопигментированным группам, поэтому даже небольшую тенденцию к депигментации (посветлению) они могли сознательно

преувеличивать и специально подчеркивать, что лишает их «антропологические сообщения» необходимой убедительности.

Однако гуанчи, «застыв» на неолитическом этапе развития, были именно голубоглазыми и светловолосыми. Может, стоит в этом случае поверить древнеегипетским текстам и рисункам, их иллюстрирующим, ведь современные антропологи без труда находят в древнеегипетских рисунках и ливийские, и азиатские, и африканские типы. В недавно вышедшей книге «Культура Древнего Египта» И. А. Стучевский в разделе «История и этнография» пишет о знакомстве египтян с соседними народами: «…в этих наблюдениях поражает исключительная точность в передаче внешних признаков различных этнических групп и народностей», будь то хетты, семиты, жители островов Средиземноморья, или ливийцы, или кушиты (африканцы), — «все они фигурируют в многочисленных изображениях со всеми своими расовыми признаками, с характерной прической и в национальной одежде». Выходит, египтяне могли и не ошибаться, отметив для Северо-Западной Африки этот «нордический» расовый тип, появившийся там еще в III — II тысячелетиях до н. э., а затем пополнившийся «народами моря», А кто-то из них вполне мог положить начало и гуанчам Канарских островов…

К сожалению, мало в чем могут помочь в выяснении родословной гуанчей и скудные остатки их исчезнувшего языка, отдельные слова из которого были записаны монахами Бетанкура и другими хронистами. Если одно время лингвисты, отталкиваясь от топонимии Канарских островов (Марзаган на Канарах и Марзаган в Северной. Африке, остров Тенерифе и побережье Рифа в Марокко), принимали язык гуанчей за одно из архаичных наречий древних берберо-ливийцев, то сейчас они пришли к неутешительному выводу. Язык гуанчей не находится в родстве ни с одним из 300 диалектов берберов. И вообще среди известных сегодняшним лингвистам языков мира найти «родственников» языку гуанчей не удается. Может быть, слишком сказывается недостаток материалов по их исчезнувшему языку, а может, его «родственники» давно уже исчезли с лица земли. Исчезли еще в древности, не оставив «лингвистического потомства».

Не следует, по моему мнению, забывать и еще об одной возможности (чисто антропологического характера) объяснения «светловолосости» и «голубоглазости» гуанчей. Так, антропологи уже давно заметили одну странную, но закономерную особенность — у изолированных на протяжении долгого времени эндогамных групп (брачные связи внутри группы) нередко наблюдается автоматическое увеличение числа индивидуумов со светлыми волосами и глазами. То есть, если использовать антропологическую терминологию, происходит так называемый процесс изогаметации или выщепления рецессивных форм, в результате чего и появляются светлые волосы и голубые глаза. Причину этого некоторые ученые видят в «ограничении круга брачных связей».

Примерами такого рода антропологи называют изолированные группы некогда темкопигментированного населения, ставшего (в результате изоляции и отсутствия смешения с соседями) «голубоглазыми блондинами», — например, нуристанцев Ирана, таджиков некоторых долин Памира. Это также буришки-вершики (хунза) Кашмира, отдельные горские народы Кавказа, лесные ненцы Западной Сибири,

риффы-берберы Марокко и т. д. Первым это явление, кажется, обнаружил советский биолог и путешественник Николай Иванович Вавилов, столкнувшийся с действием этого фактора во время поездок по Афганистану в поисках прародины культурных растений Старого Света.

Думается, что гуанчи, по каким-то непонятным причинам забывшие мореходное искусство, как раз и относились к одной из таких эндогамных групп. Они могли стать «блондинами поневоле» именно в результате действия указанных процессов, а поэтому нет нужды делать их какими-то изначальными «голубоглазыми кроманьонцами», ибо никто еще не доказал, что кроманьонцы были блондинами. Ведь по одним черепам, увы, невозможно установить цвет волос исчезнувших кроманьонцев…

Гуанчи могли, по строению черепа оставаясь носителями древнего кроманьоидного антропологического типа, со временем из темнопигментированных превратиться в светлопигментированных «блондинов с неясным прошлым», по образному выражению Грина. Они же, невесть как попав в глубокой древности на Канарские острова, жили практически в полном отрыве от всего человечества и даже полагали, что являются единственными людьми на земле. Так со временем они и стали типичной «изолированной» популяцией Канарских островов, подверженной действию отмеченных биологических законов, породив целую серию «канарских загадок».

Такую серию, что, как заметил известный канар-ский исследователь истории и культуры гуанчей Перес Нараньо, «в настоящее время, если составить список неразгаданных тайн мира, то загадка гуанчей, видимо, окажется в нем на первом месте».

И. ПОДКОЛЗИН, инженер
ПРИХОТЬ ЦЕНОЮ В ЧЕТЫРЕСТА ЖИЗНЕЙ

Трагедия у острова Бекхольм

В один из тех ясных и тихих дней, которые уходящее лето дарит стокгольмцам, пестрая ликующая толпа заполнила набережную шведской столицы.

Все глазели на сверкающий свежей краской и бронзовым блеском начищенных пушек линейный корабль «Ваза», которому предстояло совершить свой первый выход в море.

Оркестр заиграл гимн. По разостланному на причале ковру, окруженные пышной свитой придворных, шествовали члены королевской фамилии. Грохнул салют береговых батарей, корабль поднял якорь, расправил белоснежный наряд парусов и плавно заскользил к острову Бекхольм.

Возгласы «Виват!» и «Да здравствует король!» перекрыл грохот залпа всех корабельных пушек. На какое-то мгновенье судно окуталось густыми клубами порохового дыма. Когда дым рассеялся, люди замерли, ошеломленные неожиданным зрелищем, затем крик ужаса взметнулся над толпой… Там, где только что был корабль, кружились в водовороте какие-то бочки и доски, виднелись стремительно уходившие в пучину стеньги мачт да кое-где черными шарами качались вынырнувшие из-под воды головы зовущих на помощь людей.

Потрясенные разыгравшейся на их глазах трагедией, люди стали пятиться назад, а потом в страхе, давя друг друга, бросились прочь. Так 10 августа 1628 года исчез в морской пучине корабль «Ваза», чтобы через треть тысячелетия поведать людям о разыгравшейся трагедии.

Первые попытки

Три дня спустя английский инженер Джон Балмер предложил шведскому королю поднять корабль и получил разрешение, но из-за несовершенства водолазной техники его попытки, как и многих других, успеха не принесли.

Нужно оговориться, что всех пытавшихся поднять «Вазу» привлекали дорогостоящие бронзовые пушки и находившаяся, по слухам, на судне большая сумма денег.

В 1663 году лейтенант-колонел Ганс Альберт фон Трейблен, уже имевший опыт подъема орудий с датского судна «София», затонувшего на глубине 33 метра, попытался организовать водолазные работы в районе катастрофы. К нему присоединился и немецкий эксперт Андреас Пеккель. Но, как и ко всех предыдущих попытках, подводила техника тех дней.

Вот так описывал итальянский священник и исследователь Франческо Негри

водолазное оснащение того времени:

«…Это были костюмы из кожи… Люди входили в кожаный колокол четырех футов и двух дюймов высотой. Человек имел крюк длиной в шесть футов и им орудовал. Водолаз мог находиться под водой 15 минут…»

В апреле 1664 года с «Вазы» подняли первую пушку. К осени 1665 года извлекли еще 53.

Но не этим была замечательна деятельность Трейблена и Пеккеля. Между ними началась судебная тяжба, а обнаруженные потом в архивах документы этого процесса и оказались основным источником информации для всех последующих исследователей…

Три века спустя…

Через триста с лишним лет археолог-любитель Андерс Франсен, ранее досконально изучивший морские операции Густава II Адольфа, шведского короля, задался целью поднять «Вазу» и узнать причину гибели судна и его экипажа.

Прежде всего надо было найти место катастрофы. «Кошками», ручным лотом и «воздушными» бомбами, которые, зарываясь в грунт, захватывали его и выносили на поверхность, стали прочесывать бухту. В одном месте обнаружили много обломков черного дуба. Спустили водолазов. На глубине 110 футов лежал большой корабль — это был «Ваза».

В 1958 году после тщательной подготовки начались первые работы по подъему судна.

Под лежащим на 35-метровой глубине корпусом водолазы прорыли и промыли мониторами шесть туннелей, сквозь которые пропустили крепкие стальные тросы. Концы их вывели на поверхность и закрепили на двух больших металлических понтонах.

Корабль очистили от песка и ила, приподняли над грунтом и отвели ка более мелкое место.

Теперь предстояла самая ответственная работа — подъем на поверхность.

Лебедками «Вазу» подняли так, что верхняя палуба оказалась на одном уровне с гладью воды. Внутри корпуса провели шланги от двух мощных центробежных насосов. Одновременно к корме корабля прикрепили четыре дополнительные, заполненные водой резиновые емкости, к которым присоединили трубопроводы компрессоров высокого давления.

Когда все было готово, начали подъем.

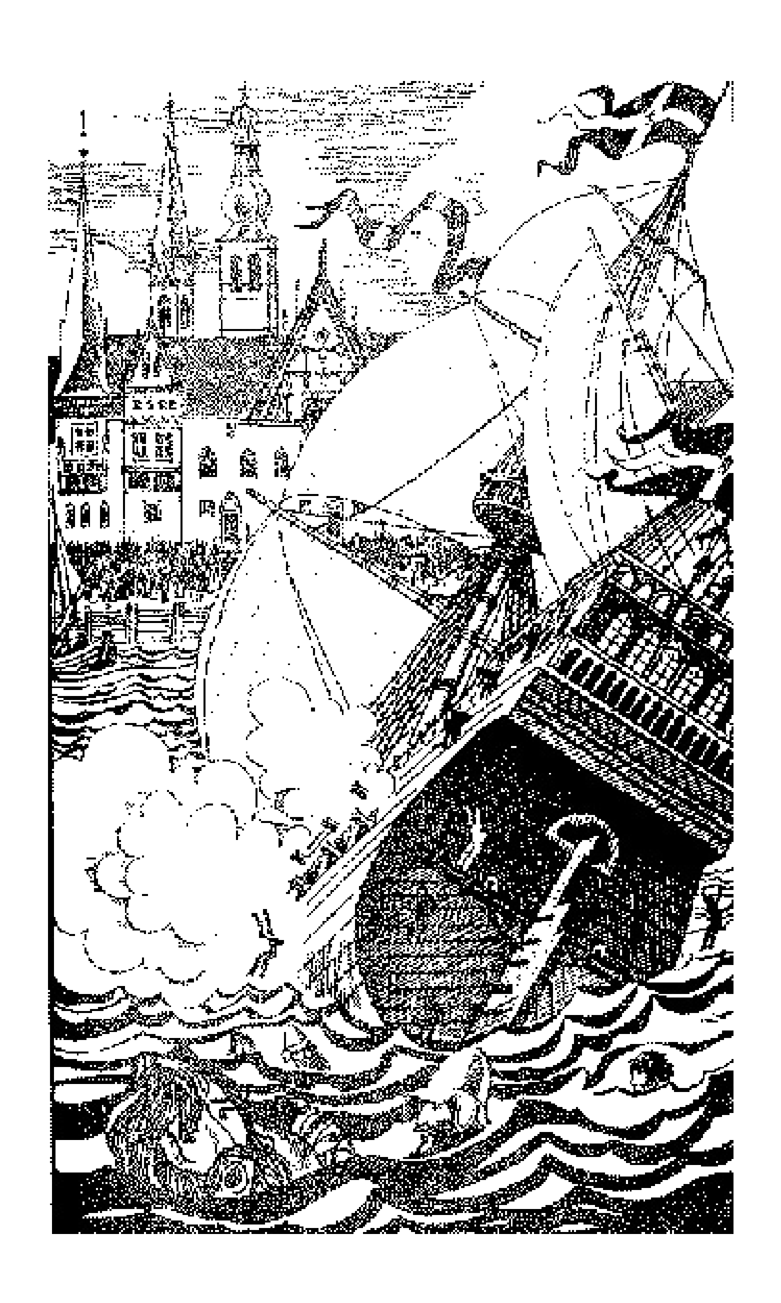
Заработали насосы, выкачивая воду из внутренних помещений судна, сжатый воздух наполнил емкости. Из голубой толщи медленно появился обросший бахромой водорослей и покрытый ракушками остов корабля.

Это событие стало мировой сенсацией. Газеты, радио и телевидение держали в

центре внимания все, что происходило у острова Бекхольм. Да и было чему удивляться. До этого случая своего рода рекордом считался подъем в районе Марселя греческого судна водоизмещением в 1000 тонн, принадлежавшего купцу и судовладельцу Марку Целестию. Корабль, пролежавший на дне около 22 веков, обнаружили на глубине 38 метров известные ученые Жак-Ив Кусто и Фредерик Дюма. «Ваза», лежавший на такой же глубине, был на 400 тонн тяжелее.

Подъем «Вазы» дал богатый материал историкам. Самый старый корабль, в деталях дошедший до нас, — это «Виктория» адмирала Нельсона. Данные же о египетских похоронных кораблях, римских галерах, судах викингов очень неточны…

«Ваза» становился как бы настоящим музеем кораблестроения, истории и археологии.



Археологи и историки всех мастей рвали на части все, что с таким трудом было взято у моря: оружие, одежда, утварь, монеты, бочки и ящики с товаром, каждый предмет, появляющийся из воды, встречался с огромным интересом.

Через несколько дней «Вазу» подняли полностью и отвели в док.

Словно перелистывая страницы старинной книги, стали восстанавливать события 1628 года. Кропотливо изучали все, что касалось трагической гибели корабля. Были проведены обмеры корпуса, восстановлено количество груза и команды на борту, с огромным трудом установили даже состояние погоды в то время. Роясь в пожелтевших архивных рукописях, находили все новые и новые документы, связанные с драмой у острова Бекхольм.

И наконец, потрясающая весть пронеслась над Швецией: виновником гибели оказался… король Густав II Адольф.

Что же произошло?

Шла Тридцатилетняя война. Германский император вынашивал планы постройки мощного флота для защиты Скандинавии. Вот почему 1 января 1625 года шведский король приказал архитектору королевских доков голландцу Г. Хибертсону построить четыре мощных боевых корабля. Флагман этой флотилии — «Ваза», названный в честь шведской королевской династии, — должен был иметь длину 48 метров, ширину 12 метров и вооружение, состоящее из 64 орудий: 48 двадцатичетырехфунтовых, 8 трехфунтовых, 2 однофунтовых и 6 мортир. Все пушки были сделаны из бронзы, весили почти 80 тонн и располагались в три ряда по каждому борту.

Конструкторы его величества произвели немудреные расчеты и, исходя из опыта постройки судов, интуиции и мастерства, передающихся из поколения в поколение, пришли к выводу, что корабль отвечающий требованиям монарха, будет иметь слишком высоко расположенный центр тяжести. Чтобы «Ваза» был устойчив, необходимо увеличить его ширину. Король, желавший иметь быстроходное судно, продолжал настаивать на своем первоначальном решении. Тогда втайне от него (как показали результаты осмотра «Вазы» после подъема) строители на свой страх и риск все же увеличили ширину корабля на полметра.

Однако, как мы уже знаем теперь, это не спасло «Вазу». Корабельная наука не желала подчиняться даже августейшей особе…

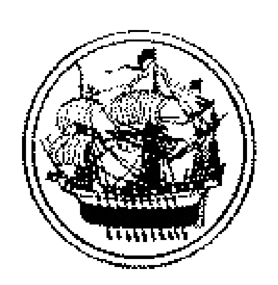
Как только корабль вышел на траверз, внезапно налетевшим с моря шквалом его резко накренило на левый борт. Образовавшийся восстанавливающий момент $M_в = P \cdot a$ пытался вернуть судно в первоначальное положение. Но центр тяжести располагался слишком высоко, а величина надводного (водонепроницаемого) борта была очень мала.

В открытые для стрельбы орудийные порты (был сделан салют) хлынули бурлящие потоки. Осадка и крен корабля увеличились, образовавшийся парой сил G и P момент $M_в = P \cdot a$ из восстанавливающего превратился в опрокидывающий.

Под воду ушли пушечные порты следующей палубы. Корабль окончательно потерял остойчивость и стремительно повалился на борт. Вода устремилась внутрь через все бортовые отверстия и заполнила корпус. Быстро утратив запас плавучести,

судно исчезло в морской пучине…

Так через 333 года ученые разгадали тайну королевской ошибки и нашли причину трагедии, стоившей Швеции 400 человеческих жизней.



СВЯТОСЛАВ СЛАВЧЕВ (Болгария)
ТАНЦЫ НА ОГНЕ

Прошлой осенью я наконец увидел хождение по огню. В горах, неподалеку от международного курорта Солнечный берег, издавна славится своей кухней маленький экзотический ресторан. Случайно я оказался там вместе с моим другом Лукою. Уже вечерело. В низинах, далеко под нами, собирался туман. По мере того как сгущались сумерки, все явственнее проступало пламя огромного костра, горевшего на лужайке перед рестораном. На костре жарилось несколько бараньих туш. Седой старик легонько крутил вертела, попыхивал трубкой.

— Для кого столько мяса, отец? — спросил у него Лука. — Тут хватит накормить две деревни.

— Для тех мясо, кто приедет смотреть нестинарство, — невозмутимо отвечал старик.

Что знал я о загадочном нестинарстве, о хождении по огню? На юге Болгарии возвышается горный массив Странджа, труднодоступный для человека. В период турецкого ига сюда так и не смогли пробиться завоеватели — это было небезопасно для их жизни.

В здешних деревушках издревле бытовал драматический обряд — нестинарство.

Каждый год 3 июня, на праздник Константина и Елены, на деревенской площади ходили по огню.

Несколько взрослых женщин-нестинарок еще с вечера запирались в церкви. Здесь они молились круглую ночь.

Утром в деревне раздавалась специфическая музыка: звучали тимпаны и гайдо — народные музыкальные инструменты.

Тем временем мужчины раскладывали на площади дрова. Под звуки музыки дрова зажигали. Вечером, когда с гор спускается темнота, мужчины медленно раскатывали уголья, пока не образовывался огромный огнедышащий диск. Тогда открывались церковные врата, женщины выходили на площадь. Они шли босиком, словно не чувствуя раскаленного жара углей, шли по спирали к центру огня, под звуки неистовой музыки, короткими, резкими шажками, быстро переступая по раскаленным углям. Женщины как бы забывались в языческом танце. Затем они выходили из раскаленного диска. На их ногах не было никаких следов ожога.

В деревне начиналось массовое пиршество. Только что танцевавшие женщины почитались на пиршестве как святые. Тут и в самом деле есть о чем задуматься. Ведь температура углей достигает 400—500 градусов?

После революции болгарские комсомольцы решили развеять религиозный дурман, до той поры окружавший нестинарские танцы. Группа молодых атеистов в 1946 году повторила поразительное явление, якобы связанное с религией.

Их было двадцать семь — молодых парней и девушек. Разувшись, они целых 10 минут ходили по раскаленным углям! Лишь трое из смельчаков, как выяснилось, получили тяжелые ожоги ступней. Остальные участники хождения по огню не получили никаких повреждений. Этот случай описан в трудах Академии наук Болгарии.

Вот что я знал о хождении по огню, когда мой друг Лука спросил у старика: «Для кого столько мяса, отец?» И услышал в ответ: «Для тех мясо, кто приедет смотреть нестинарство».

Не прошло и получаса, как вся лужайка оказалась запруженной людьми.

Костер огородили толстой веревкой с разноцветными лентами. Старик унес зажаренные, исходящие немыслимым ароматом туши и вернулся с деревянной лопатой. Ею он начал разбивать крупные уголья на более мелкие.

И тогда я заметил их, трех мужчин и одну девушку. Они стояли поодаль, под широколистым дубом, о чем-то переговаривались. Все четверо были босы. Мужчины были облачены в старинные домотканые костюмы, девушка — в расшитую узорами рубаху до колен.

Мы с Лукой подошли к ним и познакомились. Девушку звали Невена.

— Давно ты ходишь по огню? — спросил я Невену.

Она сказала: с двенадцати лет. Помолчала и добавила, что вообще-то впервые пошла в девять лет, но сильно обожгла ступни, и родная бабка три недели лечила ее травами и смешанными с козьим молоком отрубями: А потом, через три года, научила нестинарству.

— Ну и как, мудреная наука? — спросил Лука.

Нестинарка сказала, что немудреная: надобно идти по угольям быстро-быстро, маленькими шажками и, главное, пальцы поджимая. Лука да и я удивились: ежели ремесло столь нехитро, каждый укротит кострище ступнями, каждый пойдет по огню.

— Верно, — сказала черноволосая нестинарка Невена. — У нас вся деревня по праздникам ходит.

Заиграли волынки. Эта музыка, тягучая, пронзительная, тягостная, хоть кого выведет из равновесия. Ощущение такое, словно кто-то исполинским железным гребнем проводит со скрежетом по стеклу.

Старший из огнепоклонников, его звали Тодор, лет сорока, с черными блестящими глазами, махнул нам рукой: довольно, мол, расспрашивать. И они двинулись к кострищу. Под звуки исступленной, беснующейся мелодии они медленно прошагали туда, где грозно тлел в темноте круг из пурпурных огней, кратер метров шесть в диаметре. Живой коридор, по которому они прошествовали, вмиг сомкнулся. Тодор первым встал на огни! Он встал на огни, неторопливо пересек круг огня, вернулся обратно и сразу же пошел по краю круга. Шел Тодор вразвалочку, будто бы не ощущая сумасшедшего жара под ногами, и так равнодушно глядел окрест, на сотни изумленных, искаженных, с вытаращенными очами лиц, что

я подумал: а не трюк ли Есе это огненное действо? Не фарс ли?

Тодор взял Невену на руки, пронес шагов пятнадцать-двадцать и тогда осторожно спустил ее на горящую землю. Она пошла, вернее — полетела, маленькими шажками, точно следуя немудреной своей науке. Руки девушка раскинула, глаза полузакрыла — таким манером ходят, должно быть, лунатики по коньку островерхой крыши или по лезвию лунного луча. Музыка играла все быстрей, все мучительней, и мне начинало казаться, что стоит лишь снять башмаки, нырнуть под толстую веревку с разноцветными ленточками — и пойдешь-полетишь по огненной стихии, как лунатик, отрешенно раскинув руки.

Быть может, то же чувствовали и Лука, и все, кто толпился вокруг чуда…

По прошествии какого-то отрезка времени, который показался мне несколькими часами ожидания и удивления, нестинарство закончилось. Лука попытался подойти к угольям и отпрянул — жар был еще силен.

Я разыскал Невену — она сидела рядом с деревянной эстрадой.

— Извините, кудесница, нельзя ли осмотреть вашу прелестную ступню? — сказал Лука неверующий девушке.

К моему удивлению, Невена ничуть не возмутилась и позволила сначала Луке, а затем и мне убедиться, что — вопреки россказням! — на ступнях ее нет ни следов каких-либо хитрых натираний, ни мозолей. Ошарашенный Лука даже лупу достал из замшевого футляра и долго еще разглядывал кожу на девичьей нежной ступне. Никаких следов ожогов!

— Как тебе удается все это, Невена? — спросил я.

— Сама не знаю. Едва заиграет музыка, мне кажется, кровь уходит из моих ног, ступни деревенеют, и сама я как во сне лечу над красной землей. Все лечу и лечу.

— И часто ходишь по огню?

— Каждый вечер с мая по ноябрь. Иногда по два-три раза за вечер. Когда и возле моря костры раскладывают.

— А не боишься?

— Чего бояться? Дело привычное. Брат мой Димитр, в деревне, на руках по огню ходит. И ни разочка не обжегся.

Так и закончился этот вечер, исполненный таинства и чудес. Невена ушла, переоделась и вскоре предстала перед нами в ярком лазоревом платье и изящных замшевых туфельках. Мы вызвались сопровождать ее на автобус до Солнечного берега — он останавливался неподалеку, на горной дороге. К нашему изумлению, она сама взялась нас подвезти на собственной машине.

— Ваше авто, мадемуазель, тоже летает по огню? — пытался сострить Лука.

Невена ничего не ответила, открыла ключом дверцу своего автомобиля и пригласила нас садиться. Мы тронулись вниз, к морю. Я сидел рядом с юной нестинаркой, слушал, как беспрестанно визжат тормоза, как машину то и дело заносит на горных серпентинах, обрывающихся в полукилометровые кручи, и мне

казалось: я сам иду по огню.

Перевод с болгарского

Г. *ДАНИЛОВА, врач*

ИДУЩИЕ ПО ОГНЮ: БЫЛЬ ИЛИ НЕБЫЛЬ?

Первое известие о хождении по огню в Болгарии относится к середине XIX века. Но истоки этого обычая теряются во мгле глубокой старины. Сохранилось описание ежегодных торжеств в древней Италии, посвященных богу Аполлону, когда после жертвоприношений целые семьи, сбросив сандалии, проходили по раскаленным углям. Об этих празднествах вспоминает в «Энеиде» Вергилий. Подобные ритуалы совершали и жрицы азиатской богини Перисин-Артемиды, и африканские шаманы, и индийские йоги. Живописна церемония испытания огнем, которая не одно столетие культивируется на островах Фиджи в Тихом океане. По мнению историков культуры, именно у фиджийцев позаимствовали свое искусство ходить по огню жители соседних тихоокеанских островов, Новой Зеландии и даже канадские индейцы.

Интересны свидетельства многих специалистов, отметивших физические свойства камня, который фиджийцы используют для церемонии. Как правило, это базальт, часто встречающийся на тихоокеанских островах вулканического происхождения. Он пористый, хорошо впитывает воду, очень плохо проводит тепло и разогревается неравномерно. Когда одна сторона раскалена добела, другая только теплая, так что до нее можно дотронуться рукой. Этот базальт по тепловым свойствам напоминает сургуч; палочку из сургуча можно плавить на огне, спокойно держа ее в руке.

Есть несколько объяснений хождения по раскаленным углям и камням.

Л. Грин, автор книги «Последние тайны старой Африки»: «Никакой анестезии и никакого обмана. Просто ноги выделяют пот, и образующиеся шарики жидкости предохраняют от ожогов. Точно так же слюна предохраняет рот глотателя огня».

С. Рипс, доктор технических наук: «В конце прошлого века на сталелитейных заводах опытные рабочие иногда показывали новичкам фокус: на мгновение опускали руку в расплавленную сталь. Интенсивное парообразование на доли секунды предохраняло кожу от ожога».

Профессор Арнаудов и доктор Горвалова (Болгария): «Явление объяснимо на основе физиологического учения академика И. Павлова о высшей нервной деятельности. Абсолютная уверенность нестинарки в том, что она не получит ожогов, плюс быстрый танец, когда ноги едва касаются углей, — вот секрет хождения по огню».

Е. Сальников, кандидат медицинских наук: «В истории средних веков не было

зафиксировано ни одного случая, когда жертва, сжигаемая на костре, могла хоть как-то сопротивляться действию огня. Но сухой и плотный роговой слой подошв — достаточно надежная защита для ног у людей, вынужденных обходиться без обуви и даже совершать кратковременные пируэты по раскаленным углям. Нашу кожу надо рассматривать как передний край обороны организма от враждебной среды, и вполне естественна предположить, что в арсенале ее защитных средств есть и такие, о существовании которых мы пока ничего не знаем».

П. Будников, академик: «Нет никаких сомнений, что самовнушением нельзя защитить организм человека от ожогов при температуре 500—800 градусов, если он находится в зоне такого нагрева хотя бы 1—2 минуты. Но ведь фиджийцы ходят по камням с низкой теплопроводностью. Строителям хорошо известны так называемые облитовые, очень пористые известняки, которые служат хорошим теплоизолирующим материалом»,

А. Савельев, доктор технических наук: «Хлопчатобумажная ткань воспламеняется уже при 300 градусах. Однако есть способ окраски ткани в расплавленном металле. Делается это так: ткань покрывают краской и затем быстро пропускают сквозь расплавленный металл. Можно сушить кожу в камерах при температурах, значительно превышающих температуру ее воспламенения, но опять-таки очень небольшое время. Так что при толщине кожи на подошвах 2—4 миллиметра хождение по огню, разумеется кратковременное, вполне возможно».

В. ОПАРИН, журналист
ХОРОВОД ЛАБИРИНТОВ

Немногим известно о древних лабиринтах, выложенных из необработанных камней. Их находят по всему побережью от Белого моря до Британских островов. Встречаются они и на Балтике. Несомненно, лабиринты — детище одной культуры. Но какой? Археологи относят северные лабиринты ко II тысячелетию до н. э. Однако невозможно предположить, что уже тогда на севере Европы существовала единая цивилизация. Скорее можно было бы говорить о единстве культуры в определенном, относительно небольшом регионе, где обитало какое-то отдельное племя. Но все известные каменные лабиринты находятся на берегу моря. В глубине материка они не встречаются.

И еще вопрос: зачем строили лабиринты? Считать, что они имели особое культовое назначение, оснований нет.

Другая гипотеза, утверждающая, будто лабиринты — это рыболовные сооружения неолитического человека, тоже, по мнению большинства ученых, не выдерживает критики. И вот исследователям, пытающимся объяснить, почему лабиринты разбросаны на столь огромном пространстве, приходится прибегать к новым гипотезам. Одна из них, в частности, даже повествует о ничем не объяснимой миграции людей с Кольского полуострова на Британские острова.

Минотавр за Полярным кругом?

А не связаны ли каким-либо образом северные лабиринты с таинственной критской цивилизацией?

Широко известен миф о Тезее и Минотавре. Чудовище Минотавр, человек с головой быка, обитало в столь запутанном лабиринте, что выбраться оттуда никто не мог. Дочь критского царя Ариадна дала афинскому герою Тезею клубок ниток, благодаря чему он и смог спастись из страшной западни.

Конечно, рассматривать мифы Древней Греции как историческую хронику нельзя. Но в то же время толчком к созданию мифа, несомненно, мог послужить какой-то факт, какое-то подлинное событие.

Не мог же миф об архитекторе Дедале, который якобы построил для критского царя Миноса легендарный замок Лабиринт, возникнуть на пустом месте.

И если сам Лабиринт пока не найден, это еще не доказывает, что его не было. Покрытые пеплом сожженные города и затерянные в толще веков крепостные сооружения не горят. Они только ждут своих исследователей.

В древности само изображение лабиринта было как бы эмблемой Крита. Недаром, когда при раскопках древней столицы Крита — Кносса нашли вырезанную из слоновой кости печать, оказалось, что на ней изображен лабиринт. Печатями, как известно, скреплялись государственные акты, торговые соглашения, грамоты и

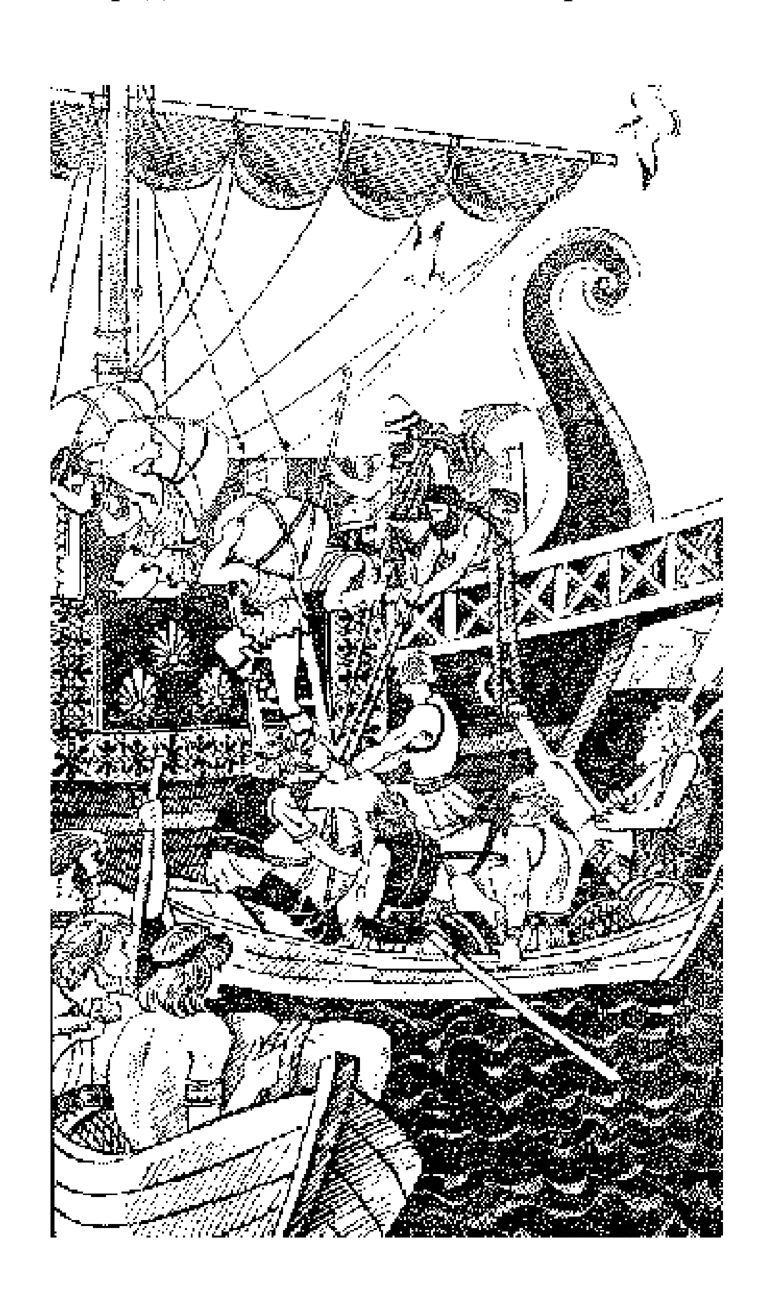
другие документы. Что в этом случае обозначала для обитателей Кносса лабиринтная спираль? Что они думали тогда, когда чеканили ее на своих монетах?

«Многому я научился; но отчего на медной монете с одной стороны представлен корабль, а с другой стороны — двухголовое изображение?» — недоуменно вопрошал Овидий, разглядывая древнюю монету. Пожалуй, и мы не смогли бы удовлетворить своим ответом автора бессмертной поэмы «Искусство любви». Вероятней всего, на одной стороне монеты изображалось божество, а на другой смысл какого-то важного исторического события.

Изображения лабиринтов, так часто встречающиеся на критских монетах, убеждают нас в исторической первооснове знаменитых мифов.

Но как критяне — строители лабиринтов оказались на севере, так далеко от Средиземного моря? Совсем недавно один из историков назвал предположение о том, что критские корабли огибали Европу, «фантастическим». Но так ли это?

Корабли древних мореходов вполне годились для каботажного плавания, то есть путешествия в непосредственной близости от берега.



Не следует забывать: ход критских кораблей ускоряло мощное течение Гольфстрим. Не случайно лабиринты перестают встречаться как раз в той части Белого моря, где иссякает Гольфстрим? Вспомним: суденышки поморов, немногим отличавшиеся от судов древних критян, смело пускались в путь не только вдоль берегов Ледовитого океана в Мангазею, но и проходили через открытое море к Груманту.

Но что могло привлекать на суровом севере отважных мореходов? Его богатства. И в частности, олово, добывавшееся тогда в Британии, которую так и называли Касситеридами — Оловянными островами. Плиний Старший в своей «Естественной истории» замечает: «Мидактрит первый привез олово с Касситерид». К сожалению, он не пишет, кем был Мидактрит и откуда он родом. Плавали на Касситериды и древние греки, и римляне, и финикийцы. Их корабли мало чем отличались от кораблей критян и по оснастке, и по скорости хода, и по водоизмещению. Так что же фантастического в том, что корабли критян бывали на Касситеридах?

Предположение подкрепляют факты. В 1951 году английский археолог Г. Чайлд опубликовал сообщение о находке на Британских островах бронзового кинжала крито-микенской эпохи. А в 1984 году, когда был раскопан могильный холм возле Стоунхенджа, в нем обнаружили характерное микенское захоронение. На одном из столбов Стоунхенджа нашли высеченное изображение кинжала. Он опять-таки имел неповторимую форму крито-микенского оружия.

На Крите принято было хранить металлы в слитках, имеющих форму ласточкиного хвоста. В таких слитках хранили запасы золота, меди, бронзы и олова. На юге Англии, возле Фалмута, на полуострове Корнуэлл был найден слиток олова весом в 72 килограмма именно такой формы. А вот что пишет греческий историк Диодор Сицилийский: «Жители Британии, обитающие около мыса Белерион, весьма гостеприимны и, занимаясь торговлей с иноземными купцами, стали более цивилизованными. Они добывают олово, искусно выплавляя его из руды. Из олова они изготовляют слитки в виде кубиков и переправляют их на ближайший остров Иктис. Когда отмель при отливе обнажается, они перевозят туда большое количество олова на повозках…»

Возможно, торговля критских и греческих купцов с аборигенами велась именно на отмели, обнажившейся при отливе. И это не случайно. В те времена это был единственный способ для морских купцов безопасно вести торговлю. Купцы, боясь засады, не приставали к самому берегу, ведь корабль с двумя десятками воинов можно было легко захватить.

Торговые суда прибывали, разумеется, не по расписанию. Поэтому в местах торговли на побережье должны были находиться какие-то знаки, понятные обеим торгующим сторонам. Если там бросил якорь корабль, туземцы знают: это купцы. Для подобных целей удобнее всего знак, выложенный из камней. Не для этого ль выкладывались каменные лабиринты?

А что могло привлечь критян на берегах Финского залива и в Прибалтике? Янтарь. Знатные люди крито-микенского общества любили украшать себя

поделками из янтаря. Он в изобилии встречается в царских могилах Микен. Два больших необработанных куска янтаря, найденные при раскопках на Крите, хранятся в музее города Гераклейон.

И за Полярным кругом, в Белом море критяне интересовались прежде всего мехами и тем же янтарем. Ведь янтарь до сих пор находят даже в устье реки Печоры. Поморы называют его «морской ладан».

Так удивительно ли, что в Заполярье мы то и дело наталкиваемся на сооружения, схожие с обиталищем Минотавра?

Таким образом, связь между спиралью на кносской монете и каменными лабиринтами Беломорья перестает быть бесплотной.

Что есть лабиринт?

Но откуда берет свое начало столь замысловатая форма лабиринта? Ученым известно несколько типов этих сооружений. Наиболее распространен из них спиралевидный, с одним входом-выходом. Совершим прогулку по одному из таких каменных лабиринтов, найденному возле села Умба на Кольском полуострове. Диаметр его больше 60 метров. Сначала, двигаясь по спирали против часовой стрелки, мы приближаемся к центру, но вдруг… неожиданный поворот, и мы устремляемся уже в обратную сторону, достигая наружной спирали лабиринта. Снова поворот — и опять к центру. Совершив несколько переходов из одного хода спирали в другой, мы наконец приходим к центру лабиринта — это тупик. Выбраться из него можно, только совершив весь путь обратно.

А вот еще один лабиринт, дошедший до нас из глубокой древности. Правда, форма его значительно проще, чем у беломорских лабиринтов. Это так называемое Тигашевское городище, существовавшее в Волжской Болгарии приблизительно до X века. Назначение этого лабиринта очевидно: это оборонительное сооружение. Допустим, нападающие ворвались в крепость-лабиринт. Перед ними два пути. Путь направо ведет в тупик, в замкнутое пространство между двумя стенами. Здесь на захватчиков с двух сторон со стен посыплются стрелы. А щит прикрывает только левую половину тела. Так что тупик — верная гибель для нападающих. Если же они бросятся налево, им предстоит повернуться правым, неприкрытым боком ко второй стене, где сосредоточится основная масса защитников крепости.

Такой же метод защиты крепости применен и в циклопической постройке крито-микенской эпохи в Тиринфе.

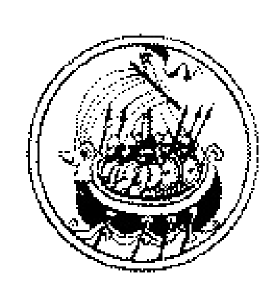
Значит, основное предназначение лабиринта — оборона. Возможно, на ночь в центр лабиринта-крепости загоняли скот.

Таким образом, сквозь миф о Лабиринте, где обитал Минотавр с головой быка, начинает проступать хоть какая-то реальная основа.

В заключение приведу еще два примера. В книге Гордона Чайлда «У истоков европейской цивилизации» приводится чертеж лабиринта, весьма схожего со спиралью на кносской монете. Это укрепление эпохи «неолита В», как его именует

Чайлд, раскопанное археологами на материковой Греции. А если мы еще посмотрим на одну из икон XVI века, где изображен древний Новгород, мы сразу узнаем черты нашего знакомца лабиринта. Центр города окружен тремя кольцами мощных каменных стен. Внутреннее кольцо с нескольких сторон имеет большие Т-образные углубления — не что иное, как лабиринтные тупики. В поисках ворот нападавшие вынуждены были заворачивать в них и оказывались под обстрелом сразу с трех сторон. Две совсем разные эпохи, разделенные тысячелетиями, но… в каждой из них мы встречались с лабиринтом.

Пестрый хоровод лабиринтов со временем, несомненно, пополнится новыми находками. Но вряд ли они поколеблют наше предположение о том, что северные лабиринты Британии и России — потомки критского творения легендарного гения Дедала.



ВЛАДИМИР ДРОБЫШЕВ, журналист
НЕГРЫ В КРАЮ ЗОЛОТОГО РУНА

Древняя Абхазия… Неширокой зеленой полосой протянулась она между Главным Кавказским хребтом и берегом Черного моря. Овеянная фантастическими преданиями, поверьями и легендами история этой цветущей земли полна романтических тайн. Среди них тайны Великой Абхазской стены и покоящегося под водой города Диоскурии, тайны мертвого городища карликов Аиангвара и феномен культуры дольменов.

Одна из самых интересных этнографических и исторических загадок — абхазские негры, исстари живущие в здешних краях. Негры-колхозники. Негры — врачи, учителя… Откуда они?

Когда появились негры в Абхазии? Существовали ли в древности связи между Африкой и побережьем Черного моря?

С этими вопросами я обратился к известному абхазскому этнографу, кандидату исторических наук Вианору П а ч у л и а. Вот что он рассказал.

«Небо мертво, и земля мертва, — причитала колдунья, — и ты, пасущий стада облаков, повелевающий когортами звезд, ты, пастырь мирского стада, смилостивись над золотушной землей и прокаженным небом. Не отврати свой лик от заговора моего!»

Причитая, колдунья трижды обошла убогую свою хижину, где на стенах были распластаны чучела рыб и птиц, где качались пучки диковинных засохших цветов. Потом она приостановилась, обратилась черным лицом к закату, приподнялась на носки, как бы собираясь воспарить, и возопила вдруг высоким речитативом :

Огненный всадник на огненном скакуне:
Башлык — что огонь,- черкеска — огонь, чувяки — огонь,
шаровары — огонь.
Седло и уздечка — как пламень,
Объятая пламенем плеть.
Он мчится, как пламя, — и ты, как огонь, — вслед за ним.
Он прыгнет, как пламя, — и ты, как огонь, — вслед за ним.
Асинис минули, и Мыру, и Джиру минули.
На огненных скалах убили огненную змею!..

Едва колдунья выкрикнула это страшное «змею-у-у», трое моих сверстников не выдержали и задали стрекача. Туда, в густые кустарники, к прохладным ручьям, к песчаным берегам, к ласковым волнам Понта Эвксинского, к родному селу Адзюбжа! И зачем только я упросил старуху Абаш позаклинать духов, как в старину! Превозмогая искушение улизнуть вслед за друзьями, я в ужасе взирал на заклинательницу стихий неба и земли.

И тут случилось чудо. Чернокожая волшебница смахнула со лба капли пота, пригладила седые пряди и проговорила:

— Ну как, страшно?

— Страшно, — восхищенно сознался я.

— Это еще не страшно. Вот бабка моя настоящая была колдунья. Деревья заставляла летать над горами, как стаи птиц. Ручьи сворачивала в клубки, горы шатала.

— Бабушка Абаш, а почему ты вся черная?

— Потому что родители мои были негры. И родители родителей тоже негры. И так от сотворения мира.

— А где живут негры?

— В Африке живут.

— А у нас в Абхазии, кроме Адзюбжи, где?

— В Поквеше живут. В Ачандаре. В Члоу живут. В Тхине, Меркуле, Кындге живут.

— Давно живут?

— Всегда жили, от сотворения мира.

Одно из первых печатных упоминаний об абхазских неграх я обнаружил в газете «Кавказ» за 1913 год. В заметке от 16 марта этнограф В. И. Врадий рассказал о своей встрече с негром-метисом Аджи-Абдул-оглы. Ученый расспросил его о негритянских семьях из окрестных сел, уговорил сфотографироваться. Сама по себе заметка В. И. Врадия не бог весть какая ценность для исторической науки. Зато отклики, напечатанные в той же газете, довольно любопытны. Вот что сообщал некий Е. Марков:

«Проезжая в первый раз абхазскую общину Ад-зюбжу, я был поражен чисто тропическим ландшафтом: на яркой зелени густых девственных зарослей вырисовывались хижины и постройки из дерева, крытые тростником, копошились курчавые негритята, важно проходила с какой-то ношей негритянка. На ослепительном солнце черные люди в белых одеждах представляли характерное зрелище какой-нибудь африканской сценки… Негры эти ничем не отличаются от абхазцев, среди которых живут уже с давних времен, говорят только по-абхазски, исповедуют ту же веру. Мне думается, что негры являются в этих местах случайным элементом и привезены сюда не ранее появления на черноморском берегу Кавказа турок, у которых, как известно, всегда бывало много слуг из африканцев, доставлявшихся из турецких африканских владений. Ничего удивительного нет в том, что часть этих бывших рабов осела кое-где на побережье и во всем, кроме цвета кожи, ассимилировалась с окружающим их населением».

Как видим, выводы автора вполне категоричны. Негры — потомки рабов прежних владетелей Колхиды.

Интересно, что за минувшие полвека почти никто из историков не пытался

опровергнуть подобную точку зрения. Это и понятно. Письменность в Абхазии появилась незадолго до Октябрьской революции, так что воссоздать документально историю легендарного края золотого руна попросту невозможно. Приходится довольствоваться материалами фольклора (правда, довольно богатыми), косвенными источниками иноземных авторов, некогда посетивших Колхиду или слышавших о ней из уст купцов, пилигримов, пиратов, путешественников. Подобные розыски осложняются еще и тем, что Абхазия — страна необычайно древней и самобытной истории.

Еще в середине I тысячелетия до н. э. могучая греческая держава основала на абхазском берегу свои колонии. В те времена Абхазия, как и все черноморское побережье Колхиды, населенное древнегрузинскими и абхазскими племенами, была своеобразным посредником в торговых связях стран Средиземного моря с Азией, Китаем и Индией.

Более двух тысячелетий тому назад эти колонии подпали под власть Митридата Понтийского, а затем были покорены Римом. В эпоху правления Диоклетиана сюда ссылали христиан. В союзе с Византией Абхазия неоднократно вела войны с Персией, И наконец, в 1578 году страна была покорена турками и долгих три столетия изнывала под тяжким бременем султанского владычества. Нет ничего удивительного в том, что любой турецкий наместник мог привезти в Абхазию свою живую собственность — чернокожих рабов и продать их здесь местным князьям.

Однако в той же газете «Кавказ» историк Е. Лавров высказал и другое, куда более оригинальное мнение. Его выводы опирались на известные сказания о древних обитателях восточного побережья Черного моря. О чем же писал Е. Лавров?

«Восточный берег Черного моря в древности был известен грекам под названием Колхиды, населенной народом колхами. Впервые имя колхов встречается в отрывках из поэм, относящихся к VII веку до н. э., следовательно, еще в то время, когда греки обычно не знали побережья, а только по каким-то смутным воспоминаниям считали, что на востоке от них, там, за бесконечным Понтом Эвксинским, лежит блаженная страна, богатая светом, теплом и золотом, страна колхов. Фантастический поход аргонавтов в рассказах и песнях возник, вероятно, еще в ту отдаленную эпоху, когда греки знали заморские страны лишь понаслышке, дополняя воображением свои скудные о них сведения.

Самих колхов в то время, когда слагалось сказание об аргонавтах, греки не видели и, конечно, наделяли их всевозможными качествами сообразно своим понятиям о людях. Оки предполагали у них государственное устройство (царь Аэтес, царица Медея, стража), земледелие (волы и плуг), воинство, вооруженное копьями и мечами, с блестящими шлемами и проч. Ясно, что сказания эти фантастичны и что народ кол-хи не был им известен.

Первый из греков, посетивший Колхиду лично и давший нам исторические сведения о колхах, был Геродот (484—425 годы до н. э.). У него мы читаем:

«Колхи, по-видимому, египетского происхождения: я о том догадывался, прежде чем услышал от других, но, желая удостовериться, расспрашивал оба

народа: колхи сохранили гораздо больше воспоминаний о египтянах, чем египтяне о колхах. Египтяне полагают, что народы эти суть потомки части войска Севострисова.

Я также заключил это на основании примет: во-первых, они черномазы и курчавы» и т. д.

Трудно предположить, чтобы Геродот — житель Греции, где смуглый и далее очень смуглый цвет лица обычен, мог бы назвать черномазым народ просто загорелый, темноволосый, живущий и поныне на побережье. Затем курчавость является несомненным признаком негрского и эфиопского племен, а отнюдь не индоевропейских.

Пиндар (522—448 годы до н. э.), живший до Геродота, тоже называет колхов черными.

Более или менее достоверные сведения о кавказском побережье Черного моря относятся к временам Митридата (132—63 годы до н. э.), когда уже черных колхов как племени не существовало. Далее раньше, во времена Гиппократа (460—377 годы до н. э.), жители нынешней Мингрелии описываются уже как белые: «Цвет их желто-зеленоватый, как у страдающих желтухой…»

Вывод из этих данных таков, что в доисторические времена Колхида была населена народом кушитского (эфиопского, негрского) племени. Остатки (вероятно) его еще были довольно многочисленны: в начале V века их видел, с ними беседовал Геродот. Затем, к концу того же века, они совсем исчезают, за исключением, быть может, единичных семей».

История берегов Понта Эвксинского — это невообразимое средоточие и переплетение битв и нашествий, переселений целых народов, возникновения и полного исчезновения государств. Проблема происхождения абхазских племен и доныне далека от полного разрешения. На этот счет существуют самые различные гипотезы и теории (эфиопско-египетская, северокавказская, малоазиатская, автохтонная и др.). Вряд ли стоит отдавать предпочтение любой из них, за исключением автохтонной, покуда еще не собраны достаточно надежные и веские доказательства. Во всяком случае, достоверных свидетельств о существовании негроидного населения в исторической Колхиде у нас не имеется. Так что сообщение Геродота можно скорее отнести к легендам, связанным с Колхидой. Но коль скоро речь идет об абхазских неграх, я хочу рассказать об исследованиях замечательного абхазского ученого и писателя Дмитрия Гулиа. В книге «История Абхазии» он в свое время сделал предположение, что абхазцы — выходцы из Египта и Абиссинии. При этом Д. Гулиа многократно цитирует высказывания Геродота, Каллимаха, Периегета, Марцеллина, Диодора Сицилийского, Страбона, Дионисия, Евстафия, доказывавших, что колхи вышли из Египта. Впрочем, сами по себе цитаты еще не доказательство. Значительно весомей приводимые автором аналогии в географических названиях, именованиях божеств, именах людей и в сходстве нравов, обычаев и поверий абхазских с абиссинско-египетскими. Вот некоторые из них.

МЕСТНОСТИ, СЕЛА, ГОРОДА

В Абхазии	В Абиссинии
Гумма	Гумма
Багада	Багад
Самхария	Самхара
Набешь	Хэбеш
Акапа	Акапа
Гоандара	Гондара
Колдахвари	Котлахари
Челоу	Челов

РЕКИ

В Абхазии	В Абиссинии
Табакур	Дабакур
Хоби	Хоби
Гума	Гума
Атбара	Атбара
Абаша	Абаша

ИМЕНА

В Абхазии	В Абиссинии
Засхан	Засхал
Шабак	Шабаку
Губаз	Губазе
Шардын	Шардак
Салида	Сабита

Не буду приводить здесь всех доказательств Д. Гулиа, Мне важно другое: показать читателю, что маленькая тайна, именуемая «абхазскими неграми», — это клубок загадок, неясностей и противоречий. Кто сможет помочь распутать этот клубок? Негры, и доселе живущие в Абхазии, ассимилировавшиеся с абхазцами, ничем, кроме внешнего обличья, от них не отличаются, Они трудятся на цитрусовых плантациях, в шахтах Ткварчели, на предприятиях Сухуми. Для них Абхазия — родина. Исстари, издревле. Со дня сотворения мира, как говорила когда-то мне столетняя старуха Абаш. Она еще помнила какие-то смутные предания и поверья

старины, еще соглашалась иногда погадать или позаклинать духов. Это ее неподражаемым искусством перевоплощения в волшебницу восхищался Максим Горький, когда в 1927 году он вместе с драматургом Самсоном Чанбой посетил село Адзюбжу. Иногда я мысленно представляю великого писателя сидящим у костра над бурной горной рекой Кодер, размышлявшим над отголосками тех битв, что разметали народы по разным континентам.

В. АНКВАБ, член СП СССР

СТРАНИЧКА АБХАЗСКОГО ЭПОСА

Эпос о нартских богатырях бытует почти у всех народов Кавказа, ко у абхазов, адыгов и осетин он наиболее распространен, Ученые-нартоведы (В. Абаев, Ш. Иналипа, Ш. Салакана, А. Аншиба и т. д.) вот уже много лет проводят кропотливые фольклорные и этнографические исследования, пытаясь воссоздать облик той эпохи, когда мог возникнуть эпос. Эти исследования ученых и их споры, надеемся, со временем откроют истину. Но одно тут несомненно: эпос о нартских богатырях — исконно кавказского происхождения. Его возраст исчисляется несколькими тысячелетиями. Эпоха матриархата и переходного к патриархату периода явствуется в рассказах эпоса, в героических его образах, наполненных поэтической символикой и мощью.

Можно ли отыскать в эпосе о деятелях нартских богатырей какое-то упоминание об абхазских неграх? Оказывается, да. Давайте попытаемся проанализировать один из эпизодов нартского эпоса. Итак:

«Нарты, все сто братьев, оседлали однажды своих скакунов — аращи — и двинулись в путь-дорогу, как всегда, славу добывать. Едут, едут они, где ночь застанет, там и ночлег. Утром седлают коней и в путь-дорогу. Так они путешествовали полтора года. И однажды к вечеру остановились под тенистыми ветвями большого развесистого дерева, посреди широкого поля, спрыгнули с коней, выпустили их попастись. Сами расстелили бурки в тени дерева и уселись. Младшие разожгли костер и начали готовить пищу. От костра дым взметнулся к небу, и заметили этот дым люди, обитавшие на расстоянии полдневного пути от того места, где отдыхали нарты. Это были чернокожие люди — негры. Они все были такие черные, что отважный джигит и тот испугался бы, увидев их. Снарядили черные люди воинов и наказали им разузнать, что это за дым. Вернулись из разведки чернолицые воины, поведали старейшинам обо всем.

Собрались чернолицые мужчины и женщины, старые и молодые, посоветовались и решили достойно встретить незваных гостей — биться, пока живы. И начали строить укрепления с той стороны, откуда идут белокожие богатыри.

На другое утро нарты, как обычно, отправились в путь и очень обрадовались,

когда в полдень увидели чернолицых. Но вскоре нарты заметили, что черные люди собираются встретить их копьями и стрелами. Тогда карты, не любившие кровопролития, отобрали нескольких своих воинов и послали их без оружия, чтобы те, чернокожие, убедились, что идут к ним не враги, а друзья. Но чернолицые пустили в них стрелы, ранили двух нартов, и пришлось воинам вернуться. Посовещались нарты и опять отправили своих безоружных посланцев. Но случилось то же, что и поначалу. Тогда все сто нартов сели на своих огнеподобных коней-аращи и бросились на чернолицых, как разъяренные зубры, разрушили стены укрепления, многих потоптали копытами своих коней, отчаянных храбрецов сбивали с ног ударом кнута, а шашки пока нарты в ход не пускали.

Поняли чернолицые, с кем дело имеют и что нарты невинным зла не причиняют, попросили мира и помирились. Задали чернолицые большой пир. Нарты ровно один месяц прожили у чернолицых. А когда возвращались обратно к себе на родину, чернолицые подарили им много скота, и сто лучших чернолицых джигитов отправились с ними, чтобы посмотреть, как живут знаменитые нарты, и погостить у них.

Вернулись в Апсны (Абхазию) сто братьев нартов, с ними сто чернолицых из далекой земли. Очень понравилась чернолицым Апсны, и, когда через месяц настал срок расставанья, половина гостей вернулась к себе на родину, а другая половина гостей навсегда осталась в здешних краях».

Любопытно, что в этом повествовании все соответствует действительности. Полтора года двигались нарты с Кавказа на юг. За это время воины на своих быстрых скакунах вполне могли достичь экваториальной Африки, где с незапамятных времен обитают негры. Затем воинство богатырей вернулось в Абхазию, и вместе с ними как бы с ответным визитом прибыл отряд негров. Могло ли такое быть? Конечно, могло! Половина негров, погостив в Абхазии, вернулась к себе на родину. Это вполне естественно. А другой половине понравилась Абхазия. Чернокожие аборигены Африканского континента навсегда остались на берегах Понта Эвксинского. И такое могло случиться.

Эту страничку из абхазского эпоса, конечно, нельзя считать неоспоримым доводом, исторической достоверностью. Однако эпос, будучи рожден коллективным творчеством, даже в символах своих и иносказаниях отражает правду исторического прошлого. Может, рассказ этот в данном случае и является исторической правдой?

ИВАН САРАТОВ, кандидат технических наук
О ПОЛЕ, ПОЛЕ…

Как много в этом звуке

Кто из нас не помнит слова поэта:

Москва! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось…

Разумеется, наивно было бы утверждать, что волнует нас непосредственно звучание самого слова. Москва — это воссоздание русского государства, Минин и Пожарский, крушение Наполеона, пророческий разгром немецко-фашистских полчищ. Москва — это символ нашей Родины. Но ведь у каждого из нас есть свой заветный уголок Родины — место, где мы родились, и нередко оно напоминает нам о былом историческом деянии или известной народной сказке. Бывает же и так, что мы будто становимся в тупик, не в силах расшифровать значение хорошо известного слова. Например, та же Москва. Почему «Москва» именно? Кто впервые произнес это слово? Что, что за ним? Или, скажем, Харьков.

Существует много версий, объясняющих происхождение названия города.

Первую такую гипотезу высказал Дмитрий Григорьевич Гумилевский, более известный просвещенному читателю под именем Филарета. Профессор Московской духовной академии, автор шестикратно переиздаваемой «Истории русской церкви», Филарет с 1848 по 1859 год возглавлял Харьковскую епархию. В этот период он и издал фундаментальную работу по истории городов и сел Харьковской губернии, где связал наименование Харькова с одной из рек, подарившей городу свое имя. Как известно, строительство города-крепости Харьков велось в 1654—1658 годах.

Но еще в «Книге Большому Чертежу» (1627 год) Упоминается, что «…Лопин пала в Харькову, а Харькова пала в Уды»… И далее: «А выше Донецкого городища, с правой стороны, впала в Уды речка Харькова, от городища с версту»… Приведя ссылки из «Книги Большому Чертежу», Филарет писал: «Отселе понятно, что город Харьков получил название от реки Харьков, как город Олешня от р. Олешки, город Лебедин по озеру Лебедину…» Сегодня эта версия считается официальной, о чем говорится в экспозиции и путеводителе по Харьковскому историческому музею. Но гипотеза Филарета не единственная.

Еще три гипотезы

Харьков возник на месте старинного городища. Городище это в свое время даже измеряли. А дело было так.

Одним из первых городов, построенных южнее «Белгородской черты», был Чугуев. Основавший его гетман Остряница прожил в нем недолго. Вскоре он был убит, форпост на русской границе опустел. Московское правительство срочно выслало в Чугуев воеводу с группой служилых людей. В обязанности воеводы входило не только укрепление своего города, но и поиск мест для строительства будущих крепостей. Точно выполняя инструкции, чугуевский воевода Григорий Спешнев частенько выезжал для осмотра своей округи и во время одной из таких разведок точно измерил и описал Харьковское городище, тогда совершенно запустевшее. Но чье же?

Татаро-монголы на русской земле городов не строили, и в 1877 году профессор II. Я. Аристов высказал гипотезу, будто городище это — остатки древнего половецкого города Шаруканя, а искаженный корень «шарук» и лег в основу самого слова «Харьков».

В X—XI веках воинственные племена кипчаков — куманов, которых наши предки называли половцами, заполонили южнорусские степи. В русской истории Шарукань, находившийся где-то в верховьях Донца, помнят благодаря Владимиру Мономаху. Летописи рассказывают, что в 1111 году жители Шаруканя без боя сдали город русским дружинам, выйдя навстречу Мономаху с рыбой и вином. Но дает ли этот факт основание предполагать, что жили здесь христиане? Еще раз летопись упоминает Шарукань, описывая поход князя Ярополка в 1116 году. Дальнейшая судьба Шаруканя неизвестна. Может быть, оттого, что наименования половецких городов, по мнению

Н. Я. Аристова, были связаны с именами ханов, стоявших у власти; умирал один хан или власть переходила к другому, и название города менялось. Так и Шарукань в разные времена, вероятно, носил названия разные. Сначала летопись называла его Осеневым, по имени хана Асана или Осеня, сдавшегося в плен Мономаху. В 1082 году власть перешла к Шаруку, тоже едва не попавшему в русский плен в 1107 году. Позже город стал называться Чешуевым — наверно, по имени хана, ставшего предводителем половцев после смерти Шарука.

Больше русские летописи о Шарукане не упоминают. Но в летописном описании Игорева похода 1185 года на берегу реки Уды появляется город Донец, которого во времена Мономаха не было. Это дало основание многим ученым считать, что город Донец возник на месте старого Шаруканя.

Аристов прочел летопись совсем иначе. Он установил, что русские дружины, «поидоша съ Донови ко граду Шаруканю», взяли его. (Река Уды в летописях называлась Доном или Донцом. Современный Северский Донец в те времена назывался Великим Доном.) Историк решил, что Шарукань находился не на берегу Уды, а на некотором расстоянии от реки, и отождествил это место с месторасположением Харькова. Так ли это — сказать трудно. Кроме гипотезы, никаких документальных доказательств нет. А гипотез о месторасположении Шаруканя было предостаточно.

Иначе мыслил автор знаменитой яфетической теории академик Николай Яковлевич Марр. Он считал, что корень «ХАР» (так же как «САР», «КОС» и «КАЗ»)

не что иное, как этноним хазар. Этноним — это наименование племени или народности. Отсюда Харьков (как Казань, Кострома и Саратов) — древний хазарский город. Много веков хазарский каганат (пока верхушке удавалось удерживать в повиновении населявшие территорию этого более чем странного государства-призрака тюркские, славянские и другие племена) грабил окрестные народы. Но при Вещем Олеге перестают платить дань северяне и радимичи — славянские племена, заселявшие верхнее левобережье Днепра. Затем — вятичи. Окончательно покончил с врагами Святослав Игоревич. После его похода хазарский каганат рассыпался, паразитическая верхушка, состоящая из чиновников и торговцев, сбежала (кому удалось), и если б не… впрочем, история хазарского каганата в известной мере более чем поучительна.

Парадоксально, но факт, более чем тысячу лет назад Святослав стал подлинным освободителем подъяремного хазарского люда от их фальшиво-лицемерного «царя» и его ростовщически-жадных сатрапов.

Простые тюрки от его набега не пострадали: они просто не принимали никакого участия в военных действиях. Люди продолжали жить как и жили, говоря, конечно же, на языке своих отцов и дедов. Так, может, «Харьков» — тюркское слово? «ХАР» обозначает снег или лед, а «КОВ» может быть объяснена как узкое речище, берег или речка. В целом название Харьков, по мнению И. В. Муромцева, автора еще одной гипотезы, обозначает «холодная речка». В подтверждение своей правоты ученый приводит названия и других ближних рек и ручьев: Студенок и Ледяной Яр.

Эти три гипотезы — не единственные. Есть и еще. Ко не пора ли автору перестать заниматься пересказом, а сказать то, что вроде б еще не говорилось?..

А что именно?

Исследования, проведенные автором, обнаружили факты, плохо укладывающиеся в здания существующих гипотез. И фактов таких немало. Вот некоторые из них.

1. Оказывается, существует немало населенных пунктов и рек, названия которых содержат корень «харк» или «харьк». Половина населенных пунктов с корнем «харк» называются Харьковцы, другие носят название Харьков, Харьковка, Харьковское, Харькивщина. Кроме них, имеются и другие населенные пункты, чьи имена очень близки к корню «харк».

2. Некоторые из этих населенных пунктов и рек нанесены на старинную карту Боплана. Карта увидела свет задолго до появления Харькова. И хотя на ней все названия с корнем «харк», переданные латинскими буквами, пишутся через букву «К», на последующих изданиях мы видим уже букву «Х».

3. Все населенные пункты с корнем «харк» расположены в пределах Украины вблизи юго-восточной границы известных нам древних славянских поселений.

4. В современной Югославии на границе Хорватии и Сербии расположен город

Хртковцы (не напоминает ли украинское Харьковцы?), а на границе Хорватии и Венгрии — Харкани.

5. Далее. Только один из всех населенных пунктов с корнем «ХАРК» стоит на реке Харьков. Это сам город Харьков. Остальные размещаются на реках Удай, Лохвица, Альта и др. Более того, и Харьков-то приблизился к одноименной реке только тогда, когда разросся за пределы начальной крепости. А крепость была построена на обрывистом берегу реки Лопань (на месте древнего городища), которое хотя и отстояло довольно далеко от реки Харьков, однако носило почему-то название Харьковского, а не Лопанского.

6. И еще о хазарах. На Руси они известны были под именем «козар». Например, древние летописи, описывая события 859 и 1117 годов, рассказывают нам: «…козари имаху дань на полянех и на северянех… или: «…придоша беловежци, си есть козаре, в русь…» и т. д. И в XX веке сохранились их многочисленные следы в виде названий населенных пунктов: Козарка, Казариновка, Козары, Козарская и др. Все эти названия сегодня звучат и пишутся, как и в древних летописях, с четким указанием первой буквы «К».

А теперь давайте-ка поразмыслим. Отчего столь локально расположены все эти поселения? А если Харьков получил свое имя от реки, так почему возникли Харьковцы на Удае или Лохвице? Если Харьков — от хазар, тогда почему тысячу лет сохранялось «КОЗАРЫ»? И т, д. Пусть и читатель сам потрудится над выводами. Но что, если… впрочем, здесь пора уже честно сознаться, что есть и еще одна гипотеза.

Гипотеза автора

А что, если слово «Харьков» напоминает нам об одном из восточнославянских племен, живших в те далекие времена на юго-востоке Европы? За обычай носить темную одежду соседи называли их «черными». Возможно, это были потомки киммерийцев, которых, кстати, финикийцы называли темными, а может, мелакхлены — «черноризцы», то есть люди *в*черной одежде. Последние были знакомы грекам еще с VI века до н. э. Затем в V веке до н. э. о них пишет Геродот, помещая их между Сеймом и Доном, к северу от царских скифов, но оговаривая, что это не скифское племя.

В III веке до н. э. племена, «носящие черную одежду», известны под именем савдараты. Известны они и в I веке к. э.: писатель Дион Хрисостом, посетивший в то время Ольвию, рассказывает, что ольвийские жители носили черные плащи на манер одного из соседних туземных племен. Исследования показали, что память об их древнем местожительстве и поныне живет во многих названиях на всем пространстве Юго-Восточной Европы от верховий Днепра до Кубани.

В названиях более чем 250 рек, ручьев и балок, расположенных только в верховьях Днепра и в бассейне Дона, можно обнаружить корни «ЧЕРН», «КАР» или «ХАР». Невольно вспоминается князь Черный — легендарный основатель города Чернигова. Заставляет задуматься частое повторение определения «черный» во многих географических названиях юго-востока Европы: реки Черная Калитва,

Черный Жеребец, Черная протока Кубани, Черные горы — передовая северная возвышенность Кавказских гор, Черные земли — территория, расположенная на юго-западе Прикаспийской низменности, Русское, или Черное, море, Тмутаракань, Боспор Киммерийский (у финикийцев Камар — темный, черный).

Отсюда предположения автора.

Название «ХОРВАТЫ», возможно, обозначает «черные славяне», где «ХОР» — это темный (русское «карий» или тюркские «кара» или «хара»), а «ВАТ», подобно вятичам, — производное от венетов или антов, древнейших названий славянских племен. Вспомним, что в древних источниках неоднократно упоминаются «черные болгары» и «черные хазары», жившие на юго-востоке Европы. Не исключено, что «черные славяне», «черные болгары» и «черные хазары» — названия одних и тех же племен, отождествляемых древними авторами в различные времена с теми народами, которые были известны им лучше.

Существование хорватских племен на юго-востоке Европы во II—IV веках нашей эры (то есть задолго до заселения ими территории современной Хорватии) подтверждается и теми фактами, что у сармат употреблялись личные имена ХОРВАТ и АНТ, очевидно, характеризовавшие каких-то лиц- по этническому признаку. Птолемей в низовьях Дона и Донца поместил народ саргатии, имя которого не что иное, как искаженное имя ХОРВАТ.

Название легендарной Артании — земли артов, крупного объединения славянских племен, существовавшего еще до Киевской Руси на юго-Востоке Европы, также связано с именем «черных славян», только с его какой-то видоизмененной формой: хорваты — харты или арты, харки или арки. Возможно, что такое построение аналогично существующим сегодня формам: жители полесья — полещуки, северские славяне — севрюки. И хотя последние названия возникли значительно позже, это не исключает возможности возникновения подобных названий и в более ранние времена. В доказательство возможности такого предположения можно привести сохранившиеся с древних времен названия югославянских селений Хртица и Хрваце или названия неизвестных нам иирков и герков.

В XII веке прекрасный поэт Низами, воспользовавшись древними источниками, писал, что русы в Закавказье приходили «из страны алан и герков».

Кто это герки? Может, потомки иирков, о которых упоминал еще Геродот, описывая скифский мир во времена завоеваний Дария? А может, харки — герки — иирки — одно из племен юго-восточных славян, живших на всем пространстве от Волги до Кубани и Днепра?

Сегодня известно, что аланы жили на Северном Кавказе и в верховьях Северского Донца и Дона. Многочисленные памятники алан разысканы вблизи Харькова в районе Верхнего Салтова, откуда весь археологический комплекс подобных памятников получил название Салтовской культуры.

Русы жили в среднем Поднепровье. По свидетельству древнерусских летописей, Русью называлась область, где жили поляне, «еще ныне зовомая Русь».

А где жили герки? Пожалуй, герки (или харки) жили где-то в непосредственной близости от русов **и**алан. Топонимика подтверждает это: город Харьков, река Харьков и балка Харьков в Харьковской области, селения Харькивка, Харивка, Харькивщина и река Хоркалуж на Сумщине, Харькове в Черниговской области, река Харьковка под Оршею, три села Харьковцы в Полтавской области, остров Хортица, две балки Средняя и Нижняя Хортица и курган Караватка в Запорожской области, Харьков под древним Переяславлем (позже — это селение Каратуль), Харьковцы на реке Альте, река Хорватка в районе Васильковка Киевской области, поселение Хорив на горе Хоривице, Харьковцы в Черкасской области, Харьковцы в Хмельницкой и другие.

Эти названия — следы наших предков. И то, что почти все они расположены в землях полян, радимичей и северян, можно легко объяснить. Племена, жившие на юго-востоке Европы, первыми ощущали удары орд, двигавшихся из глубин Центральной Азии. Сражаться приходилось почти непрерывно: не успевали отразить одну орду, как азиатский вулкан извергал все новые и новые волны пришельцев. И так на протяжении сотен лет. Под давлением пришлых орд коренные жители этого края были вынуждены оставлять свои родные земли. Одни племена переселялись на запад, в бассейн Дуная; другие — на северо-запад и север, в бассейны Днепра и Оки. Память об этих переселениях уже много веков спустя докатилась к древнему летописцу, который писал: «…по мнозех же времянех сели суть словени по дунаеви где есть ныне угорьска земля и болгарьска. Ото тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими где оседше на котором месте… а се ти же словени хровате белии и сереб и хорутане…» Да, славянские племена заселили Подунавье во второй половине I тысячелетия н. э. Откуда ж они пришли к Дунаю, древний летописец не помнит и потому не пишет. Но отголоски древнейших событий сохранил сам народ. К нам дошли древние песни русского народа, рассказывающие о сказочном мире древних богатырей. И хотя мир богатырей сказочный, в нем, как в зеркале, отразились исторические события древнейших времен, поразившие народную память и воображение.

Примечательна в этом смысле былинная песня о богатыре Дунае сыне Ивановиче, имя которого носит река Дунай. В этой песне можно выделить три характерных интересующих нас момента. Это то, что Дунай непохож на других богатырей и в Киев пришел из других краев, где

Служил Дунай во семи ордах,
Во семи ордах, семи Королям…

Несмотря на это, Дунай именно русский богатырь, что подчеркивается в песне его отчеством «сын Иванович», которое всегда указывает русское происхождение фольклорных героев. (Сравните: Илья Муромец сын Иванович, Иван Царевич и др.)

Окончил жизнь богатырь в водах реки, имя которой и сохраняет память о нем, о богатыре Дунае:

…Потому быстра река Дунай слывет;

Своим устьем впала в сине море.

Возможно, что корни легенды о братьях Радиме и Вятко тоже связаны с переселением жителей Артании и вятичи заселили верховья Днепра и Оку не с запада, а подымаясь вверх по Донцу и Дону? И неспроста легендарный Илья Муромец сын Иванович, крестьянский сын из села Карачарова близ города Мурома, идет через «Вятические леса», мимо черниговского города Карачева на юг, к «колыбели русской народности» в стольный Киев-град. Обратите внимание, Илья Муромец идет не на запад к земле ляшской, откуда будто бы пришел его предок Вятко, а на юг. И здесь, на юге, обнаруживаются у Ильи Муромца загадочные родовые связи со Збутом Борисом Королевичем из семьи или рода Короля Задонского. Это слова из песни об Илье Муромце. А вот сведения совсем другого характера, но по сути своей очень близкие к тем, что мы нашли в былинной песне об Илье Муромце:

1. В реку Харьков впадает река Муром, в верховье которой стоит селение Муром. 2. Старейший русский город Муром расположен в мордовской земле, где славянские поселения появились еще до Киевской Руси. 3. Харьковскую область пересекал когда-то Муравский шлях, древнейший путь на европейской части нашей страны. 4. Украинский язык сохранил слово МУР, что означает каменная крепостная стена. 5. Город, обнесенный каменной крепостной стеной, существовал вблизи Харькова (Верхний Салтов) еще задолго до Киевской Руси. Уж не в этих ли краях и располагалось «Задонское Королевство»?

Славяне в Прикавказье?

Уходя из родных мест, часть «черных славян» селилась среди родственных славянских племен, образуя новые поселения, которые в отличие от местного населения стали называться «черными». И неудивительно, что за пределами земли полян и северян, то есть в самой Артании, таких названий нет, так как там все поселения были «артанскими». Такую же картину можно наблюдать сегодня и в Югославии. Вдоль всей хорватской границы разбросаны «хорватские» названия городов и сел: Хорватини у Триеста; река Керка и город Харкани в Венгрии; Хртковцы в Сербии; Хртица в Косове; Хрвачаны, Хрватско Село, Хрватски Влагай на границе с Боснией; Хрваце на границе с Герцеговиной. В центре Хорватии таких названий мы не встречаем.

Связь современных хорват со своими юго-восточными предками можно проследить по следующей цепочке, каждое звено которой в той или иной степени доказуемо: хорваты — сербы, сербы — северяне.

Центром северской земли был Чернигов, основанный князем Черным. Но именно черниговские князья (а не киевские) рассматривали Тмутаракань как свою «отчину». Что-то нам неизвестное давало им основание родниться с землями на берегах Кубани, Азовского и Черного морей.

Ариаднина нить таких построений привела нас к берегам Азовского моря — древней Меотиды, где размещался третий славянский центр — Артания. Нет, не случайно «оселедец» украинских казаков носил князь Святослав, а еще ранее так стригли головы праболгарские владыки, обитавшие на берегах Дона и Кубани, их и называли «князья с остриженными головами».

Не случайно и одно из названий южных болгар было «Венентр».

О существовании юго-восточного славянского центра упоминается в самых различных источниках: страна Артания, русская церковь по уставу Льва Философа, христиане Шаруканя и Хазарии, бродники в южных степях, нити, связывающие Чернигов с Тмутараканью, и многое другое.

И — кто знает — возможно, автор «Слова о полку Игореве» в своих строках: «…Див кличет по верху дерева, велит прислушаться землям незнаемым: Волге и Поморью и Посулью и Сурожу и Корсуню и тебе Тмутараканский хан…» — обращается не к враждебным землям, а к землям, утерянным славянами под давлением кочевников: от берегов Волги до Черноморья, от Сулы до побережья Крыма и Тамани. «Дикое поле» — столетия звал наш народ эти земли. Уж не к нему ли обращался пушкинский Руслан, говоря: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» Склоним же перед ними голову — это не только прах завистников земли древнерусской, это могилы отцов, без которых не было бы нас с вами, читатель…

В. СКУРЛАТОВ, кандидат исторических наук

СЛЕД СВЕТОНОСНЫХ

Люди не стремятся оригинальничать, когда дают вещам имена. Они или приспосабливают для названия новоувиденного старый корень, или заимствуют в свой язык то слово, которым новоувиденное обозначается в языке другого народа.

Как показал в 1950—1952 годах основоположник глоттохронологии М. Свадеш, любой народ неизбежно обновляет за каждое тысячелетие около 19,5 процента корневых слов своего языка. Корневых слов не так уж много, и они на протяжении тысячелетий рассеялись по всем континентам. К примеру, можно насчитать десяток-другой корневых слов, почти одинаково звучащих в русском языке и в языках австралийских аборигенов или бушменов Южной Африки. В древности праславянскими корневыми словами пользовались, видимо, многие народы. Вавилоняне дорогу называли «дарагу», шумерское слово «уруду» (медь) сближается чешским ученым Б. Грозным со славянским корнем «руда» и т. д.

Планета наша не столь уж велика, а народы не всегда сидят на одном месте. Так, в начале нашей эры готы переселились с балтийских берегов в причерноморские степи и отсюда доходили чуть ли не до Индии. Легенды осетин повествуют о походах в Скандинавию, о набегах нартов на Ближний Восток и в Африку. Древние славяне (в частности, русы и хорваты) с незапамятных пор играли

активную роль в судьбах Европы, Центральной и Передней Азии.

Историки допускают, что в конце II — начале I тысячелетия до н. э. киммерийско-славянские отряды через Фракию и Босфор вторгались в Малую Азию, а из Русского Поля просачивались через Дарьяльское ущелье в Закавказье. В конце концов во главе Урарту, унаследовавшего славу индоевропейского хуррито-митаннийского государства II тысячелетия до н. э., становится царь Руса I (конец VIII века до н. э.). Вблизи теплых источников к югу от Главного Кавказского хребта основывается опорный пункт Теплице, впоследствии Тифлис (ныне Тбилиси). Славяне воздвигают в Мингрелии цитадель, получившую название Горди (от «город», «град»), а в малоазиатской Фригии строят крепость Гордион. Отмечается также, что имя фрако-фригийского бога Сабадиоса (Освободитель) выводимо из исконно славянского корневого слова «свобода». Даже в Библии, в ветхозаветной книге пророка Иезекииля, осталась память о могучем северном народе Рос (Рош), одно только имя которого внушало ужас семитам.

Кстати, название Артании, одного из трех до-киевских славянских царств (наряду с Куявией и Славней), напоминает названия славных урартов (уруатри) и более ранних хурритов-митанни. Некоторые ключевые слова урартского языка совпадают или близки с соответствующими словами русского и сербскохорватского языков. Например, местоимение «я» на урартском звучит почти так же, как по-русски. Имена же царей митанни, производные от сугубо индоевропейского, арийского корня «рта» (порядок развертывания времени в бытие; закон, управляющий судьбой вселенной), тоже, наверное, имеют какое-то отношение к Артании. Например, известен митаннийский царь Артатама I, который правил приблизительно в 1460— 1440 годах до н. э. и выдал свою дочь замуж за египетского фараона Тутмоса IV — дедушку того знаменитого фараона-еретика Эхнатона, что был мужем Нефертити. Тысячелетие спустя царские имена, начинающиеся на «арта», были распространены на Среднем Востоке — ахеменидские Артаксерксы в Персии, армянские Арташесы, Артавазды и т. д.

И русы, и другие славянские племена обладают таким же историческим достоинством, как индоиранцы, германцы, тюрки и прочие народы, и имеют за своими плечами, конечно, не десять-пятнадцать веков исторического бытия, а несколько тысячелетий минимум. Они неминуемо должны были оставить свои следы во многих районах Евразии и сопредельных регионов. Насколько же обоснованна в этой связи гипотеза о хорватах как древних насельниках Харьковщины, давших Харькову его имя? Попробуем проследить пути хорватского племени сквозь времена и пространства.

Известно, что между 625 и 629 годами византийский император Ираклий, стремясь ослабить натиск авар, пригласил часть сербов с Эльбы и часть хорватов из Галиции поселиться на Балканах. Известно также, что к северным Карпатам в Галицию хорваты пришли в начале славянской экспансии на запад, то есть лет за сто-двести до переселения в Иллирию.

В малоизвестной «Влесовой книге», являющейся, как предполагают, памятником языческой Руси, об этом событии говорится следующее:

«се бо оре отец иде пренд ны а кие венде за рушь и щек венде племы све а хорив хорвы све а и земь бо граденц на то а якве се мы внушате бгве одейде хорив и щек одо ине а сехом до карпансьте горя и тамо бяхом ини граде творяеам ину имяхом соплеме-ны иняи богентсве имяхом велк».

В переводе это звучит приблизительно так: «и вот Орь отец идет перед нами, а Кий ведет за Русь, и Щек ведет племена свои, а Хорив хорвов своих… (далее непонятно)… поскольку мы внучата богов; отошли Хорев и Щек от остальных и сели до Карпатских гор и там иные города создали, иных имели соплеменников, иное имели великое богатство».

Иными словами, согласно «Влесовой книге» Кий, Щек и Хорив не три родных брата, а вожди братских племен: русов, чехов, хорватов. Если русы перед началом расселения обитали в районе Киева где-то неподалеку от реки Рось, то вполне возможно, что их соседи, хорваты, частично осели где-то неподалеку от реки Харьковы.

Что касается первичного смысла слова «хорват», то едва ли оно означает лишь «карие (черные) ваты (венеты, анты)». Напомним, что Хорив привел к Карпатам племя, известное позднее византийскому историку, императору Константину Багрянородному (X век) под именем «белых хорватов». Существуют и другие гипотезы о происхождении имени «хорват». Птолемей в своей «Географии» (II век) помещал народ «сербой» (сербов) в степях между северо-восточными предгорьями Кавказа и Волгой. Польский славист К. Мошиньский производит имя «серб» от индоевропейского корня «серв» (страж, пастух). Быть может, позднее ираноязычные сарматы перевели это слово на свой лад как «хавр» (страж) и стали, добавив суффикс «ат», называть хорватами тех сербов, что жили с ними бок о бок. В двух греческих надписях из Танаиса (Нижний Дон), относящихся к концу II века, ясно прочитываются имена «хороатос», «хороуатос». В обычаях, обрядах, формах жилищ, хозяйственной практике сербов и хорватов до сих пор сохранились реликты их пастушеского прошлого.

Славянские племена не просто соседствовали со степными ираноязычными скифами, сарматами и аланами, но иногда растворялись в них или почти сливались с ними. Так, по мнению Г. В. Вернадского, известное в античности воинственное племя роксоланов (во «Влесовой книге» — русколань) произошло в результате типичного куначеского союза-слияния, в котором участвовали, с одной стороны, некоторые кланы русов и ряд кланов алан — с другой. Иранские корни входили в славянскую речь, а славянские нередко фонетически « иранизировались». Превращение «серба» в «хорвата» вполне могло иметь место, и, как указал недавно польский ученый З. Голяб, если древнеславянское слово начинается на «х», его с большой вероятностью можно считать словом ираноязычного происхождения.

Но является ли азово-каспийский регион прародиной хорватов, откуда часть их пришла на Харьковщину? К сожалению, многие до сих пор рассматривают древних славян исконными земледельцами и не допускают даже мысли, что какие-то славянские племена полтора-два тысячелетия назад продолжали жить первобытно-индоевропейской пастушеско-земледельческой жизнью в разных уголках степного пояса, простирающегося от нынешней Венгрии в глубь Центральной Азии. Между

тем не только сербы и хорваты были пастухами, но, видимо, и русы. Отметим, что «Влесова книга» описывает древних русов как степной народ, водящий свой скот «от востока до Кариенстеа горе», и к V веку река Волга в ее степной части была известна западным географам как река Рос, «русская река».

Степь же широка, но легко и быстро проходима, как море на ладьях, а степняки очень непоседливы. Скажем, пришли европеоидные, но, вероятно, уже тюркоязычные «черные клобуки» из Приаралья на реку Рось, стали в силу каких-то, вероятно, давних своих связей с русами служить киевским князьям, но после татарского разгрома частично откочевали снова за Волгу, породив нынешних каракалпаков (черношапочников) на территории бывшего Хорезма, к югу от Аральского моря. Так, возможно, и хорваты. Судя по ряду археологических, антропологических и лингвистических соображений, пришли они в Приазовье, вероятно, из благодатного острова в море пустынь — из того же Хорезма. И древнее название Хорезма — «Хвар-зем» — означает на языке древнеиранской Авесты «земля Солнца».

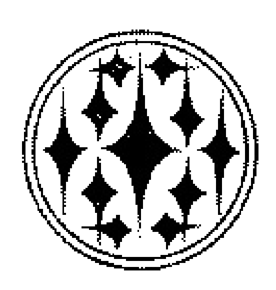
Таким образом, название хорват производно, возможно, не от корня «хавр» (страж), а от другого ираноязычного корня «хвар» (солнце). По мнению П. Те-деско, слово «хорват» выводится из иранского «хварвант» (санскритское «сварвант») — «солнцеподобный», «солнценосный». Соответственно название русов, как предполагают некоторые ученые, связано с древнеиндоевропейским, арийским корневым словом, означающим «свет», «светоносный», «святой» («расхша» в Авесте, «рухс» в аланском языке). Напомним, что в исконно славянской религии обожествлялся именно свет, солнечный знак, круг — зигзаг времени.

А при очередном зигзаге истории старый смысл племенного имени не всегда увязывался с изменившимися обстоятельствами, переосмыслялся в духе той или иной народной этимологии». Например, по цвету волос или по одежде: русы — значит русые, хорваты — черноволосые, черношапочные и т. п. Вскрывая в имени пласт за пластом, как бы сходишь по ступеням истории к первоистокам.

В «Ассирийском царском списке» сообщается о «живших в шатрах» легендарных царях Хархару и Харцу, странствовавших в III тысячелетии до н. э. где-то, видимо, в евразийских степях. А в древнеперсидских надписях провинция Арахозия с центром в городе Кандагар (ныне в Афганистане) называлась Харахвати. Нет ли и здесь связи с хорватами?

Что ж, и готы в одну и ту же эпоху обитали и в Скандинавии, и на Балтике, и в Крыму, и на Кавказе, не говоря о готских королевствах Западной Европы, и, разумеется, поддерживали сношения друг с другом, Аланы в первой половине I тысячелетия рассеялись от Синьцзяна до Британских островов и Северной Африки. Если объективно (и без русофобской предвзятости) обобщить свидетельства древних источников и данные современной науки, то напрашивается вывод, что пятнадцать веков назад русы обосновались, видимо, и на Волге, и в Приазовье, и в Крыму, и на Днепре, и на Немане, и на Балтике, и даже, возможно, в Скандинавии, на берегах Северного моря, и в Центральной Азии. Хорватские кланы тоже наверняка не раз растекались по планете.

Древние славяне жили в таких же социально-экономических условиях, как и соседствовавшие с ними ираноязычные, германоязычные и тюркоязычные племена. Некоторые кланы и племена и славян, и иранцев, и германцев, и тюрок прибивались к побережьям, становясь викингами морей, другие предпочитали всаднический степной простор, третьи искали свою судьбу в хлебопашестве. Но вольнолюбивые непоседы рождались везде и разносили по белу свету не только свои корневые слова и имена, но и славу своего рода.



В. КОБРИН, историк
УГЛИЧСКАЯ ДРАМА

15 мая 1591 года в Угличе погиб при загадочных обстоятельствах царевич Дмитрий. Это случилось через семь лет после смерти его отца Ивана IV. Вступивший на престол царь Федор Иванович был человеком недалеким, почти слабоумным, и потому, умирая, Иван Грозный учредил нечто вроде регентского совета при своем глуповатом наследнике. Один из членов этого совета, шурин Федора Борис Годунов, вскоре стал единоличным правителем.

После смерти отца полуторагодовалого Дмитрия отправили вместе с матерью — Марией Федоровной Нагой — в Углич.

Что же произошло 15 мая 1591 года? В этот день царевич, играя во дворе, внезапно упал на землю с ножевой раной в горле и тут же скончался. Мать Дмитрия и ее родственники обвинили в убийстве находившихся в Угличе московских служилых людей, которых тут же прикончили сбежавшиеся горожане. Через несколько дней прибыла из Москвы следственная комиссия. Она пришла к выводу, что царевич играл ножом и в припадке эпилепсии сам на него накололся. Наконец, выступивший претендентом на русский трон в 1602—1605 годах, а потом недолго пробывший царем (1605—1606 годы) молодой человек утверждал, что он и есть Дмитрий, спасшийся чудом от убийц.

Итак, три взаимоисключающие версии остались нам от тех далеких дней: погиб в результате несчастного случая; убит по наущению Бориса Годунова; пытались убить, но спасся.

Несчастный случай?

Основа этой версии — следственное дело, составленное комиссией в Угличе. Вот как вырисовывается из этого документа то, что произошло.

Царевич давно страдал эпилепсией — падучей болезнью, «черной немочью». Первой об этом заявила следователям мамка царевича Василиса Волохова, рассказавшая, что однажды он в припадке поколол сваей — гвоздем или шипом для игры в свайку — свою мать, а в другой раз «объел руки Ондрееве дочке Нагово, одва у него Ондрееву дочь Нагово отнели».

12 мая припадок повторился. Через два дня Дмитрию «маленько стало полехче», и мать взяла его с собой в церковь. В субботу 15 мая царица опять ходила с сыном к обедне, а потом отпустила гулять во внутренний дворик дворца. С царевичем были мамка Василиса Волохова, кормилица Арина Тучкова, постельница Марья Колобова и четверо сверстников, в том числе сыновья кормилицы и постельницы. Дети играли в «тычки» — втыкали броском нож в землю, стараясь попасть как можно дальше. Во время игры царевича постиг очередной припадок.

Послушаем показания очевидцев и родственников царевича.

Михаил Федорович Нагой, брат царицы: «Царевича зарезали Осип Волохов, да Микита Качалов, да Данило Битяговской».

Григорий Федорович Нагой, другой брат царицы: «И побежали на двор, ажно царевич Дмитрий лежит, набрушился сам ножем в падучей болезни».

Василиса Волохова, мамка: «И бросило его на землю и тут царевич сам себя ножом поколол в горло, и било его долго, да туто его и не стало».

Товарищи Дмитрия по играм: «Пришла на него болезнь, падучий недуг, и набросился на нож».

Кормилица Арина Тучкова: «И она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная, а у него в те поры был нож в руках, и он ножем покололся, и она царевича взяла к себе на руки, и у нее царевича на руках и не стало».

Андрей Александрович Нагой: «Прибежал туто ж к царице, а царевич лежит у кормилицы на руках мертв, а сказывают, что его зарезали».

Дмитрий погиб вскоре после обедни, около полудня, когда весь Углич разошелся по домам. Уехал к себе из дьячьей избы Михаил Битяговский — глава угличской администрации. Разошлись «по своим под-ворьишком» вслед за Битяговским его подчиненные — подьячие и «пищики» — писаря из дьячьей избы.

Братья Нагие, Михаил и Григорий Федоровичи, «поехали… к себе на подворье обедать». «В те поры сидел у ествы» Андрей Александрович Нагой. Готовились к обеду и во дворце царевича. Мимо стоявших в передних сенях истопников слуги уже «понесли кушанье вверх». В это время прислужники, приставленные к поставцу с посудой, увидели бегущего товарища детских игр царевича — Петрушу Колобова. Он успел сказать им, что царевич погиб.

К кормилице, держащей на руках умирающего (или уже умершего) ребенка, подбежала мать — царица Мария. Все ее горе, весь ее гнев вылились на мамку — Василису Волохову. Схватив полено, она начала ее бить и «голову ей пробила во многих местах», Тогда-то и были впервые названы имена предполагаемых убийц царевича: царица «почала ей, Василисе, приговаривать, что будто се сын ее, Василисин, Осип с Михайловым сыном Битяговского да Микита Качалов царевича Дмитрея убили».

Ударили в набат. Он стал своеобразным аккомпанементом, под который разворачивались дальнейшие трагические события. Колокольный звон заставил поторопиться к дворцу все население города. Прискакал на коне уже успевший захмелеть Михайло Нагой. Явились Андрей и Григорий Нагие.

Вскоре во дворе показался и Михайло Битяговский. Там, в Угличском кремле, уже собралась большая толпа посадских людей. Многие были «с рогатинами, и с топоры, и с саблями». Слова царицы о том, что царевича убили, сделали свое дело. Битяговского к тому же в городе не любили: это был представитель московской администрации. Он, например, требовал с жителей посохи — ополчения для подсобных работ в войсках, в частности для перетаскивания тяжелых орудий. Михаил Нагой, выступая в качестве представителя угличского удельного князя, посохи не давал, и как раз утром в день смерти царевича Битяговский и М. Нагой

громогласно спорили и бранились по этому поводу.

Михайло Битяговский поначалу пытался отвечать на обвинения — «учал разговаривать». Толпа еще больше распалилась. Тогда дьяк кинулся на колокольню, но пономарь запер вход и не пустил его туда. Вместе с дьяком спасались его помощники Данило Третьяков и Никита Качалов. Они заперлись в стоявшей посреди двора «брусяной избе». Однако толпа выломала окна и двери, выволокла спрятавшихся и убила.

Вслед за ними пришла очередь остальных жертв. Данилу Битяговского вытащили из дьячьей избы. Осипа Волохова схватили у жены Битяговского и привели к царице. Мать Осипа Василиса показывала, что «царица-де миру молыла: то-де убойца царевичу, сын ее Осип Волохов. И сына ее Осипа тут до и смерти убили».

На дворе у Битяговских все было разграблено. Жену Битяговского Авдотью с двумя дочерьми, «ободрав, нагу и простоволосу», привели к царице. Их то же хотели убить, и только вмешательство двух настоятелей монастырей спасло их.

К вечеру все успокоилось, но трупы убитых оставались непогребенными. В церкви лежало тело царевича , и около него «безотступно» находился Андрей Александрович Нагой.

Вскоре наступило отрезвление. Было ясно, что вот-вот из Москвы нагрянет следственная комиссия. Нужно было срочно найти доказательства вины убитых. За дело взялся Михайло Нагой. По его приказу на тела Битяговских, Качалова, Волохова и других убитых (а всего погибло 14 человек) положили оружие — ножи, железную палицу, взятую в доме Битяговского… Чтобы оружие имело картинный, обагренный кровью вид, зарезали курицу и ее кровью натерли ножи. Все это было рассказано на следствии самими участниками этого фарса.

Вечером 19 мая в Углич приехала следственная комиссия. Ее формально возглавлял митрополит Сарский и Подонский Геласий. Секретарь комиссии дьяк Елизарий Данилович Вылузгин — выходец из старой приказной семьи. Окольничий Андрей Петрович Луп-Клешнин своей карьерой был обязан Годунову, к тому же, по сведению некоторых летописцев, был его свойственником.

Особенное внимание, историков всегда привлекала личность фактического главы комиссии князя Василия Ивановича Шуйского, будущего царя, отпрыска одной из самых знатных фамилий Русского государства.

В царствование Федора Ивановича Шуйские подвергались репрессиям. Погиб в тюрьме князь Иван Петрович Шуйский — герой обороны Пскова от войск польского короля, в ссылке оказался родной брат Василия Ивановича — Андрей. Впоследствии и сам Шуйский подчеркивал свои плохие отношения с Годуновым. Почему же всесильный правитель допустил, чтобы во главе комиссии, расследующей такое щекотливое дело, оказался князь Василий?

Но был ли В. И. Шуйский врагом Бориса? Вряд ли. Во-первых, он был даже свойственником Годунова. Во-вторых, врагу Годунова И. П. Шуйскому он приходился всего лишь пятиюродным братом, принадлежал к другой линии рода.

Вероятно, В. И. Шуйский, политик опытный и трезвый, не ссорился с Годуновым при его жизни, а цепко держался за свояка. Легенда о вечном противоборстве Василия Шуйского и Бориса Годунова была создана самим Шуйским, когда после вступления на царский престол ему нужно было и отмежеваться от своего непопулярного предшественника, и примазаться к военной славе и мученической кончине Ивана Петровича Шуйского.

Итак, вечером 19 мая комиссия прибыла в Углич. Судя по протоколам допросов, все следствие было публичным. Воспользовавшись теплой майской погодой, допрашивали прямо во дворе кремля. Кругом толпились любопытные, что не всегда оказывалось для них безопасным: одного из таких зевак тут же опознали как человека, «который Михайла Битяговского и почал бити», и арестовали прямо на месте.

Конечно, при таком ведении следствия и фальсификация показаний, и давление на свидетелей были затруднены. Однако долгое время историки не принимали всерьез следственного дела. И виною тому прежде всего сам Василий Иванович Шуйский. В качестве главы следственной комиссии он подтвердил: Царевич закололся в эпилептическом припадке. При вступлении на престол Лжедмитрия он, признав нового царя, заявил, что не видел в Угличе тела убитого царевича. Овладев царским троном, тот же Шуйский объявил торжественно: царевич Дмитрий «заклан бысть» от «лукавого раба Бориса Годунова», и установил почитание нового святого мученика. В связи с этим дореволюционный историк Н. Костомаров писал: «Следственное дело для нас имеет значение не более, как одного из трех показаний Шуйского, и притом такого показания, которого сила была уничтожена дважды им же самим».

Подозрения в фальсификации увеличивались при анализе самого дела: листы перепутаны, нет записей допросов многих важных свидетелей. Возможно, еще члены комиссии Шуйского вырезали из него одни показания и вклеили другие? Однако тщательное исследование, проведенное около полувека тому назад опытным архивистом К. Клейном, отвергло такого 4 рода подозрения: просто за многие века часть листов оказалась утраченной, а часть — перепутанной.

Конечно, обидно, что в деле нет показаний матери погибшего царевича Марии Нагой. Только она одна могла рассказать, почему назвала убийцами Данилу Битяговского, Никиту Качалова и Осипа Волохова. Но, разумеется, ни о каком допросе царицы Марии не могло быть и речи: на это не имели права ни бояре, ни даже патриарх.

Большое недоумение вызывало всегда начало дела. После небольшого отрывка из допроса городового приказчика Русина Ракова следовало сообщение о прибытии комиссии в Углич и о допросе Нагого. Следователи задали ему целый комплекс вопросов: «Которым обычаем царевича Дмитрия не стало, и что ево болезнь была и для он чево велел убити Михайла Битяговского и Михайлова сына Данила и Микиту Качалова и Данила Третьякова и Осипа Волохова и посадцких людей и Михайловых людей Битяговского и Осиповых Волохова и для он чево велел во фторник собирати ножи и пищали и палицы железные и класти на убитых людей и почему прикащика Русина Ракова приводил к целовенью (то есть к присяге. — *в.*Я.), что ему стояти с

ним за один, и против было ково им стоять?» Отрывок допроса Ракова считали случайно попавшим не на свое место, поскольку второй лист производил впечатление начала дела. «В самом начале акта мы уже замечаем подозрительную неточность: о Русине Ракове ничего не сказано, и прямо делается допрос Нагому на основании показаний Русина Ракова», — писал знаменитый русский историк XIX века С. Соловьев. Тогда задавались другим вопросом: почему уже по приезде в Углич комиссия знала не только, что царевич умер от болезни, а не убит, не только об убийстве Битяговского, но и об оружии, положенном на погибших, о присяге Ракова и т. д.? Нет ли здесь предвзятости? В. Клейн доказал: лист с допросом Ракова предшествовал допросу Нагого. Возможно, Раков встретил комиссию по дороге и доложил о трагических событиях в городе.

Убит по приказу Годунова?

Трижды при разных обстоятельствах всплывала эта версия. Уже 15 мая 1591 года Нагие обвинили Годунова в смерти царевича. В умысле (хотя и неудачном) на убийство Дмитрия обвинял Годунова и Лжедмитрий. 17 мая 1606 года Лжедмитрия свергли с престола и через два дня царем «выкликнули» Василия Шуйского. Как повел себя бывший глава следственной комиссии? Первые грамоты Василия глухо говорили, что Дмитрий «умре подлинно и погребен на Угличе», но умалчивали о причинах смерти. Однако вскоре по окраинам государства стали разноситься слухи о спасении самозванца. Появились и новые самозванцы, утверждавшие: да, убитый в Москве царь был и впрямь «вор и еретик Гришка Отрепьев», а вот он — подлиный Дмитрий. Чтобы доказать самозванство любого возможного претендента на роль Дмитрия, нашли средство — царевича объявили святым мучеником. «Мог ли рискнуть русский человек XVII века усомниться в том, что говорило «житие» царевича и что он слышал в чине службы новому чудотворцу?» — писал С. Платонов.

2 июня 1591 года «Освященный собор» и боярская дума решили: «Царевичу Дмитрию смерть учинилась божим судом». Ровно через 15 лет, 2 июня 1606 года, в Москву торжественно въезжали мощи нового чудотворца святого великомученика Дмитрия-царевича»

Ныне усилиями поколений исследователей выяснено, как постепенно, от сказания к сказанию, от повести к повести, от года к году обрастала противоречивыми подробностями версия об убийстве царевича по приказу Годунова. Древнейший из этих памятников — так называемая Повесть 1606 года — вышла из кругов, близких к Шуйским, заинтересованных в том, чтобы представить Дмитрия жертвой властолюбия Бориса Годунова, а авторы более поздних были уже связаны в своей концепции житием царевича. Отсюда и разногласия. В одном сказании обстоятельства самого убийства вообще не описаны; в другом — убийцы нападают на царевича во дворе, открыто; в третьем — подходят к крыльцу, просят мальчика показать ожерелье и, когда он поднимает голову, колют ножом; в четвертом — злодеи прячутся под лестницей во дворце, и, пока один из них держит царевича за ноги, другой убивает.

Итак, источники, сообщающие об убийстве Дмитрия, противоречивы, основаны на официальной версии, которую нельзя было оспаривать или даже подвергать сомнению, не попав в еретики. Казалось бы, у исторической науки нет твердых оснований для обвинения Бориса Годунова в убийстве царевича Дмитрия. Однако…

И все же: убийство?

Прежде всего следственное дело, хотя и не подтасованное, — источник, ненамного более достоверный, чем сказания и летописи. Кто мешал следователям при неграмотности большинства свидетелей писать что угодно?

Очевидцами смерти царевича были мамка Василиса Волохова, постельница Марья Колобова, кормилица Арина Тучкова и четверо сверстников Дмитрия. Первая была заинтересована доказать, что царевич погиб от несчастного случая. Две женщины и четверо детей? Неужели у всесильных Шуйского и Клешнина не было возможности запугать их и получить нужные показания?

Подозрительно еще одно обстоятельство — навязчивое повторение всеми свидетелями: «покололся ножем сам». Об этом почему-то говорят не только очевидцы, говорят со слов других людей. Но ведь все горожане тогда верили в насильственную смерть царевича и истребляли его предполагаемых убийц.

Часто утверждают, что Годунов не был заинтересован в смерти царевича, чья гибель принесла ему больше бедствий, чем мог принести живой Дмитрий. Напоминают, что сын от седьмой (или шестой) жены Ивана Грозного официально не имел права на престол, а у царя Федора Ивановича вполне мог родиться наследник и после убийства царевича. Все это внешне логично. Но когда через четырнадцать лет на окраинах Русского государства появился некто, выдававший себя за сына Ивана Грозного, одно имя Дмитрия всколыхнуло огромную страну. Многие встали под его знамена, и никто не вспомнил, от какого по счету брака он родился. Между прочим, правительство Годунова еще при жизни Дмитрия, боясь его как возможного претендента на престол, старательно напоминало народу, что он не царевич, а только князь Углицкий, ибо родился от не освященного церковью брака. Английский дипломат Джильс Флетчер сообщает: «по проискам Годунова» приказано не поминать Дмитрия в церквах в числе других членов царского дома, как незаконнорожденного.

У Бориса Годунова были все основания страшиться того, чтобы Дмитрий дожил до совершеннолетия. Если бы царь умер бездетным (а так оно и оказалось), сын Ивана Грозного — наиболее вероятный претендент на престол. Во всяком случае, у него было бы больше прав, чем у Годунова и чем у крещеного татарина Симеона Бекбулатовича, которого Иван IV на один год ставил в «великие князья всея Руси».

А если бы у Федора родился сын? И тогда устранение Дмитрия принесло бы свои плоды Борису. Вряд ли сын слабоумного царя правил бы самостоятельно. Борис остался бы опекуном государя и фактическим правителем. Но для такого наследника его дядя Дмитрий был бы реальным соперником.

Между тем в Угличе подрастал ярый враг царского шурина.

Голландец Исаак Масса рассказывает: «Дмитрий нередко спрашивал, что за человек Борис Годунов, говоря при этом: «Я сам хочу ехать в Москву, хочу видеть, как там идут дела, ибо предвижу дурной конец, если будут столь доверять недостойным дворянам».

Немецкий ландскнехт Конрад Буссов сообщает, что Дмитрий вылепил однажды несколько фигур из снега, каждой дал имя одного из бояр и стал затем отсекать им головы, ноги, протыкать насквозь, приговаривая: «С этим я поступлю так-то, когда буду царем, а с этим эдак». Первой в ряду стояла фигура, изображавшая Бориса Годунова.

Вряд ли случайно и Нагие сразу обвинили в смерти царевича именно агентов Годунова. Они ждали и боялись этого часа.

Но значит ли все это, что Годунов действительно подсылал убийц к царевичу, что Битяговский и Качалов перерезали ему горло? Скорее всего нет. Каким бы прочным ни было положение Годунова, оно могло пошатнуться в любой момент. И если бы убийц схватили и допросили с пристрастием, вряд ли они стали бы молчать и не выдали вдохновителя преступления.

Да ему, на наш взгляд, и не надо было этого делать. Он мог избавиться от опасного мальчика значительно проще. По сведениям следственного дела, Дмитрий страдал эпилептическими припадками. Их описание соответствует клинической картине болезни. Если такому мальчику-эпилептику позволить взять в руки нож, да еще в период учащения припадков, го ждать конца недолго. Вероятно, это и сделала мамка царевича Василиса Волохова.

Историки об угличском деле

«Того же лета, майя в 15 день, на память преподобного и богоноснаго отца нашего Пахомия Великаго, убиен бысть благоверный царевичь Димитрий Ивановичу иже на Угличе, от Микитки Качалова да от Да-нилка Битяговского. Мнози же глаголаху, яко еже убиен бысть благоверный царевичь Углечский повелением московского болярина Бориса Годунова» («Русский Хронограф» редакции 1617 года).

…Не должны ли мы заключить, что следствие было произведено недобросовестно? Не ясно ли видно, как спешили собрать побольше свидетельств о том, что царевич зарезался сам в припадке падучей болезни, не обращая внимания на противоречия и на укрытие главных обстоятельств» (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. IV, т. 7, с. 321 — 322).

«Борис правитель, делая свою сестру-царицу со-правительницею скорбного головою царя, этим самым поражал Димитрия вернее, чем ядом и ножом: он уготовил ему политическую смерть ранее физической и в последней не нуждался. Однако людская молва, рождаясь в умах неискусных и злобствующих на Бориса и не возвышаясь до точного разумения обстановки, создала Борису репутацию

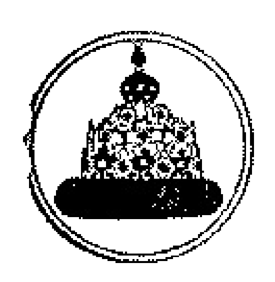
властолюбца, ради власти и царского сана способного даже на кровавое преступление» (С. Ф. Платонов. Смутное время. Пг., 1923, с. 58).

«Любопытны, наконец, «диверсии» Михаила Нагого над убитыми, которых мазали кровью, клали на них оружие… Не служили ли эти «диверсии» Михаилу Нагому средством маскировать иные действия, отвести глаза от события важного — сокрытия в то же время истинного царевича и замены его другим младенцем — и направить следы на событие второстепенное, каковым было убийство Битяговских и других?» (И. С. Беляев. Угличское следственное дело 15 мая 1591 года.)

«…Угличское следственное дело не дает нам материала для обвинения Шуйского и Бориса Годунова и уличения их в действиях по плану, заранее изготовленному. Пусть историки дадут нам такие же факты для обвинения Шуйского, какие документ следственного дела дал нам для его оправдания; тогда только мы согласимся признать его недобросовестность и желание, в угоду Годунову, скрыть «насильственную» смерть царевича Дмитрия» (В. К. Клейн. Угличское следственное дело о смерти царевича Димитрия. Т 1. М., 1913).

«…Было бы неосновательно отрицать участие Годунова в убийстве царевича Дмитрия; наоборот, причастность его к убийству более чем вероятна» (Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955, с. 475).

«Причастность Бориса Годунова к убийству царевича Дмитрия вероятна. Расчетливый правитель опасался даже Марии Владимировны, дочери Владимира Андреевича Старицкого, вокруг которого, как вокруг знамени, в любой момент могли собраться недовольные политикой Годунова» (История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М., 1966).



Ю. МЕДВЕДЕВ, журналист
МАНГАЗЕЯ ЗЛАТОКИПЯЩАЯ

Повествование о древнем граде, вышедшем из моря Студеного и канувшем в Лету, включающее в себя рассказ профессора истории, исторические документы, цитаты из древних книг и ссылки на оные, а также заметки журналиста, лицезревшего воочию раскопки упомянутого древнего града

Неподалеку, метрах в ста вверх по течению, реку переплывал сохатый. Переплывал неопасливо, даже не глядя в нашу сторону, и скользила рядом тень его головы, увенчанная каменными зарослями рогов. Зверь вылез на песчаный берег, отряхнулся, замер, прядая ушами: в родниковой северной вышине кричали гуси. Они были словно вышиты крестом на блеклом полотне неба. «Заря огнем холодным позолотила их. Летят они свободно, как старый русский стих», — пришли на память слова поэта. Свободно, как старый русский стих, проскальзывали птицы над былинными просторами извечного безмолвия. Над рекой, где метровые щуки выпрыгивают из воды и в воздухе на миг, на мгновенье зависают их плавно искривленные, как ятаган, тела, отсвечивающие холодом глубин. Над карликовыми березками и лиственницами-великаншами.

Здесь, в вольготных этих краях, плыть бы на струге, распустив лепестки парусов. Плыть, распевая вальяжные песни ушкуйничьи. Но дюралевая лодка-«казанка» не легкокрылый струг, у коего «нос, корма по-туриному, бока взведены по-звериному», и бензинный мотив мотора не старинный напев.

И все же я плыл в Мангазею.

Мангазея… Вглядитесь попристальней, вслушайтесь повнимательней: Ман-нга-а-зея-а-а.

То ли ветер поет в ветках дерев, то ли мальчишка-пастух губами к жалейке прикоснулся, то ли льдины, гонимые ледоходом, тонко звенят-вызванивают. Или, быть может, одолев завихрения пространства и времени, слуха коснулся отзвук вещих струн Бояновых?

«…Да из орды, Золотой земли, из тоя Могозеи богатый».

Много ли знал я о Мангазее, когда решил добраться до древнего заполярного городища? Положа руку на сердце — почти ничего. Знал, что еще в царствование Бориса Годунова возникла эта «благословенная», «украсно украшенная» вотчина, просуществовавшая всего что-то около полустолетия. Знал, что по влиянию своему на судьбы освоения сибирских земель, на географические открытия в тамошних местах, на развитие народного арктического мореплавания «Мангазея златокипящая» не сравнима ни с одним сибирским городом. Все это поведал мне потомственный помор Дмитрий Буторин, который на карбасе «Щелья» прошел древним морским путем от устья Северной Двины до Мангазеи. Однако, как это

обычно и случается, я забыл выяснить в разговоре с Буториньш главное.

Во-первых, почему «златокипящая»? Золото там плавили, что ли? Кому и зачем понадобилось плавить драгоценный металл черт те где, аж за Полярным кругом?

Во-вторых, полвека — срок слишком малый, чтобы средневековый город возник (на вечной мерзлоте!), построился да еще бы и «влиял на географические открытия». Одно дело — сработать город в эпоху авиа-, авто- и прочих механических чудес, другое — в век царствования топора.

В-третьих, и это самое загадочное, куда ни с того ни с сего делась Мангазея, ежели была она столь могущественна? Как случилось, что не только городище, но и воспоминания о нем развеялись, растворились, канули в быстротечную Лету?

На все эти мучившие меня вопросы надеялся я получить ответ. Ибо знал еще и то, что вот уже три месяца в Мангазее работает экспедиция Института Арктики и Антарктики, возглавляемая профессором Михаилом Ивановичем Беловым.

…Заря догорела. Из-за широкого плеса ветер донес запах костра. Направо, над откосом, в порывах сиверка трепетало на шесте диковинное полотнище, похожее на хоругвь из иллюстраций к древнерусским сказаниям. Еще минута — и лодка причалила к берегу Мангазеи…

Необъятная северная ночь. Тишина, как бы льющаяся вместе с лунным светом на речку Таз, на пойменное редколесье, на мерцающий ковер тундры, на экспедиционные палатки. В одной из них профессор Белов рассказывает о Мангазее. И не только рассказывает. Он прихлебывает душистый чай, он отгоняет ладонью комаров, он то и дело извлекает из рюкзаков какие-то записи и старинные документы, какие-то предметы утвари из раскапываемого города. И еще, покуда я придумываю для него очередной вопрос, успевает давать указания на завтрашний день своей немногочисленной экспедиционной братии.

РАССКАЗ ПРОФЕССОРА БЕЛОВА. *Точную дату «рождения» Мангазеи установить трудно. Еще в конце XV века безымянный новгородский путешественник впервые поведал о сибирских полуночных странах и ненецком племени молканзеи, кочевавшем к востоку от Обской губы — в «восточной стране — над морем». Филологи считают, что зырянское слово «Мангазея.» означает «край земли» или «земли у моря». В те времена Обская и Тазовская губы на русских географических картах-чертежах действительно изображались в виде большого моря. Сохранились иноземные свидетельства середины XVI века о частых поездках поморов на Обь, в Мангазею. Вожделенная страна драгоценных мехов приковывала к себе взоры западноевропейцев. Бытовавшие в ту пору легенды смутно упоминали о некоем богатом городе, который после какого-то катаклизма опустился в огромное озеро, откуда время от времени якобы доносятся звуки колоколов. Подобные легенды, перекликающиеся со сказанием о граде Китеже и озере Светлояре, существуют в фольклоре многих народов.*

В XVI столетии широко распространился рассказ о кораблях, груженных драгоценностями, приходивших с юга в низовья Оби, в землю мангазейскую. Эта и другие легенды нередко плод досужих вымыслов. И все же достоверные сведения о Мангазее росли. В конце XVI и в начале XVII века произошло три, надо полагать,

тесно связанных между собой события. В 1596 году царь Федор Иоаннович послал на реки Таз и Енисей через Тобольск и Березов небольшую экспедицию думного дьяка Федора Дьякова, приказав «доподлин но» узнать о бесконтрольной торговле и промыслах поморов. На северных крестьян надвигалась реальная угроза. Они обратились к царю с прошением: даровать-де им право свободно торговать и промышлять «мягкой рухлядью» (пушниной) в мангазейской земле. В начале 1600 года такое разрешение последовало.

Пересматривая книги, которые взял с собой в экспедицию Михаил Иванович Белов, я обнаружил грамоту. Она опубликована в сборнике исторических актов, вышедшем в Санкт-Петербурге в 1841 году. Стилистика разрешения, увековечившего «царскую милость», настолько своеобразна, что я воспроизвел документ почти целиком в своей записной книжке.

«1600. Января. Царская жалованная грамота Пенежским и Мезенским промышленным людям о дозволении им промышлять и торговать с самоедами мягкою рухлядью и незаповедными товарами, со взносом в казну десятой пошлины.

…И мы Великий Государь Царь и Великий Князь Борис Федорович, всеа Руссии Самодержец и наш сын Царевич Князь Федор Борисович всеа Руссии, Пенежан и Мезенцов Угримка Иванова да Федулка Наумова и всех промышленных людей Пенежан и Мезенцов пожаловали: в Мунгазею, морем и Обью, рекою на Таз и на Пур и на Енисей, им ходити и с Самоеды, которые живут на тех реках, на Тазу и на Пуре и на Енисее, им торговати велели повольно; а нашу десятую пошлину, от девяти десятое, из соболей лутчей соболь, а из куниц лутчая куница, а из лисиц лутчая лисица, а из бобров лутчей бобр, а из песцов лутчей песец, и изо всякие мягкие рухляди и изо всякого товару десятое… и лешим промыслом велели есмя им промышляти… и ни в чем обид и насильства никакого им не чинити…»

Неожиданно через несколько месяцев царское решение переменилось. Борис Годунов приказал образовать из мангазейских земель новый сибирский уезд и послать на Таз и Енисей воеводами князя Мирона Шаховского и стрелецкого голову Данила Хрипунова. В Тобольске и Березове воеводам выдали сотню стрельцов, свинец, пушки и «государевы кочи» — деревянные суда, приспособленные для плавания в заполярных широтах. Неизвестно, чем завершились эти события — дошел ли Мирон Шаховской до Мангазеи? Цз отрывочных данных явствует, что осенью 1600 года кочи князя попали в бурю и погибли, а сам он со стрельцами попал в засаду. В бою его тяжело ранило. В следующем году на помощь Шаховскому Борис Годунов послал князя Мосальского и боярина Пушкина с двумя сотнями стрельцов. И о них достоверных известий не сохранилось.

Не больше исторических сведений и о внутренней жизни тазовского города Мангазеи, срубленного в нижнем течении реки Таз, на правом высоком берегу, Здесь начинался древний Енисейский волок в глубь Сибири, здесь, надо полагать, раньше стоял поморский городок. Весь архив Мангазеи сгорел в грандиозном пожаре 1642 года. Сохранились лишь отосланные в свое время в Москву таможенные книги, наказные памяти воеводам и их отписки царям. Но и они рисуют первый заполярный город Сибири богатым и многолюдным. В годы расцвета, по данным таможенного сбора, Мангазею посещало от двух до трех тысяч человек. Прославились богатой добычей пушные промыслы, особенно соболиные. Только за 1630—1637 годы Мангазея выдала разрешение — проезжие грамоты — для вывоза на Русь чуть ли не полумиллиона соболей! Складывалось впечатление, что земли от Обской губы до бассейна Лены — целое море драгоценной пушнины. Поэтому не случайно в исторических документах Мангазея именуется «златокипящей».

…Когда наша экспедиция обосновалась на этих легендарных берегах, поначалу все были в недоумении: где же Мангазея? Городище поросло деревьями и кустарником, кое-где виднелись контуры каких-то срубов. Признать, что здесь когда-то жили люди, можно было только по торчащим из обрыва бревнам построек. Чтобы очистить городище от грязи и прошлогодней травы, пришлось его поджечь. Два дня и две ночи горела Мангазея. Пожар был грандиозным. Затем мып риступили к раскопкам. (Кстати, через месяц трава выросла вновь выше человеческого роста.)

Труд археолога никогда не был легким. Что же говорить о раскопках города, скованного вечной мерзлотой!

Я облазил все 13 мангазейских раскопов (общей площадью около 3 тысяч квадратных метров) и узнал цену этого труда.

Экспедиция подымается рано, на утренней зорьке. Пока повар Олег Урусов, почерневший от нещадного северного солнца и копоти костров, возится у печки, «мангазеяне» облачаются в брезентовые робы и — главное! — в накомарники. И потом весь долгий день ребята, буквально не разгибая спины, воюют с вечной мерзлотой, со здоровенными пнями, с ордами и полчищами комаров. Трудятся все, даже начальник экспедиции, даже метеоролог Римма Юнак, единственная представительница другой, не мужской половины рода человеческого. Поздно вечером, уже ночью, когда экспедиция лежит вповалку на спальных мешках, не прекращается этот труд. В одной палатке старший лаборант Альберт Балабаев склонился над планом раскопов; в другой — Эдик Тяхт, Игорь Шахов и Виталий Меньшугин, студенты-архитекторы института имени И. Е. Репина, спорят о реконструкции какого-то старинного деревянного сооружения. Так в чем же суть этого нелегкого труда археолога, или географа, или этнографа? Во взмахах киркой и лопатой? В каждодневных поисках ответов, в раздумьях над сущностью и назначением каждой вещицы, каждого черепка, извлеченного из недр прошлого? Мне кажется, и в том и в другом.

Мы сразу определили, где находилась центральная часть феодального города — кремль-детинец, и где вторая, самая важная часть ее — посад. На самом высоком участке, конечно же, располагалась крепость, а внизу обитали торговые и промышленные люди.

Высокие пяти-шестиметровые крепостные стены по углам были увенчаны башнями: на юге — Давыдовской и Зубцовской, на севере — Ратиловской и Успенской. Напротив посада, на восточной стене, возвышалась двенадцатиметровая Спасская башня с тремя бойницами. С запада кремль защищала речка Рати-ловка, с востока — речка Мангазейка. Взять такую крепость с боя было невозможно. Уже сама величественная по тем временам панорама кремля, надо полагать, поражала людское воображение. Еще за несколько десятков километров до подхода к городу вырисовывались на горизонте контуры могучей Давыдовской башни. По «Расписному списку» в ней значилось две бойницы и три пищали с железными ядрами. Ныне этой башни нет: вместе с Зубцовской она обвалилась в реку.

По соседству с городской и острожной стеной в юго-западном углу городища обнаружены три-четыре складных венца воеводского двора — главного здания кремля. Триста с лишним лет тому назад здесь красовался большой крытый сибирский двор (дворец) с двумя крыльями — западным и восточным, рассчитанными на размещение двух воевод и их челяди. Вместе с пристройками дворец занимал около 800 квадратных метров, был обнесен массивной оградой, своего рода оборонительной крепостью внутри крепости. По замыслу архитекторов и строителей, все это величественное сооружение должно было олицетворять могущество царя московского на далекой сибирской окраине.

Когда начались раскопки внутри двора, «историческая кладовая» экспедиции стала день за днем пополняться. Тут были точеные шахматные фигуры из кости,

кожи, наконечники стрел, ключи, замки, деревянная и глиняная посуда с красивым орнаментом, части карт и промысловые лыжи, рыболовные грузила и крючки. Когда-то в мертвом теперь городе кипела жизнь, и щеголяли средневековые франты в сапогах с высокими закаблучьями, и плавно выступали красавицы в туфельках с небольшими, вполне современными каблуками. Они носили красивые пояса, серьги и подвески, не помышляя, что эта утварь переживет их на несколько веков, они одаривали своих возлюбленных малолетних чад деревянными игрушками, и в их затейливой работы кошельках звенели серебряные монеты…

Внутри кремля мы нашли еще две важные постройки — съезжую избу с канцелярией воеводы и соборную церковь Троицы. Под полом, храма, в алтарной части, раскопали детские захоронения разных лет, останки покоятся в гробиках, обернутых берестой. Пока никто еще не может сказать, почему церковь стала местом погребения малолетних.

Первый посадский раскоп пришелся на обырвистый берег. Где-то здесь располагался знаменитый мангазейский гостиный двор, который в 1631 году был разбит из крепостных пушек, обстреливавших посад во время ссоры двух драчливых воевод — Кокорева и Полицыпа. А вот как его отыскать! Мы уже начали отчаиваться в поисках, когда, кажется, удалось «зацепиться» за край гостиного двора, хотя он уже наполовину сполз в реку. Не случайно под обрывом в песке и до нас находили интересные вещи: серебряные перстни и кресты, многочисленные серебряные монеты, медные деньги царя Алексея Михайловича, выпуск которых вызвал известный «медный бунт» в Москве. Все стало ясным, когда рядом с гостиным двором раскопали остатки дома ювелира. Внутри среди предметов быта оказались льялы — железные ложки для литья, а внизу, в прибрежном песке, — необработанные камни сердолика, агата, зерна изумруда.

Но самым сенсационным оказался раскоп на невысоком холме посада. Обычно считалось, что здесь стояла церковь Успенья — хранительница казны мангазейской общины. Кто-то уже попытал свое счастье: с юга холм подрыт глубокой траншеей. Но напрасны были старания. Церковь Успенья, как мы установили, располагалась далеко отсюда, вблизи Успенской башни. На холме же раньше находилась не культовая, а городская постройка — дом ремесленника-литейщика. Когда сняли слой земли и корней, обнаружили плавильные печи, заключенные в деревянные срубы, множество тиглей, медные и бронзовые поделки, части воздуходувных аппаратов. А в доме самого литейных дел мастера нашли изящную посуду — чашки китайского фарфора, амфоры из-под бальзама, стеклянные штофы с эмалевыми рисунками в русском стиле и многое другое. По соседству с холмом располагалась другая плавильня, так что вполне уместно говорить о целом ремесленном центре Мангазеи.

Я приходил на литейный двор, я прикасался руками ко всем этим тиглям, мехам и льялам, дивясь смекалке и мастерству наших пращуров, сумевших еще тогда, в средневековье, наладить литейное производство за Полярным кругом. Потом я спускался по обрыву к реке, брал старательский ковш и, насыпая в него земли, промывал в студеной, леденящей руку во-де. Иногда на дне ковша тускло проблескивала старинная монета, иногда посвечивал гранями сердолик либо

аметист. Попадались медные перстеньки, пули свинцовые, диковинные безделушки. Но чаще всего — длинные плоские гвозди, странно изогнутые и заржавелые. У меня на родине, в верховьях Оби, такими гвоздями и поныне скрепляют обшивку речных баркасов. Может быть, железки эти несли в себе государевы кочи? Те самые кораблики, которые, продираясь сквозь бури и льды, ходили и на Шпицберген, и на Новую Землю, за моря далекие, за горы высокие, за долы широкие. Истерзанные бурями, одолевшие своеволие стихий, добирались суденышки до «златокипящей», и купцы, обменяв «красный товар» на драгоценную «мягкую рухлядь», трогались в путь обратный. Но не над всеми качались созвездья удачи: корабли, особо изувеченные в ледовых битвах, шли на слом. А для плотника такая продубленная в морской воде древесина — сущее приобретение! И находило древо корабельное последнее пристанище в высоких стенах крепости, в бойницах и башнях, клетях посадских и подклетях. И высоко воспарил над тундрой град «украсно украшенный»» на крутогорье «с синь-океана взошед»…

Раскопка в крепости, на литейном дворе, у съезжей избы, на посаде — все это только начало работы экспедиции. Но уже и теперь можно считать определенно доказанным: историческое значение первого заполярного русского города не только в том, что он был опорным пунктом, праотцем великих географических открытий за хребтом Уральским. Охотничьей снастью, нартами и лыжами, богатым и разнообразным товаром для обмена — всем необходимым снабжала Мангазея торгово-промысловый люд, державший путь на Енисей, в глухомань тайги и тундры. Отсюда и ее выдающаяся роль в истории Сибири, ее прямая связь с народным движением «встречь солнцу». И как только переместилось направление транспортных и торговых путей, когда «опромышлялся» в мангазейской земле соболь, начала Мангазея увядать. Она заглохла раньше, чем по приказу царя ее оставил в 1672 году последний стрелецкий гарнизон. Судьба произнесла над ней приговор. Ее скоро забыли и уже через сотню лет не могли указать ни ее местоположения, ни знаменитого Мангазейского морского пути, освоенного поморами еще в XVI веке.

Да, недолго благоденствовала Мангазея, и была тому еще одна важная причина. В книгах профессора Белова я нашел послание воеводы Куракина царю. Вот что отписывал он:

«По здешнему, государь, по сибирскому смотря по делу, некоторые обычаи немец в Мангазею торговать ездить позволить неможно. Да не токмо им ездить, ино бы государь и русским людям в Мангазею от Архангельского города ездить не велеть, чтобы на них смотря, немец дороги не узнал и приехав бы воекские люди Сибирским многим городам какие порухи не учинили».

Угроза захвата «благословенных» земель заставила царя действовать быстро и решительно. Тогда-то и вышел «заказ крепкий», чтобы иноверцев на Енисей и в Мангазею «отнюдь никого не пропускать и с ними не торговали и дорог им ни на какие места не указывали…».

Вместо эпилога

Прошло немалое время со дня написания этих заметок. Последнюю точку в эпопее «Мангазеи златокипящей» поставило небольшое сообщение в «Комсомольской правде». За пять лет работы экспедиции под руководством профессора Белова собрано много уникальнейших исторических находок, которые экспонируются ныне в музее Института Арктики и Антарктики.

Вот что рассказал Михаил Иванович Белов:

— *В полутораметровой мерзлой толще суглинка под разросшейся березовой рощей вблизи реки Таз мы обнаружили более 70 видов построек, извлекли 3 тысячи различных предметов, характеризующих ремесла, промыслы, торговлю, искусство горожан, их одежду и обувь, транспортные средства. Наиболее интересное можно увидеть в экспозиции.*

Особую ценность, по мнению ученых, имеют найденные при раскопках в воеводском дворе две сосновых доски. На них неизвестный художник изобразил русскую полярную «каравеллу» — коч, который был основным морским транспортом на севере Руси. На берегу таежной реки обнаружено множество различных частей этого удивительного судна, о внешнем виде и устройстве которого прежде лишь догадывались. Эти находки дали совершенно новые сведения о древнерусском судостроении, характере и возможностях полярного судоходства на Руси.

М. ЧЕКУРОВ, маринист
ОТКУДА ПОШЛА РОССИЙСКАЯ АМЕРИКА

Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток.
И наша досягнет в Америку держава.

М. Ломоносов

Осенью 1944 года советские войска завершают освобождение народов Восточной Европы. Кто обратил внимание в эти пропахшие порохом и тротилом дни на статью Т. Фарелли «Затерянная колония Новгорода на Аляске», появившуюся в октябрьском номере американского журнала «Восточнославянское обозрение»? А ведь в любое другое время статья наверняка вызвала бы сенсацию, ибо речь-то в ней шла о том, что еще в конце XVI столетия русские переселенцы из Новгорода достигли Колымы и, построив там 7 судов, морем добрались до устья Анадыря, то есть впервые прошли Беринговым проливом из Северного Ледовитого океана в Тихий. А одно новгородское суденышко даже достигло Аляски, где его команда и основала первое русское поселение в Америке.

Невероятно! Да могли ли вообще произойти все эти события?

Что ж, заглянем в XVI век.

Ушкуйники плывут на восток

Тяжелые времена переживал Господин Великий Новгород. Карательный поход царя Ивана Грозного да тяготы Ливонской войны разорили и обезлюдили древний город. Кого казнили, кого переселили в глубь России государевы слуги, кто сам бежал из родных мест.

А бежать из Новгорода было куда. Помнили новгородцы, как хаживали их предки в края дальние, где вдоволь зверя и рыбы, где и житье привольное людям простого звания. Знали, что тяжелы дороги в те страны, да ведь не было выбора. Во грехе были перед царем новгородцы, вот и приходилось или искать счастья подале, или умирать на плахе.

И двинулись в путь новгородские ушкуйники — охотники и воины, первопроходцы и завоеватели. По рекам, по озерам, где на веслах, где под парусом, а где и волоком ладьи свои перетаскивали.

Шли сначала на север — к морю Студеному, а потом вдоль берега — навстречу солнцу. Многие гибли в пути от бурь и от холода, от голода и болезней, иные оседали на новых землях, а самые упорные да выносливые плыли дальше, одержимые верой в то, что впереди ждет их «земля обетованная».

Казалось бы, с чего это верить русскому человеку., будто есть для него такая

земля, кроме России? Да вот свила в свое время себе в Новгороде гнездо странная ересь, занесенная с Запада. Много чего тогда было говорено, много шуму было над Волховом — и взбунтовались новгородцы: Москва-де им не понравилась, захотелось жить по-своему. Думалось, что по-своему, а вышло, что ляхам, шведам и ордену на руку. И пришлось тогда царю Ивану спасать святую Софию Новгородскую от позорной измены. И пришлось тогда беглецам искать себе родину не на родине.

Но не землю обетованную увидели однажды новгородцы, а мыс каменистый. За ним море безлёдное, волны высокие и пологие. Не успели и оглядеться, как налетела буря, разметала кораблики, а один вынесла к берегам неведомой земли.

Пригляделись к ней странники. Заросла земля буйным лесом, много в ней зверя и птицы, а в реках рыбы. Живут же на ней краснокожие люди. И решили новгородцы осесть на той земле. А что за жизнь без мира с хозяевами — вот и начали новгородцы искать дружбы с хозяевами. В дипломатии своей преуспели — наладили дружбу, согласие, а затем и родниться стали.

Шли годы… Старились люди русские, подрастали их дети. Дети сохранили внешность отцов, однако обычаи и нравы переняли у материнского племени. Одним словом, ассимилировались россияне в туземной среде и только облик славянский свой передали потомкам…

Очевидно, читатель уже заготовил вопрос: неужели ж только на основе статьи из американского журнала автор построил свою гипотезу о колонизации русскими Америки в допетровский период? Разумеется, нет. Есть и более веские доказательства, их дает нам история сибирского казачества. Вспомним хотя бы путешествие Семена Дежнева.

Полярная одиссея

Одной из первых статей доходов Русского государства в XVII веке была «мягкая рухлядь» (пушнина). Основная часть ее шла из Сибири. Все больше и больше мехов требовала Москва, вот и приходилось осваивать новые территории, искать богатые охотничьи угодья.

Только смелым, решительным и выносливым людям по плечу была эта задача. Одним из таких и был Семен Дежнев. Он знал, что на востоке Сибири течет к океану река Анадырь, леса вокруг которой богаты зверем. Тяжел путь к Анадыри сушей, вот и решил казак в 1648 году достичь ее морем.

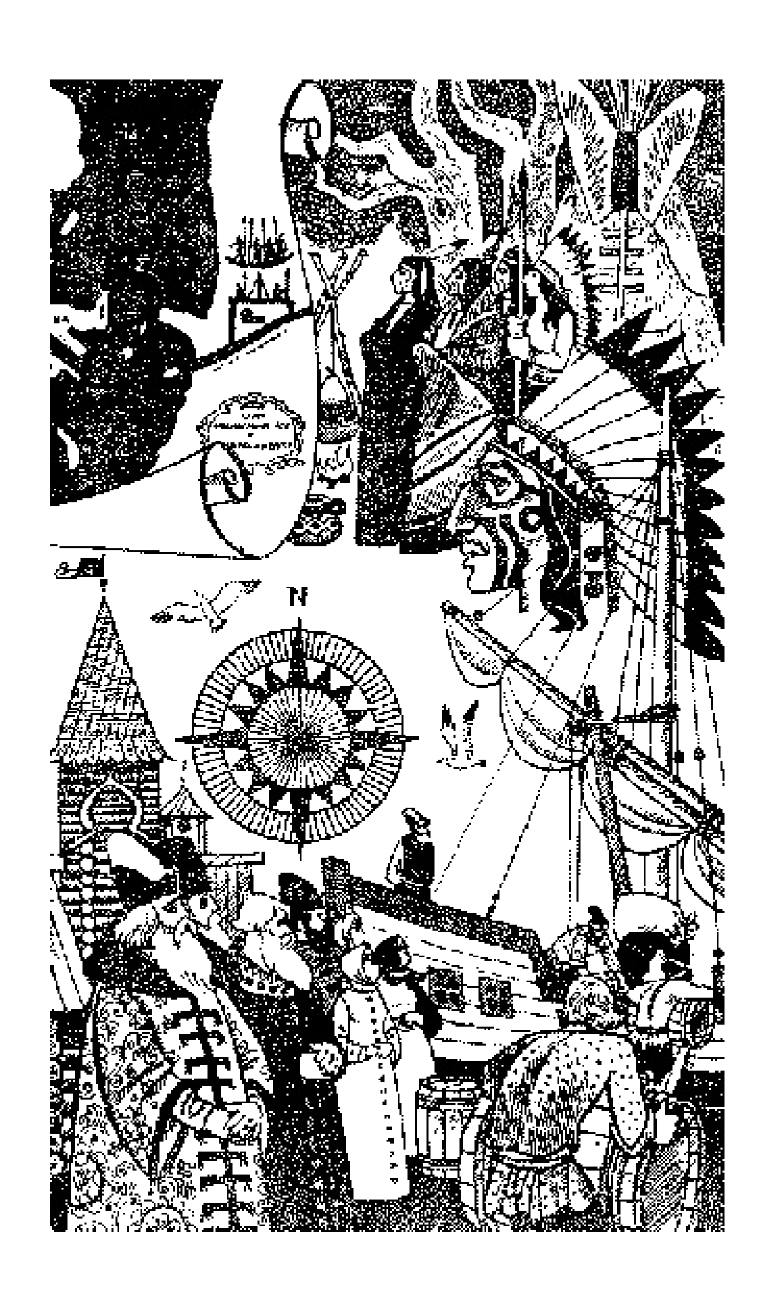
Смелое предприятие Дежнева увенчалось успехом. Он прошел Беринговым проливом из одного океана в другой (мимо мыса, названного впоследствии его именем) и достиг устья Анадыри.

С богатой добычей Дежнев вернулся в родные края, побывал затем в Москве, был там жалован в атаманы. Тайны из своего путешествия он не делал. По следам первопроходца двинулись к Тихому океану и другие казачьи отряды. Они обживали новую землю, собирали ясак, торговали, расспрашивали туземцев об известных им странах и народах. Вот тут-то и услыхали казаки от чукчей, коряков и камчадалов,

что есть-де на востоке за морем Большая земля, где живут бородатые белокожие люди.

Кто же они были, эти таинственные бородачи? Не потомки ли бунтарей-новгородцев? А может, кто-то из дежневских спутников? Не вез же его казаки вернулись назад.

Здесь хотелось бы рассказать еще об одном эпизоде из истории освоения Севера. Он тоже имеет отношение к нашему повествованию, но произошел он уже в XVIII веке.



Итак, в 1741 году от берегов Камчатки вышли в море два русских корабля — пакетботы «Святой Петр» (под командованием командора Витуса Беринга, он же командир экспедиции) и «Святой Павел» (капитан — Алексей Чириков).

Инструкция Адмиралтейств-коллегии предписывала Берингу отыскать таинственную «землю Гамы» и обследовать берега Северной Америки (прежде всего в районе пролива между двумя океанами).

Когда иллюзорность «земли Гамы» была доказана, русские корабли повернули к

Америке, но непогода разбросала их по океану. Корабли потеряли друг друга.

17 июля на «Святом Павле» увидели землю, и Чириков решил ее обследовать. Снарядили шлюпку под командой Абрама Дементьева. Ему было приказано отыскать якорную стоянку, источники пресной воды и по возможности установить контакты с туземцами.

Шлюпка отбыла к берегу и как в воду канула. Прошла неделя томительного ожидания, прежде чем на берегу, в районе предполагаемой высадки, был замечен огонь. К нему немедленно отправилась вторая — последняя шлюпка во главе с боцманом Савельевым. Увы, результат был тот же — ни людей, ни шлюпки, ни сигналов…

Чирикову ничего не оставалось, как спешно идти на Камчатку: нехватка воды и продовольствия, начавшаяся цинга — все это давало ему право пожертвовать 15 членами экипажа во имя спасения остальных участников экспедиции.

Никогда ни современникам этих событий, ни их потомкам не удалось установить причины исчезновения шлюпок со «Святого Павла». Но вот что произошло в 1788 году.

В тот год просвещенный сибирский купец и путешественник Алексей Шелихов основал «Американскую компанию» с целью хозяйственного освоения новых российских владений.

Предварительно он решил наладить добрососедские отношения с индейцами, для чего прибыл на Аляску и пригласил к себе вождей местных племен.

Когда радостная толпа предвкушавших хорошую выпивку и закуску индейцев прибыла на корабль, Шелихов с изумлением увидел, что у многих из них и светлые волосы, и глаза голубые. «А не потомки ли это дементьевцев? — смекнул Шелихов. — Ведь именно в этих местах Чириков потерял своих людей. Нужно порасспросить их».

Однако, как ни подливал купец бородатым мужикам хлебного зелья, разговорить их не удалось. Пития гости вкушали с охотой, а хмелеть не хотели. Молчали — и ни в какую!

«Да ну вас! — сплюнул в сердцах купец. — Эдак с вами всю «Американскую компанию» пропьешь, а слова не вытянешь».

Так ничего конкретного выяснить ему не удалось. Во всяком случае, отметив в своих записках необычную внешность некоторых аборигенов Аляски, Шелихов больше к этой теме не возвращался. Но мы-то с вами сегодня знаем побольше Шелихова. И не за полвека до основания им своего дела могли отплыть из России предки бледнолицых индейцев, а гораздо раньше.

Колумбы российские…

В 1944 году американцы обнаружили в архиве одной из русских церквей на Аляске странное письмо. Миссионер Герман писал настоятелю Валаамского

монастыря, что первое русское поселение на Аляске было основано еще в 1571 году. Эта «затерянная колония Новгорода» (так называл русское поселение американский историк Фарелли) располагалась на берегу некой богатой рыбой реки. Герман сообщал также, что о существовании данного поселения знают известные ему сотрудники «Русской компании» Лебедева. Через третьих лиц они поддерживают контакты с потомками новгородцев.

Исходя из того, что компания Лебедева действовала в районе залива Кука и что именно там (в устье реки Кизиловой) в 1937 году были найдены остатки древнего русского поселения, Фарелли счел совершенно доказанным факт существования на Аляске новгородской колонии XVI века.

Находка на реке Кизиловой была не единственной. В том же 1937 году и на Кенайском полуострове (Канада) нашли остатки древнего русского поселения, а сотрудники министерства внутренних дел США обнаружили на Аляске деревню в 31 хорошо сохранявшийся дом. Ученые установили, что дома возвели 300 лет назад. Соорудить их не могли ни эскимосы, ни индейцы. Построены они были из бревен, кирпича, гальки и дерна.

Наконец, справочник по Аляске за 1914 год сообщал, что на западном побережье Кенайского полуострова значительная часть населения является смешанным в расовом отношении. Да, жители данного района были потомками русских и индейцев. Эти креолы (так называет их справочник) имеют свои школы и исповедуют православие.

И русские архивы подтверждают начало русского освоения Аляски не только до основания «Американской компании», но и до путешествия Беринга. Казаки-землепроходцы плавали из Студеного моря (Северного Ледовитого океана) в море Теплое (Тихий океан). Причем им было известно, что восточнее Святого, или Чукотского, носа (мыса Дежнева) есть Большая земля, она же Землица Гыгмальская, она же Земля Кыымын.

На картах, составленных казаками, отмечены даже острова Диомида (клочки суши в Беринговом проливе). Разумеется, конфигурация побережья на старых картах отличается от той, к которой мы привыкли. Уровень техники того времени и картографической подготовки первых русских землепроходцев делает их ошибки вполне объяснимыми.

Весьма интересные подробности о населении Большой земли приводят казацкие «сказки» XVII века. Помимо алеутов и индейцев, в них упоминаются и бородатые светлокожие люди. Эти белокожие американцы молились по-христиански и русских людей называли «братьями».

В 1788 году «Американская компания» Шелихова поставила первые укрепления на Аляске. Но еще в 1763 году казак Дауркин составил карту Берингова пролива, обозначив на ней побережье двух соседних континентов. На американском берегу казак изобразил крепость.

Интересные сведения оставил нам и казачий сотник Кобелев. Будучи на острове Игеллин (Крузенштерна), он узнал от тамошнего старшины, переселенца из Аляски, что на его родине, на берегу реки

Юкон, есть острог (крепость) под названием Кынговей. Живут в нем русские люди. Они бородаты, умеют читать и писать, имеют книги и поклоняются иконам.

Как ни рвался Кобелев к своим американским единоверцам, повидаться с ними ему не удалось. Но письмо им с верной оказией он отправил, Начиналось оно так: «Прилюбезные мои по плоти братцы, жительствующие на большой, почитаемой американской земле…» Далее Кобелев говорил, кто он такой и зачем прибыл на Игеллин, пытался уточнить, с кем он имеет дело (вера, происхождение), и договориться о месте встречи.

Сведений о судьбе этого послания нет, но известно, что тому же Кобелеву чукча Ехипка Опухин рассказывал о своем друге-эскимосе с острова Унивак. Последний, оказывается, получил на Большой земле от бородатых людей письмо, написанное на доске черными и красными буквами. Опухину было указано передать его русской команде в Анадырске. Авторы письма присовокупили к своему посланию и устное сообщение: всего-де у них довольно, нет только железа. «Прилюбезные братцы» очень просили прислать оное.

Курьер-эскимос показал также, что отправители письма крестятся и молятся богу в «большом доме». Было ясно, что на Американском континенте живут русские люди.

Перечень сведений, подтверждающих русское проникновение в Америку еще до Шелихова и Беринга, можно было бы и продолжить. Ко не пора ли уже и проанализировать вышесказанное?

Презрев угрюмый рок…

XVII и почти весь XVIII век можно назвать эпохой стихийной колонизации. Казаки, зверопромышленники, купцы и моряки достигали Аляски и там оседали. Далеко не все они оставили свои имена потомкам: сибирские архивы тех лет почти целиком погибли.

Однако в том, что русские землепроходцы (в частности, новгородцы) могли еще в XVI веке добраться до Аляски, нет ничего невозможного. Господин Вели-кий Новгород обладал в свое время большим флотом и кадрами опытных мореходов. Они проникали далеко на север и на восток Евразии. Но, по имеющимся (на сегодняшний день) археологическим данным, даже к началу XVII века граница русского проникновения на восток в бассейне Северного Ледовитого океана проходила по Таймыру.

Поэтому пока категоричность выводов Теодора Фарелли необоснованна. Систематических и достаточно квалифицированных исследований в этой области американцы не проводили. Следы русских поселений обнаруживались случайно. Однако можно предположить, что использование возможностей современной науки и техники, как и’ перспектива развивающегося сотрудничества ученых СССР, США и Канады, позволят сделать более точные выводы.

Разумеется, сибирские казаки знали о существовании Большой земли за

Чукотским носом и, судя по всему, во второй половине XVII столетия начали ее осваивать. Охотники, казаки, сборщики ясака, а затем и купцы — вот кем были эти «русские американцы». Б первую очередь их интересовала пушнина. Ее требовала Москва, ею оплачивали необходимые товары, сама по себе она играла роль денежной единицы.

Вместе с отрядами «служилых людей» на восток Сибири стремились и «люди вольные», а нередко «воры и бунтовщики». Возможно, в поток волеискателей вливались и раскольники — противники официальной церкви. Не этим ли объясняется, что русские поселенцы на Аляске не очень-то стремились к контактам с соотечественниками в форменных мундирах.

Характерной чертой русской колонизации Аляски является то, что в ней участвовали только мужчины. Отсюда обилие смешанных браков. Там, где русские селились сообща, они долго сохраняли свой язык, веру, обычаи и письменность, Ну а там, где потерпевшие крушение моряки или скитальцы-охотники вливались в индейские общины, их след быстро терялся.

Что же касается коренного населения Аляски (алеутов и индейцев), ему повезло.

Казаки и администрация русской «Американской компании» не истребляли туземцев с той потрясающей воображение жестокостью, которой прославились в Америке испанцы и прочие европейцы. Более того, в меру своих сил и возможностей они стремились привить коренному населению Аляски полезные навыки и повысить его культурный уровень.

Но огромные естественные ресурсы Аляски использовались русскими очень слабо. Для освоения Русской Америки не хватало людей. Именно отсутствие русской эмиграции на Аляску и послужило причиной того, что во второй половине XIX столетия эта богатая земля была потеряна для России.

Г. *И. ЩЕДРИН,*

вице-адмирал

РОССИЯ «ВСТРЕЧЬ СОЛНЦУ»

Открытие, а затем и освоение Северо-Западной Америки — большое достижение нашего народа, результат его упорного движения «встречь солнцу» — от Урала до Камчатки. К концу XVII века мужественные землепроходцы вышли к Тихому океану на гигантском протяжении: от Берингова пролива до Амурского лимана. И сразу же, безо всякой паузы, началось дальнейшее проникновение русских первопроходцев на Курильские, Беринговы и Алеутские острова, на Аляску и так вплоть до самой Калифорнии. Все это свидетельствовало о росте могущества Российского государства, ставшего к тому времени крупкой морской державой.

О землях в океане к востоку от Азиатского материка в Якутске узнали уже в начале XVII века. Казаки, побывавшие на крайнем северо-востоке Азии, слышали от эскимосов и чукчей об островах и Большой земле, лежащей за Великим океаном. Путаницы и противоречий в рассказах было немало. Землю называли то островом, то материком. Местоположение же ее указывали и против мыса Дежнева, и у устья Колымы.

Так, говорилось о Большой земле в донесениях Стадухина (1647 г.), Атласова (1701 г.), Малгина (1710 г.) и других. А в начале XVIII века Прокопий Нагибин (1725 г.) и Афанасий Мельников (1728— 1730 гг.) пытались добраться до неизвестного матери-ка, но неудачно. Именно в ту пору и объявились сказы о том, что на Большой земле живут русские люди. Связывались они либо с древним (лет за 100 до Дежнева) плаванием новгородцев из устья Колымы к востоку, вокруг Чукотки, либо с предположениями о судьбе затерявшихся спутников Дежнева. Действительно, из семи его кочей (плоскодонные одномачтовые суда) два были занесены на Камчатку (река Николка), один разбился в устье Анадыря, а три погибли, или пропали без вести — то есть, возможно, попали и на Аляску. Позднее первыми русскими поселенцами в Новом Свете стали считать бесследно исчезнувших в 1741 году моряков с пакетбота «Святой Павел» лейтенанта А. Чирикова.

Слухи о старинной русской колонии в Америке стойко держались на протяжении всего XVIII века. О ней рассказывали коренные жители Чукотки (чукчи и эскимосы), говаривали и побывавшие у них служилые люди: Малгин (1710 г.), Дауркин (1765 г.), Кобелев (1773 г.) и другие. И ученые — участники экспедиции Беринга: Инллер, Штеллер, Линденау и служащие шелиховской компании (Бочаров, Измалов — 1788 г.) утверждали то же самое. Да и иностранные мореплаватели (например, капитан Горо — 1789 г.) были в этом убеждены.

Да, древние поселения русских в Америке — факт, по-видимому, бесспорный. Б 1944 году в зарубежной прессе опубликовали копию письма первого русского миссионера на Аляске — Германа. Он полностью подтверждает смутные разговоры, ходившие на Чукотке, о существовании новгородской колонии ка Большой земле, на речке Кизиловой. В 1937 году получено еще одно тому свидетельство. При проведении межевых работ на Аляске, около Кенайского полуострова, нашли русское поселение. По определению специалистов, ему было не менее 300 лет.

Сопоставив письмо Германа с открытием 1937 года, американский исследователь Теодор Фарелли признал находку новгородской колонией. Впрочем, советский историк А. Ф. Ефимов полагает несомненным лишь одно: на Аляске находилось древнее русское поселение. Возникло оно, видимо, в XVII веке. А вот из каких мест Российского государства вышли его жители? С мнением Ефимова трудно не согласиться.

«Можно предположить, что на Аляске было не одно, а, возможно, и много других русских поселений, подобно тому как есть много свидетельств о древних русских поселениях вдоль северной кромки Азиатского материка…»

И правда, уверять, что именно эта вот древняя, состоящая из 31 дома, та самая новгородская колония, что основали в 1571 году беглецы, — трудно. Но то, что это,

вероятно, и она, допустить можно. И уже совершенно несомненно, что это лишь одно из русских поселений, которых, вполне вероятно, было несколько.

Хочется подчеркнуть: и сейчас, когда прошло более века после ухода русских с Аляски и Алеутских островов (а Калифорнию мы покинули еще раньше), там далеко не стерлись следы пребывания наших предков. Автору этих строк в 1942 году довелось побывать на острове Уналашка, на военно-морской базе Датч-Харбор. На берегу бухты стоит алеутский поселок Иллюлюк — бывшая русская деревушка, созданная промысловиками-охотниками в 1760— 1770 годах.

Деревянные дома, похожие на старинные избы, тянутся вдоль единственной улицы, белая трехэтажная колокольня, небольшая каменная церквушка с медным крестом на главе-луковице. А на окраине поселка древним памятником стоят на деревянных лафетах две уральского литья пушки.

Местных жителей (алеутов) выселили в то время на архипелаг Александра, мы их не видели. Но гид наш, американский лейтенант Чейз, говорил, что они сохранили русские имена, фамилии, а отчасти и язык, и православную веру, которую исповедовали некогда жившие здесь русские.

При стоянке в Сан-Франциско группа советских подводников посетила бывший форт Росс, расположенный в 30 милях от города, возле Русской речки. Прошло 100 лет, как отсюда уехали русские. Но в бывшем поселке остались бревенчатый склад и деревянная церковь. Ежегодно 4 июля сюда съезжаются американцы русского происхождения на гулянье и молебен.

Казалось, будто наши были здесь совсем недавно, и виделось, как они уходят. Как собирают свой скарб, успокаивают жен и детишек, земным поклоном навсегда прощаются с обжитой их трудом землею.

Памятью о проживании русских на калифорнийском побережье остались топонимы — географические названия, разбросанные вокруг Сан-Франциско: Русская речка, Русская горка, Русский овраг, Славянка и полтора десятка других…

В целом я согласен с точкой зрения М. Чекурова, однако хотел бы высказать и три небольших своих замечания.

Освоение новгородцами Севера не следует связывать с притеснениями Ивана Грозного. Процесс этот начался гораздо раньше — еще в XI—XII веках. Известно, что уже в 1187 году на Печоре и в Югре были новгородские «данники». Югру и Печору Новгород считал своими «волостями».

И «встречь солнцу» на Руси впереди шли не служилые люди, ко прежде всего промысловики-охотники, сами добывающие «мягкую рухлядь». Было так и при освоении Русской Америки. А служилые двигались вместе с ними или после них, приводя население «под высокую государеву руку».

Главной же причиной, заставившей царское правительство «уступить» по грошовой цене Русскую Америку Соединенным Штатам, было ослабление крепостнического государства после поражения в Крымской войне (1853—1856 гг.), то есть невозможность удержать за собой территорию, на которую алчно зарилась крупнейшая колониальная держава того времени — Англия.

Что же касается влияния на новгородцев упомянутой автором западной ереси, так догадка М. Чекурова не лишена остроумия. Недаром же переселенцы называли реку Юкон Хевроном, что, кстати, хорошо видно и на карте, составленной Географическим департаментом Академии наук, где ясно читается подпись: «Хевуврень».

Л. ТИХОНРАВОВ, инженер
ХРОНИКА АДСКОЙ МАШИНЫ

Москва опустела. Остались только те, кто не мог заплатить несколько сот рублей за подводу, да те, кто решил в тяжкий час разделить участь родного города, обреченного на сдачу французам.

Еще день-два, и армия Наполеона займет Белокаменную.

…По Тверской дороге, что вела в Петербург, мчались, обгоняя друг друга, кареты, дормезы, телеги, стародавние рыдваны. Среди прочих — неприметная карета с двумя пассажирами, на чьих подорожных значилось имя самого генерал-губернатора Москвы графа Ростопчина. Один из них именовался доктором Шмидтом, другой — курляндцем Фейхнером, хотя на самом деле… На самом деле доктор Шмидт был немецкий подданный Франц Леппих, и пребывание его в России окружалось величайшей тайной. Спутник Леппиха — приставленный к нему, как «глаза и уши государевы», фельдъегерский прапорщик Иордан.

О Леппихе до нас дошли довольно скудные сведения. Известно, что он родился в 1775 году в крестьянской семье. В годы молодости Леппих занимался разными изобретениями. Так, он создал новый тип фортепьяно, а затем соорудил музыкальный инструмент, названный им «панмелодиконом». В начале 1812 года изобретатель приехал в Париж и, желая заслужить внимание и благосклонность Наполеона, предложил ему проект управляемого воздушного шара, который мог бы поднимать такое количество разрывных снарядов, что посредством их можно было бы истребить целые неприятельские армии.

Это было довольно смелое предложение. До того подобные проекты не смогли воплотить в жизнь ни известный воздухоплаватель Бланшар, ни его коллега Бриссон, автор «Мемуара об управлении воздушными шарами». Все, чего смогли добиться французы, — использовать для военных целей аэростат. В 1794 году физик Кутель поднялся над укреплениями австрийцев на недосягаемую для ружей высоту и составил подробный план вражеской позиции. Впоследствии Кутель участвовал в качестве воздухоплавателя в египетской кампании Бонапарта.

Наполеон отнесся к Леппиху как к шарлатану и приказал выслать его из Франции. Однако, узнав, что Леппих близ город Тюбингена (Германия) начал строить свой шар, велел схватить изобретателя и доставить во Францию.

Между тем Леппих обратился с предложением к русскому правительству: построить в России воздушный корабль, с помощью которого можно будет с воздуха разгромить французские войска. К тому времени война между Россией и Францией считалась уже неизбежной.

22 марта 1812 года русский посланник в Германии писал Александру I:

«…Ныне сделано открытие столь великой важности, что оно необходимо должно иметь выгоднейшие последствия для тех, которые первыми оными воспользуются… Механик Леппих после многих поисков нашел, что птицы

маханием крыльев своих делают пустоту в атмосфере, которая принуждает их стремительно расширяться в облегченном пространстве. Он приноровил начало их к шару (то есть приспособил искусственные крылья к своему воздушному шару [4])… и какое же было его восхищение, когда невступно (без перерыва) в три часа (полета) он в различных направлениях, как вперед, так и назад, по ветру и против ветра, подымаясь и опускаясь по своему произволу, сделал 45 французских миль… Леппих, видя, что мы готовимся к борьбе с французами, предложил машину и дарования свои для ниспровержения их (французов)».

Легко понять, как Александр I, мысли которого в это время занимала предстоящая война с Францией, загорелся желанием получить в свои руки средство, дающее возможность быстро расправиться с врагом.

Еще бы! Ведь механик обещал построить в течение трех месяцев 50 воздушных управляемых кораблей, причем каждый из них мог поднять команду из 50 человек и множество взрывчатых снарядов.

14 мая 1812 года прапорщик Иордан привез Леппиха в Москву. Тайным местопребыванием механика было избрано подмосковное село Воронцово.

В июне Ростопчин доносил царю, что в Воронцово приехало семь работников Леппиха — слесари и кузнецы. «Это доставило большую радость изобретателю. Так как я не хотел, из опасения разглашения тайны, нанимать в Москве еще двух кузнецов и четырех слесарей, то я отправил прапорщика Иордана в Петербург, чтобы он там нанял мастеровых. Леппиху нужно пять тысяч аршин (три тысячи шестьсот метров) тафты особого тканья».

Так под Москвой поселился человек, который занялся строительством «адской машины», предназначенной для уничтожения французской армии.

Ростопчин регулярно отписывал царю о состоянии дел по реализации проекта. Трудно было ожидать от вельможи познаний в области механики, но все-таки он оказался более знающим, чем Леппих, когда усомнился в достоинствах «адской машины».

«Шмидт уверял, что он уже тайно поднимался на маленьком шаре с полной удачей, что и служит ему ручательством, что и попытка с большим шаром непременно будет успешна. По когда он мне объяснил теорию этого удивительного шара, то я ему возразил, что тяжесть (весел-крыльев, с помощью которых Леппих хотел перемещать в воздухе свой шар) переломит пружины, и я не ошибся. Опыты, которые он делал два раза на маленьких шарах, ему не удались: рессоры (то есть пружины) ломались при первых ударах весел. Он сваливал вину на дурное качество железа. Я доставил ему лучшее — английское, которое ломалось точно так же. Наконец, он потребовал железо, из которого делают математические инструменты. Скуплены были все такие инструменты, какие только можно было найти, и опыт был точно так же неудачен».

Кроме тафты, Леппих потребовал 3200 килограммов серной кислоты и 3000 килограммов железа, которое частью предназначалось для выработки водорода (в соединении с серной кислотой), а частью — для изготовления весел-крыльев.

Помимо этого, изобретателю была отпущена очень крупная по тому времени сумма — 8 тысяч рублей — на всякие расходы.

Дабы развеять свои сомнения, Ростопчин решил тайком нагрянуть в Воронцово.

«…Для меня будет праздником знакомство с человеком, — сообщает он в очередном донесении царю, — чье изобретение сделает бесполезным военное ремесло, избавит человеческий род от дьявольского разрушителя (то есть от Наполеона), а Вас сделает вершителем судеб царей и благодетелем человечества».

Какие впечатления вынес генерал-губернатор после осмотра подмосковной резиденции немецкого механика? Самые благоприятные, о чем и докладывал :

«Большая машина будет окончена к 15 августа. Через 10 дней он произведет небольшой опыт с крыльями. Так как ограда около места сборки отдельных частей будет готова к тому же времени, то я отправлю туда двух офицеров и 50 солдат для несения охраны днем и ночью».

Тем временем обласканный государем механик не скупился на обещания. Так, помимо управляемого воздушного шара, он готовил еще один сюрприз.

«…Теперь рассказывают, — пишет Ростопчин, — что приготовляется лодка, которая будет ходить под водой».

Лодка лодкой, но уже израсходовано из казны 72 тысячи рублей, и, кажется, пора подумать о подборе экипажа для управляемого шара.

«…Они, прежде нежели отправятся к войскам, могут заранее поупражняться и приобрести навык в действиях с крыльями», — делится Ростопчин своими соображениями с царем. Следовательно, Леппих предполагал использовать на своем аэростате в качестве движителя мускульную силу. Никаких данных, относящихся к объему и размерам аэростата, до нас не дошло. Судя по количеству закупленных реактивов для газонаполнения, из них можно было получить не больше 600—800 кубометров водорода. Это позволяло поднять в воздух одного-двух человек, но никак не 50.

***

За четыре дня до Бородинской битвы главнокомандующий русской армии запрашивает Ростопчина о возможности использовать машину Леппиха в сражении под Москвой.

«Государь говорил мне об еростате, который тайно готовится близ Москвы. Можно ли будет им воспользоваться, прошу мне сказать, и как его употребить удобнее. Надеюсь дать links баталию в теперешней позиции, разве неприятель пойдет меня обходить, тогда должен буду я отступить, чтобы ему ход к Москве воспрепятствовать… и ежели буду побежден, то пойду к Москве и там буду оборонять столицу».

Какой ответ получил Кутузов — неизвестно, но известна инструкция, которую царь дал Ростопчину :

«…Составьте Леппиху экипаж для лодки (аэростата) из людей надежных и смышленых и отправьте нарочно с известием к генералу Кутузову, чтобы предупредить его. Я уже сообщил ему об этом предприятии. Ко прошу Вас поручить Леппиху соблюдать осторожность при опущении шара в первый раз на землю, чтобы не ошибиться и не попасть в руки неприятеля… Скажите ему, чтобы, опустившись на землю, принял предосторожность — поднять шар, укрепив его за веревку; в противном случае к нему могут собраться любопытные из войска, а между ними могут оказаться и неприятельские шпионы».

В ожидании того, что воздушный корабль Леппиха взлетит над Москвой и направится громить наполеоновские войска, Ростопчин 22 августа 1812 года оповестил о воздушном шаре население Москвы в одной из своих афишек, с помощью которых он, как ему казалось, поддерживал в народе бодрость и боевой дух. Правда, раскрылась тайна относительно «адской машины», но что за беда, когда ее все равно москвичи не сегодня-завтра увидят в воздухе.

«Здесь мне поручено было от государя сделать большой шар, на котором 50 человек полетят куда захотят, по ветру и против ветра, а что от него будет, узнаете и порадуетесь. Если погода будет хороша, то завтра или послезавтра ко мне будет маленький шар для пробы. Я вам заявляю, чтобы вы, увидя его, не подумали, что это от злодея; а он сделан к его вреду и погибели».

Трудно сказать, верили ли Александр I и граф Ростопчин в то, что Леппих построит управляемый корабль. Первое время, вероятно, верили. Но вот грянуло кровавое Бородинское сражение, наши войска отошли к Москве, а чудодейственная машина так и не оторвалась от земли.

За три дня до занятия Москвы врагом Ростопчин доносит:

«…С прискорбием извещаю ваше величество о неудаче Леппиха. Он построил шар, который должен был поднять 50 человек, и назначил час, когда должен был подняться… Прошло 5 дней, и ничего не готово. Вместо 6 часов он употребил целых 3 дня, чтобы наполнить газом шар, который не поднимал и 2 человек… Большая машина не готова, и, кажется, надо отказаться от возможности извлечь из нее ту пользу, которую ожидали. Я принял свои меры, и если князь Кутузов потерпит неудачу и двинется то ли в Москву, то ли в сторону, я отправлю Леппиха в Нижний Новгород без эскорта, вместе с шелковой оболочкой шара. Менее всего можно пожалеть об 148 тысячах рублей, потраченных на изготовление шара. Леппих — сумасшедший шарлатан».

В последних числах августа из Воронцова потянулся обоз в 130 подвод с частями «адской машины».

После изгнания французов из Москвы в руках русских оказался любопытный документ.

«12 сентября 1812 года. Подробное описание разных вещей, найденных в строении на даче Воронцова, близ Москвы, принадлежащих воздушному шару или «адской машине», которую Российское правительство велело сделать какому-то, по имени Шмидту, англичанину без сумнения, но называемому себя немецким уроженцем, имевшей служить будто бы для истребления французской армии и ее

амуниции. Лодка, которая должна была быть подвешена к оному шару, но которая была сожжена днем прежде вступления французских войск в Москву. Оная лодка находилась около 100 шагов от помянутого строения, имела около 50 футов длины, в ней находилось много остатков винтов, гаек, гвоздей, крючей, пружин и множество прочих железных снарядов всякого рода. Большой отруб дерева, по виду шара, который, вероятно, имел служить для образца.

В двух горницах упомянутого строения находится еще 180 бутыль купоросу; сверх оного назади и спереди дому — 70 бочек и 8 новых чанов необыкновенного сложения. В самом доме есть столярная и слесарная мастерские и некоторые нужные к оному инструменты…»

Как только незадачливый механик приехал в Петербург, он обратился с письмом к царю — просил денег на продолжение строительства управляемого воздушного шара, «дабы изобретение, по всей справедливости летучею машиною называемое, для пользы вашего императорского величества и целого света наискорее могло быть употребляемо».

Как ни странно, Александр I распорядился отпустить необходимые средства. Надзирать за работой изобретателя, обосновавшегося близ Ораниенбаума, царь поставил своего любимца Аракчеева. В карман «сумасшедшего шарлатана», как из волшебного рога изобилия, снова потекло золото. Леппих сообщает в своем письме царю:

«…воспользовавшись первым благоприятным случаем совершенного наполнения баллона, не теряя ни малейшего времени, я прилечу в Санкт-Петербург, где и постараюсь опуститься в саду Таврического дворца».

Но ни в ноябре, ни позже никуда Леппих не полетел. Через год Аракчеев по распоряжению царя передал вопрос об аэростате Леппиха на рассмотрение ученого артиллерийского комитета. Сохранилось донесение генерал-майора Вындомского, направленного в Ораниенбаум для ознакомления с ходом работ.

«Опыты над управлением противу ветра воздушных шаров, по сие время предполагаемого им действия произвести (Леппих) не мог, хотя и делал несколько раз опыты и поднимался в шару на привязях не свыше 5—6 саженей (10—12 метров) от земли… Лететь противу ветра не мог… Главное его средство, состоящее из тафтяных крыльев, оказалось недостаточным… Прожект его — летать противу ветра с их помощью, — был неудачен».

Израсходовав 185 тысяч рублей на свою затею и ничего, кроме обещаний, не дав, Леппих в 1814 году выехал из пределов России.

Впоследствии Ростопчин пытался оправдать свое рьяное участие в неудавшемся предприятии:

«Вот повесть об этом шаре, не взлетевшем на воздух, и об его презренном творце — Леппихе. Он полагал, что открыл способ по произволу управлять воздушными шарами; действительно приготовлял такой шар и, как шарлатан, требовал, чтобы его работа сохранялась в тайне. Мне говорили, что когда Леппих возвратился в Германию, то обманул нескольких купцов, пообещав им быстро

перевозить товары по воздуху с помощью своего воздушного шара…»

Б. *ШАВРОВ*

ШАРЛАТАН ИЛИ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ?

«Хроника адской машины» полностью основана на документальных источниках. Казалось бы, Леппиха на законном основании можно объявить шарлатаном. Так обычно и делали историки воздухоплавания на протяжении последних полутора столетий.

Однако попробуем разобраться без предвзятости в этом достаточно спорном деле.

Уже через год после первых полетов братьев Монгольфье появился первый проект дирижабля Менье (1784 год). В нем были все основные конструктивные части мягкого дирижабля, в том числе и воздушные винты. Не было только двигателя, в то время совершенно неизвестного. В том же году братья Робер построили и испытали аэростат с продолговатым баллоном и крыльчатыми веслами. Увы, крыльчатые весла оказались беспомощными перед стихией ветра.

После этого на протяжении четверти века сооружали только воздушные шары, иногда привязные, иногда с крыльчатыми веслами, с парусами, рулями, винтами. К тому же периоду относятся первые, хотя и безрезультатные, попытки строить мускулолеты с машущими крыльями.

Проект Леппиха был по времени вторым или третьим, но в нем содержался весьма существенный элемент новизны — нижняя ферма жесткости, примыкавшая к баллону. Это своеобразный прототип дирижабля полужесткого типа, применяемого и сейчас. Естественно, что в качестве движущих устройств оставались те же крыльчатые весла, управляемые мускульной силой людей. Хоть они себя и не оправдывали, но надежда на них еще не была потеряна.

Напряженная военная обстановка 1812 года вызвала к жизни «социальный заказ» на дирижабль как на средство увеличить военную мощь России каким угодно способом. Желаемое всеми принималось за реальное. Удивительно ли, что преувеличенные ожидания породили и преувеличенные обещания Леппиха. У кого ж не закружилась бы голова при столь мощной поддержке?

Трудностей никто себе не представлял, о них просто не хотели и думать. Никто не понимал, что путь от идеи до готовой работающей конструкции очень долог и труден. Разумеется, постройка даже одного опытного дирижабля была нелегкой задачей, а пуск целой их эскадры в считанные месяцы — предприятие невыполнимое. Но Леппих обещал, и ему поверили, поскольку хотели поверить.

Леппих был способным увлекающимся изобретателем, а не шарлатаном. Нельзя сказать, что он относился к делу несерьезно. Он строил дирижабль как мог в

тех условиях, производил опыты с малыми шарами для пробы. Один лишь размах начатого дела сам по себе вызывает уважение. Недаром же тянулись потом в Ораниенбаум 130 тяжело груженных подвод.

Конечно, не обошлось и без ошибок. Судя по тому, что ферма дирижабля (деревянная конструкция с металлическими деталями) была длиной всего 50 футов (15 метров), объем его не превосходил 800 кубометров. Действительно, больше двух человек такой дирижабль не поднял бы. Но если бы Леппих назвал эту малую цифру, ему не было бы царской поддержки. А какой изобретатель откажется от возможности реализовать свою мечту? Да и те, кто поддерживал проект, не выглядят тут близорукими и невежественными. Идея была новая, заманчивая, и воплощение ее в жизнь сулило выгоды неоценимые. Отсюда и затраты на финансирование проекта. Кстати, они не столь уж грандиозны. Если бы в наши дни строить такой дирижабль, пришлось бы организовать конструкторское бюро и производственную базу с соответствующими штатами и финансовыми расходами.

В донесении генерала Вындомского говорится, что «шар» (а иначе его и не называли) поднимался в воздух «на привязах», но его «крылья» оказались недостаточными для полета «противу ветра». Значит, дирижабль все-таки был построен и испытывался в воздухе! И если при тогдашнем состоянии техники он не мог показать лучших результатов, в этом изобретатель неповинен.

Вот и выходит, что волею обстоятельств в России впервые в мире сооружался дирижабль полужесткого типа.

И поэтому вряд ли стоит относиться иронически к «неудачливому шарлатану», как это делали до сих пор. К Леппиху надо отнестись справедливее и вывод сделать более лестный для нашего Отечества.

М. БАРИНОВ, журналист
ЗАГАДКА СЕМЛЕВСКОГО ОЗЕРА

Обоз остановился в лесу. Смолкли скрип колес и чавканье копыт по грязной снежной каше. Уланы конвоя сразу задремали в седлах. Солдаты-обозники поплотнее закутались в пеструю смесь всевозможных одежд. Остановка длилась недолго. Короткий приказ — и снова одна за другой тронулись вперед повозки, фуры, телеги, кареты. Переваливаясь через придорожную канаву, заваленную ветками и тонкими стволами осин, они въезжали в узкую просеку.

Просека выводит к маленькому лесному озеру.

Прямо от кромки леса начинается сплавина — плотно связанный из стеблей и корней плавучий берег. Он колышется под ногами солдат, и на черной поверхности озера возникают едва заметные волны.

Стучат топоры. Солдаты гатят сплавину. Саперы собирают плоты. Два плота уже плавают по поверхности озера. Идет промер глубины. На берегу — группа старших офицеров. Впереди высокий смуглый генерал в черном плаще.

— Мой генерал! — Перед генералом стоял молодой офицер, который только что спрыгнул на берег с плота. — Глубина озера на середине пятьдесят футов, у берега — тридцать пять футов. На дне, по-видимому, толстый слой ила, толщина двадцать футов…

Вдруг лес наполнился сдержанным гулом многих голосов. На просеке послышались возгласы возниц и скрип колес. Ближайшие к берегу повозки подались в сторону, и на опушку выехала кучка всадников во главе с Наполеоном.

Смуглый генерал, высоко поднимая длинные ноги в ботфортах, подошел к императору.

— Все сделано, сир.

— Что сделано? — почти выкрикнул император.

— Все готово. Глубина озера пятьдесят футов, и на дне много ила.

— Начинайте.

Наполеон круто повернул коня и в сопровождении свиты ускакал.

Простуженным голосом генерал выкрикнул команду. Солдаты, толпившиеся вокруг плотов, потащили их к воде, проваливаясь и оступаясь. Началась погрузка. Артиллерийские запряжки въезжают с гати прямо на огромный плот. Солдаты сбрасывают в воду тяжелые тюки в грубой холстине.

Через час все было кончено. Поверхность озера успокоилась…

Нужны ли поиски?

…Итак, может ли Семлевское озеро хранить в своих глубинах московские трофеи Наполеона?

19 октября 1812 года армия Наполеона покидала Москву. Значительно выгоревшая и покинутая большинством жителей Москва нанесла этой армии незримый и неожиданный удар. Без продовольствия, без регулярного снабжения, наполеоновская армада пьянствовала и мародерствовала. Выступившие из Москвы интервенты были обременены гигантским обозом, везли с собою много золотых и серебряных изделий, ценной посуды, тканей, мехов… «После полудня, — пишет в своих мемуарах сержант Бургонь, — мы двинулись в поход… Вскоре мы очутились среди множества повозок… Они шли в три-четыре ряда, и вереница тянулась на протяжении целой мили». Сержант пишет, что среди прочих ценностей, найденных в подвалах сгоревших московских зданий, он нес в своем ранце даже обломок обшивки креста с московской колокольни Ивана Великого [5]. Крест этот был сделан из дерева, окован серебряными золочеными полосами и удерживался несколькими также золочеными цепями. «Рабочая команда, плотники и другие были отряжены снять этот крест, — пишет Бургонь, — для перевезения его в Париж в качестве трофея». Сняты были и золоченые орлы с вершин кремлевских башен. Таким образом, кроме личных трофеев, обоз отступавшей армии имел и трофеи, которым придавалось особое, символическое значение. Мемуары этого, как и многих других участников похода в Россию, не оставляют сомнений, что из Москвы в 1812 году были вывезены большие ценности.

После ожесточенного сражения при Малоярославце, то есть 25 октября 1812 года, положение отступавших стало настолько тяжелым, что, как свидетельствует вюртембергский военный врач Г. Роос, «отдан был приказ поджечь и отдать в жертву пламени все, что будет оставлено на месте» [6]. При этом были взорваны даже громоздкие фуры со снарядами. 1 ноября обоз понес новые потери, на этот раз в результате нападения казаков. «Казаки… напали 1 ноября на обоз и имели некоторые успехи», — признавал в своих мемуарах Арман де Коленкур. На следующий день, когда отступавшая армия достигла района Вязьма — Семлево, положение стало для нее настолько угрожающим, что, по свидетельству того же Рооса, в Вюртембергском корпусе приказано было даже снять с древков знамена и раздать наиболее здоровым и выносливым солдатам, которые должны были спрятать их либо в своих ранцах, либо обмотав вокруг тела. Выли и другие причины, побуждавшие Наполеона сократить обоз своей армии. Из-за утомительных переходов, постоянных схваток с русскими войсками и партизанами, а также по недостатку корма количество лошадей значительно уменьшилось. Кроме того, нужно было везти с собой множество раненых.

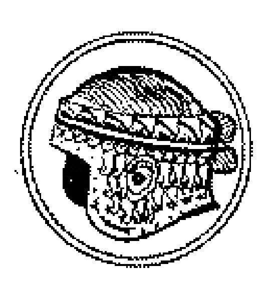
Все это указывает на такую поспешность отступления, на такое бедственное положение отступавших и на такое осознание ими грозящей опасности, что

возможность уничтожения трофеев представляется вполне реальной.

Снаряды взрывали, повозки жгли, а те из них, при которых еще сохранились лошади, предоставляли раненым. Следовательно, надежд на доставку трофеев в Париж не оставалось. Но чтобы сделать недоступным противнику большое количество ценностей, их нужно было, конечно, не взорвать, а лишь утопить, причем не в мелкой речке, какие попадались на пути отступления, а в достаточно глубоком водоеме. Им, видимо, и оказалось Семлевское озеро…

Итак, обоз с большими московскими ценностями мог быть столь же реальным, сколь и сами обстоятельства, побудившие Наполеона и его штаб к решительному ускорению бегства из России. И если армия вынуждена была взрывать боеприпасы, заведомо ослабляя свою способность к сопротивлению, то необходимость избавиться от крайне обременительного груза, требовавшего сильной охраны, представляется очевидной.

Мы думаем, что есть все основания считать Семлевское озеро хранилищем московских трофеев Наполеона, и поиски там этих трофеев заслуживают самой активной поддержки.



Ф. ШАХМАГОНОВ,
писатель
КОГО ЖЕ ПРЕДАЛ РЯЗАНСКИЙ КНЯЗЬ ОЛЕГ?

Работая над романом-хроникой о становлении Московского государства во времена Димитрия Донского и о победе русского оружия над золотоордынским ханом Мамаем, я задумался над ролью великого рязанского князя Олега Иоанновича в событиях тех лет.

В исторической науке еще со времен, когда историками нашими были летописцы, утвердилось без какой-либо тени сомнения, что князь Олег в решительный час борьбы русского народа за освобождение от ига золотоордынских ханов изменил общерусскому делу, вступил в союз с ханом Мамаем и литовским князем Ягайлой против Москвы, а позже выдал Москву хану Тохтамышу.

От участия в Куликовской битве уклонился не только рязанский князь, уклонились великий тверской князь Михаил Александрович и Дмитрий Нижегородский, тесть Димитрия Донского. Их не обвиняют летописцы в измене, относя их позицию к обычной княжеской усобице, Олег же представлен нам изменником. Вслед за летописцами историки прошлого столетия и в наше время продолжают утверждать, за редчайшим исключением, что Олег Рязанский предатель. «Это было полным предательством русской земли и именно так сознавалось русской летописной историографией». Так утверждают Б. Греков и А. Якубовский в своей книге «Золотая Орда и ее падение» (М., 1950, с. 291; текст А. Якубовского). Книга «Золотая Орда и ее падение» получила высокое признание, авторам присуждена была Сталинская премия. Труд этот серьезный, хотя написан неровно, особенно слабыми нам представляются тексты А. Якубовского. Мы не можем снять упрек за изложение исторического материала, ибо и изложение есть оружие историка. Однако суть сейчас не в этом. Справедлив ли такой вывод, справедлива ли оценка действий Олега — самого значительного из рязанских князей русского средневековья?

Историк не имеет права в своих исследованиях целиком полагаться на свидетельства современников событий, не учитывать, что и у летописцев могли быть свои пристрастия, могла иметь место и неосведомленность об истинных мотивах поступков того или иного исторического лица.

Историк сверяет записи в летописи с логическим ходом исторического процесса. И здесь историки могли найти подтверждение своей версии о предательстве Олега. Сама по себе политическая обстановка того времени подводила, казалось бы, к изменническим действиям рязанского князя. XIV столетие отмечено на Руси ожесточенной феодальной междоусобицей. Возвышению и укреплению могущества Московского княжества сопротивлялись с оружием в руках князья суздальские, тверские, нижегородские, рязанские. Стороны не стеснялись в

средствах борьбы. Убийства, предательства, нарушение клятв и договоров были обычным делом. Очень часто соперничающие стороны обращались за помощью к золотоордынским ханам, приводили на русскую землю ордынские вооруженные отряды. О страданиях и бедах народных князья не сожалели, грабежи и насилия были нормой эпохи. В муках, из дикости и кровавого мрака междоусобицы и братоубийств вырывалась русская государственность. Слабое, едва ощутимое биение пульса на руке тяжелобольного, вот-вот могло остановиться сердце, прекратилась бы подача здоровой крови, и живой организм погиб бы, отравленный ядами разложения. Еще немного, и оборвались бы те связки, которые когда-то оказались цементом фундамента величественного здания Киевской Руси, а затем Владимирского и Суздальского княжеств.

Цементом этим было трудолюбие, усердие и доброта народа, добывающего средства к жизни работой на земле, охотой, рыболовством, ремеслом, торговлей, а не грабительскими набегами на соседние племена.

Русь родилась для мирных занятий, ее народу достались просторные земли при распределении, которое не зависело ни от правителей, ни от климатических катастроф. Природа не одарила ее тропическим изобилием разливов Нила, ни благодатным летом в круглый год междуречья Тигра и Евфрата, ни ласковыми муссонами Средиземного моря, ни оливковыми рощами Италии и Греции. Суров был ее климат, незавиден край, скудна земля. Наши далекие предки жили трудом, а не кочевкой из одного оазиса в другой, что сопровождалось кровавыми расправами одних кочевников над другими. Что выжег, выкорчевал, отнял у леса, то и твое. Суровая зима заставляла израни подумать и о стенах жилища, и о крыше, и об очаге, в котором всегда горел бы огонь.

Нелишне будет здесь мимоходом сказать, что у тех воинственных племен, которые создали наступательные конфедерации кочевых орд, унижением считался всякий труд на земле, даже и рыболовство и охота. Основатель ордынских завоеваний Чингисхан провинившихся ссылал в тайгу жить охотой и промыслом. Это считалось тяжким и позорным наказанием.

Русь поднимала меч только для защиты от кочевых племен, которые набрасывала на нее неистощимыми ордами Великая и Бесконечная степь, простершаяся от Великой Китайской стены и до устья Дуная.

Бранные дела несвычны были славянам, потому и возникла легенда, что княжить — по тем понятиям, водить в бой вооруженные дружины — были приглашены на Русь варяжские витязи, те воинственные викинги, которые с суровых и бесплодных берегов Норвегии, из своих орлиных гнезд, метались по всей земле воевать и грабить мирные народы.

Сначала князь лишь предводитель дружины. Но тот, у кого сила, у того и власть. Наследственное право на власть не могло не породить вражды родов, вражда родов породила раздробленность Руси, которую ловко использовала дипломатия Золотой Орды.

Сначала на Руси действовали центробежные силы, растаскивая ее на удельные клочки княжеств. Иное княжество и было-то всего лишь городком не более

современного села. Затем, под воздействием социальных и нравственных влияний, начали действовать центростремительные силы. Через сто пятьдесят лет после завоевания Руси Батыем в центре русских земель, вокруг Москвы, стали собираться национальные силы возрождения. Но соседние князья суздальские, тверские, рязанские почитали за собой не меньшее право стать собирателями общенациональных сил, не ставили свои роды ниже рода князей московских по княжеской родословной, которую принято вести от киевского князя Ярослава Мудрого.

По этой родословной рязанский князь Олег Иоаннович был худороднее московского князя и его княжество по ярлыкам ордынских владык числилось так лее Великим, как Московское и Тверское.

Родоначальником князей рязанских был Ярослав Святославич, внук Ярослава Мудрого. Князь рязанский Олег Иоаннович, о котором здесь речь, был потомком в десятом колене Ярослава Святославича.

С Олега Иоанновича Рязань получила наименование Великого княжества.

Не сразу Рязанское княжество заняло такое значительное место в ряду русских княжеств. Славой гремели города Киевской Руси, простерлась колонизация, предпринятая киевскими князьями, на владимирскую и суздальскую землю, а Рязань еще даже и не упоминалась в летописях. Первым упомянул ее в своих записях Нестор-летописец под 1098 годом. Это было еще до того, как появился на свет Ярослав Святославич, родоначальник рязанских князей. Упоминание о Рязани отнюдь не означает, что именно в этом году она и возникла. Возникла она ранее, но как ранее этого, нам сейчас установить не дано.

Возникновение ее надо отнести к процессу колонизации необжитых лесных районов северной Руси вдоль торговых путей. Ока была водной артерией, по которой двигались торговые караваны на ладьях к Волге, а по Волге в богатые восточные царства.

Русские князья ставили по реке опорные крепости. Муром тогда был более сильной крепостью, чем Рязань. Постепенно на памяти внуков и правнуков Ярослава Мудрого роли этих городов переменились. Рязань возвысилась, Муром превратился в захолустье.

Батыево нашествие в 1237 году обрушилось прежде всего на Рязань, на рязанского князя Юрия, на праправнука Ярослава Святославича. Ни один из русских князей не откликнулся в тот год на призыв рязанского князя о помощи против иноземного нашествия. Юрий принял удар в одиночку, был разбит, а Рязань, тот город, с которого пошла рязанская земля, сожжен и разграблен.

Сейчас это место косит название Старая Рязань, До сей поры сохранилась часть земляного вала, которым был обнесен город.

Рязанцы после разгрома переместили свой центр в город Переславль, значительно выше по течению Оки, в места более лесистые и не столь доступные для ордынской конницы.

Княжеский стол Олега Иоанновича утвердился в Переславле, Переславль при

нем же получил наименование Рязань.

Рязанские князья и рязанцы не могли не запомнить черного предательства соседних князей, когда грянула беда над рязанской землей. От разорения Рязани и мученической смерти рязанского князя Юрия Игоревича до вокняжения деда Олега Иоанновича, князя Александра, прошло менее ста лет, все было живо в памяти. В сознании рязанских служивых людей и рязанского боярства отложилось значительным отпечатком это предательство и только усугубляло их обособленность от северных княжеств.

Придется нам все время держать в памяти при рассмотрении затронутого вопроса и расположение рязанской земли, пограничное со степью, в которой распоряжались не только золотоордынские ханы, но и мелкие ордынские князьки, беги и нукеры. Не всегда инициатором набега на Русь был сам хан Золотой Орды, мелкие набеги совершались без его ведома и без его воли ордынскими князьками, темниками, бегами и даже ордынскими шайками грабителей. Отразить иной раз такой набег дружине рязанского князя не составило бы труда, но Олеговы предшественники оглядывались: а не вызовет ли гнев самого хана уничтожение его воинов?

Тверь и Москва поднимались из пепла, также тревожимые ордынскими набегами и грабежами, но до Москвы и Твери дойти могли только значительные отряды, на Рязанщине хозяйничали и мелкие шайки. В своей политике рязанские князья не могли, и никто бы им не дал из их ближайшего окружения, игнорировать свое пограничное положение. Любой отомстительный удар Золотой Орды пришелся бы прежде всего по рязанским землям, по рязанцам, принес бы прежде всего разорение Рязани.

Но мы не можем отбросить и чувств рязанцев.

Нигде, пожалуй, не накопилось такой ненависти к Золотой Орде. Ни о каком сочувствии к золотоордынским ханам в Рязанском княжестве говорить не приходится. Нравственное понимание действительности мы, так же как и экономику, не можем сбрасывать со счетов, разбирая то или иное историческое событие.

Отец Олега, рязанский князь Иоанн Александрович, умер, когда сыну его было не более 12 лет. Естественно, что княжить самостоятельно в таком возрасте Олег не мог. Под его рукой правили Рязанским княжеством рязанские бояре (некая разношерстная и несогласная, конечно, коллегия, раздираемая противоречиями и соперничеством боярских родов).

Московское княжество в это время переживало трудное время. Пронеслась над северными землями «черная смерть», может быть, чума. От «черной смерти» умер могущественный московский князь Симеон Гордый. Москва была в расстройстве.

Рязанское княжество к тому времени было сильно утеснено Москвой, некоторые исконные земли рязанских князей, такие, как Коломна и Лопасня, перешли к князьям московским. Рязанские бояре не замедлили воспользоваться бедами Москвы и организовали поход на отъем Лопасни в 1353 году. Димитрий Иоаннович был в то время еще в младенческом возрасте. Княжил его отец Иоанн,

брат Симеона Гордого. Великий князь Иоанн рано умер, всего лишь тридцати трех лет (в 1359 году). Летописец дает ему характеристику кроткого и тихого князя.

При этом кротком князе рязанцы и овладели Лопасней, заложив на будущее расплату за дерзость. Летописец, рассказывая о захвате Лопасни, упоминает об Олеге такими словами: «Князь же их Олег Иоаннозич еще был млад». Великий князь московский Иоанн Иоаннович оставил рязанцев в покое, смирившись с потерей Лопасни.

Рязанцы тоже приутихли, ибо и к ним пришла «черная смерть». Сколь долго она терзала рязанскую землю, мы не знаем. В относительной тишине проходит почти десятилетие.

Заметим, что к этому времени Олегу Иоанновичу должно было перевалить за двадцать. Могло ему быть двадцать два года — двадцать пять лет.

В 1365 году (князь московский Димитрий в то время еще состоял под опекой московских бояр) на рязанскую землю совершил набег ордынский князь Тагай. На Переславль он наскочил внезапно, захватил город, сжег его, ограбил, ограбил посады и ближние волости и пошел в Орду.

Олег Иоаннович впервые показывает нам свой характер. Он призвал на помощь дружины князей пронского и козельского, погнался за Тагаем, настиг его под Шишевским лесом и разбил наголову. Тагай едва ушел живым сам-друг.

Логика событий имеет свои законы. Подняв руку на ордынского князя, Олег Иоаннович должен был искать себе союзника против той силы, которую затронул.

До нас не дошло ни договорных грамот, ни сообщений летописцев, каким образом Олег Иоаннович вступает в союз с Москвой после враждебной вылазки его бояр на Лопасню.

До нас доходит известие, что в 1370 году Димитрий Московский выступил против литовского князя Ольгерда. В войсках Димитрия числятся полки рязанского и пронского князей. Литовский князь Ольгерд вторгся во главе войска, в котором состояли и ордынские воины, вместе с ним пришел на Русь и его сын Ягайла. Сражения не произошло, Ольгерд испугался московского войска и запросил мира.

Немалую роль в таком повороте событий сыграла именно помощь рязанцев.

Что же происходит на первых порах княжения Димитрия и Олега? Они вместе. И у того и у другого одни и те же враги, против которых они выступают рука об руку, закладывая вражду со своими противниками не на год и не на два.

Однако вопрос о приоритете Рязанского или Московского княжества еще не решен. Олег и Димитрий молоды. Мы не сможем сбрасывать со счетов соперничество московского и рязанского боярства. От приоритета их князей зависит и их приоритет. Советчики всегда более агрессивны, чем государи. В 1371 году рязанское боярство попыталось повторить лопасненский вариант с отторжением от Москвы прежних своих владений. Советчики побудили Олега попытаться отбить у Москвы Коломну.

Предлогом такого вторжения был спор о Лопасне.

Олег хотел закрепить за собой результат прошлого налета и обратился к Димитрию с требованием за помощь против Ольгерда скрепить договором переход в Рязанское княжество Лопасни.

Однако Димитрий не был склонен с такой легкостью разбрасываться приобретениями своих предков. Димитрий отказался и упрекнул Олега, что его войска не остановили Ольгерда, когда тот грабил окрестности Москвы, а лишь вышли на границу княжеств.

Летописец в своде Никоновской летописи сообщает:

«Рязанцы, свирепые и гордые люди, до того вознеслись умом, что в безумии своем начали говорить друг другу: не берите с собою доспехов и оружия, а возьмите только ремни и веревки, чем было бы вязать робких и слабых москвичей».

На основании указаний о ремнях и веревках историки пытались сделать вывод, что это было новым оружием у рязанцев, перенявших у ордынцев арканы. Я не спешил бы с такого рода выводами. Аркан как оружие известен на Руси давно, с печенежских времен, применялся русскими воинами в первых походах на Византию. Вообще изыскание в каждом слове летописца какой-то живой конкретности дело неверное. Летописи писались в монастырях, часто людьми, почти и не выходившими за стены монастырей. Многие записи зависели от темперамента летописца, от игры его воображения или от общей осведомленности в исторической обстановке. Между строк в летописи скорее можно прочесть общий настрой, сопровождавший то или иное событие. Здесь в летописи звучит явная издевка московского летописца над рязанцами, самоуверенность московита. Вместе с тем не князь Олег обвиняется в произнесении хвастливых речей. Так что мы вправе считать, что летописец передавал настроение рязанцев, которые могли, помня об успехе под Лопаской, подтолкнуть своего князя на новое выступление против Москвы.

Князь Димитрий сам не пошел на Рязань приводить ее в чувство, а послал своего воеводу Димитрия Михайловича Волынского, выдающегося русского полководца того времени.

Димитрий Волынский разбил рязанские полки. «Тщетно махали рязанцы веревочными и ременными петлями, они падали как снопы и были убиваемы, как свиньи. И так Господь помог Великому князю Димитрию Иоанновичу и его воинам: одолели рязанцев, а князь их, Олег Иоаннович едва убежал с малою дружиной».

Ременные и веревочные петли, арканы, скорее свидетельствуют не о том, что рязанцы переняли этот вид оружия у ордынцев, а вообще о плохом вооружении рязанского воинства сравнительно с московским.

Для чего применялись арканы и, точнее, против кого? Против воина на коне с легким вооружением и легкими доспехами арканы успеха, как правило, не достигали. Не применялись они никогда против пехотного строя. Это оружие достигало эффекта только против тяжеловооруженного всадника, закованного в латы, на коне, защищенном панцирем. Отсюда мы могли бы заключить, что московское войско становилось регулярным, хорошо вооруженным воинством, его конный строй просто сметал плохо вооруженных всадников и не подготовленную к

отражению тяжелых латников пехоту.

Битва при Скорнищеве, верстах в пяти от Переславля, раз и навсегда показала Олегу Иоанновичу, что с Москвой ему отныне не тягаться, а надо дружить. Верность дружбы в тех условиях определялась только соотношением сил: слабый был вынужден быть верным сильному.

Олег после битвы бежал из стольного города, этим не замедлил воспользоваться его соперник князь Владимир Пронский. Он сел на рязанском столе. Олег убежал в Орду, заручился поддержкой ордынского темника Салахмира, вернулся в Рязань с ордынской дружиной. Владимир Пронский без сопротивления ушел из Рязани.

Темник или мурза — это еще не хан, московский князь мог вмешаться в распрю пронского и рязанского князей и выступить в защиту Владимира Пронского против Олега Рязанского даже и в Орде. Но Димитрий Иоаннович не счел нужным это делать, полагая, что в распре с Москвой виновен не столько князь, сколько рязанские бояре, и на этот раз поддержал побежденного его войском Олега. Он не мог не видеть, что рязанцы не желают иметь на столе пронского князя, что Олег личность значительная и лучше иметь его союзником, чем врагом, тем более что Москву тревожила Тверь в большей степени, чем Рязань. Димитрий Иоаннович примирил рязанского и пронского князей и заключил оборонительный и наступательный союз с Олегом. До нас текст этого договора не дошел. Однако на него имеются ссылки в договорных грамотах, заключенных позже Димитрием Иоанновичем с Ольгердом (1372 год) и Михаилом Тверским (1375 год). Договорная грамота с Ольгердом в числе союзников московского князя упоминает Олега Рязанского и Владимира Пронского. Грамота с Михаилом Тверским обозначает Олега Рязанского великим рязанским князем и устанавливает его третейским судьей между Москвой и Тверью.

Сообщений о вражде или усобице между Олегом и Димитрием в летописях более не появляется. Мало того, летописи сообщают, что Москва встает на защиту Рязани от ордынских набегов.

Первый большой набег ордынские князья совершили в 1373 году. Они пожгли и разграбили волости Рязанского княжества и ушли, лишь только им стало известно, что из Москвы на помощь Рязани выступили московские полки. Но Димитрий Иоаннович и его двоюродный брат Владимир Андреевич Серпуховской на этот раз опоздали. Они не увидели даже хвостов ордынских коней.

В 1377 году совершил весьма ощутительную диверсию против русских княжеств некий царевич Арап-ша. Сначала он двинулся на Нижний Новгород, войско московского князя попыталось остановить его движение на реке Пьяне. Однако при войске не было ни Димитрия Иоанновича, ни его прославленного воеводы Димитрия Волынского. Московские воеводы проглядели движение войск Арапши, внезапным налетом он их разбил, пограбил Нижний и кинулся на Рязань. Пока Димитрий собирал войско, Арапша успел взять Рязань и разграбить город. Сам Олег едва спасся, израненный стрелами. Думаю, что и это обстоятельство не могло отложить в душе Олега симпатии к ордынским захватчикам.

На владения московского князя Арапша покуситься не посмел, для отмщения

Орде сил у рязанского князя не было.

Хан Мамай, фактический глава Орды, разгневался за эту робость на Арапшу. Арапша был убит в Орде, а в 1378 году Мамай послал темника Бегича наказать московского князя и привести его в полное подчинение.

Олег сообщил Димитрию о движении ордынского войска на Рязань, его лазутчики донесли, что на этот раз движется сильное войско, что это не просто грабительский налет.

Бегич двигался очень быстро. Димитрий не успел собрать ополчения со всей земли, некогда было приглашать и соседних князей. Он двинул навстречу московские полки, призвав на помощь дружины Олега и дружины пронских князей.

Встреча произошла на рязанской земле на берегу реки Вожа. Бегич потерпел полное поражение. Почти все, кто с ним пришел, полегли на поле боя. Мамай тут же собрал войска, которые оказались у него под рукой, и кинулся на Русь. Ему удалось разграбить лучшие города Рязанского княжества, но двинуться на русское войско, стоявшее на Оке преградой к Москве, он не решился и отступил.

Олег вернулся к разоренной земле. Летописец сообщает, что надо было заново строиться, «понеже вся земля бысть пуста и огнем сожжена».

Не это ли могло породить симпатии у Олега к Золотой Орде?

Оставалось только от ненависти сжать зубы и ждать часа для мести, ждать часа освобождения от этих злых бедствий. Наверное, не меньшую ожесточенность к врагам испытывали и рязанские бояре, и рязанские служилые люди, все население рязанского края. И никто не сомневался, что избавление от этих грабежей и смертоубийств может принести только прочный и надежный союз с Москвой.

Между тем из Орды поступали тревожные известия. Мамай скликал войско со всех своих земель, приглашая для похода на Русь и наемников: не только из числа степных племен, но и генуэзцев из Кафы. Орда поднималась всей своей силой.

Мы приближаемся к тем решающим событиям, позиция в которых Олега Иоанновича и вызвала обвинение его в черной измене общенациональному движению за освобождение от ордынского ига.

Олег к тому времени достаточно даже и лично

испытал, что такое Орда, теперь лее он знал, что за Вожу, на которой его дружины сражались в одних рядах с московским войском, милости от Мамая ему не ждать. Несколько иначе могли рассуждать рязанские бояре, им могло показаться, что каким-то образом можно откупиться от ордынского гнева» Оки могли, наконец, рассчитывать и на простейшее для них решение: на отстранение Олега. Таких примеров во взаимооотношениях с Ордой было достаточно.

Перед Олегом встала дилемма: либо незамедлительно выступить с дружиной в Москву и присоединиться там к войску Димитрия, тем самым отдав на полное разграбление рязанскую землю, или, ловко маневрируя, усыпить бдительность Мамая и отвести его первый удар по рязанской земле до прихода к месту возможной битвы войск Мамая и Димитрия. Он не мог не видеть, что решение покинуть

рязанскую землю с дружиной вызвало бы негодование жителей рязанской земли, подняло бы на заговор бояр и его просто могли бы убить. Но всякое маневрирование, всякая дипломатическая игра с Мамаем не могли остаться неизвестными для Димитрия, такой шаг действительно мог поставить Олега в положение изменника, и войско Димитрия до того, как придет Мамай, могло без помех уничтожить Олега.

Мы не знаем, какими клятвами был скреплен союз московского и рязанского великих князей на Воже, где они бились в одних рядах против Бегича. Несомненно одно: Димитрий доверял Олегу и не пресек его дипломатических маневров.

Дипломатические маневры Олега начались с тайных переговоров с Мамаем. Олег предложил выкуп. такого размера, каким платила Рязань при хане Узбеке, и вооруженную помощь войску хана против войска московского князя. Мамай принял условия Олега. У хана родился план военного вторжения на Русь. Он предложил Олегу вступить одновременно в военный союз с литовским князем Ягайлой. Ордынские войска движутся с юга. Если московский князь выходит к ним навстречу, то Олег и Ягайла дают ему удалиться от московских пределов в степь и в момент начала сражения обрушиваются на московское войско с тыла.

Мамая не устраивала осада каменного Московского

Кремля, ему хотелось встретиться с Димитрием в открытом поле, где можно было бы использовать все преимущества удара ордынской конницы.

Завязав переговоры с Мамаем, Олег поспешил уведомить московского князя о надвигающемся нашествии. Летописцы не сообщают, что Олег открыл и свои тайные переговоры с Мамаем. О таких вещах и не могло быть известно летописцам. О такой игре князья могли договариваться только с глазу на глаз.

В то же время Олег посылает своего посла, все того же боярина, который вел переговоры и с Мамаем, Епифана Ксреева к Ягайле. Епифан Кореев заключает союз с Ягайлой и договаривается о встрече рязанского войска и литовского.

Мамай переправился через Воронеж и начал кочевать вдоль реки, совсем не торопясь двигаться на Москву.

В то же время из Литвы выступил с войском князь Ягайла и стремительно двинулся к Оке, именно к южным окраинам Руси.

Двинулись полки и московские из Москвы навстречу Мамаю.

Дошли до Коломны, до переправ через Оку. Ока уже не единожды была в войнах с Ордой рубежом, на котором останавливались грабительские набеги. Удобное расположение войск для обороны по водному рубежу, крепостные стены Коломны и стены других крепостей могли помочь московским полкам держать оборону. Нет же. Димитрий не останавливается в Коломне и идет…

Вот тут опять перед нами встает вопрос: почему не на Рязань? Историки предполагают, что именно в Коломне могла окончательно открыться Димитрию измена Олега. В Коломну сошлись почти все подручные Москве князья, дружин Олега не было.

Если бы Димитрий был уверен, что Олег замыслил предательский удар в спину, что тогда диктовала ему логика военных действий? Только одно. От Коломны до Рязани один переход, всей силой Димитрий мог навалиться на Олега и уничтожить его дружину, чтобы нечем было ударить врагу по его тылам.

Нет же! От Коломны Димитрий поворачивает в обход рязанской земли на Лопасню и переправляется через Оку, спокойно подставляя свой левый фланг под возможный удар Олеговых дружин. Летописцы особо отмечают, что Димитрий приказал проходить по рязанской земле тихо, не обижать никого из рязанцев. Для войска того времени приказ немаловажный.

Итак, на левом фланге остается «изменник Олег». А что же с правым флангом?

Димитрию известно, что почти параллельно его движению идут войска литовского князя Ягайлы.

Очень медленно идут на соединение с московскими полками дружины Владимира Серпуховского и брянские дружины. Они своим движением как бы преграждают путь Ягайле на Москву, если бы он вдруг изменил свои намерения и решил бы напасть на незащищенный стольный город. Владимир Серпуховской и брянские дружины, также союзные Димитрию князья литовские Андрей Полоцкий и Димитрий Трубчевский подходят с еще большей затяжкой, они появляются только у самого Дона.

Почему же?

Именно потому, что стратегическая полоса правого фланга московского войска имела решающее значение во время всего перехода тяжеловооруженных московских пехотных полков к Дону. Удар по тылам конницы Ягайлы мог причинить больше беды. Так сдерживали Ягайлу до самого Дона.

Но вот войско московского князя переправилось через Дон и выстроилось для решающей битвы в треугольнике Дона и Непрядвы.

И Димитрий, и все его воеводы отлично были осведомлены, что войско Ягайлы находится всего лишь в одном переходе от поля сражения. На что же они теперь могли рассчитывать, на какую силу, что могло бы отвести от них удар в спину Ягайлы? За Доном никакого резерва для отражения этого удара не оставлено. Не было оставлено никакой силы и для отражения в спину удара, если бы двинулись на московские полки войска Олега.

Заметим, что в условия договоренности Ягайлы с Олегом входило обязательство вступления в бой только после соединения их дружин.

Итак, московские полки выстроились спиной к Дону, открыв свои тылы. По фронту перед ними все войско Золотой Орды. Сзади две враждебные дружины Олега и Ягайлы. Почему же спокоен за свой тыл Димитрий и его многоопытные воеводы, почему спокоен Димитрий Волынский, искушенный полководец?

Объяснить это можно только одним, Димитрий Иоаннович доподлинно знал, что Олег не ударит ему в спину. Мало того, Димитрий доподлинно знал, что Олег не выполнит условия с Ягайлой о соединении дружин, Димитрий также знал, что, если

Ягайла двинется ему в спину, его остановит Олег.

Однако, получая такую тайную поддержку, за нее так же тайно и надо платить. Чем же платил Олегу московский князь?

А весь поход от Оки к Дону, выход на рубежи южнее рязанских границ, тем самым и оборона на этот раз рязанской земли от неминуемого разгрома — разве это не плата? Димитрию, имея в тылу Ягайлу, ой как было неспокойно за Москву, оставленную без защиты. Но с выходом за рязанские границы, обороняя рязанскую землю, он приобретал надежнейшего союзника.

И для Олега вся эта сложная и хитроумная ситуация — поддержка против рязанских бояр, если бы настаивали они на активных действиях против Москвы.

Да, рязанские бояре могли восстать против того, чтобы рязанские дружины покинули Рязань и отошли к Москве, но, когда войска встали на свои места и московское войско заслонило их земли от врага, они не могли не понять, что выгоднее защищать тыл московских полков, чем надеяться на милость исконного и злейшего врага.

Мамай разбит, войско его рассеяно. Победители возвращаются в Москву. В ужасе бежит с русской земли Ягайла, оставляя летописцам оценку своего похода: «Никогда же убо бываше Литва от Рязани учима, ныне же почто язь в безумие впадох». Димитрий имел достаточно сил, чтобы теперь-то обрушиться на изменника Олега и покарать его всей силой своего удара победителя. Ничего подобного не происходит. Опять же в обход рязанских земель уводит он свое победоносное войско в Москву, приказав никого из рязанцев не трогать.

Спрашивается: так кого же предал Олег? Димитрия или Мамая и Ягайлу?

Однако то, что открывается нашему взгляду с высоты сегодняшнего дня, то, что было известно Димитрию из тайного соглашения с Олегом, совсем иначе могло быть расценено участниками и свидетелями события.

Огромны были потери московского войска, погибли близкие товарищи и родные тех, кто возвращался с поля боя после боевой изнурительной страды. Как они, эти люди, могли расценивать поведение рязанцев, что, кроме досады оно могло у них вызвать? Приказ отдан рязанцев не трогать, но приказ этот выполнить пожелали далеко не все. Не могли не сорвать своей досады многие воины и бояре на рязанцах. В ответ рязанцы оказали сопротивление, многих московских воинов взяли в плен и ограбили.

Это уже накладывало тень на отношения москвичей и рязанцев, я умышленно не говорю, что это наложило тень на отношение Димитрия к Олегу. Этого не заметно нигде и нигде не фиксируется в источниках с полной достоверностью.

Но не только в войске бродило недовольство рязанцами. Летописец сообщает: «Великому князю донесли, что Олег Рязанский посылал свою силу на помощь Мамаю, а сам переметал на реках мосты; бояр и слуг, которые поехали с Донского побоища сквозь его землю, он велел ловить, грабить и отпускать нагих».

Напрасно мы полагали бы, что и в те времена не существовало общественного

мнения. Оно было, и князь не мог с ним не считаться. Но ни одного враждебного действия в отношении Олега московский князь не совершает. Однако и объяснить истинную роль Олега, его дипломатические и военные маневры по каким-то нам неизвестным соображениям не считает нужным. Никому еще не ведомо, что последует за Донским побоищем, не соберут ли новые силы Мамай и Ягайла, время раскрывать лазутчика во вражеском стане не наступило. Димитрий не делает враждебных шагов против Олега, но и не делает дружеских жестов. Они оказались и не нужны. Те самые бояре, которые подталкивали Олега на измену, бегут в Москву с поклоном Димитрию и просьбами о прощении рязанцев.

Того и нужно Димитрию. Нужно, чтобы бояре, а не Олег пришли к нему за миром и союзом.

В 1381 году, когда обнаружилось, что Мамай погиб в Кафе от руки союзных ему когда-то генуэзцев, Димитрий подписывает договор о союзе с Олегом на самых выгодных условиях для московского княжества.

Олег признает Димитрия старшим братом и приравнивает себя к Владимиру Андреевичу Серпуховскому, получившему прозвище Храброго после Донского побоища.

Очень знаменательное соглашение. Младшим братом признать великого князя рязанского не составило для Димитрия затруднений, но как его приравнять к герою Куликовской битвы, к главному помощнику Димитрия в разгроме Мамая, человеку, покрывшему свое имя неувядаемой славой, не только храбростью, но и верностью знамени Москвы? Как это мог воспринять гордый князь серпуховской?

Принял. Ибо, как самый близкий человек Димитрию, знал, конечно, какую роль играл Олег в союзе с Мамаем и Ягайлой, и по достоинству оценил его действия.

По этому договору определены границы княжеств с преимуществами для Москвы. Олег отказывается от союза с Ягайлой и обязуется действовать заодно с Москвою в отношениях к Литве, Орде и русским князьям. Как мы видим, Олег без всяких упреков после так называемой измены принят под руку Димитрием Иоанновичем. Так ли поступил бы по тем жестоким временам великий московский князь с настоящим изменником?

Остается нам рассмотреть еще один эпизод в деятельности Олега, который также вменяется ему в преступление и измену.

Тохтамыш, одолев Мамая и захватив власть в Золотой Орде, решил исполнить то, что не удалось Мамаю: привести опять в повиновение Русь.

Тохтамыш вошел в историю как незаурядный полководец, ему чуть было не удалось вновь возвысить Орду. Он убивает всех русских купцов в Орде, задерживает торговых гостей из других земель, тайно и стремительно бросает свое войско на Русь. Но как ни стремительно двигался Тохтамыш, его опережают дозорные рязанского князя из скрытых застав и притонов на дорогах из Орды на Русь.

Это так называемые сакмагоны, воины на быстроногих конях, которые выслеживали по следам от конских копыт, куда и как движутся ордынские всадники в степи.

Олег немедленно передает об этом известие в Москву. Под рукой у Димитрия мало войск после тяжких потерь на Куликовом поле. Он оставляет гарнизон в каменном Кремле в Москве и отъезжает в Переславль-Залесский собирать полки с нижегородской, суздальской, белозерской земель.

А Тохтамыш вот он уже, на границах Рязанского княжества!

Что страшнее Димитрию: удар Тохтамыша по северным землям, где собираются полки для его отражения, или наступление Тохтамыша на каменную крепость, оснащенную к тому времени пороховыми пушками? Страшнее, если Тохтамыш помешает собрать полки. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что Димитрий оставил супругу и детей под защитой кремлевских стен. Они потом выехали из Кремля, но вопреки княжеской воле.

Олег с Тохтамышем вступает в ту же игру, что и с Мамаем. Ему надо отвести Тохтамыша от рязанской земли и направить его удар по ложному направлению. Он идет навстречу Тохтамышу и, ссылаясь на свою дружбу с Мамаем, предлагает свои услуги быть проводником ордынских войск к Москве.

Тохтамыш доверился Олегу, пошел за ним к Моск-Ее и наткнулся на каменную крепость, оснащенную пушками. Попытки взять штурмом крепость не увенчались успехом. Все преимущество внезапности потеряно Тохтамышем у стен Кремля.

В эти дни успевает собрать войско Владимир Серпуховской, собрал новую рать и Димитрий. Еще несколько дней, и Тохтамышу пришлось бы ни с чем отступить от Кремля. Тохтамышу помогли истинные предатели. Князья нижегородские Василий и Семен взяли на себя черное дело: они уговорили москвичей открыть ворота и начать переговоры с Тохтамышем о выкупе. Тохтамыш предательски ворвался в Кремль и устроил резню и грабеж. Летописец сообщает, что было убито 25 тысяч москвичей. Разве мог Димитрий предусмотреть, что защитники Кремля допустят себя так глупо обмануть?

Тохтамыш получил известие, что к нему подходит войско Владимира Серпуховского, Он стремительно убирается с московской земли, а по пути нещадно разоряет рязанскую землю. Не поверил в верность Олега!

Так кого же и здесь предал Олег? Димитрия или Тохтамыша? Провел через броды на Оке? А разве не нашлось бы и других проводников, разве нижегородские князья Семен и Василий не знали дорог на Москву? Они-то как раз и пытались уговорить Тохтамыша идти на Переславль и брать там московского князя.

Но опять же то, что знают и понимают Димитрий и Олег, не знают и не. понимают ни их приближенные, за редким исключением, ни их подручные, ни их дружины, ни их летописцы.

Можно понять отчаянное положение Олега Иоанновича. Не изменник, а лазутчик, москвичи же клеймят его изменником. Рязанцы в неистовстве от Тохтамышева разорения и требуют от князя, чтобы потери были покрыты за счет Москвы.

Здесь происходит что-то малопонятное с Олегом, его поступки могут быть объяснены только отчаянием и воздействием рязанских бояр. Он кидается в поход

на московские земли. В первых стычках с московскими сторожевыми отрядами он одерживает верх, но понимает, что если продолжать вторжение, то последует тяжелая расплата. А свои рязанцы давят на него, требуя решительных действий против Москвы. И тут Димитрий выказывает удивительную терпимость. Он не шлет против Олега воевод, а выставляет посредником для переговоров с Олегом игумена Троицкого монастыря Сергия Радонежского, который и ранее выступил в роли миротворца между князьями. Сергию московский князь мог доверить ту тайну, которая связала его с Олегом.

Сергий едет в Рязань и оговаривает условия вечного мира и союза между Москвой и Рязанью. Летописец представляет эту миссию как умиротворение чудным старцем свирепого князя. Это и понятно, летописцами были религиозные писатели и выражали церковную точку зрения на события. А действовал здесь авторитет Сергия, который он заслужил на Руси, после его миссии должны были замолкнуть в Рязани враждебные Москве голоса.

В 1386 году подписан договор о вечном союзе Москвы и Рязани.

А как же быть со свидетельствами об измене Олега?

Остается нам обратиться к главному свидетелю обвинения и защиты, к самому великому московскому князю Димитрию Иоанновичу. Свидетельствовал он о своем благорасположении к Олегу не словами, а делом. В. 1387 году он отдал свою дочь Софью за сына Олега Иоанновича Рязанского — Федора.

А как он дочь-то свою сумел убедить, что выдает ее замуж к друзьям, а не к смертельным врагам?

Стало быть, нашлись у Димитрия Московского доводы в защиту Олега Рязанского.

Находились эти же доводы и у некоторых русских историков. Первым поднял голос в защиту Олега русский историк XVIII столетия князь Щербатов.

Русский историк Арцыбашев весьма критически оценил высказывания об Олеге московских летописцев. Он писал: «Обстоятельства этой войны так искажены витийством и разноречием летописцев, что во множестве прибавок и переиначек весьма трудно усмотреть настоящее».

Вслед за ними усомнился в измене Олега историк прошлого столетия Д. Иловайский. В своей «Истории Рязанского княжества», изданной в 1858 году, он писал: «Но между тем что же делал Олег, когда перед его глазами свершалось великое событие? Неужели, сидя в своем Переславле, он только мучился раздумьем в ожидании развязки? На этот раз мы позволяем себе о многом догадываться и приписываем рязанскому князю не последнюю роль в этом событии. Обезопасив себя со стороны Мамая наружным видом покорности, он, в сущности, и не думал способствовать его успехам; напротив, более основания предполагать, что Олег совсем не был чужд общерусскому патриотизму и от души желал татарам поражения, потому что оно могло избавить Россию от ненавистного ига».

А. НАДИРОВ, научный сотрудник АН СССР

СТАРЫМ ПОВЕСТЬ, А МОЛОДЫМ ПАМЯТЬ…

Сама попытка заново переосмыслить личность великого князя рязанского Олега Ивановича представляется крайне гуманной и благотворной, ибо речь идет о восстановлении доброго имени человека, сыгравшего немалую роль в судьбе нашей Родины.

Россия — диковинная страна… То ли слишком щедра она на таланты, то ль по другой какой-либо скрытой причине, но лихо порой в ней приходится сыновьям ее. И где б еще такого композитора, как Чайковский, подозревали в сентиментальности, Тургенева молча признавали банальным, а о великом биологе Н. И. Вавилове слышал далеко не каждый десятиклассник? Вот и государственным деятелям нашим не очень везет на благосклонность иных наших историков: московские собиратели земли русской кажутся им фигурами скучными и унылыми, а все Рюриково племя на протяжении нескольких сотен лет, за редчайшими исключениями, — чем-то вроде праздных, пустых и грубых разбойников с большой дороги, и только.

А между тем были и среди князей наших удельных люди наизамечательнейшие, Олег Иванович — среди них…

В потомстве ему не повезло, это правда. Летописи, не сговариваясь, именуют его изменником; более того, две из них — Ермолинская и Львовская — обозвали князя Иудою: может ли быть пакостнее хула для русского человека? Доказательствами особыми летописи себя не утруждают, и здесь не знаешь: то ль это в корысть Олегу, то ли против него — а ну коль о чем-то хорошо известном в ту пору в веках и забылось? Так что, если б по отношению к историческим лицам применялась «презумпция невиновности», Олег давно б был уже посмертно реабилитирован (или оправдан за недостаточностью улик), однако память народная — с ней не поспоришь…

Будем же справедливыми, разберемся. Доводы Ф. Шахмагонова основательны, хотя и не все они имеют значение одинаковое. Мало о чем, например, говорит свадьба Олегова сына: женился же князь Константин Тверской на дочери московского князя Юрия Даниловича, немало сил приложившего, чтоб отправить в могилу его отца. И то, что в известном договоре признает себя Олег младшим братом московского князя, не свидетельствует еще об обоюдном княжеском сердцелюбии, это же юридический термин, определяющий обязанности одного князя перед другим, и не больше. Таким же братом был провозглашен и князь Михаил Тверской, основной соперник и пожизненный враг Димитрия, не единожды водивший литовские полки на Русь, за что его не очень-то похвалил аж собственный тверской летописец; да, братом — и когда же? Когда потерпел решительное поражение от московских войск. И то, что поздним летом 1380 года князь Димитрий велел своим полкам мирно и тихо идти сквозь рязанскую землю, характеризует нам не столько Олега, сколько великого князя московского, его отношение к родной стране, государственную предусмотрительность. Так же пощадил он за пять лет до

того и Тверь.

Но что же есть истина? Предатель или не предатель? Союзник Димитрия или не союзник? Думается: вопроса «или — или» здесь быть не может. «Я — Бог, я — червь…» — писал поэт, так не спросишь же: кто ж ты, собственно, — бог, червь?..

Олег был личностью достаточно противоречивой, но противоречия его жизни, увы, не очень-то противоречат одно другому. «На Олеге, — размышляет Д. И. Иловайский, — очень ясно отразились современные ему княжеские стремления к собиранию волостей. Видя, как два главные центра, в Северо-Восточной и Юго-Западной России, притягивают к себе соседние волости, он хочет уничтожить эту силу тяготения и стремится инстинктивно создать третий пункт на берегах Оки, около которого могли бы сгруппироваться юго-восточные пределы…» К тому же все — от происхождения и традиций до личной заинтересованности — бросало Олега на борьбу с Москвой. Потомок мятежного рода князей черниговских, он не мог не испытывать острой боли горькой завистливости при одной мысли об удачливых выскочках из недавно еще захудалой Москвы, освятивших себя памятным сиянием ненавистного черниговским Рюриковичам киевского престола. То, что уже Калита называл себя государем «всеа Руси», Олег и думать не хотел, зато хорошо помнил, что возвышение Москвы началось с коварного отторжения от Рязани Коломны.

Вообще положение рязанского князя было трагическим. Естественное: враг моего врага — мой друг — для него не существовало. Союзников, друзей у него не было; Олег воевал со всеми и везде: с москвичами, с литовцами, с татарами, да что там: и в самой столице своей не чувствовал он себя прочно, приходилось ему проливать и рязанскую кровь. Вот отчего его поступки порой кажутся совершенно бессмысленными, непоследовательными (не скажем — неумными: в его безумии, как говорится у классика, была своя логика). Логика же эта выглядела так: хорошо — это когда всем другим становится хуже. Хуже Москве, хуже Литве, хуже Орде. Несчастная Рязань была слабее своих соседей, так не будем же излишне строга к ее отчаявшемуся правителю. Да, Олег интриговал против Москвы, он пользовался любым случаем, чтобы нанести урон потомкам Александра Невского. Москва своим неудержимым, стремительным ростом вызывала у Олега бешеную тоску. В народе-то вскоре заговорят: «Кто думал-гадал, что Москве царством быти, и кто же знал, что Москве государством слыти…» Олег Иванович, может, и знал, да во многом знании много печали. Вот и дерзил он Москве и откровенно и потайно, как умел в нужное время (хоть и не всегда удачливо получалось) схватиться и с Ордой и с Литвою, да ведь за Рязань (где против него же из Москвы поднауськивают князей пронских), за свою-то Рязань… Лишь однажды, пожалуй, изменил князь Олег этому своему правилу. Предал, может быть, собственные свои принципы. Может быть. Однажды, потому что перед Тохтамышем склонился Олег с всепокорностью, однако и в Димитрия Донского за гибель Москвы через два года после Куликовской победы можно легкомысленно бросить камень. Именно легкомысленно, чего проще быть умным через шестьсот лет. Но эти «может быть» и «однажды» пришлись на 1380 год, на миг, блеснувший над тихой Непрядвой зарницей, осиявшей каждого русского. Вот здесь-то, в одном лишь пожалуй, мгновении, и решение судьбы Олеговой, и все, что делает гипотезу Ф. Шахмагонова справедливой без всякой, как это ни парадоксально, зависимости от того, что же на самом деле хотел сам Олег.

По словам древней повести «Задонщина», Димитрий Иванович обращался к своему брату Владимиру, говоря о поле Куликовом: «…пойдем тамо, укупим животу своему славы, учиним землям диво, а старым повесть, а молодым память, а храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольем за землю за русскую и за веру крестьянскую».

Олега не было на Куликовом поле. И хорошо, что не было. Время случилось для князя трудное. Он, возможно, раньше всех познакомился лично с Мамаем, когда последний в 1363 году объявился на рязанских границах со своими кочевьями. Но ранее знакомство вроде б не принесло дружбы, стон стоял от татар на рязанской земле, последний раз кровавые пожарища озарили ее в 1378 году. И это после славной победы на Воже, а ведь жалкому вражескому отряду не сумел противостоять тогда Олег, не было сил. А были ль теперь? Теперь, когда с громаднейшим воинством направлялся Мамай на Москву, лениво прогуливаясь, выжидая, вдоль реки Воронеж? Не было таких сил у великого князя рязанского, и не верил он, что у великого князя московского они есть. Здесь-то, кто знает, Олег и вступил в позорный союз с Мамаем, но, вступив, послал о Мамае весть князю Димитрию (ну уйдет потом Мамай, а Димитрий-то, от Мамая ухоронившись, здесь, рядом), так, весточку о грозящей опасности. Весть, впрочем, в Москве не необходимую: и без хорошо поставленной разведки (а она — и агентурная, и войсковая — работала у князя московского отменно) Мамаю со скопищем его всадников намерения свои было б не уберечь. Что будет делать Димитрий? — спрашивает себя за соперника Олег. Драться или уйдет на север? Собирает войска. Там, в Москве, а Мамай — здесь, под боком, и на помощь к нему — Ягайло. Олег все еще ищет своей выгоды, и, может, тогда-то у него и блеснула странная надежда: уговорить вместе с Ягайлой Мамая уйти в Орду, а самим разделить надвое, коли сбежит Димитрий, Московское княжество: «ово к Вилне, ово к Рязани» (за что автор Сказания о Мамаевом побоище упрекнет их двоих в «скудоумии»). Но Димитрий не собирается бежать «в далныа места», в Москве созывают полки.

Теперь оставим на время Олега Рязанского и обратимся в Москву. Можно по-разному думать об Иване Калите, но он обеспечил своей вотчине сорок лет спокойной от вражеских набегов жизни, и за это время взросло два поколения, не страшащихся завоевателей. Ныне они поняли, зачем они родились. Как ни велики б были раздоры среди различных русских земель (а за время с 1228 года и до «официального» создания Русского централизованного государства северной Руси пришлось вынести около ста внутренних усобиц и 160 внешних войн), русские люди всегда сознавали единство своей страны, своей культуры, свое собственное единство. Сейчас наступал срок воплотить, что может оно наяву.

Волей судьбы выразителями этого единства стали московские князья. Их поддержала и русская православная церковь Так уж совпал момент. Первые монгольские завоеватели были известны своей веротерпимостью. К Батыю русские первосвященники пришли с поклоном и объявили, что «вся власть от бога», обязавшись силою церкви держать русский народ в покорности ордынским властителям. Шло время. В Орде взял перевес ислам со всей своей нетерпимостью к христианству. Резко изменилась позиция русских первосвященников. Теперь русская православная церковь в лице ее ведущих деятелей выступила как сила,

объединяющая русских людей против иноверцев. Последнее для того времени не так уж и мало, особенно если учесть, что именно церковь чаще всего была тогда выразителем общественного мнения, о котором упоминает и Ф. Шахмагонов. Причем церковь не останавливалась перед крайними мерами в своей поддержке политики московских князей, порой предавая их против-пиков проклятию или закрывая в мятежных городах храмы.

Князь Димитрий вступил на великокняжеский престол младенцем, детство и отрочество его прошли под большим влиянием мудрого государственного деятеля: митрополита Алексея — русского по происхождению. Не меньшее воздействие на Димитрия оказывал и преподобный Сергий Радонежский, основатель Троице-Сергиевского монастыря, человек, которого «особым нашего Российского царствия хранителем и помощником» назвал Петр Первый, знавший толк в державных делах.

Много размышлявший об историческом предназначении русского народа, о его доброй миссии в судьбе человечества, один из образованнейших людей своего времени, Сергий Радонежский сумел разъяснить Димитрию Ивановичу его жизненную задачу: явить возможность политического высвобождения и объединения русских земель. Надо было показать русским людям тот простор, куда хотелось бы неудержимо стремиться. Было необходимо озарить их сердца надеждой, искра этой надежды и сверкнула над Куликовым полем, немеркнущая искра. Нравственная сила Сергия была огромна; как пишет С. М. Соловьев, «мы видели Сергия грозным послом для Нижнего Новгорода, не повинующегося воле московского князя, тихим примирителем последнего с озлобленным Олегом Рязанским, твердым увещевателем в битве с полками Мамаевыми».

Время донесло до нас не только имена славных военачальников, обессмертивших свое имя участием в великом деянии, мы знаем имена и простых людей, бившихся на Куликовом поле. Юрка Сапожник, Васюк Сухоборец, Сенька Быков, Гридя Хрулец…

Это о них же сказал князь Димитрий, когда пытались его ближние бояре отговорить от непосредственного участия в схватке: «Да како аз възглаголю: братие, потягнем с единого, а сам лице свое начну крити или хоронитися назад? Но якоже хощу словом, тако и делом пред всеми главу свою сложити за хрестьяне, да прочии, видевши то, да, приимуть дерзость». Да, это была битва, где все были равны: от великого князя до Сеньки Быкова. Но если всенародный характер битвы с Мамаевыми полчищами был ясен каждому ополченцу, мог ли не осознать его — пусть даже поздно, слишком поздно, — хитроумный рязанский князь?

У нас нет данных, говорящих о секретном соглашении Олега с Москвою. Но сам-то он? Да, вся жизнь его была беспокойна, как беспокоен и зол был удел его деда и отца. Всю жизнь Олег пытался отомстить врагам за старые обиды, но лишь прибавлял себе новые. Он не был плохим человеком, Олег, и его политика по отношению к Москве была следствием постоянного раздраженного недоумения: почему? Пройдут века, и историк М. П. Погодин заметит, что целые княжества подпали под власть московских князей, «повинуясь силе какого-то естественного тяготения». Олег чувствовал эту, силу, но не понимал ее сущности и не хотел с ней смириться. Иловайский заметит потом, что у Олега не было под собой «твердой

исторической почвы», ему приходилось действовать в условиях, когда «отдельная личность, как бы она ни была высоко поставлена, не может создать что-нибудь крепкое, живучее». И Олег страдал от своего творческого бессилия, догадываясь о причинах собственных неудач и скорбя душой за родную Рязань, вечно теснимую.

Но не слишком ли Олег отождествлял себя с рязанской землею, не слишком ли родные его обиды и личная свобода казались ему общими обидами и свободой простых людей его княжества? Народ, как укажет уже историк И. Е. Забелин, «тянул к Москве под защиту властей», ему некогда было думать о каких-то свободах, когда думы все были «только о насущном хлебе да о безопасности от сильных людей…». И прав был народ. «Как только присоединяется тот или иной удел к Москве, дело кончено: тверитянин, рязанец такой же истый подданный Московского царства, как и самый коренной москвич: он не только не стремится отторгнуться от Москвы, даже не помнит, был ли он когда в разрозненности от других московских областей, он знает только одно — что он русский». Но и это не XIV век, а XIX, это слова Чернышевского, да ведь не читал же никого из вышеупомянутых ученых мужей Рязанский Олег, чтоб покорно понять свое поражение. А если б и читал, не признал бы.

Не читал, но в августе 1380 года понял. Понял, когда донеслись до него, вроде б союзника Мамая и Ягайлы, в Переславль-Рязанский колокола с московских звонниц: нет, не просто войско князя московского выходит через кремлевские ворота, выходит рать всенародная — и какой же горькой и долгожданной радостью содрогнулось тут сердце князя рязанского.

Хотелось бы заметить — мысль, что Олег состоял в тайном договоре с Димитрием, допустима, логична и изящна, однако это не единственно возможное объяснение его поведения. Впрочем, у Димитрия великолепно действовала разведка, причем сообщения разведчиков дублировались, а из самой Золотой Орды непрестанно шли донесения от ордынцев христианского вероисповедания. Вполне возможно, Димитрий решил использовать Олега для дезинформации противника. Так, кстати, он использовал какого-то неизвестного нам мурзу из ближайшего Мамаева окружения, передавшего хану заведомо неверные данные о численности русских войск как раз накануне сражения.

И еще: «Задонщина» упоминает о семидесяти рязанских боярах, павших на поле Куликовом. Бояре простыми ратниками не служили, значит, было рязанцев гораздо больше? С кем, чьи? Сражение это крепко отдалось и в душах рязанцев, недаром же рязанец Софоний и автор самой повести.

В защиту предположения Ф. Шахмагонова можно было б выдвинуть и следующую идею: татарские ханы постоянно сеяли рознь среди русских князей. Эта их тактика давно уже стала шаблоном и ни для кого не являлась секретом. Секретной она казалась только татарам. И вполне реально, что на Руси могло быть принято решение: подослать Мамаю своего агента, раз уж тот будет его искать; роль эту и пришлось сыграть князю Олегу, Мамай же лишь угодил в сети, которые сам же пытался расставить.

Но и подобная идея — всего лишь предположение, исходящее из того, что

очень уж хорошо знали в Москве своих противников.

А знали действительно хорошо.

Настолько хорошо, что, изучая историю похода русских войск к Куликовому полю, поражаешься: как же все глубоко продумано! От организации марша с созданием комендантской службы на переправах (впервые в истории военного искусства) до выбора места и времени столкновения с Мамаем. Ведь именно на Куликово поле хотели прийти — и пришли. И характер Ягайлы учитывали, зная его ленивый и трусоватый нрав, догадывались: не полезет Ягайло в бой, цель его похода — грабеж русских земель, а не рискованная схватка с войском князя московского. И даже то, что татары прорвутся на левом фланге, предполагали, и Непрядву оставили за спиной, чтоб в нее же прорвавшихся врагов сбросить. И сбросили же. Будто по карте все в Москве рассчитали.

Ни одной мелочи, ни одной случайности, все расписано, учтено.

Но быть справедливыми так уж быть справедливыми. Кратчайший путь из Коломны на Куликово поле лежал через Рязань. Димитрий не пошел на Рязань, но оттого ли, что Олег был его тайным союзником? Дружина Олегова не представляла опасности для Димитрия, но марш-бросок на Рязань мог заставить Олега податься в объятия Мамая. Есть и еще одна причина, заставившая русских двинуться из Коломны долиной Оки. Когда русская рать 30 августа форсировала Оку, она находилась от места будущего сражения в 125 километрах- Ягайло и Олег — примерно в 115 — на равном удалении от Димитрия. Ближе всех находился к Куликову полю Мамай. Решив разгромить в первую очередь самого сильного противника, московский князь не мог не предусмотреть возможности того, чтоб его действия разобщили Мамая и Ягайлу и не дали возможности им соединиться. Не сомневаюсь, что, узнав о маршруте войск Димитрия, Ягайло оказался перед фактом возможного столкновения с ним лицом к лицу. Это-то и заставило его действовать выжидательно, что оказалось на руку московскому князю и полностью деморализовало Ягайлу. А за свой левый фланг Димитрий мог не опасаться: не Олеговой дружине было сейчас с ним тягаться,

Но если вернуться к традиционной точке зрения на недоброчтимого Олега, чтоб понять, почему он в сентябре 1380 года отсиживался в Переславле-Рязанском, то, поняв, нельзя не простить. Хотя силы Олега были скудны, трусом он не был; отчего ж беспокойный князь оцепенел вдруг в странном бездействии?

Как уже было сказано, прозрел Олег: на Мамая рать движется общерусская. И не разорение несет она рязанской земле, но достоинство. Не тогда ли и стал князь Олег пособником Димитрия, когда защемило его душу величием общерусского подвига? И в этом-то и заключалась замечательная нравственная победа стойкого князя Димитрия и мудрого чернеца Сергия, в этом глубина их стратегического политического расчета. Вспомним-ка Гоголя: «Но у последнего подлюки, какоз он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он… об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою… >

Князь Олег подлецом не был, и жила в нем крупица русского чувства. Так кого

же он предал? Не Мамая же — врагов земли своей предать нельзя.

И не Ягайлу: немыслимо предать сообщника по скудоумному сговору, того, что сам готов предать тебя первым, что Ягайло объективно и сделал, отказавшись от участия в битве.

Не Димитрия и русских воинов: на поле Куликовом Олег не воевал против них, какими б причинами это ни было б вызвано.

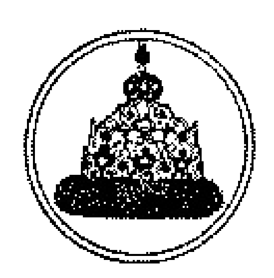
Но один человек, коего предал Олег Рязанский, есть. И человек этот — сам он, Олег, удельный князь. Пройдут годы, сын его женится на дочери князя Димитрия, а внук в 1456 году, умирая, по словам летописи, «княжение… свое рязанское и сына своего Василия» прикажет московскому князю Василию II.

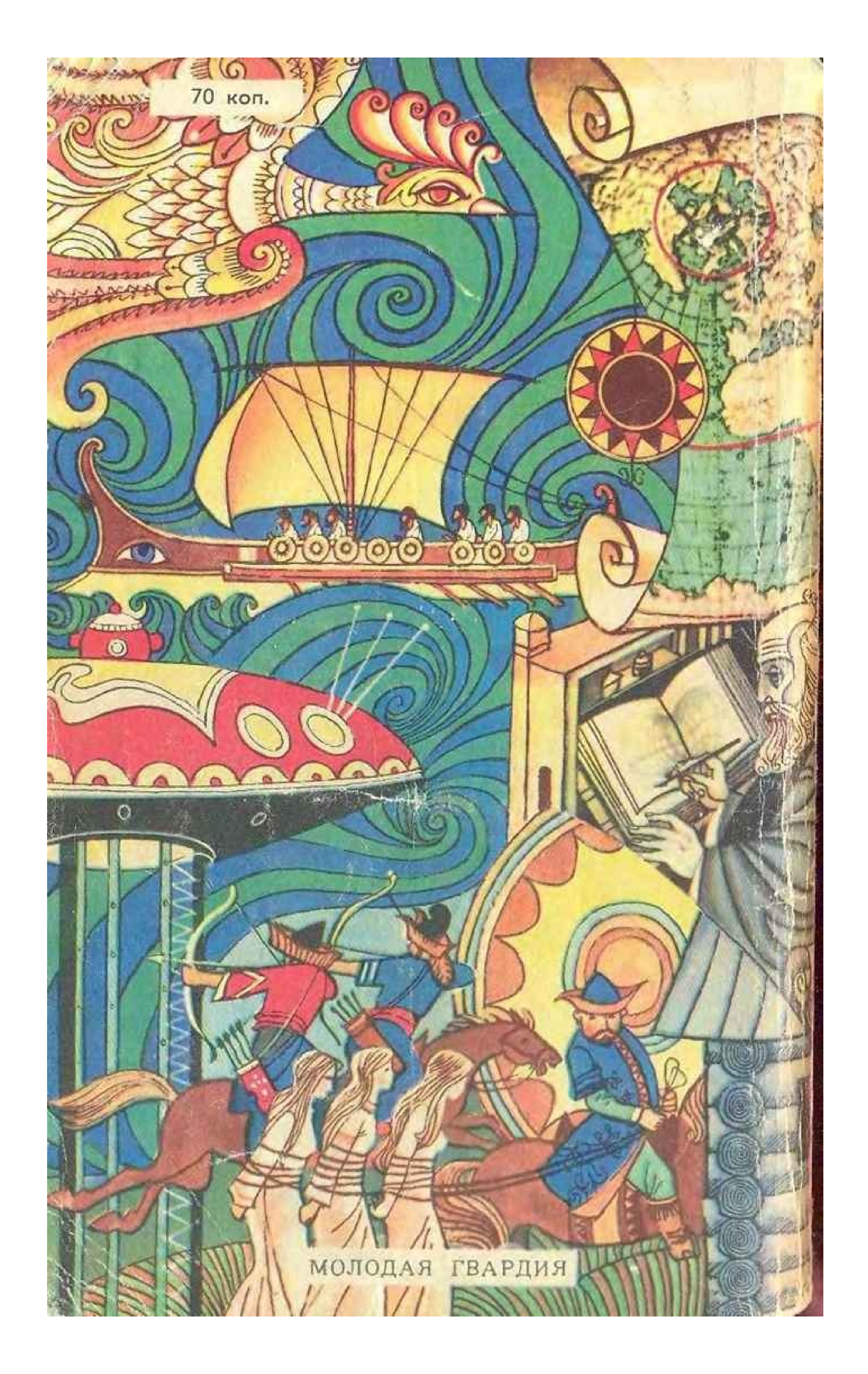
Это-то и видел Олег, сидя в Рязани, — то, что не распознал Мамай с Красного Холма, из своей ставки: через Дон-то переправлялись полки последнего великого князя Древней Руси; а когда над кроткой Непрядвой расползся медленный утренний туман, чермное великокняжеское знамя реяло уже над войсками первого государя нарождающейся России.

Одна эпоха сменила другую, здесь, 8 сентября 1380 года, пали в бою за отчизну первые великороссы, те самые, о национальной гордости которых спустя пять веков напишет В. И. Ленин. Те самые, о которых писал, как и о героях войны 1812 года, при посещении Ясной Поляны Л. И. Брежнев, потому что и участников Куликовской битвы сближают с советскими людьми «…высокие чувства патриотизма и геройства, один и тот же дух правды и справедливости, готовность отдать жизнь за честь и независимость Родины».

И день этот навсегда с нами, день рождения современного русского народа; недаром в годину недавних нелегких испытаний Верховный Главнокомандующий назвал Димитрия Донского нашим великим предком.

Так кого, повторим наш вопрос, предал Олег? Себя? Старую Русь во имя новой? Мелкие постыдные дрязги ради искупления исконной, вековечной, общенародной мечты? Честь ему и хвала ему, какие б слезы ни текли из его глаз в день Куликовской битвы.




70 коп.
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

notes

Примечания

1

В. Б. Ш а в р о в. История конструкций самолетов в СССР до 1938 года. М, «Машиностроение», 1969, с. 559.

2

«М а х а б х а р а т а» («Сказание о великой битве бхаратов») — величайший памятник древнеиндийского героического эпоса. «Махабхарата» состоит из 18 книг и в восемь раз превосходит по своему объему «Илиаду» и «Одиссею», вместе взятые. Автором «Махабхараты» считают легендарного мудреца Вьясу. Время создания «Махабхараты» уходит в незапамятную древность.

3

Асуры — буквально «светозарные»: данавы, дайтьи и подобные им существа, враждующие с сурами, или богами.

4

Здесь и далее все примечания в скобках мои. — *А. Т.*

5

Пожар Москвы и отступление французов, 1812 год. Воспоминания сержанта Бургоня. Изд. А. С. Суворина Спб., 1898, с. 61.

6

Генрих Роос. С Наполеоном в Россию. Москва, изд-во «Сфинкс», 1912, с. 193.